

А.В.МИШУЛИН

АНТИЧНАЯ
ИСПАНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

А.В.МИШУЛИН

АНТИЧНАЯ ИСПАНИЯ

ДО УСТАНОВЛЕНИЯ
РИМСКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
В 197 г. ДО Н.Э.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1 9 5 2

Ответственные редакторы:
проф. С. М. УТЧЕНКО и Я. А. ЛЕПЦМАН

ОТ РЕДАКЦИИ

В основу книги покойного А. В. Мишулина «Античная Испания» легла его докторская диссертация. Тема, избранная для исследования А. В. Мишулиным, до него в нашей отечественной историографии совершенно не разрабатывалась, несмотря на то что население Пиренейского полуострова играло значительную роль в судьбах античного мира. Только по инициативе А. В. Мишулина группа молодых советских историков, прежде всего его учеников-аспирантов, начала заниматься древней Испанией. Работы всех этих ученых и, в первую очередь, самого Александра Васильевича печатались в основном в довоенных и частично в послевоенных номерах «Вестника древней истории», создателем, организатором и многолетним редактором которого был А. В. Мишулин. В частности, значительная часть ВДИ, № 2 за 1939 г. посвящена публикации литературных и археологических памятников Иберии.

Таким образом, А. В. Мишулину полностью принадлежит инициатива в разработке нового для советской историографии и важного раздела древней истории. Александр Васильевич был не только инициатором, но и организатором изучения античной Испании в нашей историографии. Прежде всего необходимо отметить его многолетние труды по собиранию, публикации и разработке всевозможных источников по древней истории Пиренейского полуострова. Он прекрасно понимал, сколь громадную ценность представляют для историка памятники материальной культуры. Лучшим доказательством его внимания к археологии может служить данная работа, значительная часть которой основана на интерпретации археологических памятников. Ярким свидетельством его шрудий является составленный им большой трехтомный альбом материальных памятников Иберийского полуострова, в котором на 200 таблицах размещены снимки нескольких тысяч археологических

находок. Иллюстрации в книге, равно как и пояснительный текст к ним, взяты из этого альбома.

Диссертация Александра Васильевича писалась и заканчивалась в тяжелое военное время, частично в эвакуации. В послевоенные годы А. В. Мишулин, наряду с заведованием сектором древней истории Института истории АН СССР, редактированием «Вестника древней истории» и чтением курса в МГУ, вел большую работу в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). Все эти напряженные занятия, поглощающие много времени и сил, не дали Александру Васильевичу возможности вернуться к изучению древней Испании и внести какие-либо изменения в текст диссертации. За последние 40 лет и особенно с 1950 г., после выхода в свет гениальной работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», советская историческая наука продвинулась далеко вперед, и А. В. Мишулин, несомненно, многое дополнил бы и переработал в своей диссертации перед тем, как выпустить ее в свет. Редакторы же книги не считали себя вправе в сколько-нибудь значительной степени менять или дополнить текст работы покойного и ограничились только некоторыми ссылками на новые работы, сверкой отдельных глав диссертации со статьями А. В. Мишулина, печатавшимися уже после защиты в «Вестнике древней истории», и самой необходимой редакцией текста рукописи.

ВВЕДЕНИЕ

Античная Испания, или Иберия, была первой римской провинцией, завоеванной вне Италии и прилегающих к ней островов Сицилии и Сардинии.

После Второй пунической войны Испания, включенная в 197 г. в римскую провинциальную систему, еще долгое время оставалась незамирной, отстаивая свою независимость в ожесточенной борьбе с Римом на протяжении почти двух столетий.

Столь упорное сопротивление древних иберов римскому завоеванию являлось предметом неоднократного внимания как античных, так и позднейших историков. Длительному сопротивлению Испании можно противопоставить быстрое завоевание Галлии, осуществленное Цезарем в течение нескольких лет.

Отдавая должное свободолюбивому характеру и патриотизму иберов, как античные, так и позднейшие историки проходили мимо общественного строя и своеобразия древней иберийской культуры в значительной мере потому, что не располагали для этого достаточным материалом: античные авторы, наиболее подробно освещавшие быт и нравы древних иберов, были современниками Империи; они не знали древней культуры полуострова периода ее расцвета в V—III вв. до н. э. и оставались лишь на интересовавших их пережитках первобытно-общинного строя, все еще сохранявшихся в стране после ее романизации.

Исследование древней культуры иберов и более полное изучение их общественного уклада стало возможным лишь в свете новейших археологических открытий конца XIX и начала XX в. Но в то время как задача изучения иберийской культуры в значительной мере разрешена, исследованием общественного строя почти не занимались, а то, что в этой области сделано, требует коренного пересмотра с позиций марксистской методологии.

Археологические открытия конца прошлого и начала нашего века в Испании по-новому осветили древнейшую историю европейского Запада. Пиренейский полуостров оказался не только той территорией, где были обнаружены шедевры реалистической живописи первобытного человека, но и ареной передовой культуры Западной Европы в доклассический период, процветавшей на полуострове в век железа (VI—III вв. до н. э.). Эта культура называется иберийской по имени народа, создавшего ее.

Иберийская культура просуществовала на полуострове в течение нескольких веков до римского завоевания. Последовательный в своей политике унификации завоеванных территорий и подавления покоренных народов, Рим полностью заглушил только что окрепшие ростки культуры иберов, достигнув полной ее ассимиляции с римской культурой эпохи Империи. После этого времени говорить об иберийской культуре не представляется возможным.

Часть первая

АНТИЧНАЯ ИСПАНИЯ
В ИСТОЧНИКАХ
И ИСТОРИОГРАФИИ

Г л а в а I

СВЕДЕНИЯ ОБ ИСПАНИИ В АНТИЧНОЙ МИФОЛОГИИ

Три центра античной цивилизации выступают перед нашим взором при самом беглом взгляде на карту Средиземноморья. Это Балканский, Апеннинский и Пиренейский полуострова. Замыкая Средиземное море с востока, запада и севера, эти полуострова образовывали, по выражению Энгельса, «культурную полосу античности». На Балканах сложилась и расцвела древняя Греция с ее прекрасным эпосом и искусством, раскрывающим нам «... детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее»¹; на Апеннинах — культура древнего Рима, впитавшего в себя богатое наследие эллинской цивилизации; на Пиренеях — своеобразная, хотя и мало развитая, но глубоко оригинальная по содержанию, иберийская культура.

Более чем на протяжении полутора веков непрерывно исследуются эти три очага древнейшей культуры, но до сих пор еще остаются невыясненными многие стороны истории этих рабовладельческих цивилизаций древности. По мере разрешения одних выступают другие, новые проблемы. Кажется бы, обстоятельно изученные Греция и Рим исчерпаны для научно-исследовательской мысли, но новые факты, новые открытия, а иногда новая точка зрения на уже известные события древности, вновь вдохновляют исследователя, оплодотворяют творческую мысль, дают новый толчок развитию исторической науки.

При изучении, например, древнейшей истории Балканского полуострова, обитавших здесь народов и соприкасавшихся с ними культур еще до сих пор продолжает оставаться загадкой так называемая эгейская, или крито-микенская, культура, с ее неразшифрованными письменами. Все попытки высказать категорическое суждение о характере эгейской культуры не идут дальше более или менее остроумных догадок. Ведь на основании одних только вещественных памятников возможно

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. 1, стр. 204.

лишь одностороннее освещение прошлого. Поятна поэтому осторожность тех историков, которые, не желая делать априорные, порой предвзятые социологические выводы из недостаточно выразительного материала археологических памятников, предпочитают, в первую очередь, изучать загадочные древнекритские письмена в ожидании новых важных источников из недр земли¹.

Таким же белым пятном в исторической науке о древнем Риме является проблема этрусков, с их тоже неразгаданным, хотя и читаемым, письмом. Развитие науки об этрусках и этрусской культуре ведет историка к одной из первых страниц древней истории Апеннинского полуострова, латинизация или романизация которого могла явиться, конечно, фактом лишь последующего развития.

Наконец, важное значение для исторической науки о древности приобретает изучение иберийской культуры древней Испании. Историки античности, находившиеся долгое время под гипнозом высокоразвитой культуры древней Греции и Рима, мало интересовались исследованием античной Испании и древнейшей культуры народов Иберийского полуострова, в особенности иберов, которые оставили в наследство современной цивилизации лобозытнейшие памятники своего до сих пор еще неразгаданного письма², своеобразного искусства, быта и культуры в широком смысле этого слова. Между тем перешепной проблемой является не только неразгаданное иберийское письмо. Для историков до сих пор остаются неясными самые простые, казалось бы, вопросы. Так, вопрос: «Что представляет собой иберийская культура?» — поставленный в большой работе П. Парри³, остался без ответа как у автора этого труда, так и во многих последующих своих работах по античной Испании. Второй вопрос: «Откуда древние иберы черпали жизительные соки для своей героической, более чем двухсотлетней борьбы за независимость против Рима?» — остается без ответа, так же как и первый. Третий не менее важный вопрос: «В какой мере римская оккупация Испании смогла нарушить самообильный процесс развития ее народов?» — составляет проблему, без разрешения которой не может считаться выясненным характер

¹ За последние годы критские письмена в значительной степени расшифрованы усилиями целого ряда, прежде всего, славянских ученых. Особенно интересны в этом отношении работы Б. Грозного и Вл. Георгиева. *Ред.*

² См. статью А. Шульцера «Тирсены в Испании (новые данные об иберийском языке)» в «Вестнике древней истории», 1941, № 1, стр. 8—30.

³ P. Paris. *Essai sur l'art et l'industrie de l'Espagne primitive*, vv. I—II, P., 1903—1904. Следует учесть по вопросу о характере иберийской культуры также работу P. Dixon. *Iberians in Spain and relations with the Aegean*. New York, 1940, XI, 159 стр.

развития древнейшей Испании. Если ко всем этим крупным проблемам добавить еще многочисленные частные вопросы испанской археологии, эпиграфики, пумизматики, остающиеся до сих пор открытыми, то становится понятным, какую огромную работу предстоит проделать историкам-испановедам.

Остающиеся до сих пор загадкой вопросы античной истории Испании представляют большой интерес для истории античности в целом, ибо характер культуры древней Иберии, особенности быта ее народов, своеобразие языка и письменности в такой же мере включаются в общие рамки культуры Средиземноморья, в какой и противостоят последней своим индивидуальным характером. К такому выводу приходит современная испанология, обогатившая науку большим количеством новых памятников древности.

При скудости литературных источников исследователь истории древней Испании в большей мере, чем в какой-либо другой области античной истории, не может, без определенного ущерба для исследования, ограничиваться каким-нибудь одним видом источников. Только путем сочетания материалов литературных и археологических возможно найти правильный путь для разрешения узловых вопросов истории древней Испании. Этим определяется своеобразный характер новой, относительно недавно сложившейся науки — испанологии.

Испанология как самостоятельная область исторической науки окончательно сложилась только в XX в. Это отнюдь не означает, что географы, историки, этнографы и искусствоведы до XX в. не интересовались Испанией. Но до самого конца XIX в. разработка проблем истории древней Испании, отраженная в не малом количестве различных произведений, носила по преимуществу дилетантский характер, и только в XX в. наука об Испании сформировалась на более научной основе. Однако и первые, робкие, порой наивные, попытки изучить древнюю Испанию весьма поучительны и заслуживают внимания даже теперь, когда археология Испании открыла перед нами целый мир древнейших памятников, поражающих своим блеском и великолепием.

Приступая к изучению истории древней Испании, необходимо подвергнуть рассмотрению прежде всего зарождение античных представлений о Пиренейском полуострове, затем начало специального исследования истории Испании и, наконец, оформление испанологии как науки.

Древнейшие сведения об античной Испании теряются в общих и весьма туманных представлениях древних греков о неизвестной стране Запада, или Вечерней стране (*Hesperia*). Обычный способ мифологизирования явлений природы и общественной жизни, «...бессознательно художественная обработка

природы»¹ приводили древних греков к сложным космографическим представлениям и сказались также на развитии географических понятий. И здесь образ, символ, миф показывают нам в художественном воспроизведении ранние представления древних греков о географии. Подобное мифологизирование отражало в конечном счете смутные, но реальные сведения об окружающем мире и, следовательно, задача изучения создававшейся мифологической символики — установить, вскрыть, по возможности, все то реальное и конкретное, что в ней содержится.

Если привлечь греческую мифологию для изучения ранних представлений об Испании, то перед нами раскроется интереснейшая картина космологических понятий, которыми мыслили древние, в которых они зафиксировали свои представления, и станет ясным, как Испания рисовалась в античном мифе и в народных сказаниях.

Древнейшее представление об Испании связано с понятием *Hesperia*. Вероятно, под этим общим понятием скрывались все неизвестные древнему греку страны к западу от Греции. В мифе об аргонавтах под *Hesperia* подразумевается страна, лежащая при море Авзонии, т. е. Италии². Вергилий в «Энеиде» также передает в греческом мифе о Гесперии³ древнее представление об Италии, хотя он уже при этом добавляет «Великая», в отличие от той Гесперии, которой обозначался также Иберийский полуостров, или Испания. Гораций в «Одах» определяет эту Гесперию как «Дальнюю»⁴. Не приходится и говорить, что об этих странах Запада греки знали очень давно, на заре своей истории, но представляли их себе в весьма туманной форме. Уже автор «Одиссеи» знал о странах Запада и, в частности, об Испании, именно как о малоизвестных, сказочных странах⁵. В «Одиссее» говорится о некоей стране лестригонов, где почти коротки⁶, где солнце быстро садится и начинаются «глубоко-текущие воды Океана»⁷ и, наконец:

«где пробегают светло беспечальные дни человека,
где ни метелей, ни ливней, ни хладов зима не бывает,
где сладкошумно летающий вест Зефир, Океаном
с легкой прохладой туда посыласмый людям блаженным»⁸.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 203.

² *Argo*, III, 314; IV, 590, 660.

³ *Virg.*, *Aen.*, I, 573.

⁴ «*Hesperia Ultima*»: *Horat.*, *Carmin.*, I, 26.

⁵ См. перечисление соответствующих мест об Испании в гомеровском эпосе в *Fonles Hispaniae Antiquae* (в дальнейшем сокращенно *FPA*), I (*Los poemas homéricos*), Barcelona, 1922, стр. 160.

⁶ *Od.*, X, 86.

⁷ Там же, XI, 13.

⁸ Там же, IV, 566—569. Перевод В. А. Жуковского.

Все эти места из «Одиссеи», несомненно, характеризуют представления ранних греков об Испании.

В гомеровском эпосе еще нет термина *Hesperia*; он появляется позднее, в связи с продвижением греков на запад и более конкретным знакомством с ним. Пока Италия для греков оставалась мало известной, она также фигурировала под этим общим термином. Однако позднее, по мере ознакомления с ней, в чем финикийцы сыграли, очевидно, не последнюю роль, общее понятие о Гесперии дифференцируется, и Испания начинает упоминаться отдельно от Италии, как «*Hesperia Ultima*»¹. Испания, как страна далекого Запада, связала с космогоническим понятием *Hesperos*, которое в античном мифе представляет вечернюю звезду, в противоположность утренней звезде, которая в мифологических представлениях греков упоминается под термином *Phosphoros*. В понятиях древнего грека весь мир как бы замыкался между этими *Hesperos* и *Phosphoros*, между вечерней, или западной, и утренней, или восточной, звездами. Два мальчика с горящими факелами в руках, символизировали эти две звезды Запада и Востока, явившиеся как бы исходным моментом космогонического представления греков в области географии. Миф об аргонавтах дает нам картину путешествия на Восток, где горела звезда *Phosphoros*, явившаяся путеводной для Язона и его спутников во время путешествия в Колхиду. Может быть, историческим оправданием этого «мифотворческого» движения на Восток в раннюю пору греческой истории являлось в известной степени и то обстоятельство, что отважные милетские моряки пережили в своем продвижении не одно приключение в Геллеспонте, Босфоре и Понте Эвксинском и, таким образом, дали богатую пищу народной фантазии и еще более возбудили интерес к странам Востока.

Следующее после аргонавтов поколение греческих мореплавателей плывет уже на Запад; да и сама греческая культура в этот период распространяется в сторону Запада. «Одиссея», знавшая об опасностях Дарданельского пролива, повидимому, рассказывает уже не о них, а об ужасах Сицилийского пролива, делает очаровательную нимфу Калипсо героиней одного из островов Средиземного моря, повествует об идилической жизни африканских оазисов с их дотофагами и о локнессии свивенных быков Гелиоса, имевшего, согласно античной мифологии, свое царство и прекрасный дворец на далеком Западе, так же как Герион в мифе о Геракле. Многие из героев поколения «Одиссеи» и последующего времени связываются с дальним Западом, с Гесперией, следовательно, и с Испанией. Поэмы Гесиода и эпикарии Пиндара полны отзвуками сказаний об этих

¹ Например, у Горация. См. выше, стр. 12, прим. 4.

героях. Миф об Атланте, сыне Геспера¹, не только локализует события у испанских берегов, но и символизирует собой какую-то западную цивилизацию, с которой греки познакомились, повидимому, посредством финикийских торговых связей. Для нас миф об Атланте имеет большое значение, ибо это миф географический.

Продвижение греков на запад и ознакомление их с африканским и испанским побережьем расширяет круг их географических понятий, но терминология все еще остается связанной со старым античным космогоническим мифом о стране вечерней звезды — Гесперии. В далекой Африке, на берегу Киренаики, возле озера Гесперид, возникает известный город Гесперис (впоследствии Береника)². Знаменитые Геспериды, миф о которых включен в рассказ об одном из подвигов Геракла, также локализируются на Западе, там, где по мифологическим представлениям Атлант поддерживал небо. Весьма любопытна постановка вопроса у английского исследователя Карпентера, изучавшего вопрос о реальной основе сказаний о золотых яблоках Гесперид. «И если исторически невозможно, чтобы апельсиновые деревья Испании с их прекрасными плодами рождали тогда те самые золотые яблоки Гесперид, за которыми путешествовал Геракл на Запад, то, во всяком случае, ведь только Марокко или Испания могли быть страной, где Атлант держал небо...»³ Для эпохи, когда складывался этот миф, конец света на Западе, где Атлант смякал собою Небо и Землю, локализовался именно на линии Марокко и Испании. Дальнейшее расширение географического кругозора греков связано уже с их проникновением за столбы Геракла, в открытый Океан, в тот новый и неизвестный мир, который представлен Платоном в знаменитом сказании об Атлантиде. Наконец, самой западной точкой Гесперии, известной античным грекам, был тот «западный мыс» Африки, от которого, по ошибочному представлению, начинался южный берег Африки и у которого, по Страбону⁴, начинались острова Гесперид, ныне острова Зеленого мыса.

Вряд ли можно считать, что мифологические данные древних авторов в настоящее время достаточно хорошо исследованы для того, чтобы иметь возможность установить, как постепенно расширялся круг представлений народов древности о странах Запада и, в частности, об Испании, которая, главным образом, и фигурировала как западная страна. Поэтому немаловажной

¹ См. O v i d., Met., IV, 630; D i o d., III, 60.

² См. S t r a b o, XVII, 3, 20.

³ R. C a r p e n t e r, The Greeks in Spain, 1925, стр. 1—2.

⁴ S t r a b o, III, 2, 13.

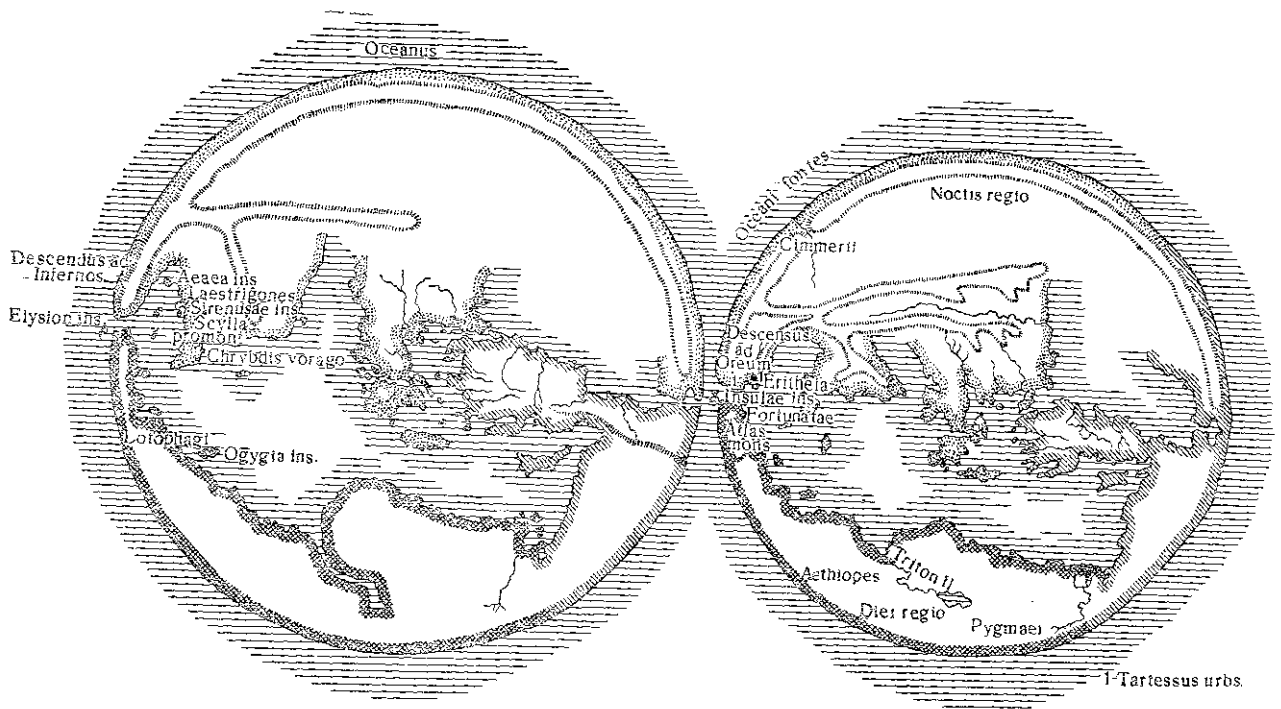

Рис. 1. Формы земли по представлениям Гомера (слева) и Гесиода (справа).

задачей науки является дальнейшее исследование тех исторических понятий древних, которые своеобразно преломляясь в пародной фантазии, облекались в форму мифологических сказаний.

На основании более поздних сведений о путешествиях греков в эпоху Пиндара и Геродота можно утверждать, что в основе мифологических представлений о древней Испании лежат некоторые исторические черты.

Во времена Пиндара морские путешествия уже не представляли ничего сложного. Отчеты мореплавателей о Столбах Геракла, об африканском и испанском побережьях давали пищу воображению поэта, побуждая отображать их в поэтическом творчестве.

В эскурах Пиндара¹ о странах Запада говорится, что в мифе о Геракле отражены географические познания греков того времени, когда они плавали до Майяки и Кальпы, но еще не появились по ту сторону Столбов Геракла. Во времена Пиндара Геракловы Столбы были давно уже пройдены. Но Пиндар, повидимому, несколько архаизирует географические представления, включаемые в композицию его од. Эти искусственно архаизированные представления отражают новое положение вещей, когда карфагеняне закрыли для греков Гибралтарский пролив и Геракловы Столбы снова стали непреодолимыми. Ко времени Пиндара прекращаются совершавшиеся в VII и особенно в VI в. путешествия греков в Гесперию и образование греческих колоний в Испании.

Об этих путешествиях мы узнаем прежде всего из рассказа Геродота², который сообщает о том, что восточный вестер случайно захватил самосца Колея, направлявшегося в Египет, далеко к Столбам Геракла, и там прибил его к городу Тартессу. Это событие относят обычно к VII в.; Карпентер позволяет себе датировать его более точно, именно 630 г. до н. э. Все же датировку Карпентера нельзя считать окончательной; возможна и более ранняя датировка, связанная с судьбой самого Тартесса. Как бы то ни было, из сообщения Геродота вытекает, что самосцы предпринимали экспедиции далеко на запад, по ту сторону Гибралтара, к столице загадочного царства Тартесса, лежавшего, по мнению большинства ученых, в устьях реки Гвадалquivира. Другое свидетельство о раннем путешествии в эти страны передает нам Юстин³. Его рассказ об ионическом городе Фоксе, отправившем торговую экспедицию на запад в конце VII в., вполне совпадает с повествованием Геродота.

¹ Собрания в ФИА, II, стр. 16—17, 56, 67, 95, 180

² Herod. IV, 152 (ФИА, II, стр. 26).

³ Justin., XLIII, 3.

«Фокейне, — сообщает Геродот, — прежде всех эллинов стали совершать дальние путешествия по морю, открыли Адриатический залив, Тиррению, Иберию и Тартесс; для этого они пользовались не круглыми судами, а пятидесятивесельными. В Тартессе они списали себе расположение тартесского царя по имени Аргантопия, царствовавшего в Тартессе восемьдесят лет и прожившего не менее ста двадцати лет. Фокейцы так поправились Аргантопию, что он предложил им покинуть Ионию и поселиться в его земле, где им угодно; по ему не удалось склонить их к этому. Узнавши от фокейцев, как велико могущество мидий, Аргантопий дал им денег на возведение стен кругом города и дал щедро, ибо в окружности стена их имеет много стадий, вся сложена из больших хорошо прилаженных камней»¹. Этот заключительный эпизод может быть датирован серединой VI в., когда угроза со стороны Кира стала реальной. Начало сношений фокейцев с Аргантопием относится предположительно к 620 г. Период фокейской торговли в Испании продолжался менее столетия, может быть, около 80 лет (620—540 гг.), в течение которых фокейцы познакомились с древнейшим царством Испании, Тартессом и с его «серебряным человеком», царем Аргантопием.

К сожалению, у нас имеется очень мало исторических свидетельств, характеризующих этот период, поэтому вопрос о ранних соприкосновениях греков с далеким Западом и об образовании на испанском побережье первых греческих факторий следует считать еще не полностью исследованным, хотя этим вопросом занимался ряд ученых².

Древнейшие мифологические сказания о ранней Испании связаны, таким образом, с тремя кругами вопросов: прежде всего с возникновением реальных географических понятий греков о далеких странах Запада; во-вторых, с первыми попытками своеобразной, не лишённой реальных оснований, интерпретации появления в Испании финикийцев; в-третьих, с оценкой Тартесса как древнейшего очага цивилизации на Иберийском полуострове. Поэтому среди источников по древнейшей культуре Испании, наряду с памятниками материальной культуры и историческими текстами, должное место должны занять мифологические сказания, основанные на самых ранних античных представлениях об Испании и ее жителях.

Первые реальные основы мифологических сюжетов неизбежно приводят нас к историческому Тартессу. К сожалению, раз

¹ Herod. I, 163. Ср. ГНА, II, стр. 26, и особенно там же комментарий на стр. 27—28.

² Литературу вопроса см. в работах: A. Schulten, Die Griechen in Spanien (и Rheinisches Museum für Philologie, B. 95, 1936); Bosc Gimgera, Ethnologia de la peninsula Iberica, 1932.

появившись перед нами как достоверный, в некоей степени исторический факт, Тартесс опять ускользает и топчет в древнейших легендарных сказаниях. Именно поэтому, может быть, существование Тартесса хотя и признается всеми, но остается вне времени и пространства. Даже длительные и настойчивые исследования Шульцсена не дают нам вполне убедительных доказательств ни о локализации Тартесса, ни о хронологических рамках его существования.

Вопрос о Тартессе, как самом раннем центре испанской культуры, — один из наиболее интересных, сложных и дискуссионных во всей историографии древнейшей Испании.

Поиски первоначальных сведений о Тартессе заставляют нас снова обратиться к мифологии, к греческим представлениям о Тартессе, сохранившимся в античной легенде. В этом отношении нельзя обойти прекрасный миф о десятом подвиге Геракла, этого «полуиспанского героя». Десятый подвиг Геракл совершает на далеком Западе, в стране крылатого о трех головах, или, по другой версии, о трех туловищах, великана Гериона, сына Хрисаора и Каллироя. Согласно античной легенде, Герион царствовал на острове Эритее, владел стадами прекрасных быков и слыл непобедимым. Гераклу было приказано достать этих быков, и он отправился в далекую страну Гериона. Герой достигает Эритее, убивает сторожащего быков пастуха вместе с его собакой, уголяет стадо быков, а при встрече с самим царем Герионом убивает его своими меткими стрелами. Затем Геракл, подчинив Иберию (Испанию) своим законам, отправляется сухим путем через Иберию, Галлию и Италию к себе домой в Аргос.

Считалось, что в основе этой легенды лежат финикийские сказания о Мелькарте — финикийском Геракле. В мифе о Геракле должны были аллегорически передаваться отзвуки действительных событий, а именно открытие, а затем и освоение неизвестной ранее страны за Столбами Геракла, страны плодородной и богатой — древнейшей Иберии. Финикийцы, первыми открыли Гибралтар и лежащие за ним страны, а также основали Гадес (Кадикс). Лежащий против Гадеса остров (ныне остров св. Леона) считался той мифической Эритеей, с которой были связаны различные сказания и, в частности, десятое приключение Геракла. С этой точки зрения финикийцы, раньше всех познакомившиеся с Испанией, под покровом аллегорий и различных мифов передали сведения о ней грекам. Греки же перенесли эти мифы и сказания о финикийском Геракле — Мелькарте на своего Геракла. Таким образом, мифологические сюжеты из цикла о Геракле в греческой мифологии в основе своей оставались финикийскими. Некоторые основания для такого вывода дает и Геродот, который во второй книге сообщает нам о храмах, посвященных

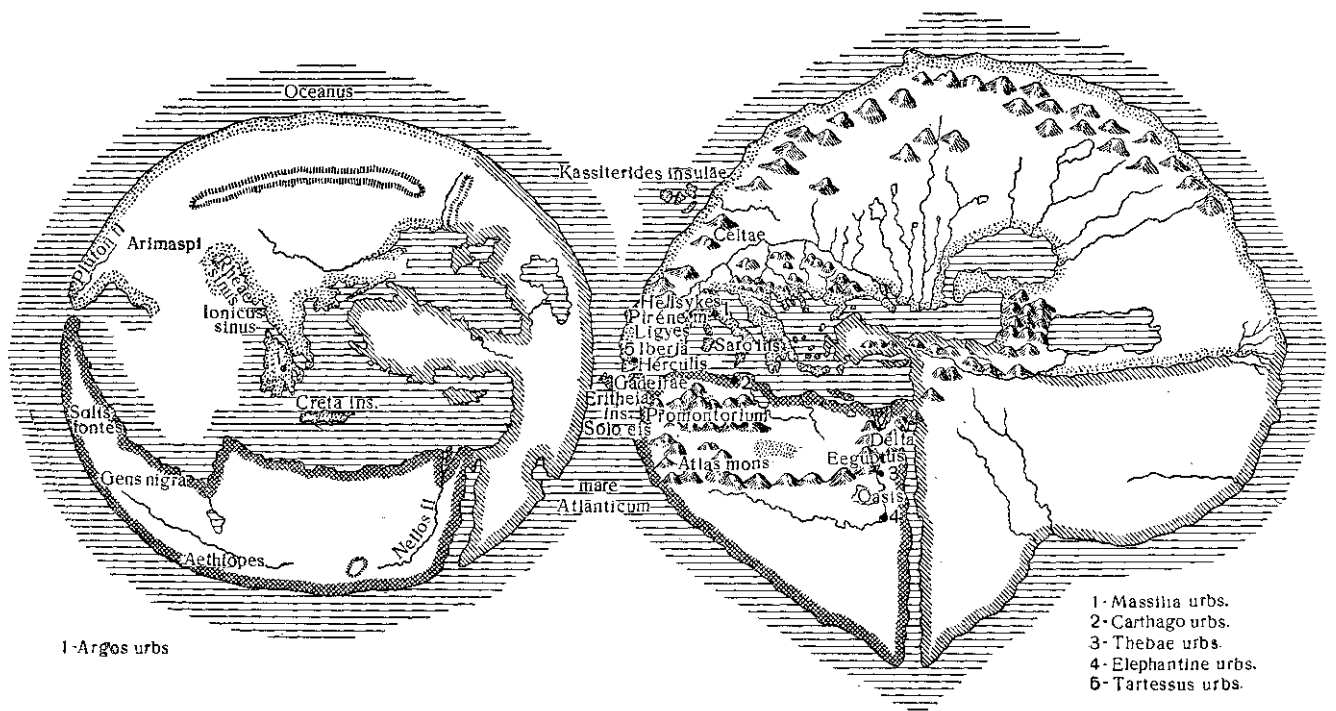

Рис. 2. Формы Земли по представлениям Эсхила (слева) и Геродота (справа).

финикийскому Гераклу в Тире и на острове Фасосе. В этом отношении обращает на себя внимание то, что названные выше храмы строились более чем за пять поколений до того, как, согласно греческой мифологии, родился греческий Геракл.

В плане такого именно истолкования десятого подвига Геракла место его действия локализовалось всеми исследователями в Испании, причем именно с данным мифом некоторые ученые связывают основание в этих местах на месте царства Гериона финикийской колонии Гадеса около 800 г. до н. э.

Против такого представления о Гадесе как о первоначальном центре древнеиспанской цивилизации выступил в свое время А. Шульцен, считавший древнейшим очагом культуры на Иберийском полуострове Тартесс¹. Чтобы доказать, что миф о Герионе, или о Форопе (или Геропе), относится именно к царю Тартесса с его легендарными богатствами, которыми прельщались финикийцы еще до основания Гадеса, Шульцен сумел привлечь весьма большой, как мифологический, так отчасти и исторический, материал. В частности, он использовал прямое указание Макробия² о Форопе, царе испанском, и Юстина³ о борьбе иберов, т. е. древних испанцев, с карфаггипянами. Одной из причин этой борьбы Юстин считал основание Гадеса, который вскоре нарушил добрососедские отношения с Тартессом.

Шульцен, таким образом, доказывает, что миф о Герионе, о его стадах быков, за которыми охотился Геракл, является отзвуком сказаний не о Гадесе, а о Тартессе. О последнем как об известном городе сообщают нам библейские тексты⁴, две приведенные Шульценом ассирийские надписи⁵, самые ранние греческие свидетельства (около 600 г.) таких авторов, как Стесихор⁶ или, позднее, Анакреонт (около 530 г. до н. э.)⁷, Гекатей⁸, упомянутый выше Геродот, Аристофан⁹ и др. Отсюда Шульцен заключает, что Тартесс был в глубокой древности первым по известности городом Испании. Далее, он стремится показать,

¹ A. Schulten, Tartessos, Hamb., 1922, стр. 43—49; в 1950 г. книга Шульцена вышла вторым изданием. *Ред.*

² Античная традиция о Тартессе, в частности, о Геропе, собрана и у Макробия. См. Saturn, I, 20, 12.

³ Justin. XI, 5, 1. Юстин не менее полно, чем Макробий, изображает античную традицию; Бош-Гимпера недооценивает значение этого источника.

⁴ Эти тексты собраны в FNA, I, стр. 157—160; там же соответствующие комментарии.

⁵ FNA, I, стр. 156—157.

⁶ Данное место с соответствующими комментариями см. в FNA, I, стр. 163—164. Этот фрагмент см. также у Stgabo, III, 2, 11.

⁷ См. FNA, I, стр. 164—165.

⁸ Текст с комментариями см. в FNA, I, стр. 165—166.

⁹ См. FNA, II, стр. 10—12.

что именно с этим городом связано сказание о Герионе, о чем свидетельствует также ряд античных писателей. Наконец, Шультен настаивает на том, что сказание о Герионе с его стадами быков есть отзвук рассказа о Геронте, царе Тартесса, вполне якобы историческом деятеле. В качестве доказательства Шультен ссылается на упоминавшегося уже нами Макробия, на Юстина, на Ависена, свидетельствующего в своем произведении «*Ora maritima*» даже о крепости Геронта («*arx Gerontis*»)¹; Шультен приводит также косвенные свидетельства, как, например, Силия Италика, о том, что имя Феронт (впоследствии Геронт) было известно в Испании и что, в частности, его носил один из юношей, участвовавший в состязании в беге перед Сципионом². «Что теперь не видит,— восклицает Шультен,— что Геронт идентичен с Герионом или Геринойсом греческого мифа?»³.

В исторической литературе на раз ставился вопрос о том, где следует фиксировать местоположение Тартесса. Античные источники, от мифологических до собственно исторических свидетельств, в достоверности которых у нас нет оснований сомневаться, показывают, что Тартесс находился в Иберии. Однако не все ученые принимают такое разрешение проблемы. Еще в древности затруднялись определить, где собственно мог находиться Тартесс. Это хорошо видно из одного места Страбона (III, 2, 12), где приводится даже полемика по этому вопросу. «Поэт много воспевавший и много знающий (Гомер) дает повод думать, что он знал и эти места (Тартесс.— *А. М.*), если только мы пожелаем правильно сделать заключение из обоих сведений, из которых одно неверно, а другое хорошо и верно. Ложное свидетельство состоит в том, будто Тартесс лежит на крайнем западе, где, по словам же Гомера, в Океан «ниспадает яркое светило солнца, облекая в черную ночь плодородную равнину» (II, VIII, 485). «Из того, что ночь,— продолжает Страбон,— пользуется дурной славой и находится подле Аида, а Аид подле Тартара, можно предположить, что Гомер, узнав о Тартессе, назвал его Тартаром, как самый отдаленный подземный пункт, что, по обычаю поэтов, он тотчас сложил в басню. Так опять, узнав, что киммерийцы заселяют местности у Боспора, с севера и запада пролива, он поместил их подле Аида, быть может, вследствие общей всем иониям ненависти к этому племени... таким образом, по ложности сказаний о Тартаре можно заключить о точности знания Гомером окрестностей Тартесса». Все

¹ FNA, I, стр. 263, 304 и с соответствующими, вызывающими значительные сомнения комментариями Шультена.

² Sil. Italic., Punic. XVI, 476.

³ A. Schulten. Tartessos, стр. 49.

предпринимавшиеся до сих пор археологические разведки, в том числе и экспедиция А. Шульцена, которая велась в трех больших кампаниях на протяжении почти 20 лет, ни к каким положительным результатам не привели. Никаких следов Тартесса в устье Гвадалквивира (древнего Батиса), где обычно локализуется этот древнейший центр иберийской цивилизации, найдено не было. Большая экспедиция Шульцена открыла лишь скромные остатки рыбачьей деревни, да одно магическое кольцо из меди с архаической греческой надписью VI в. до н. э. «Воистину это не оправдывало ни громадных затрат на эту «научную» кампанию, ни объемистой книги, которую Шульцен написал по этому поводу... этой работы впустую можно было бы избежать, если бы ученый археолог не поспешил ознакомиться с самыми элементарными данными геологии»¹.

По мнению швейцарского ученого Г. Мюленштейна, древнейшие названия: «Таршиш», «таршишский корабль» библейских текстов, или имени «Атлас», «Атель», «атлантический» переместились на запад позднее, во времена всеобщего передвижения географических имен у позднейших греков, согласно их расширенной картине восприятия мира. Точно таким же образом переместились на запад многие другие имена, например «Геркулесовы Столбы», за которыми все известные источники помещают Тартесс. Исходя из предпосылки о передвижке имен у греков по мере их продвижения на запад, а также из некоторых гидрогеологических данных о местности Тартесса, Мюленштейн приходит к выводу, что этот культурный центр древней цивилизации надо искать не в устьях Гвадалквивира, а в Тунисе, в районе озера Тритон. Согласно Мюленштейну, географические, геологические и гидрогеографические условия именно здесь более соответствуют описанию Тартесса у античных писателей. Мюленштейн ставит своей задачей доказать этническое единство населения «тритонской», «атлантической», группы народов с первоначальным центром в современном южном Тунисе. Этим населением, по Мюленштейну, были «турша», или «тирсеи», т. е. этруски. Следовательно, «Тартесс», т. е. название искомого культурного центра, означает не что иное, как город Тарса, т. е. «город этрусков».

Теория А. Мюленштейна отличается оригинальностью и даже экстравагантностью, но совершенно лишена убедительности, так как она не имеет за собою археологических доказательств, хотя бы в той ничтожной степени, в какой они имеются у А. Шульцена для локализации Тартесса в Иберии. Античные свидетельства больше говорят в пользу теории Шульцена, чем

¹ Г. М ю л е н ш т е й н. Историческое значение вопроса об этрусках, ВДИ, 1938, № 4, стр. 55.

в пользу гипотезы Мюленштейна о местонахождении Тартесса. Автор новой теории все доказательства нахождения Тартесса в Африке подчиняет, очевидно, предвзятому положению о том, что именно там локализуется этруская культура и этруски. Таким образом, вопрос о Тартессе в этой теории имеет чисто служебное значение для решения общего вопроса о том, откуда вышли или происходят этруски. Если проф. Мюленштейн согласен находить этрусков не только в Малой Азии, на Крите, но и в Африке, то спрашивается: почему бы не допустить, что эти же этруски могли быть и в Иберии, в устье Гвадалквивира? Ведь в таком случае не приходилось бы, вопреки данным античных писателей, заниматься пересадкой Тартесса из Иберии, с которой он связан не только одной мифологией, в Африку, в Тунис, где для него, кроме «гидрогеологических» условий, никакого другого более или менее убедительного доказательства пока придумать не удастся. В системе доказательств Мюленштейна имеется также ряд других слабых мест. В пылу полемики от него ускользает такая же этруская теория Тартесса. Она принадлежит тому же А. Шультецу, против которого выступает Мюленштейн. Согласно этим двум теориям, Тартесс образован этрусками; только, по Мюленштейну, он находился в Африке, а по Шультецу — в Испании. Как у Мюленштейна так и Шультеца разрешение вопроса о Тартессе базируется, таким образом, на этрусской гипотезе. Недоказанность этой гипотезы подрывает и всю систему доказательств, построенную на ее основе. Как всякая научная гипотеза, последняя себя оправдывает лишь в том случае, если она помогает дать какое-то научное разрешение проблемы, возможное единственно на основании такой гипотезы. Но в данном случае этого нет; ибо, на основании одной и той же гипотезы о роли этрусков в основании города Тартесса, последний возникает, по Мюленштейну, в Африке, а по Шультецу — в Иберии, в устье Гвадалквивира. Притом важно отметить, что теории Мюленштейна не опровергает и даже не ослабляет мифологических и полуйсторических свидетельств о Тартессе.

У греков, по справедливому замечанию Мюленштейна, наблюдалась передвижка имен. Но эта передвижка имен имела какие-то основания и поэтому сама нуждается в объяснении. Если только этруски были передвинуты с озера Тритон в Иберию в связи с расширением географических познаний греков и если туда же было передвинуто и самое название Тартесса, как «города этрусков», то, следовательно, передвигались, очевидно, не только имена, но и сами «этрусски» и их культурные центры. В Иберии, надо полагать, такими «этрусками» могли быть турдетаны, жившие в области Тартесса, традиционной Иберии и Турдетании, о пышном расцвете культуры которой так

много интересного сообщает нам Страбон¹. А между тем Мюленштойп совсем не занимается анализом ни этногенеза турдетов, ни их культуры и возникновения культурных центров; он даже не пытается связать передвижение этрусских имен на запад с передвижением самих этрусков.

Таким образом, в отношении Тартесса, как древнейшего центра западной цивилизации в глубокой древности, в науке существуют три точки зрения. Одна помещает его в устье Гвадалквивира (Шультен), другая — в Гадесе (традиционная версия), третья — в Африке (Мюленштойп).

Вопрос о существовании Тартесса имеет большое значение, и поэтому важно решить, искать ли его в устье Гвадалквивира, или в Гадесе, или даже в Африке, так как Тартесс, несомненно, явился исходным пунктом цивилизации, сложившейся в древней Испании. Но на этом вопросе нам придется еще остановиться специально.

Последний вопрос, связанный с формированием античных легенд на базе материалов о древней Испании в ту раннюю пору, когда связи греков с Западом не были еще регулярными, — это вопрос об исторических основах мифа об Атлантиде.

Рассказанный Платоном миф о сказочной и неизвестной стране Запада породил специальную литературу², в которой историки и романисты старались докопаться до каких-нибудь реально-исторических представлений об Атлантиде. Этот миф связан с расширением греческих представлений о мире, в частности, о Западе и, как полагают некоторые ученые, о древней Испании. Греческая мифология в сказаниях о *Nesperia*, далекой стране Запада, о десятом подвиге Геракла, о похищении священных быков Гериона и о яблоках Гесперид создаст как бы целый цикл мифов; миф об Атлантиде также включается в этот цикл.

В литературе по исторической географии начиная с конца XVIII в. представлены различные точки зрения на вопрос о том, где следует искать мифическую Атлантиду. Популярной среди ученых второй половины XVIII столетия была точка зрения, что под Атлантидой Платона нужно разуметь американский континент, хотя вам известно, что никаких сведений об Америке древние, конечно, не имели. Некоторые ученые помещали сказочную страну древности на одном из Канарских островов. Кое-кто готов был искать ее в Ирландии или даже Скандинавии. Насколько произвольны были все эти исторические и географические теории о местоположении искомой

¹ Strabo, III, 2 (passim), особенно 15.

² Подбор литературы за последний период имеется у В о с х - Г и м р с г а, *Ethnologia...*, стр. 278.

страны, видно из высказываний Латрейля¹, полагавшего, что сказочную страну Платона надо искать у Кавказских гор, в районе города Тавра, и который устанавливает ее в ... Иране!

В связи со всеми этими теориями, распространившимися вплоть до начала XX в., А. Шульцен писал: «Трудно понять, что Атлантиду искали везде, даже на Шпицбергене и в Америке, но только не в Тартессе. Это было совершенно нелогично, потому что тот, кто вообще приписывает мифу реальность, должен был искать Атлантиду не в неизвестных, а в известных местах». В спорах о Тартессе «современные ученые разрушили духовно то, что некогда карфагеняне разрушили материально».

Резкая критика Шульценом старых теорий об Атлантиде исходит из его довольно стройной концепции, согласно которой, миф о сказочной стране Платона является отзвуком сказаний о древнейшем центре Испании, богатом Тартессе. Тартесс в то время был уже разрушен финикийцами, и на его место выдвинулся в Испании Гадес (современный Кадис). Около 500 г. до н. э. Тартесс лежал уже в развалинах. Последним свидетелем процветания его культуры был тот массалиот, который написал перипл, легший в основу «Ora maritima» Авиены. Яркий блеск нового испанского центра, Гадесса, начавшего процветать после падения Тартесса, затмил не только прошлое, но и самое имя Тартесса. Более того, некоторые античные писатели, сохранившие еще представления о Тартессе, стали переносить эти представления на Гадес, и отсюда, по мнению Шульцена, возникли некоторые ошибки, как, например, ошибка Геродота, относящего остров Эритию *πρὸς Γαδείρας*, тогда как это определение больше подходит к Тартессу; остров находится перед устьем Гвадалквивира; следовательно, по мнению Шульцена, не против Гадесса, а против Тартесса. Этот остров в устье Гвадалквивира, вероятно, также потерял свое значение, как постыженно потерял его погибший Тартесс. Но воспоминание о роли Тартесса, как полагает Шульцен, очевидно, перенеслось на Гадес, что явилось источником дополнительных ошибок и путаницы.

Постепенно мореплаватели все реже и реже вспоминали о древнем городе, и тем активнее работала деятельная фантазия греков о чудесной исчезнувшей стране Запада. Впечатления, вынесенные греками о Тартессе еще во время путешествий фокейцев, могли, действительно, послужить материалом для того более позднего мифа, который передан Платоном в связи с Атлантидой².

¹ P. A. Latreille, Mémoires sur divers sujets de géographie ancienne et de chronologie. P., 1819, стр. 196—222.

² Plato, Crit., 113—121; Tim., 24c—25d. Текст и комментарий см. в ФНА, II, стр. 48.

Исследование Шульцена о массалиотском перипле, легшем в основу «*Ora maritima*» Авиена, в частности, о Тартессе, где автору удалось использовать как мифологический, так и исторический материал, притом впервые систематизированный в стройной, хотя и не совсем убедительной исторической концепции, наконец, долготелая археологическая работа и изучение исторической географии Иберийского полуострова — все это дало основание выдвинуть гипотезу, что в мифе об Атлантиде сохранилось туманное представление о Тартессе, об этом древнейшем и богатом центре испанской цивилизации, погибшем в связи с финикийским завоеванием и основанием Гадеса.

Посмотрим, насколько эта гипотеза подтверждается описанием страны Запада у Платона. Атлантида, по Платону¹, лежит на острове Атлантического океана, перед Столбами Геракла и около Гадеса. Но известно, что за Столбами и около Гадеса лежал именно Тартесс и как раз на острове, омываемом рукавами дельты Гвадалквивира. Далее, Платон указывает на исключительные богатства таинственной Атлантиды. Богатство атлантов — жителей Атлантиды — покоится прежде всего² на металлах, скрытых в недрах гор. И вот как раз царство Тартесса в эпоху «серебряного человека», их царя Аргаттония, рисовалось в греческих представлениях, как царство, обладавшее большими богатствами в металлах (золоте, серебре, меди и др.). Происхождение Атлантиды от Посейдона³ также может быть связано с рядом тартесских царей, которые тоже, в согласии с мифологической традицией, предстают перед нами как сыны Океана.

Описание страны и города атлантов⁴, который расположен на широкой, продолговатой равнине, спускающейся круто к морю, также могло бы подходить к Тартессу. Наконец, картина внутренней жизни Атлантиды, нарисованная Платоном применительно к шумному, деловому городу, с его складами, стоящими у берега судами, корабельщиками, повольно заставляет вспоминать самый крайний на западе и известный грекам по рассказам культурный центр Тартесс.

Даже описанные у Платона тапассоэратия атлантов, город с крепкими стенами и башнями⁵, гавани и верфи⁶, храм у

¹ P l a t o, Tim., 24c; Crit., 114 (ГНА, II, стр. 48; там же комментарий).

² В тексте Платона (Критий 114c) имеется термин *πρότων*, что усиливает указание о преимущественном богатстве Атлантиды металлами.

³ P l a t o, Crit. 113c—116; Платон здесь, сам того не подозревая, выводит от Посейдона происхождение и Атлантиды и Тартесса. Это, конечно, может служить основанием для предположения, что в представлении Платона Атлантида и Тартесс были одним и тем же географическим понятием.

⁴ P l a t o, Crit., 118 a-c.

⁵ Там же, 116a.

⁶ Там же, 115c, 117d.

моря¹, богатство не только металлами, но и растениями и животными, особенно быками, заставляющими вспомнить быков Гериона, престарелые царя атлантов, воскрешающие перед нашими глазами жившего 120 лет царя Аргантопия,— все это Шульцен относит к Тартессу, поскольку описание Платона во многом совпадает с тем, что сообщают Авиен, Геродот и Страбон применительно к Тартессу. «При таком совпадении в столь многих, но ни к какому месту не подходящих так, как к Тартессу, чертах, можно вполне утверждать,— говорит Шульцен,— что Платон, описывая свою Атлантиду, думал о Тартессе. Никто, конечно, не будет требовать, чтобы все черты Атлантиды подходили к Тартессу, поскольку также мало все черты гомеровской Трои совпадали с Троей исторической... Ведь поэт всегда накладывает на свою картину краски, смешивая поэзию с действительностью...»²

Такова попытка исторической интерпретации Атлантиды Шульценом, который, конечно, имел некоторые основания сопоставить поэтическую Атлантиду с историческим Тартессом, как Трою поэтическую с Троей исторической. Неудача археологических изысканий Шульцена вряд ли может быть объяснена только тем, как это думает Мюленштейн, что Шульцен «попытался ознакомиться с данными геологии». Она, повидимому, обусловлена прежде всего необычной сложностью археологических изысканий в прибрежной полосе Атлантического океана, так как уровень океана, по общему мнению гидрографов, поднялся за два тысячелетия на два метра.

Именно трудности и неясности проблемы заставили других исследователей выдвинуть новые, не менее интересные, гипотезы об Атлантиде, базирующиеся на иной, чем у Шульцена, интерпретации мифологических данных. Эти гипотезы вращаются вокруг выступлений двух ученых: Борхардта и Германа в 20-х годах текущего столетия.

Борхардт³, изучая топографию Северной Африки и данные традиции об Атлантиде, приходит к следующему выводу. На основании традиции жрецов Саиса, западнее дельты Нила, Солон около 570 г. во время своего путешествия по Египту собрал сведения о том, что некогда на Западе существовал большой остров, именовавшийся Атлантидой. Этот остров был больше Ливии и Малой Азии вместе взятых; он господствовал над Африкой до Египта и над Европой до Этрурии. Во времена расцвета этого острова (до уничтожения его

¹ Там же, 119.

² A. Schulten, Tartessos, стр. 55.

³ P. Borhardt. Platos Atlantis. Petermanns Geographische Mitteilungen, 1927, 1—2, стр. 195 слл.

землетрясением) последний имел мегалитические постройки; на севере были горы, где обитали слоны. В столице находилась крепость Посейдона — первого царя страны. Позднее она стала управляться его сыновьями, и первым из них был Атлант. Борхардт приходит к выводу, что Атлантида есть не что иное, как именно Северная Африка, с горами Атлас. Тут и надо, по Борхардту, искать главный город Атлантиды. Столбы же Геракла, к западу от которых находился город, являлись скорее всего топогеографическим показателем побережья Туниса, указывающим вход в залив. Богатства Атлантиды соответствуют залежкам металлов в недрах гор Атласа. Имена сыновей Посейдона напоминают названия, которые еще продолжают, по Борхардту, жить в Ливии. Таким образом, этот ученый категорически отвергает отождествление Атлантиды с Тартессом.

Герман¹ также помещает Атлантиду в Африке. Древние путешествия в Таршиш (Тартесс), о которых речь идет в библейских текстах, совершались, по его мнению, не в Испанию, а скорее всего к побережью Туниса. Персепение Тартесса в Испанию должно было произойти, по Герману, много позже, и, может быть, все плывущие в Тартесс фокейцы направлялись еще в африканский Тартесс. Столбы Геракла являются, по Герману, островами, а не полуостровами, и это соответствует входу в древний залив Туниского побережья, а также согласуется и с сообщением Геродота о том, что Столбы Геракла находятся во внутренней Ливии, позади гор Атласа, самое название которых представляет современный отголосок древней Атлантиды.

Рассматривая все эти гипотезы, одинаково мало правдоподобные, мы можем только отметить различные существующие в науке тенденции полагать, что мифологические и поэтические сюжеты об Атлантиде являются действительно отзвуком сказаний о какой-то известной в древности цивилизации на Иберийском полуострове, по ту сторону Столбов Геракла. Вот почему и мы нашли необходимым начать обзор античной истории Испании очерком того, как последняя появляется в древнейших мифологических и поэтических представлениях древних греков по преимуществу.

Историк, занимающийся древнеиспанской историей, имеет перед собою неблагодарный, но увлекательный материал. Разработка мифологических сюжетов об Испании уводит нас в своеобразный мир, который уже с древнейших времен привлекал внимание древних греков, заставлял их пережить ине-

¹ A. Hermann, Atlantis und Tartessos. Petermanns Geographische Mitteilungen, 1927, 5—6, стр. 145 слл.

чатления о неизвестной стране и отразить это в мифологической традиции.

Мир испанских древностей, очень мало занимавший европейскую науку до самого конца XIX в., все более раскрывается благодаря тому что, наряду с историками и филологами в этой области, начали работать и археологи. Веществом материал заставил по-иному читать древние тексты, а главное— создал в связи с этим совершенно новые исторические проблемы. Когда в 1897 г. были найдены в Испании знаменитый бюст из Эльче, П. Пари приступил к его изучению в связи с новыми возникшими теперь историческими проблемами. «С того момента, как я познакомился с ним (бюстом из Эльче), я вполне убедился, что историки античного искусства несправедливы к Испании. Никогда они не говорят о ней, никогда самое малюшкое местечко не уделяется иберам в книгах по археологии... Это явная несправедливость. Я не скрываю от себя, как трудно построить во всех отношениях совершенно новое здание. Почва— действительная; материалы неизвестны, рассеяны. Собрать их — работа долгая и трудная...»¹. В этом отношении французский испанолог был безусловно прав, и его собственные труды не в малой степени способствовали разрешению столь трудной задачи исследования своеобразия иберийской культуры древней Испании. Археологический материал по-новому осветил мифологические сюжеты и исторические тексты.

Сказания о Hesperia, о быках Гериона, похищенных на далеком Западе Гераклом, о Тартессе, наконец, прекрасный (по всей вероятности, один из поздних) миф об Атлантиде дают в руки историка материал, позволяющий судить о том, как Испания рисовалась в античной легенде, в народных сказаниях греков той поры, когда они судили о ней лишь на основании туманных сведений и полуфантастических рассказов².

¹ P. Paris, ук. соч., стр. V—VI.

² См. А. В. Мишулин, Испания в мифологии и исторических памятниках античности, ВДИ, 1939, № 2, стр. 177—207.

Г л а в а II

ГРЕКО-РИМСКИЕ АВТОРЫ

I

Мы уже видели, что раньше всех других народов интерес к Испании проявили греки. Даже в раннюю пору своей истории, когда они еще не имели сколько-нибудь ясных представлений об Испании, греки сумели отрывочные сведения воплотить в такие мифологические образы, которые до сих пор доставляют нам художественное наслаждение. Греки писали об Испании, не скрывая ограниченности своих познаний об этой стране. Геродот, сообщая о далеком Западе, оговаривается, что эта страна для него незнакома¹. И тем не менее пытливый ум «отца истории» заставил его записать все то немногое, что он знал об Испании. Ранние произведения греко-римских авторов дают нам первые сведения по истории Испании.

Литературные данные по Испании с наибольшей полнотой были собраны и обработаны А. Шульценом в его статье в энциклопедии Паули — Виссова — Кролля «Hispania», вышедшей в Испании в 1920 г. отдельным изданием. С тех пор Шульцен в некоторых вопросах, в частности, касающихся этнографии Иберийского полуострова, успел несколько раз изменить свою точку зрения, о чем придется сказать особо. Однако, как работы Парра² и Мелиды³ по испанской археологии или выше упоминавшийся труд Босх-Гимпера⁴ по этнографии, так и статья Шульцена об Испании, особенно в ее последующем испанском издании, продолжают оставаться важным материалом в изучении литературной традиции. Некоторое значение имеет работа Шульцена в RE для исторической географии Испании.

Мы видели в предшествующей главе, как возникают первые сведения об Испании в мифологической традиции. Развитие

¹ Herod., III, 115; IV, 45.

² P. Paris, Promenades archéologiques en Espagne, II, стр. 75—123. См. также его этюды в «Archäologischer Anzeiger», 1912, стр. 437 слл.; ср «Revue Archéologique» за 1916 и 1917 гг.

³ J. Melida, Arqueología española, 1929, стр. 1—418.

⁴ B o s c h - G i m p e r a, Etnología de la península Iberica, 1932.

литературной традиции даст нам материал, частично восполняющий пробелы мифологической традиции. Греко-римские авторы конца Римской республики и периода Империи раскрывают нам уже более или менее подробную картину Испании, ее географии, природных условий, а также быта и нравов древних иберов — жителей античной Испании.

После начальных туманных представлений о Гесперии и Атлантиде греки, по мере ознакомления с Западом, стали называть Испанию Офиуссой, что значит «страна змей»¹. Появившиеся названия других местностей, главным образом островов с тем же окончанием на «*ussa*», свидетельствуют о начале непосредственного ознакомления со страной в результате торговых поездок к побережью Испании. Около Кум находился остров Питекусса, остров Сардиния назывался Ихнусса², Балеары состояли из островов: Мелусса (*Menorca*), Кромьюсса (*Mallorca*), Питиусса (*Ibiza*) и Офиусса (Форментера). Со времен Гекатэя для Пиренейского полуострова утвердился новое название *Iberia* — от названия местных иберийских племен полуострова. Надо полагать, что ознакомление с самими иберами и установление более тесных связей с ними склонило греков к выбору нового термина для обозначения полуострова. О таком обосновании происхождения нового термина говорит отчасти то обстоятельство, что он отсылался к южному и восточному побережью Испании, т. е. именно к тем районам последней, с которыми греки в результате последующей колонизации установили тесную связь и которые, таким образом, по своему населению известны были как иберийские. Весь же остальной материк полуострова в это время фигурировал в качестве Кельтики, т. е. непосредственного продолжения страны кельтов, или Галлии. Только начиная с римской эпохи, весь полуостров в целом выступает под названием «*Hispania*»; следует отметить, что происхождение этого термина еще до сих пор не разрешено в науке³.

¹ См. *A v i e n*, *Ora maritima*, 77.

² См. *P a u s.*, X, 17, 1.

³ Насколько неясно происхождение термина «*Hispania*», показывает, правда, очень старая гипотеза Борхардта (*Geogr. Sacra*, 1712, стр. 631), предполагавшего, что это название идет от финикийского *span* и означает страну кроликов. Такое объяснение не принято в науке; правда, ничего иного не выдвигается взамен этой гипотезы. Столь же неблагоприятной оказалась задача объяснить происхождение названия «Иберия» или «иберы». Аппиан пытался сблизить пиренейских иберов с кавказскими, жившими между Кавказским горным хребтом и Араксом. Он писал, между прочим: «азиатских иберов одни рассматривают как колонию иберов европейских, другие — как отцов последних, третьи полагают, что у них нет ничего общего, кроме имени, и никакого родства ни в образе жизни, ни в языке» (*De bello Mithrid.*, 101). Другие вы-

В географии Иберийского полуострова необходимо различать два периода: до и после Пифея (Pytheas, IV в. до н. э.), путешествия которого являются как бы гранью в развитии географических понятий древних. Старые географы до Пифея не знали глубокой излучины, которая образуется Бискайским заливом (между Галлией и Испанией), и поэтому представляли полуостров как прямолинейное продолжение Галлии. Попытки реконструкции географических карт по Гомеру и Гесиоду, Гекатею, Эхилу и Геродоту убеждают нас в этом¹. Отсюда понятно, почему древние авторы до Пифея считали полуостров не самостоятельной страной, а частью Кельтики, хотя страна населена была не только кельтами, но и иберами. Этнографические познания древних базировались скорее на географических представлениях, чем на непосредственном наблюдении и изучении жизни народов. В этом отношении следует подчеркнуть значение открытия Эратосфена, который первым установил различие Иберии, т. е. полуострова, населенного иберами, от собственно Кельтики, населенной галлами²; границей между этими странами выступают у него Пиренейские горы. Эти точные знания об Иберии явились следующей ступенью в развитии географической науки древних. Таким образом, конечно, Пифей, установивший излучину Бискайского залива, создал основы для открытия Пиренейского полуострова в качестве самостоятельного целого.

Из источников, дающих систематическое изложение географии Иберийского полуострова, основными являются произведения позднеримского писателя IV в. н. э. Авиена (Avien., *Ora maritima*). У него даны наиболее древние географические сведения, восходящие к не дошедшему до нас периплу VI в. до н. э. Трудно разрешить вопрос об источниках этого цельного произведения по испанской географии и древности; мнения ученых по этому вопросу расходятся, хотя в основном может быть принята теория А. Шульцена, изложенная в первом томе *Fontes Hispaniae Antiquae*. Одним из древнейших источников географии Авиена был также Пифей, сведения которого необходимо поставить в связь с данными Авиена. Во всяком случае, хотя Авиен писал в IV в. нашей эры, он сохранил сведения, восходящие к IV и даже VI вв. до н. э.

сказывания древних см. у G. Götting, *Anciens peuples de l'Europe*, P., 1916, стр. 76 (Цит. по Шницмареву «Очерки по истории языков Испании», М.—Л., 1941, стр. 7).

Шульцен полагает, что у нас нет никаких данных для этнического или лингвистического сближения иберов Пиренеев с иберами Кавказа. Сопоставления их у древних авторов он считает случайными.

¹ См. А. В. М и н у л и н, «Испания в мифологии...», ВДИ, 1939 № 2, стр. 183, 187 и 189.

² *Strabo*, III, 2, 41.

Авиен сообщает нам, в частности, о южном и восточном побережьях Испании. Он уже знает разделяющий южные и восточные берега мыс де Гата. Далее, южный берег у него тянется до Столбов Геракла. Простирающееся дальше на запад южное побережье отмечается также определенным географическим пунктом — Кинетским мысом (ныне мыс Винсент), «обращенным туда, где склоняются на западе лучи солнечного светила»¹. Эти сведения приобретают авторитетность, так как согласуются с сообщением Геродота о народе кинетов. Наконец, Авиен называет и северо-западный угол — *Argii iugum*², ныне мыс Ортегаль. Таким образом, Авиен рисует пятиугольное очертание Испании, углами которой являются мыс де Гата, Столбы Геракла (Гибралтар), де Винсент, Ортегаль и излучина Бискайского залива. Однако из указаний длины восточного берега (7000 стадий)³, южного (2000 стадий)⁴ западного (3000 стадий, т. е. на 1000 меньше правильного)⁵ видно, что отчетливо обозначаются только три стороны материка, вытягивающегося в море и образующего собою как бы треугольник по линии Пиреней — Геркулесовы Столбы, Столбы — Винсент и Винсент — Ортегаль. Северная же сторона полуострова по линии Ортегаль — мыс Венеры отсутствует в описании Авиена, хотя она уже должна была быть ему известной. Бискайский залив почти неизвестен. О плоскогорье также впервые сообщает Авиен, который уже знал, что к северу от восточного побережья, «на обширных покрытых лесом равнинах» жил скотоводческий народ берибраки⁶. Эти сведения вполне совпадают с сообщением Эфора о населяющем «Кельтику» народе берибраков⁷.

Для установления и сравнительного изучения длины побережья по данным древних авторов необходимо также принять во внимание сведения летографа V в. Скилака, а о плоскогорье — данные Тимея⁸ и Аристотеля⁹. Пифей¹⁰ и Эратосфел¹¹, как сказано выше, являются границью, за которой следует более точное изучение и правильное представление о полуострове. Однако

¹ A v i e n., *Ora maritima*, 204 (FHA, I, стр. 63, комментарий, стр. 95).

² Там же, стр. 160.

³ Там же стр. 562 (FHA, I, стр. 74; комментарий, стр. 125—126).

⁴ Там же, стр. 562.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 483 (FHA, I, стр. 72, комментарий, стр. 119).

⁷ Фрагмент у Скипиа, 196; см. FHA, II, стр. 61; там же комментарий.

⁸ См. фрагменты и комментарии к ним в FHA, II, стр. 66—69.

⁹ Извлечения из Аристотеля в FHA, II, стр. 74—76.

¹⁰ Фрагменты из Пифея у Страбона с комментариями см. в FHA, II, стр. 77—81.

¹¹ Фрагменты из Эратосфена у Страбона см. в FHA, II, стр. 114—119.

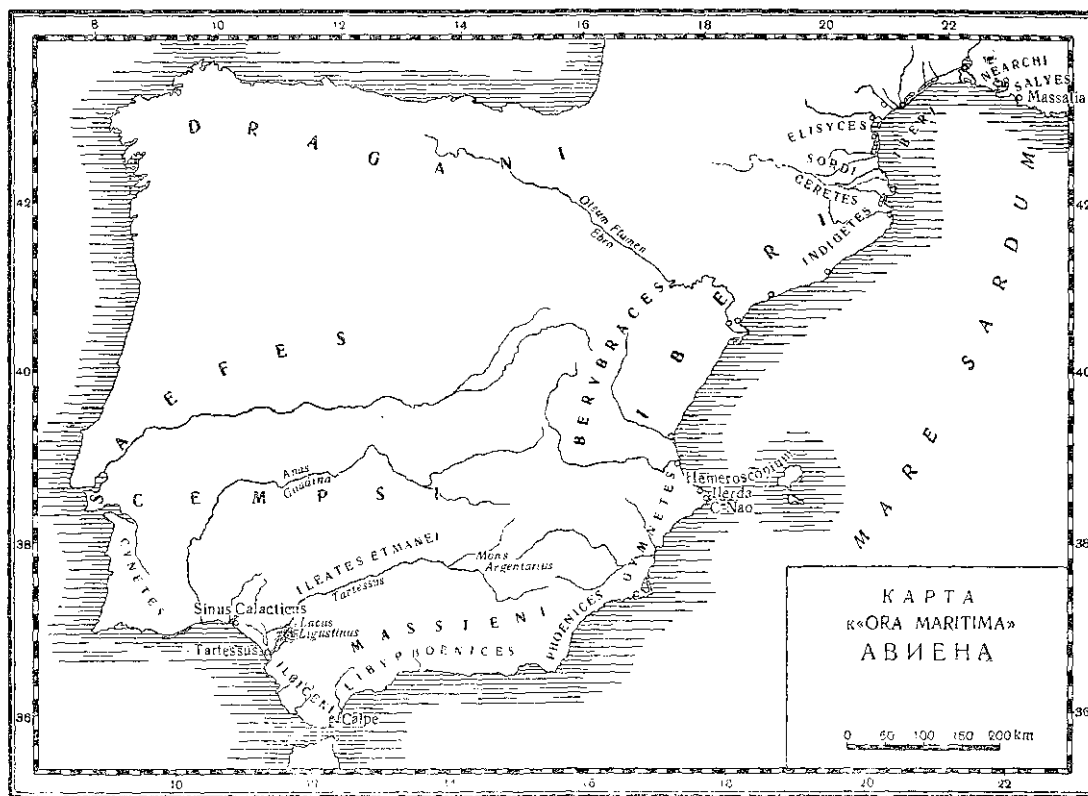

Рис. 3.

к дальшим этих авторов с пренебрежением отнесся Полибий. Хотя он и располагал большими знаниями, благодаря главным образом успехам римского завоевания, однако он совершил немало ошибок в описании Пиренейского полуострова. Мы не можем здесь дать развернутый анализ сообщений всех авторов по географии, но о Полибии требуется сказать, что он заблуждался и насчет направления Пиренейских гор (с севера на юг?)¹; неверно также его указание, что «Тар стекает с этих гор»²; неправильно он говорит о длине западной части Средиземного моря, вследствие чего Испания оказалась сильно вытянутой в длину³.

Следующим значительным источником является географ Артемидор (около 100 г. до н. э.)⁴. Он уточняет точечные пункты западного, южного и восточного побережий Испании. В сравнении с Пифеем Артемидор делает шаг назад, так как он представляет полуостров не в виде четырехугольника, а всего лишь треугольника, стороны которого он старается изучить как по внешним очертаниям их, так и по длине⁵.

Географический обзор Испании, составленный знаменитым философом и ученым Посидонием (135—51 гг. до н. э.), сохранил у Страбона⁶. Посидоний сравнивал Испанию с растянутой шкурой быка, причем шее у него представляли Пиренеи, заднюю часть — расстояние между мысом Висент и promuntium Negum, а бока — южное и северное побережье полуострова. Пиренеи, согласно Посидонию, простираются на 3000 стадий и разделяют не только Иберию и Галлию, но также и Кельтиберию и Иберию⁷. Поэтому создается представление, что кастильские горы Посидоний считает продолжением Пиренеев. Это ошибочное воззрение снова встречается у Мелы⁸, Плиния⁹ и других авторов.

Карта мира Агриппы дает очертания страны, основанные на данных прежних географов (Полибий, Посидоний, Артемидор). Новое в ней и полезное для науки — подробное указание расстояний между различными пунктами полуострова. Эти сведения взяты из итнерариев, важных источников для труда Агриппы.

¹ P o l y b., III, 37. Эту ошибку Полибий повторяет затем Аппиан (Iberica, I).

² Места с описанием Иберии приведены в FHA, II, стр. 134—148.

³ См. интересные замечания по этому вопросу в статье «Hispania», RE, VIII, столб. 1967.

⁴ Все извлечения из различных авторов древности с подробными комментариями см. в FHA, II, стр. 150—162.

⁵ Более подробно об Артемидоре, см. RE, VIII, столб. 1972.

⁶ S t r a b o, III (passim); FHA, II, стр. 162—184.

⁷ См. у D i o d., V, 35 (FHA, II, стр. 163; комментарий — стр. 167—170).

⁸ M e l a, II, 85.

⁹ P l i n., NH, IV, 110.

Следующее место в хронологическом порядке среди географов древности занимает Страбон, который в основном пользуется данными Полибия, Посидония и Артемидора. Принято считать, что Страбон дает самую совершеншую географическую карту Испании, которая является лучшей среди других карт древности, хотя вопрос об источниках Страбона целиком не разрешен.

Наряду со Страбоном должен быть указан испанский уроженец, географ Мела. Именно Мела правильно определил очертания полуострова, благодаря чему последний вновь приобрел на картах четырехугольную форму, «утраченную» им со времени Полибия. У Мелы имеются точные сведения о берегах, подробные данные о двойном устье Бэтисы, а попытка изобразить полуостров в виде четырехугольника неоспоримо свидетельствует о том, что у этого автора были надежные источники. Однако вопрос об источниках Мелы не может считаться в науке окончательно решенным. Произведение самого Мелы является одним из лучших источников по античной Испании.

В значительной степени на данных Варрона и Агриппы основаны географические сведения Плиния. Конкретные данные о длине побережья в различных местах полуострова, о реках и т. д. нередко выступают у Плиния в преувеличенном виде¹. Поэтому следует согласиться с Шульценом, что Плиний некритически сочетал сведения из Агриппы и Варрона с данными Посидония и Мелы. Утверждение Плиния, что Агриппа и Август не могли ошибаться², весьма пагубно и резко снижает репутацию этого универсального ученого древности, давшего по другим отраслям знаний столь интересные и неопценимые сведения.

В исторической географии Испании занимают свое место и некоторые другие, менее значительные источники, как, например, данные Помпея Трога, Дионисия Периегета и др. В изложении Помпея Трога впервые в обиход вводится технический термин расе quadrata («почти четырехугольная») для характеристики внешнего вида полуострова. Сведения жившего при Адриане Дионисия Периегета выделяются своей оригинальностью. Только ему и Авиену известно племя цемисов. Дионисий, так же как и Посидоний, сравнивает очертания Испании со шкурой быка. Наряду с древними источниками, Периегет использовал и Посидония, и Плиния, и Мелу³.

¹ Например, длина Эбро у Плиния около 450 миль (III, 24), а на самом деле она менее 400 миль.

² P i n., XII, III, 17.

³ О Помпее Троге и Дионисии Периегете более подробно см. соответствующие статьи в энциклопедии Паули.

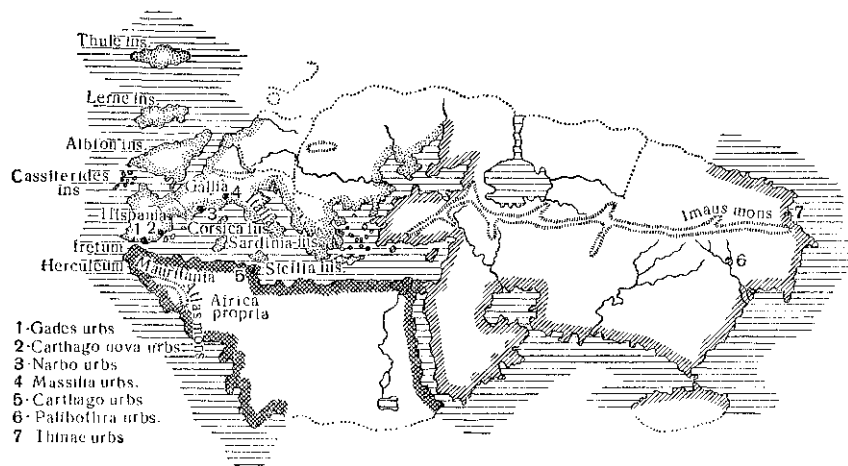
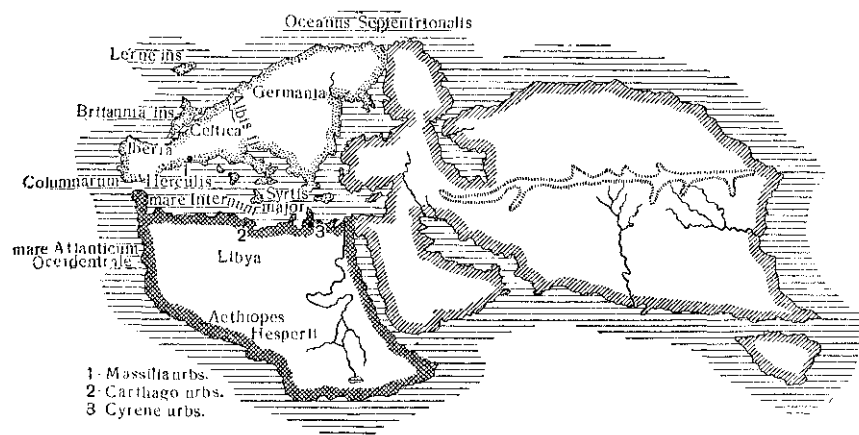

Рис. 4. Формы земли по представлениям Страбона (сверху) и Эратосфена (снизу).

Великий географ древности Клавдий Птолемей (середина II в. н. э.) открыл юго-восточный угол полуострова — открытие, по значению равное открытию Пифеем северо-западного угла Испании. Изучение восточного побережья внесло немало сведений в географию и главным образом в составление карт Испании¹. На основании данных Птолемея составлялись позднее различные компендиумы, из которых одним из более значительных является перипл Маркиана из Гераклеи на Пелопоннесе около 400 г. н. э.²; этот перипл опирался преимущественно на Посидония, Мелу и Плиния, особенно в той части, где утверждается, что Пиреней переходят в Кастильские горы.

Античные источники по географии Испании заканчиваются сообщениями ряда авторов IV—X вв., у которых заметен возврат к извращенной картине полуострова, как у Полибия. Так, например, Орозий³, описывая Испанию, изображает ее в виде треугольника, восточным углом которого являются короткии, как бы усеченные Пиреней, северным — Brigantium (Корунья), а южным — место у Гадеса. Географические материалы Орозий черпал у многих авторов, но главным образом у Плиния и Агриппы.

Равеннская космография, написанная в VII в., дает главным образом провинциальное деление, тогда как географии, составленные в X в. землемерами Барселона, касаются главным образом измерений и начертаний, основанных на примитивном и покиннутом уже после Пифея и Эратосфела представлении о треугольной форме Пиренейского полуострова.

Таковы свидетельства греко-римских авторов, которые в своих географических обзорах Испании заложили основы изучения географии полуострова. Эти свидетельства раскрывают нам всю эволюцию представлений, от смутных и несовершенных до более правдивых и в какой-то мере точных. Туманная Атлантида, или сказочная Гесперия греческих поэтов и мифологов, облекалась постепенно в более прозаические формы, которые окончательно стирали с географической карты Испании все черты неизвестности страны далекого Запада и создавали очертания новой, исторической Испании.

В географических рамках Пиренейского полуострова древние авторы помещали различные племена, открывая и в этом отношении своеобразную картину развития античных представлений; греко-римские авторы заложили основы не только исторической географии, но и этнографии полуострова. И в этой

¹ Более подробно см. А. Ш у л ь т е н, RE, s. v. «Hispania», столб. 1794.

² Marc. Negele, II, 1—18.

³ Oros., I, 2, 69.

области последние сумели поставить ряд исторических проблем, которые с глубокой древности и поныне волнуют историков.

О том, какой народ Пиренейского полуострова раньше всего становится известным, красноречиво говорят самые ранние сведения о Тартессе. Историчность представлений древних о царстве Тартесса с его населением — тартессийцами — подтверждается главным образом греческой литературой. Древнейшими из греческих данных являются сведения Стесихора (около 600 г. до н. э.)¹, восходящие к VII в., и Анакреонта² (около 530 г.). Следует, однако, сказать, что, называя Тартесс царством Запада, его царей Герियोпа (Геронта) и Аргантофия, а также реку Тартесс, источники еще не пользуются специальным термином для названия населения Тартесса. Только в том неизвестном источнике, к которому восходит Авиен, имеется термин «тартессийцы» (Авиен, 254).

Около 500 г. появляется новое представление о населении полуострова. Гекатей³ впервые определяет Пиренейский полуостров как Иберию, землю иберов⁴ с иберийскими городами Сиканой и Крабасией⁵, с иберийским населением⁶. Таким образом, Гекатей уже знает Иберию и населенные иберами южное и восточное побережье, а также и север, населенный лигурами⁷. Свидетельства Гекатея, а также анонимных авторов его эпохи впервые открывают нам Иберию. Эти свидетельства отчасти ставят на вопрос о населении Тартесса; одновременно они ставят новый вопрос древней этнографии — о лигурах на Пиренейском полуострове. Так, в одном фрагменте анонимного автора⁸ прямо говорится о Тартессе, как об иберийском городе, или городе Иберии; в другом фрагменте, у Стефана Византийского из Гекатея, называется Элибурга⁹ — город в царстве Тартесса. Шульцен полагает, что в данном случае речь, вероятно, идет об Илитурге, городе около Кордубы, т. е. на территории, которая, согласно позднейшим свидетельствам, действительно находилась в царстве Тартесса. Все это позволяет считать, что древние авторы, свидетельствуя об Иберии, одновременно косвенным образом сообщают о Тартессе, помещают его в Иберии и считают его иберийским по населению.

¹ См. текст и комментарии в ГНА, I, стр. 163.

² ГНА, I, стр. 164—165.

³ См. фрагменты в ГНА, I, стр. 165—168.

⁴ Фрагмент из Арриана, Анаб., II, 16 (ГНА, I, стр. 165).

⁵ Фрагмент из Стефана Византийского, *Г а с о б у*, FGII, I.

⁶ Там же FGII, I, стр. 46.

⁷ ГНА, I, стр. 168.

⁸ См. ГНА, I, стр. 169. Также у Свиды о Тартессе как иберийском городе. ГНА, I, стр. 168, там же комментарии.

⁹ См. в ГНА, I, стр. 166.

Другой вопрос, возникающий из этих свидетельств, связан с лигурами. Так, в одном фрагменте Стефана Византийского¹ говорится о «Лигустине», городе лигуров, который якобы находится в восточной Иберии, неподалеку от Тартесса. Некоторые ученые ставят это место в связь с фрагментом Гесиода о «лигийях»², о «лигустином озере» (*Lacus Iigustinus*) у Ависна³ и о «лигустином мысе» у Эратосфена и создают на этом основании теорию о лигурах как о древнейшем слое населения Испании. Эта теория, несмотря на ее популярность в общесоветской литературе⁴, не может, однако, считаться обоснованной, ибо ни один еще ученый до сих пор не привел для доказательства ее сколько-нибудь основательных филологических данных, археологических памятников или исторических фактов.

Таким образом, источники до VI в. включительно называют в качестве древнейшего населения Испании тартессисов, иберов и лигуров. Дальнейшие свидетельства⁵ говорят нам, что иберы — наиболее древние племена Испании. Это подтверждается не только свидетельствами греко-римских авторов, но и археологическими памятниками Испании.

У Геродота имеется самое древнее свидетельство о кельтах на Пиренейском полуострове⁶. Поэтому последующие авторы, исключая Геродота⁷, считавшего иберов основным племенем Испании, дают теперь более сложную этнографию полуострова. Так, например, в «Ога таритима» Ависен перечисляет иберийские племена и племена берибраков, которые он отличает от первых⁸.

Анализируя данные Ависена, Шульцен пришел в ранней работе по Испании⁹ к следующей этнографической теории. Автор «Ога таритима» делит население полуострова на три народности: лигуров, иберов и кельтов. Лигуры, по мнению Шульцена, находились только на юго-западе у мыса Винсет (*Cynetes*), а также по ту сторону Пиренеев. Иберы владели всем южным и восточным побережьем, т. е. лучшей частью полуострова.

¹ FNA, I, стр. 169, фрагм. 2.

² См. FNA, I, стр. 161.

³ *Avien., Oga taritima*, 285 (FNA, I, стр. 66; комментарии см. стр. 103).

⁴ В советской литературе она представлена как в специальных статьях («Советская этнография», 1939, № 1, статья Казацкого), так и в учебных пособиях (см. «Очерки по истории древнего Рима» проф. Сергеева, ч. 1).

⁵ См. FNA, I, стр. 19—21.

⁶ *Herod.*, II, 33; IV, 49.

⁷ Там же, фрагм. в FNA, II, стр. 37—38.

⁸ См. FNA, I, стр. 57—59.

⁹ RE, «Hispania», столб. 2011.

Кельты же занимали запад и плоскогорье полуострова и делились на три племени: цемпсов и сефов на западе, берибраков на востоке.

Около 340 г. до н. э. псевдо-Скилак¹ считает греческую колонию Эмпорион границей двух племен — лигуров и иберов. При этом за Эмпорионом и вплоть до самой Роны живут «лигуры и смешанные иберы», что дает основание полагать, что, согласно Скилаку, иберы некогда занимали территорию вплоть до самой Роны. Такое предположение обычно сочетают со свидетельством Эхила, который, согласно Плинию², считает, что Рона находится в Иберии³. Как бы ни относиться к этому положению, оно определенно противоречит тому, что устанавливает Шульцен на основании свидетельств Авиона.

Совершенно новый этнографический момент Пиренейского полуострова выступает во фрагментах Эфора⁴. Этот крупный историк IV в. утверждает, что основным населением полуострова являются кельты⁵. Только юг и восток полуострова были заселены иберами. Река Бэтис течет, по мнению Эфора, «из Кельтики»⁶. Берибраки, в отличие от иберов, как и все остальные неиберийские племена, столь многочисленны, что образуют в античной Испании целую кельтскую область, которая и называется «Кельтикой». С племенами же лигуров обитатели Испании соприкасаются у греческой колонии Эмпорион. В полном соответствии с данными Эфора о существовании «Кельтики» на полуострове находится и замечание Аристотеля⁷, согласно которому плоскогорье называется «Кельтикой».

В III в. до н. э. Тимофей⁸ продолжает установившуюся непосредственно перед ним литературную традицию и разделяет полуостров на Иберию и Кельтику. Эта литературная традиция находит свое завершение у Тимея⁹ (первая половина III в.); у него также перечислена область «Кельтика» и кельтское население плоскогорья. С Тимеем же связано и впервые встречающееся в античной литературе слово «кельтиберы»; древние авторы, в частности Аппиан¹⁰, полагали, что название «кельтиберы» возникло в результате смешения племен иберов и кельтов.

¹ См. принадлежащие ему фрагменты в FPA, II, стр. 66—69.

² Соответствующий фрагмент Эхила см. в FPA, II, стр. 19.

³ RE, s. v. «Hispania», столб. 2011.

⁴ FPA, II, стр. 54—63.

⁵ Там же, стр. 59; см. также комментарии.

⁶ Там же, стр. 55.

⁷ A r i s t o t ., De animal. gener., 38, FPA, II, стр. 76. Все фрагменты по Испании собраны там же, см. стр. 74—76.

⁸ FPA, II, стр. 91—93.

⁹ FPA, II, стр. 91, 1а.

¹⁰ A p p i a n , Iberica, I, 2.

Столь же значительны свидетельства Эратосфена¹. Считая иберов основным населением Испании, он впервые в истории древности называет весь полуостров «Иберией», тогда как до него это название применялось лишь в отношении к южному и восточному побережьям. Обращает на себя внимание тот факт, что Эратосфен уже не говорит о кельтах. Это обстоятельство может быть объяснено лишь усилившимся ко времени Эратосфена процессом иберизации полуострова. Этот процесс может быть подтвержден не только последующими свидетельствами древних об Иберии, но и археологическими памятниками иберийской культуры. Процесс иберизации полуострова долгое время изучался Бош-Гимперой².

Необычайно важный материал как по географии и политической истории, так и по этнографии Испании дают Полибий, Ливий и Страбон.

Полибий продолжает установившуюся литературную традицию о полуострове как об иберийской стране. Рассказывая о карфагенских и римских войнах, Полибий упоминает о кельтах только на юго-западе и северо-западе полуострова, вся же остальная территория, согласно этому автору, заселена иберами. Таким образом, ко времени Ганнибала Испания представлялась Полибию почти совершенно иберизованной³. Шульцен считает, что Полибий и Ливий основывались в своих изложениях войн 218—179 гг. на материалах Фабия Пиктора. Сведения из Фабия Пиктора изложены также в «Iberica» Аппиана и в пятой книге Диодора⁴. Благодаря этим авторам, мы получаем подробные сведения о различных племенах и местностях юга и востока Испании. Ценность этих источников выходит за обычные рамки. Ливий, например, дает интересные и точные сведения о плоскогорье полуострова и о его западной части. В своем описании Ливий открывает нам целую новую страну и ее обитателей — Лузитанию и лузитанцев. Для изучения лузитанских войн с Римом этот источник представляет исключительный интерес.

Что касается Полибия, то он в XXXIV книге своей истории дает прекрасное изложение кельтиберийских и лузитанских войн 154—133 гг. Эти сведения частично сохранены также Страболом и Посидонием, продолжателем Полибия.

Изложение географии и этнографии полуострова в трудах Полибия, Посидония и Артемидора Эфесского (I в. до н. э.) непосредственно отражает впечатления и наблюдения авторов

¹ FNA, II, стр. 114—119.

² B o s c h - G i m p e r a, ук. соч., тл. XXVIII, стр. 620—640.

³ См. P o l y b., III, 14.

⁴ D i o d., V, 31—32.

во время их путешествий по Испании. Артемидор Эфесский, Асклепиад из Мирлеи и Посидоний отразили в своих описаниях процесс эллинизации и романизации в Испании. Так, Артемидор во второй книге своей географии описал Иберию, особенно южное и восточное побережье, на основании собственных наблюдений; в этом описании он передаст местные названия в греческих терминах. В особенности это относится к Асклепиаду, который эллинизировал в своей «Периэгезе» Турдетанию, где он сам побывал. Он всюду находил там следы греческих героев и, кроме того, эллинизировал названия местностей. То же самое относится и к Посидонию, вероятно, посетившему Иберию между 90 и 87 гг. до н. э. Его описания кельтиберов и лузитанцев, сохраненные в пятой книге Диодора, должны быть отнесены к весьма серьезным и ценным свидетельствам древних авторов об Испании.

Мы не останавливаемся специально на свидетельствах Страбона, Сиция Италика, Апхиана и других авторов, поскольку документация их в области географии и этнографии не выделяется из ряда обычных сведений. Такой важный автор по истории Испании, как Страбон, был отмечен нами в обзоре свидетельств по географии, но в области этнографии он должен быть поставлен на второе место, ибо дает нам лишь формальные сведения.

Таким образом, развитие древних представлений по этнографии полуострова заставляет античных авторов называть его «Иберией», или страной живущих там различных иберийских племен. От мифической Гесперии и Атлантиды греки переходят к названию «Иберия» в связи с тем, что конкретное ознакомление с населением, главным образом с иберами, заставляет греков покинуть старую мифологическую традицию и принять новую историческую трактовку этнографии и географии древней Испании.

II

В основу разработки исторической географии и этнографии Испании легли материалы античных авторов. При изучении исторической географии Испании весьма полезными пособиями служат карты в приложении к СЛ, карты из Atlas Antiquus Кипперта и Шрупера-Менкса. Из маленьких географических карт нужно отметить карту испанских племен в приложении к дидотовскому изданию текста Страбона; кроме того, интересны отдельные издания, как, например, карта Испании по Ависну¹.

¹ A v i s n., Ora maritima (FHA, I, стр. 56—79), см. выше, стр. 34.

При изучении географии полуострова в историческом разрезе необходимы и современные карты Испании, без которых трудно ориентироваться, в особенности при изучении археологических раскопок в различных местах полуострова.

Испания — большой полуостров, находящийся в крайнем западном углу европейского материка, с которым он соединяется гористым перешейком шириной менее 300 миль, и омываемый с двух сторон громадой Атлантического океана, а с третьей — Средиземным морем; в одном пункте, у Гибралтара, Испания приближается к Северной Африке. С первого взгляда может показаться странным, что Испания, столь изолированная естественными географическими условиями, с самого раннего периода своей истории населена различными народами. Однако такая дифференциация тоже явилась результатом географических причин. В истории народов Испании географический фактор играет немаловажную, хотя далеко не определяющую роль. В данной связи мы остановимся лишь на той общей географической характеристике Пиренейского полуострова, которая имеет определенное значение при изучении исторических судеб древней Испании.

Полуостров в географическом отношении не представляет собою чего-то единого и цельного. Четыре различных куска влиты в материк полуострова и спаяны в своеобразной географической и естественно-исторической мозаике Испании: 1) плоскогорье, образующее большую часть страны; 2) побережья восточное, южное, западное и северное, которые простираются словно цветистая кайма вокруг бедного и сурового плоскогорья; 3) бассейн Эбро, который должен быть отдельно выделен столь же по географическим, сколь и по историческим основаниям; 4) бассейн Гвадалквивира (Бэтиса), географическая и историческая роль которого даст некоторое основание сопоставить его с бассейном Эбро. Эти области Испании образуют в некоторой степени самостоятельные естественно-исторические единицы, замкнутые и географически изолированные горными цепями, отрогами, бассейнами рек и низменностями побережья. Таков орографический скелет, или самой природой вытканная основа для испанской географии.

Испания находится в средиземноморской и океанской зоне Запада. Средиземноморская зона охватывает восточное и южное, а океанская — западное и северное побережья полуострова. Древние авторы останавливают свое внимание также и на центре полуострова, т. е. плоскогорье в бассейне Эбро, подробно описанном у Страбона¹. Климатические условия полуострова, его умеренно мягкий, не знающий африканской жары и

¹ Strabo, III, 12—14.

галльских холодов климат превозносил Юстин¹. Страбон² при описании Иберии особенно восхвалял восточное и южное побережья, их плодородие и, в частности, изобилие прекрасными фруктами. Эта средиземноморская часть Пиренейского полуострова являлась предметом внимания Флора и вызывала особое восхищение Полибия³, который, говоря о Сагунте, восторженно описывал его прекрасные берега. Впрочем, во взглядах на природные условия Нового Карфагена два автора древности Мела⁴ и Плиний⁵ разошлись в своих мнениях. Недостаток влаги в окрестностях Нового Карфагена обескураживал Мелу, тогда как цветущие всю зиму розы Карфагена наполняли нежными чувствами сердце Плиния.

Океанская климатическая зона, охватывающая собой западное и северное побережья Испании, подробно описывается Полибием⁶. Он отмечает мягкость климата, особенно западной части полуострова. Страбон⁷ более дифференцированно оценивает природные условия этой климатической зоны. Он говорит о более богатом севере (между реками Тагом и Дурисом), в отличие от бедного юга, т. е. района современной Альгарве. Однако северо-западные горы полуострова отмечаются Страбоном как суровые и бедные природными ресурсами⁸.

Характер климатических и природных условий плоскогорья Испании явился предметом описания у Страбона⁹ и у Аппиана¹⁰, которые черпали материал в основном у Полибия. По этому описанию плоскогорье характеризуется суровым климатом, часто бушующими ветрами, обильными дождями, даже снегом и льдом. В своем «Сертории»¹¹ Плутарх отмечает правильность этой характеристики. Он образно говорит о злом хозяине горной страны — суровом северном ветре, который будто бы дует с далеких Пиренеев. Ветер начинается утром, как вежливое дуновение, но по мере того как солнце поднимается над горизонтом, ветер становится все более порывистым, сильным и моцным.

Несколько иной в климатическом отношении уже в древности рисовалась южная часть плоскогорья, ныне Новая

¹ Justin., XLIV, 1, 4.

² Strabo, III, 4, 12—14.

³ Polyb., III, 17, 3.

⁴ Mela, II, 86.

⁵ Plin., II, XXI, 19.

⁶ Polyb., XXXIV, 8.

⁷ Strabo, III, 4, 16.

⁸ Там же, 13.

⁹ Там же, 12—14.

¹⁰ Appian. Iberica, 64.

¹¹ Plut., Sertor., 17.

Кастилия. В этой части находимась Карпетания, которую Аппиан называет счастливой, или плодородной, страной.

В отличие от вышеперечисленных областей подробного описания бассейна реки Эбро не имеется. В качестве особенностей климата здесь отмечаются сильные ветры¹, иногда вызывавшие подъем воды на Эбро.

В общем климат Пиренейского полуострова отличался мягкостью и умеренностью, хотя отдельные районы имели свои особенности. В древности климат Испании был мягче, чем теперь, когда уничтожение лесов сделало его более резким; это подтверждается сообщением Плиния² о том, что плоды пальм в древности созревали в Испании, тогда как теперь пальмы не плодоносят. Если Юстин считал Испанию с ее благодатным климатом раем для земледельческих культур и населения, то в этом сказывается скорее восторженность автора, чем действительное знание страны.

Первым из древних авторов, отметивших особенности отдельных частей полуострова, был Полибий. Так, говоря о плоскогорье, он противопоставляет его побережью. Вслед за Полибием более подробную характеристику плоскогорья дает Страбон, резко противопоставляя его югу и востоку полуострова. И Полибий и Страбон в своих замечаниях о плоскогорье подчеркивали, что эта большая часть полуострова весьма бедна и мало пригодна для земледелия. Страбон³ говорит о землях перовных и нересеченных реками; он различает покрытые лесом отроги гор от голых и бедных водою террас на плоскогорье. Здесь Страбон полемизирует с Полибием, сообщившим, что якобы Тиберий Гракх завоевал 300 кельтиберийских городов. Страбон считает полуостров слабо населенным и не принимает версию о том, что в Кельтиберии было 300 городов (на плоскогорье). Если принять сообщение Авиена⁴, что плоскогорье некогда было покрыто лесом, то можно согласиться со Страбоном; численность населения стала возрастать на плоскогорье лишь позднее, в период романизации Испании, начиная со времени Августа.

Современное испанское название плоскогорья *рагато* выступает уже в древности как *рагату* и, возможно, является иберийским⁵. Во всяком случае в древних текстах такое обозначение мы можем проследить⁶.

¹ См., например, у А в л а Г е л л и я, VII, 22.

² P l i n., II, XIII, 26.

³ S t r a b o, III, 4, 12.

⁴ A v i e n., Ora maritima.

⁵ См. RE, Hispania, столб. 1980.

⁶ См., например, I u l. P o n o r i u s, GLM, 36 (*Darius currit per campos Hispaniae illustrans paramum*); также в CIL, II, 2660.

Страбон описывает северо-восточные горы, ограничивающие плоскогорье с северо-востока, и южные горы, окаймляющие плоскогорье с юга¹. Первые идут параллельно Пиренеям, начинаясь в земле кантабров, и доходят до Средиземного моря. Эти горы назывались у древних Идубедой. Южные горы, идущие на юг и поворачивающиеся немного на запад, заканчивались горой под Малагой. Они назывались Ороспедой.

Итак, на южном выступе северо-восточных гор, согласно Страбону, находилась цепь гор Идубеда; это название встречается еще у Апонима² и у Птолемея³. Полибий считал, что конечный пункт гор, разделяющий Иберию, восточное побережье и Кельтиберию, лежит у Сагунта⁴. Некоторые из этих гор связаны с историей борьбы иберов за независимость против римской оккупации. Так, например, гора *mons Caius*⁵ (ныне Монсадо) посвящена какому-то римскому полководцу. *Sal-tus Manlianus*, на котором римляне подверглись нападению⁶, следует, по мнению Шульцега, искать как раз на Идубеде, по которой следовали или вынуждены были проходить римские войска. *Sal-tus Manlianus* назван по имени претора Манлия, который в 195 г. вел войну в этих окрестностях и впервые перешел Идубеду⁷.

Что касается южных гор, то, как мы уже указывали, они назывались Ороспедой⁸. При более детальном ознакомлении выясняется, что Страбон имеет тут в виду не все южные горы целиком, а лишь восточную их часть. На Ороспедке обитали, по Страбону, орстаны и эдетаны. С нее стекает река Сукрон⁹. Весь этот район гор изобилует, по данным еще древних писателей, залежками различных металлов. Страбон называет, например, «Серебряную гору», с которой спадает Бэтис¹⁰, также указывает на копи Сисапон (Альмаден). Все пространство между Анасом и Бэтисом и несколько к северу от Кордовы называлось *Sal-tus Marianus*, т. е. по имени владельца копей, что отмечено во многих свидетельствах древности¹¹. Название *mons Marianus* до сих пор сохраняется в географическом термине Сьерра Морена.

¹ Strabo, III, 4, 10.

² GGM, II, 501.

³ Ptolem., Geogr., VI, 20.

⁴ Polyb., III, 17, 2.

⁵ Mart. I, 49; IV, 55. Также Liv., XL, 50.

⁶ Liv., XL, 39.

⁷ Там же, XXXIV, 49.

⁸ Strabo, III, 4, 10.

⁹ Там же, 14.

¹⁰ Там же, 2, 11.

¹¹ Tac., Ann., VI, 19, Ptolem., II, 12; Plin., XII, XXXIV, 9.

Значительным горным массивом являются Кантабрийско-Пиренейские горные цепи, орографическое единство которых признавали уже древние авторы. Самое название Пиренеев связано своим происхождением с греческими сказаниями, которые по-разному объясняли это название. Так, Геродот¹ и Авиен² считают, что Пиренси³ названы так греческими мореплавателями по городу Пирене, лежащему вблизи современного Pont Vendres. Иную версию дают другие авторы. Так, Силий Италик производит имя от Пирены, дочери царя бобриков, которые жили по обеим сторонам Пиренеев. Диодор⁴ сохранил нам фантастическую версию Посидония, согласно которой Пиреней получили свое название от пожара колоссальных лесов, который расплавил металлические богатства земли и открыл их. Эти горы уже в древности внимательно изучались, хотя со времен Полибия было в ходу неправильное представление о протяжении Пиренеев с севера на юг. Но только со времени Птолемея, наконец, было принято правильно указывать направление гор с востока на запад⁵.

Уже в древности были изучены перевалы и дороги, проходившие через эти горы и связывавшие юг Галлии с северо-востоком Испании. Самый древний и главный путь из Галлии в Испанию и обратно шел вдоль побережья через восточную оконечность Пиренеев. Эта дорога была вымощена камнем еще до Полибия, т. е. со времени иберийских войн⁶. Первое упоминание об этой дороге мы имеем у Ливия для 218 г.⁷ Саллюстий⁸, Страбон⁹, Плиний¹⁰ свидетельствуют, что на самом высоком пункте этой дороги стоял построенный после войн с Сергорием трофей Помпея. Благодаря находке одной надписи¹¹ удалось установить, что монументальный трофей должен был стоять на высотах Приморских Альп.

Вторая дорога шла через Сомпортский перевал на Яку и Сарагоссу. В сравнении с первой дорогой она не играла большой роли, ни торговой, ни военной. Если первая имела

¹ Herod., II, 33.

² Avien., Ora maritima, 559-560.

³ Πυρήνη; Πυρήνια ὄρη; Πυρήνιον ὄρος; Pyrenaicus mons у Плиния в Мелы

⁴ Diord., V, 35.

⁵ Ptolem., II, 6, 11; кроме Птолемея, правильное представление дает также Плиний, IV, 110; Мела, II, 85 и Орозий, I, 2, 73.

⁶ См. соответствующие данные. Сил., II, стр. 655; Полиб., III, 39; Страбон, III, 4, 9.

⁷ Liv., XXI, 23.

⁸ Sallust., Hist., III, 89.

⁹ Strabo, III, 4, 9.

¹⁰ Plin., VII, III, 18.

¹¹ Сил., II, 655.

большое военно-торговое значение и в древности называлась «Ганнибаловой дорогой», то о второй в источниках сохранилось очень мало данных. Третий путь через Пиренеи проходил от современного города Бордо через *summus Rutenasus* и через Ронсевальскую долину в Памплону¹. Это был естественный путь, проложенный самой природой, и им пользовались, надо полагать, самые различные народы в период древних переселений, главным образом, из Галлии в Испанию.

Довольно значительной горной цепью является Астуро-Кантабрийская. Древние по-разному называли отдельные части этой горной цепи. Так, Плиний² знает на Западе горные цепи *iuga Asturum*, названные так по племени, обитавшему в этих горах, а на востоке — *Vasconum Saltus*, по живущим здесь васконам. Между астурами и кантабрами была пограничная горная гряда, называвшаяся *Mons Vendius*. Многие древние авторы³ сообщают нам о горах, где жили кантабры и где они имели свои последние убежища в войнах с Римом во время Августа.

У реки Миниус (ныне Миньо), там где жили колаики, находились отдельные вершины этой Астуро-Кантабрийской цепи, которые приобрели известность у многих древних авторов в связи с борьбой этого племени с Римом. Так, например, Орозий⁴ называет *Mons Medullius*, на которой колаики нашли последнее в борьбе с римлянами убежище. Однако от этой горы необходимо отличать другую *Medullium*, расположенную в области кантабров и которую называет нам Флор⁵. Вся эта горная Астуро-Кантабрийская цепь была богата ископаемыми⁶. «Железная гора»⁷ у кантабров, «Священная гора»⁸ у колаиков стали известны именно в этой связи.

Для полноты картины нам остается сказать несколько слов о западных, кастильских и андалузских горных цепях, значение которых невелико в сравнении с главными горами, указанными выше.

Страбон⁹ называет западные горы между Аласом и Тагом лишь в связи с их богатством металлами. Дион Кассий¹⁰ упоминает о существовании к югу от Дуриса Герминиевой горы, ныне Сьерра Эстрелья. Это упоминание интересно разве в связи с тем, что неподалеку находился город Медобрига, который

¹ CIL, II, стр. 650.

² Plin., NH, III, 6.

³ Так, например, Flor., II, 33; Ptolem., II, 6, 20; Oros., VI, 21, 5.

⁴ Oros., VI, 21, 7.

⁵ Flor., II, 33.

⁶ Plin., NH, IV, 112.

⁷ Там же, 149.

⁸ Justin., XLIV, 3, 6.

⁹ Strabo, III, 3, 5.

¹⁰ Dio Cass., XXXVII, 52.

служил местом убежища для лузитанцев в борьбе против оккупации их страны римлянами.

С точки зрения географических представлений древних Кастильские раздельные горы интересны лишь постольку, поскольку их считали юго-западным продолжением Пиренеев. Плиний¹ их назвал просто *iuga Carpetana* по имени обитавшего здесь племени.

Андалузские горы представляли нечто целое в представлениях уже древних авторов. Шли эти горы дугой, широким гребнем от Карфагена до Столбов Геракла, отделяя долину Бэтиса от побережья. Однако древние писатели, несмотря на богатство этих гор, о чем свидетельствует Страбон², не дают им никакого общего названия.

К орографии полуострова относятся еще две большие долины, образуемые течением рек Эбро и Гвадалquivира. Эти долины имеют особое значение, ибо на их территории происходили значительные события древнеиспанской истории.

Долина Бэтиса (Гвадалquivира), ее особенности и богатства хорошо описаны у Страбона³. С запада и северо-запада долина ограничена Анасом. С севера долину замыкает Сьерра Морена, с юго-восточной стороны — Андалузские горы. Население этой долины — турдетаны — славилось в древности как посетители древнейшей культуры Испании. Здесь некоторые ученые локализуют царство Тартесса; на этой территории были ключом первые источники цивилизации на Пиренейском полуострове, которые обратили внимание авторов библейских текстов и карфагенских мореплавателей, основавших к югу от устья Бэтиса свой знаменитый порт и торговую факторию — Гадес. Археологические раскопки, а также наличие коней в северной части долины свидетельствуют, как мы еще увидим ниже, о высокой культуре и широких связях обитателей этой долины.

Долина Эбро, или Ибера, как называлась эта река в древности, также прекрасно описана у Страбона⁴ и Аппиана⁵. Замкнутая с северо-востока Пиренеями, с запада отрогами плоскогорья, она образует неширокую равнину, простирающуюся от излучины Бискайского залива до излучины Балеарского, или Иберийского, моря. В общем благоприятные условия для развития земледельческой культуры в Испании объясняются не только наличием плодородной почвы, долин, степей, но и достаточным количеством влаги, а также наличием рек, которых в Испании немало.

¹ P l i n., II, IV, 110.

² S t r a b o, III, 2, 8; 4, 10.

³ Там же, 4, 9; 2, 3 слл.

⁴ Особенно S t r a b o, III, 4, 9—10.

⁵ A p p i a n, Iberica, 86.

Рек восточного побережья, текущих с севера на юг, имеется не менее шестнадцати, среди них знаменитый Ибер (Эбро) со своими притоками и Сукрон (Хукар). Северное побережье принимает восемь рек; ни одна из них не сыграла значительной исторической роли. Большинство рек принимает западное побережье. Их насчитывается семнадцать, и среди них такие, оставившие след в истории, как Таг (Тахо), Дурис (Дуэро) и Мивиус (Миньо). Как северное, так и южное побережье принимает небольшое количество рек; их тоже насчитывают восемь; но в отличие от северного южное побережье известно такими крупными реками, как Бэтис (Гвадалквивир) и Анас (Гвадиана).

Реки Пиренейского полуострова играли хозяйственную роль не только для земледельческой культуры населения, но и как пути сообщения. Меньше всего рек и влаги было на плоскогорье. Аллиан¹, например, говорит, что при переходе через районы современной старой Кастилии летом 134 г. до н. э. войска совершенно не встречали воды. Поэтому приходилось выкапывать колодцы, которые давали плохую воду. О недостатке воды свидетельствует также большое водохранилище города Палансия². Мела³ говорит даже об исключительном недостатке воды на всем полуострове. Но это верно лишь в отношении плоскогорья, которое было действительно бедно водой, ибо лесов, задерживающих влагу, на плоскогорье произрастало явно недостаточно⁴. Именно в этой связи Плиний⁵ говорит об орошении виноградных полей.

Вообще же влаги и многоводных рек в Испании было вполне недостаточно. Именно это обстоятельство заставляло Юстина⁶ петь дифирамбы испанским рекам. Современное изучение рек на Пиренейском полуострове показывает не только на многоводность рек, но и на частые большие наводнения на юго-восточном побережье от Малаги до Барселоны, о чем знал уже Цезарь, который и отметил это в своих записях⁷. Это, однако, вовсе не говорит за то, что реки Испании с древности и до наших дней не претерпели никаких изменений. Некоторые из них обмелели настолько, что потеряли свое прежнее значение. Аллиан⁸ говорит, например, о том, что во время осады Нуманции на верхнем Дурисе (Дуэро) ходили парусные лодки, что

¹ Там же, 88.

² Там же, 54.

³ M e l a, 86. Этот автор утверждает, что и район Нового Карфагена был весьма засушливым.

⁴ S t r a b o, III, 1, 2.

⁵ P l i n., II, XVII, 249.

⁶ I n s t i n., XLIV, 1.

⁷ D e b e l l o c i v i l i, I, 48.

⁸ A p p i a n., Iberica, 91.

теперь совершенно невозможно. Известно также, что некоторые реки, как Сингилис (ныне Хенилло) или Маспива (ныне Беллец у Малаги), известные в древности как судоходные, теперь в летнее время почти совершенно пересыхают.

Таковы климатические и общегеографические условия Пиренейского полуострова, в которых протекал исторический процесс развития народов древней Испании. Характеристика географических условий была бы неполной, если бы мы не остановились на обзоре флоры и фауны полуострова той эпохи.

III

Древние авторы оставили нам много сведений о флоре и фауне древней Испании. Ознакомление с этими сведениями вводит нас в конкретную естественно-историческую среду, в которой жили, действовали и творили обитатели полуострова в древние времена.

Источники дают нам картину богатства растительного мира Испании. Сидоний Аполлинарий,¹ описывая лесные богатства Испании, считает лес главным предметом вывоза. Это замечание древнего автора приобретает особый интерес в наши дни, когда вывоз леса в Испанию стал главной статьей ее импорта. Аппиан² говорит, что Нумантийская равнина была окружена сплошными зарослями леса, тогда как теперь лес встречается только в горах. Одна надпись³ вспоминает даже об ольсах в северной части плоскогорья. Ависен⁴ и Марциал⁵ свидетельствуют о наличии леса на плоскогорье. Достаточное количество леса было и на южных склонах Пиренеев, тогда как теперь испанская сторона Пиренеев совершенно гола, а северная покрыта лишь соснами и слями. Немало было лесов и в Галисии, как о том свидетельствует Орозий⁶, или на Аппалузских горах, что подтверждает неоднократно Страбон⁷. Область Бэтики, кроме других богатств, обладала также и лесом. Большие пространства были покрыты дубовыми массивами⁸, хвойные же деревья росли преимущественно на южном склоне Пиренеев. Встречались также и лиственные леса.

Из культурных растений наиболее существенную роль в народном хозяйстве играла олива. Оливковая ветвь являлась

¹ A p o l l i n., V, 49.

² A p p i a n., Iberica, 76.

³ C i l., II, 2660.

⁴ A v i c e n., Ora maritima, 404—405.

⁵ M a r t., I, 49; XII, 18.

⁶ O r o s., VI, 26, 6.

⁷ S t r a b o., III, 4, 9.

⁸ P l i n., XII, XVI, 32, для юга Лузитании, и S t r a b o., III, 2, 7 для Бэтики.

символом Испании¹. Вполне естественно, что выработка оливкового масла играла большую роль в экономике ряда районов полуострова. Так, например, Бэтика поставляла большое количество масла в Рим. И по качеству и по количеству масло Бэтики занимало второе место после италийского. Плиний² говорит, что ни в каком другом районе почва не была так пригодна для культуры оливы, как в Андалузии, хотя этот автор отмечает также произрастание оливы и в Лузитании³. Об оливе к югу от Тарракона свидетельствует Ависен⁴; подарком здесь лежат «оливковый город» (*Olecastrum*) и течет «оливковая река» (*Oleum flumen*).

Равное с оливой значение в хозяйстве имел виноград. Плиний⁵ говорит, что самый лучший виноград был в Бэтике, притом это заявление не является субъективным мнением писателя. Сами жители городов Бэтики в качестве эмблемы на своих монетах изображали виноградную лозу. Виноград этой области Испании (Андалузии) давал самую тяжелую кисть и легко переносил жару⁶. Многочисленные остатки глиняных сосудов дают нам представление о степени распространения виноделия в тех или иных районах полуострова. В Бэтике вино обычно хранилось в больших сосудах. Особенно славились вина северной Каталонии⁷; большой известностью пользовалось также Тарраконское⁸ вино и вина южной Лузитании, о чем упоминает Полибий⁹. Все же, несмотря на наличие виноделия, вряд ли вывоз вина из Испании играл сколько-нибудь заметную роль. Косвенным подтверждением этого предположения является то обстоятельство, что в таблице тарифов Диоклетиана не был внесен ни один сорт испанского вина.

Значительную роль в хозяйственной жизни Испании играли культуры злаков. Страбон¹⁰ говорит нам, что к моменту римского завоевания эти культуры были распространены по всему полуострову и отсутствовали только у кантабров и астуриков. Хлебные злаки на восточном побережье засвидетельствованы были уже для V в. до н. э.¹¹. Ячмень упоминается в

¹ На монетах Адриана изображалась оливковая ветвь как атрибут Испании.

² P l i n., II, XVII, 31.

³ О сладких лузитанских оливах см. P l i n., II, XV, 17.

⁴ «Ora maritima», 495, 505 (FPA, I, стр. 72, комментарий, стр. 121).

⁵ P l i n., II, XIV, 71.

⁶ Там же, 30.

⁷ M a r t., I, 26.

⁸ S i l. I t a l., III, 369.

⁹ P o l y b., XXXIV, 9.

¹⁰ S t r a b o., III, 1, 2.

¹¹ A v i e n., Ora maritima, 502 Для III в. до н. э. см. сообщение Плиния, P l i n., II, XXVI, 47.

Лузитании¹, в Бэтике², около Карфагена³ и в Кельтиберии, где, по Плинию⁴, в год собиралось два урожая. На плоскогорье хлебные злаки зафиксированы в большом количестве ко времени кельтиберийской войны у ряда племен: у вакцеев⁵, у ареваков⁶, в Нумалции⁷, Термацции⁸, Укзаме⁹. Повидимому, значительно распространены были посевы хлеба в Лузитании¹⁰, ибо он там ценился очень низко. Мела¹¹ сообщает нам фантастические сведения о хлебном урожае лузитанских равнин и побережья. В римскую эпоху главные массы хлеба все же производились на плоскогорье, и римляне во время войн с кельтиберами, занимавшими этот район (ныне Кастилия), все время страдали от недостатка хлеба. Если плоскогорье являлось житницей для Испании, то сама Испания, наряду с Африкой и Сицилией, превращалась в житницу для Рима. Иберы, повидимому, в противоположность кельтиберам, преимущественно занимавшимся скотоводством¹², усиленно культивировали злаки. Большое количество хлеба, добывавшегося в Бэтике и на плоскогорье, использовалось также и для переработки. Из хлебного зерна лузитанцы, жители Бэтики и плоскогорья центральной части полуострова производили свой знаменитый напиток — пиво.

В обзоре растений, культивировавшихся на полуострове, надо указать также на культуру льна, о чем сообщает нам ряд греко-римских авторов¹³. Есть основания полагать, что финикийцы вместе с пальмой принесли с собой в Испанию и хлопок — хлопковый куст, хотя это еще остается до сих пор недоказанным. В этом отношении гораздо лучше обстоит дело с тоже при-

¹ Polyb., XXXIV, 9.

² Plin., II, XVIII, 75.

³ Liv., XXXVI, 47.

⁴ Plin., II, XVIII, 75.

⁵ Appian., Iberica, 53, 87.

⁶ Там же, стр. 78.

⁷ Там же.

⁸ Sallust., Hist., II, 95.

⁹ Appian., Iberica, 47.

¹⁰ Polyb., XXXIV, 8.

¹¹ Mela, III, 47.

¹² См. о берибраках, бродивших со стадами на плоскогорье, у Авиена («Ora maritima», 486).

¹³ О произрастании льна в Эмпорионе см. Strabo, III, 4, 9; около Тарракона — Plin., II, XIX, 40. Город Сальтабис является чем-то вроде центра льняной промышленности, изготовлявшей тонкие ткани, тогда как Тарракон давал грубое полотно для парусов. См. Catull., XII, 14; Plin., II, XIX, 40; Sil. Ital., III, 373. О технике агрикультуры см. статью Е. Г. Кагарова, Исторические наслоения в земледельческой технике Испании, «Советская этнография», 1938, № 1.

поселенным в Испанию финикийцами эспарто¹. И сейчас эта трава имеет большое промышленно-техническое значение. Производство тары, цыпков, канатов, сапдалий и вещей бытового обихода занимало не последнее место. Эспарто произрастала на восточном побережье; этот район впоследствии даже получил название *Spartaria*².

О промышленном значении эспарто свидетельствует тариф Диоклетиана, специально перечисляющий и эту траву. Испания была богата и другими растениями, в частности ароматическими, о чем у античных писателей сохранились различные упоминания³.

Такова в общих чертах флора Пиренейского полуострова, как она представляется в произведениях греко-римских авторов.

Фауна Иберийского полуострова может быть также хорошо изучена по древним свидетельствам, по изображениям на камне, по надписям. Многочисленные находки в Нумандии оленьих рогов, а также рогов серны и быка, изображения на нумантинских вазах, камешные и глиняные изображения быка, а также найденные на Балеарах бронзовые бычачьи головы — все это свидетельствует о богатстве Испании оленями, быками и сернами. Столь же распространены изображения лошадей, причем эти изображения появляются уже в палеолитических пещерах. Нам еще придется говорить о прирученной иберийской лошади, хорошо поддававшейся дрессировке; кроме ручной, известна была еще дикая лошадь.

Среди неприрученных животных полуострова упоминаются волки, которых было немало в Кельтиберии (на плоскогорье)⁴ и медведи. Страбон называет газелей и бобров на испанских реках⁵. Наличие дикого кабана подтверждается надписями⁶. Имеются многочисленные указания древних авторов о кроликах, которые в Бэтике и на Балеарах являлись настоящим бедствием. Плинию⁷ принадлежит сообщение о том, что один италийский город был весь подрыт кроликами. Охота на это животное была весьма распространена среди иберов⁸; с этой целью

¹ Об эспарто см. *Mela*, II, 86; *Iustin*, XLIV, 1, 6; *Aul. Gell*, XVII, 3; *Plin.*, NH, XIX, 26; *Liv.*, XXII, 20.

² О *Campus Spartarius* см. *Plin.*, NH, XIX, 30; *Mela*, II, 86.

³ Например, у *Plin.*, NH, XXV, 85; *Cels.*, V, 27, 10. Многие из таких растений использовались весьма широко для приготовления различных лекарств. Целебные растения из Испании вывозились в другие страны.

⁴ *Appian.*, *Iberica*, 48.

⁵ *Strabo*, III, 4, 15.

⁶ *CIL*, II, 2660.

⁷ *Plin.*, NH, VII, 104.

⁸ Там же, VIII, 218.

иберы использовали хорька и так называемую «тартессейскую кошку».

В хозяйственной жизни древних иберов играло большую роль скотоводство. Крупный рогатый скот имел первостепенное значение, ибо иберы были главным образом земледельцами. Разводить быков и коров означало не только получать мясо и молоко, но и рабочую силу для сельскохозяйственных работ. Страбон¹ говорит, что большие стада рогатого скота имели прекрасные пастбища в нижнем течении Бэтиса. Как в Египте, так и в Испании был развит культ быка, и возможно, что знаменитое сказание о священных быках Гериона в мифе о подвигах Геракла имело под собою реальную основу — разведение крупного рогатого скота и культ быка в районе Бэтиса, в древнем царстве Тартесса. Значение и роль быка в хозяйственной жизни и почитание его подтверждает раннее изобразительное искусство иберов. Находки на Балсарах в этом отношении имеют исключительное значение для данного вопроса.

Разведение мелкого рогатого скота также было распространено в Испании в глубокой древности² ради получения шерсти и производства шерстяных материй. Кельтиберы из шерсти своих овец изготовляли пряжу для производства плащей (*sagum*), заимствованных у них римлянами³. Прекрасную шерсть давали овцы Бэтики, например, Кордубы, где цена одного барана-производителя доходила до таланта⁴. Среди различных цветов шерсти овец особенно славилась «золотистая», о чем говорит ряд древних авторов⁵. По свидетельству Варрона, овец в некоторых районах стригли два раза в год⁶.

Гораздо большее значение и выходящую за рамки чисто хозяйственной деятельности роль у древних иберов играла лошадь. В диком состоянии она водилась в горных местах полуострова. Повидимому, иберы были прирожденными наездниками, ибо еще в палеолитическую эпоху встречаются изображения лошади, а в историческую эпоху такие изображения встречаются на могильных плитах астурийских всадников — воинов⁷. Поэтому приручение и дрессировка лошади, о чем сообщают нам Полибий⁸ и Диодор⁹, начались очень рано, и среди

¹ Strabo, III, 2, 4.

² Avien., Ora maritima, 486.

³ Diod., V, 33; Appian, Iberica, 42.

⁴ Colum., VII, 2, 7; Strabo, III, 2, 6.

⁵ См. Plin., XII, VIII, 491; Mart., IX, 61, 3; XII, 98; V, 37, 7; XII, 63; XIV, 133.

⁶ Varro, II, 11, 7.

⁷ См. Сп., II, 5705.

⁸ Polyb., fragm., 95.

⁹ Diod., V, 33.

поселения плоскогорья в историческую эпоху были замечательные наездники. Иберийские лошади, как это показывают найденные в большом числе, главным образом глиняные, фигурки наездников, были средними, а может быть, и маленькими, но прекрасно приспособленными для горных районов. В римскую эпоху испанские лошади ставились впереди парфянских¹ по скорости бега, а по выносливости походили на ливийских лошадей, о чем говорят нам Полибий и Диодор. По мнению Шульцеца, иберийская лошадь происходит из Африки, однако этот вопрос пуждается еще в дальнейшем изучении.

Лошадь имела большое значение в военном деле древних иберов. Кельтиберийские наездники были одновременно и воинами; в горных районах и в степях лошадь являлась главным средством связи для военных доиссений². Особенно незаменимыми в этом отношении считались галлеские лошади, способные карабкаться по горам. Среди других пород выделялись также и астурийские лошади. Римляне, например, старались снабжать свою конницу в Испании астурийскими копыями.

Фауна Пиренейского полуострова, таким образом, была довольно разнообразна. Сельское хозяйство, культура ишпицы, виноградарство, с одной стороны, и разведение рогатого скота, мелкого и крупного — с другой, являлись основными видами хозяйственной деятельности иберов. Охота, рыбная ловля³ и пчеловодство⁴ — все это было весьма распространено на Пиренейском полуострове.

Теперь необходимо сказать несколько слов о горных богатствах, сыгравших большую роль в истории Испании и ее взаимоотношениях с другими странами, в частности с Римом.

IV

Вопрос о рудных богатствах Пиренейского полуострова и значении их для судьбы Испании в античную эпоху довольно подробно обсуждался в исторической литературе. Еще в половине XVIII в. Каррильо-Лазо посвятил свое исследование рудным разработкам античной Испании. Позднее работы Бэте, Резингера, Фрейзе, Блюмнера, Нейбургера и других ученых подвергли изучению античные тексты и весьма обстоятельно выяснили место древней Испании в истории развития металлургии.

¹ S t r a b o, III, 4, 15; S i l. I t a l., I, 222.

² A r r i a n., Iberica, 47, 48, 52.

³ Ловля макрели у Гадеса и рыбы баlearских вод, в частности скумбрия, упомянуты у П л и н и я, IX, 49, 68; XXXI, 94. О вывозе соленой рыбы из Испании упоминает С т р а б о н, III, 2, 6; 4, 6.

⁴ Об этом см. V a r r o, III, 16, 10; P l i n., XII, XXI, 74; XI, 18; S t r a b o, III, 2, 6; о медовом вине D i o d., V, 34; ср. I u s t i n., XLIV, 4, 1 — об изобретении его в Тартессе.

Сандерс пишет о разработке горных пород в Испании еще в неолитическую эпоху, когда человек был вооружен киркой из оленьего рога. Во всяком случае, за 2000 лет до н. э. на юге и юго-востоке полуострова рудники уже подвергались разработке. Со времени исследований Пари¹ установилось мнение, что это было время торговых и культурных связей с Критом и Микенами. Однако положение старой литературы по археологии Испании, о связях древней Испании с крито-микенской культурой не может быть принято в такой трактовке и ныне пересматривается в свете новых археологических данных.

Еще Библия сохранила нам сведения о железе, олове, серебре Таршиша (Тартесса)². Диодор³ и Страбон⁴ передают очень важное указание, из которого следует, что Посидоний посвятил испанским рудникам целую подробную главу. При чтении Плиния в глаза бросается упоминание об Испании всякий раз, когда речь идет о металлах⁵.

Если в настоящее время горнопромышленными районами считаются юго-запад (Сьерра Морена), юго-восток (район Картахены), северо-запад (Кантабрия) и северо-восток (Каталония), то в древности разрабатывался по преимуществу юг и юго-восток. Серебро было главным богатством Испании. Одной из причин, побудивших Рим к завоеванию Испании, являлось ее богатство металлами. Выкачка серебра и золота была одним из главных мероприятий римских эксплуататоров после превращения Испании в римскую провинцию. Еще до финикийцев и карфагенян царство Тартесса славилось своими серебряными богатствами, что, как мы указывали выше, отразилось в легенде о царе Аргантопии — «серебряном человеке». Финикийцы после падения Тартесса, а затем карфагеняне также разрабатывали серебряные рудники.

Теоретически можно предположить, что уже задолго до римского завоевания стремление финикийцев, греков и карфагенян к установлению связей с Пиренейским полуостровом обуславливалось прежде всего стремлением овладеть серебряными рудниками Испании. Страбон называет серебряные рудники около Илипы и Сисапона⁶, Ливий⁷ — у Картахены; на различные другие места дают указание некоторые надписи⁸.

¹ См. его «Essai...», а также Promenades archéologiques, I—II.

² Соответствующие библейские тексты см. в ФПА, I, стр. 157—160.

³ D i o d., V, 35.

⁴ S t r a b o, III, 2, 9.

⁵ P l i n., XII, XXIII.

⁶ S t r a b o, III, 2, 3.

⁷ L i v., XVIII, 3; также у С т р а б о н а, III, 2, 9.

⁸ См. СП, II, 284; 1001.

О серебряных рудниках в районе Эбро свидетельствует Катон¹. Ему же принадлежит передача сказания о пожаре, расплавившем серебро в Пиренеях. Плиний говорит о серебре около Уэски (*argentum oscense*). Серебро из Кантабрии² и Астурии³ упоминается у древних авторов весьма редко. В римскую эпоху большое значение приобрело, повидимому, серебро из Кельтиберии (плоскогорья), так как древние писатели⁴ утверждают, что большое количество серебра в слитках и монетах шло от кельтиберийских общин Риму в качестве подати. Обильная чеканка монет на плоскогорье производилась в тех же целях. Серебро, как для чеканки, так и для сплавов в слитки, добывалось, конечно, не на самом плоскогорье, а в северо-восточных и кастильских горах. Добыча серебра в Испании вообще была весьма значительной, а в римскую эпоху она достигла своего зенита на протяжении всей античности.

Гораздо меньшее значение имели золотые рудники, сведения о которых не так часты и подробны, как о серебряных. Прежде всего стоит указать на то обстоятельство, что в древности золото в главной своей массе добывалось не в рудниках, а в реках путем промывки песка⁵. Так, золото Бильбилиса⁶ было промыльным и добывалось на реке Халоне. Другие реки также несли с собой немало золота, правда, содержащего небольшую процент серебра. Что же касается рудных разработок, то они имели место в самых различных районах полуострова⁷, но, главным образом, в Астурии; еще Плиний⁸ устанавливал, что из 20 тысяч фунтов ежегодно добывавшегося в Испании золота главная часть падала на Астурию. Технические трудности разработки руд ограничивали, повидимому, добычу рудного золота.

Испанская медь была известна еще в доисторические времена. Во всяком случае добывание меди в период до II тысячелетия устанавливается в горах провинции Овиедо, а также в районе древнего Тартесса, о чем говорят Павсаний⁹ и Скимп¹⁰.

¹ Cato у Aul. Gell., II, 22; 29; ср. также Liv., XXXIV, 21.

² Plin., NH, XXXIV, 158.

³ Strabo, III, 2, 9.

⁴ Liv., XXXIX, 42; XL, 43; XLI, 7, 28; Appian., Iberica, 48, 52, 79.

⁵ Strabo, III, 2, 8; Plin., NH, XXXIII, 68—78.

⁶ Mart., XII, 18.

⁷ В Вэтике — Sil. Ital., III, 401; в Лузитании — Plin., NH, XXXIII, 78; Strabo, III, 3, 4; Justin., XLIV, 3, 5; в Астурии — Plin., NH, XXXIII, 78; Mart., XIV, 199; Flor., II, 33; Sil. Ital., I, 231; Lucan., Phars., IV, 298.

⁸ Plin., NH, XXXIII, 78.

⁹ Paus., VI, 19, 2.

¹⁰ Scymn., 164 (О фрагментах Скимна и некоторые тексты см. ФПА, II, стр. 55).

В эпоху бронзы альмерийская культура, как и само царство Тартесса, базировалась, повидимому, на разработках местных медных руд. В этом культурном арсале представлено большое количество бронзовых статуэток. Более того, как показал Бош-Гимпера¹, альмерийская культура, почти не знавшая неолита, переживала расцвет бронзы так пышно, как никакой другой район полуострова.

Что касается медных рудников в Испании, то, кроме вышеуказанных, древние авторы упоминают Mons Marianus² около Кордубы, рудники Котины³ и галлоксскую медь⁴. Древние медные рудники находились также около Альхустреля, т. е. в южной Португалии⁵.

Что касается добычи олова, то античные свидетельства дают нам противоречивые сведения. Так, Скимп⁶ утверждал, что река Тартесс приносила олово, тогда как Посидоний⁷ и Плиний⁸ указывают олово на северо-западе полуострова — на Касситеридских островах, между мысом Silleso и Falcoliga. Это противоречие объясняется просто ошибкой Скимпа, считавшего привозимое в Тартесс финикийскими купцами олово добытым на берегах Тартесса, тогда как оно добывалось или на Касситеридских островах или даже в Бретани, а может быть, и в Британии. Имеются у древних авторов противоречия и относительно способов получения олова. Об испанском олове Посидоний говорит, что оно находится в земле и требует разработки, тогда как Плиний полагает, что олово в Лузитании, Каллекии и на всем северном побережье добывалось на поверхности земли. В настоящее время уже твердо установлено, что испанское олово добывалось горнозаводским способом, а не путем промывания в реках или собирания с поверхности земли.

Нам остается в характеристике рудных богатств Испании остановиться еще на железе, его залеганиях и добыче. Древние иберы, как известно, славились своим стальным оружием. Гибкие мечи, кривые пожи (falcata), испанские «кинжалчики», небольшие клинки — все это было широко известно в древности⁹. Граттий, современник Августа, сообщает¹⁰, что такое производство имело место в Толедо.

¹ Rd s. v. Pyrenäenhalbinsel.

² Plin., NH, XXXIV, 4.

³ Strabo, III, 2, 3.

⁴ Justin., XLIV, 3, 4.

⁵ См.CIL, II, стр. 788; также Plin., NH, XXXIII, 68.

⁶ Scymn., 164.

⁷ См. Diod., V, 38; Strabo, III, 2, 9; 5, 11; Mela, III, 6; Ptolemaeus, II, 73.

⁸ Plin., NH, IV, 119, 122; XXXIV, 156.

⁹ Отзывы об испанском оружии см. у Плибия (VI, 23; fragm. 96) и Диодора (V, 33).

¹⁰ Grattius, Syn., 341.

Что касается мест добычи и разработки железных руд, то Катон у Геллия¹ и Ливий² называют долину Эбро. Плиний³ упоминает также о кантабрийском железе. Он называет гору около Сантандера, которая состояла целиком из железа. На севере, кроме кантабрийского железа, упоминается железо в Каллекии (Галисия). В незначительном количестве железо в древности добывалось и на юге, в Бэтике⁴.

Нередко залежки определенной руды сочетались и с другими рудами. Испания, как никакая другая страна древности, была столь богата металлами, что древние авторы в описании каких-либо рудников или металла одновременно указывают тут же на добычу или залежки другого металла. Так, например, вместе с серебром под Картахеной добывался также и свинец, хотя масштабы его добычи и использование последнего в жизни древних народов было, по видимому, весьма ограниченным⁵. Свинец добывался в различных местах полуострова⁶. «Островом свинца» была Плумбария под Картахеной, а в Лузитании город Медобрига также назывался «городом свинца»⁷.

Если свинец и олово добывались в сочетании с серебром, то то же самое необходимо сказать и о ртути⁸ и киновари⁹, которая добывалась главным образом по течению реки Минус (Миньо), самое название которой связано со словом «*minium*» — киноварь.

В хозяйственной жизни народов Пиренейского полуострова немалую роль играли разработки залежек соли и гончарной глины. Витрувий¹⁰ и Плиний¹¹ упоминают особый род легкой глины, кирпичи из которой плавали в воде. Из других сортов особенно славилась глина под Сагунтом, из которой делали специальные сосуды для вина и масла (*vasa Saguntina*).

Как говорилось выше, историческая и физическая география Пиренейского полуострова свидетельствует о своеобразном положении последнего в системе средиземноморских территорий. Весьма отдаленная от Египта, Ассирии и Вавилона и лишь впоследствии испытавшая влияние финикийцев, греков и римлян, Испания с ее комплексом различных племен долгое время

¹ Aul. Gell., II, 22, 29.

² Liv., XXXIV, 21.

³ Plin., NH, XXXIV, 149.

⁴ Strabo, III, 4, 6.

⁵ Там же, 2, 10.

⁶ Справки об авторах, писавших или упоминавших о свинце в Испании, см. RE, s. v. Hispania, столб. 2008.

⁷ Plin., NH, IV, 118.

⁸ Там же, XXXIII, 99, 123.

⁹ Там же, 118.

¹⁰ Vitruv., II, 3.

¹¹ Plin., NH, XXXV, 171.

оставалась самостоятельным культурно-историческим явлением, самобытным и независимым. Физическая география Испании, все особенности рельефа страны, климатических условий, различия в почве, природные богатства ее отдельных районов не только устанавливали в известной мере место этой страны в средиземноморской полосе античности, но и были весьма важным фактором дифференциации испанских племен, деления страны на различные культурные районы.

V

Проблемы этнографии Пиренейского полуострова необычайно сложны и запутанны.

Если согласиться с господствующей в исторической науке теорией, локализирующей Тартесс в Испании, то следует признать, что древнейшим народом Испании, который выступает в письменных источниках древности, были тартессийцы, или турдетаны (турдулы), как они назывались в более позднее время. Древние помещали этот народ в районе реки Тартесс, вокруг их главного города того же названия. Позднее страна, населенная тартессийцами, известна была под именем Турдетании.

Столь же древним народом Испании другие свидетельства античности называют лигуров. Со времени Гекатея¹ и до Эсхила на Пиренейском полуострове помещают наряду с тартессийцами и лигурами также иберов, которых Гекатей считает обитателями южного и восточного побережий полуострова.

Геродот² вносит кое-что новое в этнографию полуострова, включив в число обитавших там племен также кельтов. Уже у древних авторов мы встречаем сообщения о том, что в историческом развитии племен Испании происходило постоянно смешение прежде всего главных этнических массивов на полуострове: иберов и кельтов. Именно в соответствии с таким взглядом Тимей уже в 260 г. до н. э. ввел в литературу древних авторов понятие о «кельтиберах» (кельтах и иберах, слившихся воедино), в связи с чем появилось название «Кельтиберия»³. Но основной этнический массив составляли иберы, значительное преобладание которых придавало историческому развитию полуострова иберийский характер. Испания трактовалась у древних как страна иберов, или Иберия.

В дальнейшем древние ученые пытались путем тщательного изучения и непосредственного наблюдения внести племенную дифференциацию в состав иберов и кельтов, выделяя из того

¹ F H A, I, стр. 165—168.

² H e r o d., II, 33; IV, 49.

³ См., например, A r r i a n., Iberica (начало); также D i o d., V, 31—32.

и другого этнического массива отдельные мелкие племена; им давались или эллинизированные или романизированные названия, которые в большинстве своем могли являться греко-римской переделкой туземных иберийских племенных названий. Таким образом, греки, а потом и римляне наиболее мощным этническим пластом на Пиренейском полуострове считали иберов. По представлениям древних, вторыми по значению среди племен Испании являлись кельтиберы; далее шли лузитанцы, турдетаны, различные племена северо-запада полуострова и, наконец, жители Балсарских островов.

Если раньше между этими племенами не проводилось различий, то в последующее время в источниках заметна тенденция провести различия в характеристике отдельных племен и установить мелкие подразделения внутри иберов, кельтиберов и других этнических массивов. Древние устанавливали, например, значительные различия между иберами — жителями юго-восточного побережья Испании, с одной стороны, и кельтиберами, жителями сурового плоскогорья, — с другой. Первые считались культурными и невоинственными племенами, находившимися в связях с греками и римлянами, тогда как кельтиберы считались смелыми, воинственными и малокультурными. Первые жили более богато, вторые — бедно.

Что касается установления дифференциации в среде иберийских и кельтиберийских племен, а также горных народов севера и запада, то, в соответствии с показаниями древних авторов, тут вырисовывается следующая этнографическая картина. Племя турдетанов, или турдулов (тартессийцы), занимало территорию в бассейне рек Агаса, Бэтиса, древнего Ибера (Рио-Тинто) и до Столбов Геракла. Далее, на восток от турдетанов, шли бастетаны или бастулы, с городом Мастиа (Мурсиа). Таким образом, это племя обитало на побережье до района Картахены. Племена цильбиценов (сельбисины), обитавшие некогда здесь же, упоминаются только у древнейших авторов и исчезают в последующих источниках. К востоку от бастетанов и до реки Ибера (Эбро) жили племена илергетов, которые в этих районах фигурируют под именем илеркаонов, или илургавонов. Тут же, между бастетанами и илергетами, древние авторы¹ помещают и племя эдетанов, или деитанов.

По эту сторону Эбро мы сталкиваемся с новым и пестрым конгломератом племен. Прежде всего к северу жили собственно илергеты, город которых назывался Леридой. Вдоль побережья к востоку помещались цисетаны с городом Тарраконом, лацетаны с городом Барселоней; восточнее лацетанов

¹ P l i n., NH, III, 19.

обитали авземаны с городом Хероной и, наконец, отсюда и до Пиренеев жили индигеты.

В центре полуострова находились оретаны; они жили к северу от турдетанов, и их главным городом был Кастулон. Еще севернее — карпетаны с городом Толедо.

Кельтиберы делились на следующие четыре племена: ареваки, лузоны, беллы, титтии. Ареваки занимали долину Дуриса (Дуэро), в верхнем течении последнего, с городом Нумандией во главе этой территории. Остальные племена — лузоны, беллы и титтии — занимали бассейны Халона и Хилоки, притоков Ибера (Эбро). По среднему течению Дуриса жили вакцеи, веттоны с городом Паленцией (Паленсия); к северу и западу от них — астуры и кантабры, между Дурисом и океаном — племена каллаииков (галаики), бракары и кельтики¹. Далее к югу от Анаса (Гвадианы) находилось известное своими военными доблестями племя лузитанцев, от которых и вся страна потом стала называться Лузитанией. К востоку от нее племя веттонов как бы отграничивало племена побережья от кельтиберийских племен плоскогорья.

Если мы теперь обратимся к северо-востоку от Паленсии и вплоть до Пиренеев, то здесь встретим племена вардулов, турмодинов и беронов. Все они отделяются от бассейна среднего и нижнего Ибера (Эбро) племенами васконов, от которых, по мнению многих ученых, произошли позднейшие баски. Здесь, как и в других районах, мы не указывали мелких племен, восходивших к основным перечисленным группам.

Такова вкратце этнографическая карта древней Испании. В процессе изучения этих племен, их этнического происхождения встречаются большие трудности. Неточность и сбивчивость литературных свидетельств создали ряд проблем. К тому же археологического (антропологического в частности) материала было недостаточно. Иногда он не соответствовал показаниям греко-римских авторов. Все эти обстоятельства должны были обратить внимание исследователей. Испанская этнография стала создаваться со времен Нибура и Гумбольдта. Основанное на формальной физиологии положение о том, что баски — потомки древних васконов, было в последующем дополнено другим, также потерявшим теперь научную силу, тезисом о том, что баски являются потомками древних иберов (Гумбольдт).

Греко-римские писатели дают в руки историка исключительный по объему и значению исторический материал. Научная критика уже проделала немалую работу по проверке этого материала. Все же и до сих пор многие вопросы в источниках остаются неясными.

¹ Это племя обычно рассматривается как потомки кельтов.

VI

В начале нашего столетия в центре работы испанологов стала критика литературных источников по античной Испании. Основное внимание Шультена и Бош-Гимпера было обращено на соби́рание, систематизацию, комментирование и публикацию материалов. После длительной подготовки эти ученые приступили к изданию сборника источников *Fontes Hispaniae Antiquae*. С 1922 до 1940 г. изданы первые пять томов.

Первый том ФНА был подготовлен после первой империалистической войны и издан в 1922 г.¹ Этот том включает текст наиболее древнего источника по античной Испании, *Ora maritima* Авиена, восходящего к периплу VI в. до н. э.; в комментариях к тексту источника Шультен дает подробное изложение географических и этнических представлений о побережье Иберийского полуострова. Этот том включает также и все другие тексты, относящиеся к периоду до 500 г. до н. э. Сюда вошли две ассирийские надписи, библейские тексты, фрагменты из поэмы Гомера, Гесиода, данные из Стесихора, Анакреонта, Гекатея и прочие тексты, относящиеся к VI в., но без указаний эксцерпторов (например, Свида). Первый том ФНА, таким образом, явился значительным шагом вперед как в организации публикации источников по Испании, так и в критике их. Основным недостатком первого тома следует признать догматизм в комментировании текста Авиена А. Шульте́ном. Эта тенденция сказалась и в изложении немецким испанологом источников Авиена и в установлении текста в трудно читаемых местах. Эти обстоятельства заставили других исследователей выступить против такого комментирования источника, явно несовместимого с научной критикой документа². В связи именно с этим появилось новое французское издание Авиена.

Второй том ФНА был издан в Барселоне в 1925 г.³ В него вошли источники, пропущенные при издании первого тома

¹ См. *Fontes Hispaniae Antiquae* por A. Schulten y P. Bosch-Gimpera. Fasciculo I. Avieno, *Ora maritima* (Periplo massaliota del siglo VI a de J. C.) junto con los demas test monios anteriores al ano 500 a de J. C. Berlin, 1922.

Этот том был издан также в Берлине с комментариями на латинском языке.

² В 1934 г. в Париже был издан текст Авиена французским ученым А. Berthelot. В отдельных местах Бертело дает новое чтение источника, новые комментарии и свое, отличное от шульте́новского построение относительно возможных источников, к которым восходит текст Авиена. Положительная рецензия на это издание, противостоящее первому тому ФНА, дана в «*Revue des études anciennes*», XXXVII, № 2, 1935.

³ *Fontes Hispaniae Antiquae* por A. Schulten y P. Bosch-Gimpera. Fasciculo II. 500 a. de J. C. hasta Iisar. Barcelona, 1925.

(Киприй, Писандр из Камира, Паннасис из Галикарнасса) и все извлечения из древних авторов, касающиеся испанских событий от 500 г. до н. э. до 237 г. до н. э. Каждый эксцерпт из того или другого автора сопровождается соответствующим комментарием, а иногда и указанием исторической и филологической литературы, касающейся рассматриваемого предмета.

Третий том ФНА издан также в Барселоне в 1935 г.¹ В этот том, как и в предшествующий, вошло прежде всего то, что по разным причинам не было включено во второй том. Третий том в основном составлен из документов испанских войн с 237 г. до 154 г. до н. э., хотя фактически последний приведенный документ (из Ливия, XLV, 16, 4) в томе касается событий 167 г. до н. э. Очевидно, составителю не удалось собрать к данному тому все источники вплоть до 154 г., как это было обещано на титульном листе. Вряд ли следует говорить о том, что данный том по включенным в него материалам испанских войн с Римом представляет для нас особый интерес, ибо охватывает наиболее драматические моменты борьбы древней Испании за свою независимость. И здесь, как и в других томах, все тексты даются с комментариями и с переводами на испанский язык в конце тома.

Последующие томы ФНА хронологически выходят за рамки намеченной нами темы.

Материалы, опубликованные в ФНА, подверглись довольно тщательной проверке, согласно данным филологической и исторической критики, хотя публикации и не лишены недостатков.

Было бы, однако, неправильным считать, что литературная документация истории античной Испании исчерпывает все материалы и источники для изучения нашей темы. Дальнейшая критика литературных свидетельств не может быть доведена до конца обычными методами. Критика литературных источников ныне не может считаться удовлетворительной, если она ограничивается методом филологической или даже исторической их интерпретации. После значительных археологических открытий на Пиренейском полуострове становится ясным, что только путем привлечения новых археологических данных может быть доведена до конца критика литературных источников. Поэтому в дальнейшей работе по критике источников, равно как и в исследовании истории Испании, необходимы самый тщательный учет и изучение археологических источников, памятников материальной культуры древних иберов. Послед-

¹ *Fontes Hispaniae Antiquae* por A. Schulten y P. Bosch-Gimpera. Fascículo III. *Los guerras de 237—154 a de J. C.* Barcelona, 1935.

ние работы¹ испанских ученых лучше всего показывают правильность этого положения об одновременном использовании литературных, археологических и даже лингвистических источников.

Это обязывает и нас в дальнейшем изложении ознакомить читателя с археологическими памятниками иберийской культуры и в равной степени показать, какими нумизматическими и эпиграфическими данными располагает испанология. Таким путем может быть выполнена задача сочетания литературных данных греко-римских авторов с вещественной документацией. Сочетание источников литературных и археологических позволяет, как известно, осуществить более тщательную проверку литературных свидетельств, а памятникам материальной культуры это сочетание позволит придать четкий исторический смысл и значение.

¹ Последние работы Бош-Гимпера («Etnologia de la peninsula Iberica», 1932), Л. Перикота (L. Pericot, Historia de España, первый том издан в Барселоне в 1934 г.) и Пидалья (Pidal, Historia de España) построены на одновременном использовании как литературных, так и археологических источников.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

1. ПАМЯТНИКИ ПАЛЕОЛИТА И НЕОЛИТА.
КУЛЬТУРА БРОНЗЫ

Археологическая наука сделала за последние десятилетия значительные успехи в области изучения древней Испании. Археологами на Пиренейском полуострове найдено немалое количество оригинальных памятников так называемой иберийской культуры. Многие сложные вопросы истории древней Испании, не разрешимые при помощи литературной документации, получают новое освещение благодаря открытию памятников материальной культуры. Со времен Пари¹ эти памятники стали подвергаться научной разработке. В значительной степени благодаря трудам археологов в Испании были обнаружены многочисленные надписи на латинском языке². Археологическая литература особенно увеличилась в первое десятилетие XX века.

Даже предварительное изучение открытых памятников поставило вопрос о характере представляемой ими культуры, об особенном, не имеющем аналогий в районе Средиземноморья, стиле в искусстве. Интерес исследователей привлекал народ, воинственный и суровый, умевший защищать свою независимость с упорством, доходившим до фанатизма.

Французский археолог П. Пари впервые выдвинул тезис о самостоятельности иберийской культуры. При открытии скульптур из Серро де лос Сантос он подчеркнул их исключительную оригинальность.

Однако изучение памятников материальной культуры, произведенное Пари с большой тщательностью, не привело автора

¹ См. особенно P. Paris, *Essai sur l'art et l'industrie de l'Espagne primitive*, vv. I—II, 1903—1904. Он же, *Promenades archéologiques en Espagne*, 1910—1921.

² *Inscriptiones Hispaniae Latinae* (Corpus Inscriptionum Latinarum, II), 1869, Supplementum, 1892.

к четкой классификации археологических памятников древней Испании. Искусствоведческие интересы заставили Пари делить археологические памятники по формальным рубрикам; он выделял скульптуру, керамику, бронзовые фигурки (они выделяются из скульптуры в отдельную группу), драгоценности — украшения и монеты.

Большой шаг вперед в деле археологической классификации памятников древней Испании сделан был испанским ученым Бош-Гимпера, занимающимся археологией и этнографией Пиренейского полуострова. Краткий обзор культур доисторической Испании дан им в известном словаре Эберта¹. В отличие от Пари, испанский ученый в основу классификации кладет не искусствоведческий, а типологический принцип. Бош-Гимпера выделяет четыре отличных друг от друга типа культуры, к которым он и относит известные археологические находки до периода бронзы: 1) центральная культура, 2) западная, или португальская, культура, 3) альмерийская, или юго-восточная, культура и 4) пиренейская, или баско-каталонская, мегалитическая культура. Для периода бронзы Бош-Гимпера намечает также соответствующие типы культур, среди которых четкостью и типичностью памятников выделяется так называемая аргарская культура (в Альмерийской провинции). Так же поступает Бош-Гимпера и для периодов железного века². В первый период им выделяется иберийская культура, включающая в себя следующие географические ареалы: 1) юго-восток Испании (область мастиенов, совпадающая с андалузской и тартессийской, провинции Мурсия, Аликанте, Альбасете); 2) область Валенсия (к северу от Аликанте, нижняя Арагония, провинция Теруэль); 3) внутренняя Каталония, дающая яркий пример иберизации неиберийских племен. Эти три очага иберийской культуры представляют отправной пункт иберизации полуострова и датируются V—IV вв. до н. э.

Второй период охватывает конец IV и весь III в. до н. э. Эта ступень развития иберийской культуры распределяется по следующим географическим ареалам: 1) культура Валенсии (нижней Арагонии и частично Каталонии) с различными подгруппами; 2) культура Каталонского побережья (в том числе и Пуманция до 133 г.); 3) культура плоскогорья и провинций Авила, Сеговии и Саламанки. Сюда же относится центральная Португалия.

Подобная археологическая периодизация Испании и классификация памятников соответственно этой схеме, безусловно, вносит порядок в изучение вещественных памятников. Однако

¹ Reallexikon der Vorgeschichte, B. X. «Pyrenäenhalbinsel».

² Там же, стр. 374—381.

схема Бонн-Гимперы статична. Она не показывает процесса смены периодов, не пронизана динамикой исторического развития. Эта схема не историческая, а археологическая и может иметь лишь вспомогательное значение в изучении истории материальной культуры Испании. Та же археологическая классификация сохранена в другой большой работе Бонн-Гимпера¹.

Несколько ближе к исторической трактовке в классификации археологических памятников стоит другой испанский ученый Хозе Мелида, долгое время бывший директором Мадридского национального археологического музея. Среди многих его работ самой интересной следует считать общую «*Arqueología Española*»², представляющую достаточно полный свод испанских древностей. Достоинством книги является также то, что она весьма доступна. В отличие от Пари Мелида придерживается хронологического принципа в дифференциации всей совокупности археологических памятников, вне зависимости от того, относятся ли последние к строительному искусству или к быту, к вещам древнеиспанского ритуала или к предметам вооружения, керамическим изделиям или украшениям. Весь комплекс вещей определенной культуры и периода укладывается им в рамки одной исторической эпохи; эпохи последовательно идут друг за другом и образуют в схеме Мелиды ступени культурно-исторического развития народов Пиренейского полуострова.

Вслед за первой и второй эпохой палеолита автор обстоятельно обзрывает памятники неолита³. Век бронзы представлен древностями полуострова и Балеарских островов⁴. Более вышукло историческая дифференциация дается при изложении древностей эпохи железа. С этой эпохой связано выступление на историческую сцену финикийцев, греков и карфагян, которые колонизируют полуостров, образуют там ряд факторий и содействуют развитию местной культуры древних иберов. Поэтому памятники финикийцев, греков и карфагян выделяются Мелидой в отдельные группы⁵. Памятники культуры, являющиеся результатом эволюции испанских племен, Мелида трактует как испанские, подразумевая под этим собственно иберийские древности. Поэтому, например, не случайным является название главы «Испанские, или иберийские, древности», так как автор вкладывает особый смысл в понимание культурных

¹ B o s c h - G i m p e r a, *Etnología de la península Iberica*, Barcelona, 1932, стр. XXXIV+741.

² J. M é l i d a, *Arqueología Española*, Barcelona, 1929, стр. 1—419.

³ Там же, стр. 1—29 (для эпохи палеолита); стр. 29—70 (для неолита).

⁴ Там же, стр. 70—116.

⁵ См. главу «Век железа» — описание финикийских и карфагенских памятников (стр. 116—143) и греческих (стр. 143—154).

Рис. 5. Наскальная живопись кантабрийского стиля: 1 — церемониальный танец девяти женщин из грота Кохуль; 2 — бизон из Альтамиры.

памятников Испании, где финикийские, греческие, иберийские и римские древности многими учеными иногда смешивались в общем понятии испанских. Выделяя испанские памятники среди находок, принадлежащих неиспанским племенам, Мелида тем самым сумел уловить и подчеркнуть громадное значение культуры иберийских племен, которые были ведущей этнической группой древней Испании. Вот почему он фиксирует их вещественные памятники как местные испанские, в отличие от неиспанских, привнесенных извне и по своему характеру выделяющихся среди общей массы остатков материальной культуры древней Испании.

Однако чисто описательное изложение не позволило Мелиде облечь его археологическую классификацию в плоть и кровь исторической интерпретации, определенного исторического построения, которое придало бы смысл археологической схеме Мелиды. Поэтому вытекающая из схемы автора историческая тенденция остается висеть в воздухе, бездоказательна, лишена того исторического смысла, который, повидимому, хочет придать ей сам Мелида. Это лучше всего видно хотя бы из последней главы его «Испанской археологии». Мелида заканчивает книгу описанием римских древностей¹ в Испании и при этом совершенно не указывает на значение Рима для культуры иберов, на постепенный упадок начатков древнеиберийской цивилизации под давлением Рима и его завоевательной политики. Несмотря на историческую классификацию археологических памятников, работа Мелиды написана с вещеведческих позиций. Автор не желает делать выводы общеисторического значения, хотя они иногда непосредственно вытекают из описания приводимых им памятников. Все же книга Мелиды дает лучшую систематизацию материала по испанской археологии.

Классифицируя вещественные памятники Испании, необходимо остановиться на древнейших периодах ее истории, поскольку именно они сыграли основную роль в создании иберийской культуры.

Иберийский полуостров был одной из древнейших территорий расселения человека в Европе. Из наиболее ранних стоянок человека здесь нам известны пещера дель Кастильо (Сантандер), пещера Орпос де ля Пенья (в той же провинции), пещера Сантьяго (Севиля) и Гениста (Гибралтар). Подробное описание памятников палеолитической эпохи дает Мелида. При этом последний обращает внимание на изображения на камне и скалах — быков, слонов, оленей и т. п. Многие ученые рассматривают эти изображения как тотемические знаки, тогда как Мелида высказывает предположение, что многочисленные изображения животных являлись иероглифами древних иберов, первой формой их письма². Что касается знаменитой живописи в испанских пещерах, то по своему стилю она может быть дифференцирована на кантабрийскую и западную живопись. Первая представлена важнейшими рисунками Альтамиры. В пещере, в глубине и на обширном пространстве в двух наклонных галереях имеется много самых различных изображений. В левой галерее, на двухметровой высоте, на-

¹ J. Méli d a, *Arqueología Española*, стр. 263—387. В особой заключительной главе Мелида рассматривает римские памятники христианской эпохи (стр. 393—416).

² J. Méli d a, указ. соч., стр. 23.

Рис. 6. Наскальная живопись: силуэты рук из грота Кастильо.

ходятся знаменитые рисунки, из которых один занимает 14 метров и состоит из 20 фигур, изображающих главным образом красных бизонов (некоторые из них лежат), одного кабана, одну лошадь и одну лань. Все эти фигуры поражают своей реалистичностью¹.

Живопись западного стиля представлена на скалах Кохуль (Лерида), Калапата, Альканьис и Альбаррасин (провинция Теруэль); столь же интересны рисунки на скалах Айора (Валенсия), Вальторта, Морель (Кастелон), Альпера, Минастеда (Альбасете), Велес Бланко (Альмерия). Из всех этих рисунков наиболее интересны рисунки грота Кохуль. Здесь изображены две женщины, удерживающие корову, тут же зарисован и бык.

¹ Более подробное описание стилей пещерных рисунков дается в вышеназванной работе Мелиды, стр. 24—30. Там же см. специальную литературу (стр. 408—409).

На другом рисунке изображено девять женщин, танцующих вокруг нагого мужчины. Женщины имеют головной убор или прическу треугольной формы и короткую юбку до колен. Предполагают, что здесь изображена религиозная пляска (см. рис. 5). На других рисунках даны изображения быков (скалы Теруэля) и сражающихся мужчин (Морелья ля Велья). Все изображения на рисунках этого стиля даются черными и красными силуэтами.

В эпоху неолита наблюдается ряд характерных явлений в жизни народов полуострова. Прежде всего неолитические черепки не обнаруживают черт антропологического единства в центральной и западной части Испании, что указывает на процесс смешения племен, тогда как на востоке удерживается средиземноморская долихоцефальная раса, как это показал Бош-Гимпера¹. Очевидно, одни племена двигались с севера (франко-кантабрийская ветвь), другие — из Африки (капсийская ветвь).

Намечается значительный сдвиг и в области строительного искусства. Появляются убежища, сооруженные из больших камней. Это означает большой прогресс, ибо искусственно приготовленные убежища свидетельствуют о росте техники первобытных народов Испании. Наличие большого числа мегалитов на Иберийском полуострове опровергает ранее установившееся положение, что именно кельты главным образом являются носителями мегалитической культуры. Менгиры, кромлехи и дольмены в Испании и на Балеарах, где имеются так называемые талайоты, встречаются в не меньшем количестве, чем в Бретани. Каталог наиболее важных мегалитов дает Мелида². Как полагают археологи, долго работавшие над исследованием испанских мегалитов, дольмены — это погребальные сооружения. Определяющим фактором в строительстве этих сооружений из громадных каменных глыб, сооружений, требовавших колоссального напряжения сил, был культ мертвых. Как правило, вход в дольмены делался с востока. На поставленные ребром камни ставилась крыша из каменных плит, которая засыпалась землей. «Дольмены — могилы общественные», — говорит Мелида, — они содержат «утварь, остатки погребальные — каменные, в некоторых случаях из меди, керамику гладкую или с украшениями»³. Что касается территориального распространения дольменов, то оказывается, что их совсем нет в центре и очень мало в восточной части полуострова, но много в северном поясе от Каталонии до Галисии, в Португалии, у

¹ B o s c h - G i m p e r a. *Etnologia de la península Iberica*. См. главу первую и последнюю.

² J. M e l i d a, указ. соч., стр. 35—70.

³ Там же, стр. 38.

Рис. 7. Дольмен из Анта-Пареди (Португалия)

Саламанки, в Эстремадуре, в Андалузии. Это обстоятельство дало основание некоторым ученым сделать вывод, что культура дольменов — прибрежная культура. Изучение типа испанских дольменов показывает, что в Каталонии и Наварре наиболее древним и типичным является четырехугольный или полигональный дольмен. Главные группы каталонских дольменов находятся в районе Пиренеев, как это было установлено наблюдениями Бош-Гимперы. Только в одной провинции Херона археолог Казурро зарегистрировал 37 экземпляров. В Наварре отмечено 26 дольменов. Большинство дольменов в Галисии имеет прямоугольную форму. Богаче всех дольменами представлена Португалия, откуда, возможно, они и тянутся в остальные районы полуострова.

Из всех испанских мегалитов наиболее интересным памятником является дольмен Куэва де Менча в Антекере. Он имеет 27 м в длину (из них 17 м приходится на продолговатую камеру, а 8 м на галерею, которая была более широкой), состоит из 25 камней, поставленных на ребро и слегка наклоненных внутрь, из пяти камней для покрытия; притом для лучшей поддержки последних в главном ходе камеры имеется три отдельных массивных столба, из которых самый большой весит

170 тонн. В широком месте камера достигает 6,15 м в ширину, высота — 3 м. Здесь также найдены полированные каменные топоры и медный наконечник. Впоследствии рядом с этим памятником был открыт еще другой с галереей в 19 м длины.

Искусство людей неолита в Испании богаче, чем в каком-либо другом месте Европы. Идолы из камня, рисунки встречаются в большом количестве в провинции Севилья. Рисунки изображают главным образом людей, вместо животных, составлявших главный сюжет живописи палеолита. Неолитические рисунки были черного и красного цвета. Поскольку они попадаются преимущественно в дольменах, т. е. в погребальных пещерах, существует предположение, что это главным образом изображения умерших.

Немалое место в культуре испанского неолита занимала керамика. Неолитические вазы имеют разнообразные виды и форму. Встречаются красноватые, сероватые и черные сосуды. Первоначально они имели форму блюда или плоски. Попытки сделать более глубокие сосуды вели к созданию полусферических форм — горшков, ваз и т. д. Наглядное понятие о живописи этой эпохи дает разукрашенная колоколообразная ваза. Что касается техники живописи, то создатели иберийских ваз не знали секрета лака, который придает греческой керамике классической эпохи значительную часть ее ценности и оригинальности. Иберийские гончарные мастера в этом случае должны быть поставлены в один ряд с финикийцами, карфагенянами и архаическими греками.

Эпоха бронзы представлена на Иберийском полуострове еще более богатыми памятниками материальной культуры, соответствующими новой ступени исторического развития. Циклопические постройки этого времени отличаются от мегалитов на северо-западе полуострова. Архитектура циклопических сооружений, расположенных на восточном побережье Средиземного моря, напоминает доэллинические укрепления Микен и Тиринфа. Лучшим памятником этого рода является акрополь Тарракона. Стены его неплохо сохранились в западной и северной частях; во всем городе было шесть ворот, причем каждые защищались квадратной башней, расположенной слева. Толщина стен акрополя достигает в некоторых местах 5 м. Камни — разной величины, от 3,5 до 4 м длины. Башни и ворота более отполированы и солидны, чем стены. Столь же неплохой сохранности остатки циклопической стены в Хероне; эта стена, протяжением в 80 м, была расположена на высоком холме. Внешнюю циклопическую стену протяжением в 147 м и в 3 м высотой имеет акрополь в Олердоле, к югу от Вильяфранка дель Ландас (провинция Барселона). Более значительны стены такого же стиля в акрополе Сагунта; они окружали акрополь

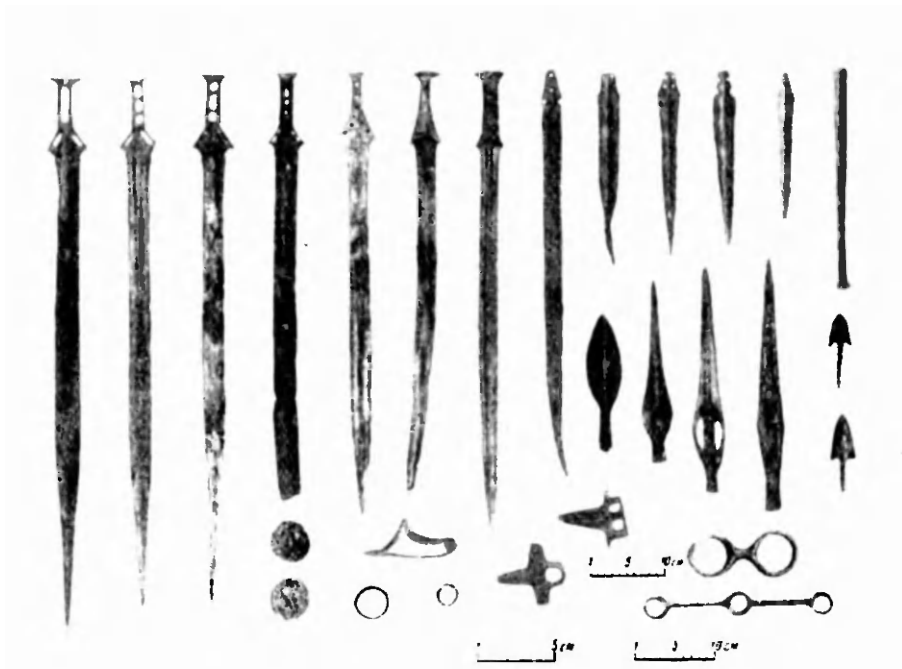

Рис. 8. Бронзовые изделия из клада в Уэльве.

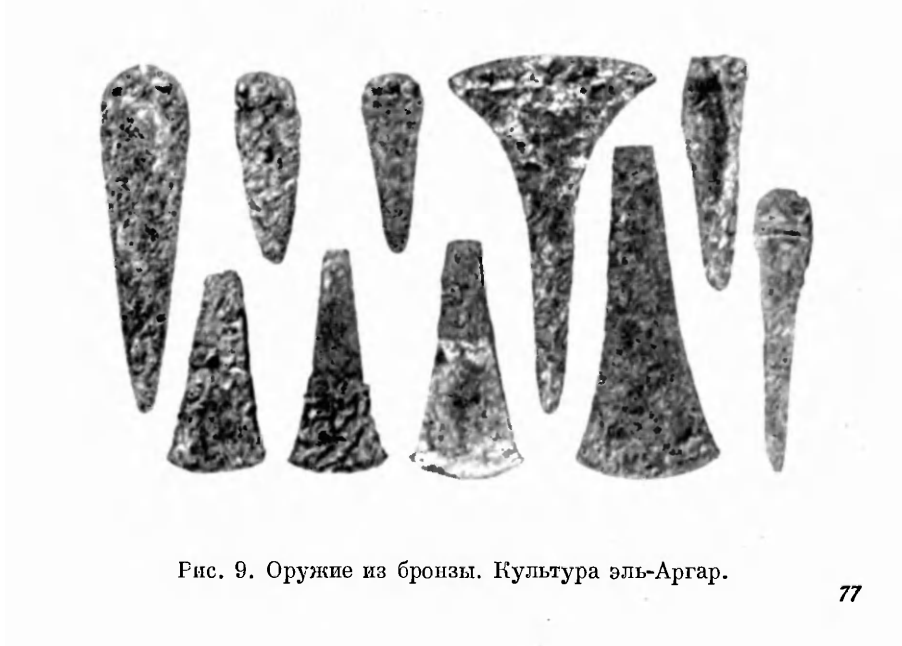

Рис. 9. Оружие из бронзы. Культура эль-Аргар.

и имели в длину около 1 км. Там сохранились остатки стены в 20 м; в восточной части для защиты имелась башня в 13,5 м высотой. Циклопических сооружений не так уже много, и трудно говорить об их датировке. Мелида относит их к периоду бронзы. По определению этого ученого, «священные ограды и алтари» также относятся к сооружению этого типа.

Характерны также и остатки построек из глины и камня на юго-востоке полуострова. Они тоже относятся к эпохе бронзы и прослеживаются от Андалузии до Каталонии включительно. Эти постройки, очевидно, служили укреплениями. Таких укреплений немало и на севере — в Галисии, Астурии, Португалии. Археолог Кастильо Лопес в одной только Галисии насчитал их 5800, главным образом на крутых возвышенностях и скалах. В Монтеалегро (Португалия) археолог Баррейро зарегистрировал 53 укрепления со следами рвов и насыпей.

Древние поселения иберов назывались ситаниями. Они окружались стенами большого протяжения. Такие поселения характерны главным образом для запада полуострова: бассейна Дуэро, Миньо (в Португалии) и провинции Леон в меридиональном направлении.

Особенно типичными следует признать ситании Саброзо и Бритейрос, открытые Мартине Сарменто в Португалии (долина Аве). В Саброзо сохранились защитные стены, внутри которых были открыты остатки круглых домов в 3,5 и до 5,27 м диаметром. Более значительна ситания в Бритейрос. Сохранились улочки города с мостовой, остатки домов круглых или квадратных, с предметами керамики, римскими надписями и монетами (как правило, весьма редкими).

У самого устья Миньо, на горе Санта Текла, вблизи Понтеведра члены кружка любителей археологии открыли очень важную ситанию со стеной, длина которой равна 700 м; поселение имело 150 м ширины; оно отличалось круглыми жилищами. Вблизи Дуэро были открыты так называемые «леонские защитные стены». Наиболее важными из них считаются крепости в провинции Саламанка. Эти укрепления «защищались всегда стеной оградой, прерываемой только в совершенно недоступных местах; напротив, в местах незащищенных имеются двойные и тройные стены. Стены построены из неотесанных камней, великолепно пригнанных, без применения цемента, сухим способом»¹. Внутри остатков домов каменной кладки открыты орудия из камня и кости, камни для пращей, предметы из металла, куски тиглей и шлака от литья меди и железа,

¹ J. M é l i d a, указ. соч., стр. 79—80.

глиняные диски и черепки сосудов грубой работы, сработанных почти всегда на гончарном круге¹.

Появление бронзы в Испании обычно относят к 2500—2000 г. до н. э., хотя точная дата до сих пор не установлена. По мнению одних ученых, олово в Испанию ввозилось восточными купцами; другие утверждают, что оно доставлялось с Британских островов; третьи считают его возникновение результатом прогресса местной культуры. Для доказательства использовались как данные античной мифологии, так и археологические материалы. Мы старались показать, что данные мифологии базируются на реально-исторической основе, а археологические памятники дают обширный материал, позволяющий более убедительно трактовать вопрос о местной бронзовой культуре.

Индустрия бронзы наиболее обширно представлена в находках на юго-востоке; столь же обильны находки и в Уэльве. Обращают на себя внимание топоры различной формы: трапециевидной, гладкой (на юге), с двумя боковыми выступами, в виде топора-идола. В Эльче (Аликанте) было найдено несколько медных пластин, которые известный нумизмат-испанолог Вивес счел обменными вещами или предметами, предшествующими монете. Интересны каменные формы, в которых отливались медные топоры. Столь же оригинальны предметы, найденные у реки Уэльвы, количество которых достигает 400. В дольменах обнаружены кинжалы из бронзы, сделанные по образцу медных,— гладкие, с язычком для вставления в рукоятку. Однако еще до сих пор нет ясного разграничения между кинжалами и большими ножами.

Меч возник в результате развития кинжала и представляет собою значительный прогресс в технике изготовления оружия из бронзы. Если в I периоде бронзы мечи еще мало чем отличаются от кинжалов, то во II периоде уже появляется более длинный и широкий меч. Уэльва дает 75 экземпляров таких мечей. Длина их доходит от 70 до 80 см. В сущности это тип меча, распространенного в центральной Европе, он датируется концом эпохи бронзы и переходом к эпохе железа, т. е. приблизительно IX—VIII вв. до н. э.

В Уэльве же были найдены лезвия копий (до 40 экз.), как правило, узких и длинных, от 20 до 50 см в длину. Следует отметить, что среди находок очень редко встречаются наконечники стрел. Находки испанской бронзы в Уэльве приобретают общеевропейское значение. Кроме мечей, в Уэльве был найден и щит колюческой формы, обломок шлема, уздечки, фибулы (11 экз.). Для периода бронзы важно учесть находки серпов

¹ Более подробное описание ситаний см. в работе Мелиды, стр. 73—80.

Рис. 10. Керамика из некрополя в эль-Аргар.

из Кастрополя (Астурия) и из ситании на Санта Текла (Понтеведра). Таким образом, археология, подытоживая результаты изучения эпохи иберийской бронзы, считает, что последняя имеет немало общего с эпохой бронзы центра Европы, но в то же время сохраняет и свои отличительные черты.

Что касается керамики, то следует заметить, что, по мнению Мелиды¹, до колонизации Испании финикийцами и образования первых финикийских факторий народы полуострова не знали гончарного круга. Тип керамики бронзового века прекрасно изучен по памятникам так называемой аргарской культуры², распространенной и в других областях Испании. Вазы из Аргара не были расписаны, как вазы эпохи меди. Их форма столь проста, что они кажутся древнее, чем вазы эпохи меди. Тип погребений в аргарской культуре также изменился и принял более отчетливые формы. Нередко захоронения устраивались под полом или в стенах домов. В аргарских могилах встречаются

¹ J. Mérida, указ. соч., стр. 99.

² Об аргарской культуре см. вышеупомянутую статью «Purgänhalbinsel». Аргар — поселение в Альмерийской провинции. Культура охватывает весь этот район.

диадемы из бронзы и серебра и даже золотые кольца. Сирот открыл в одном из погребений Аргара диадему, возложенную на череп умершего. Такая диадема хранится в Национальном археологическом музее Мадрида. Две диадемы из тонкой платины, вроде ленты с ромбоидальной фигурой, были найдены в Эстремадуре; их также относят ко времени бронзы.

Изучение памятников эпохи бронзы на Иберийском полуострове позволяет сделать несколько общих выводов. Блестящий расцвет культуры бронзы наблюдается в районах Альмерии и Андалузии. Так как главные центры этой культуры совпадают с местами залегания медных руд, то можно заключить, что аргарская культура бронзы (Андалузия, Альмерия) имеет местное происхождение. Остается загадкой вопрос: почему культуре бронзы в Испании не предшествовал неолит, являвшийся естественным этапом в нормальном ходе исторического развития? Скачок к эпохе бронзы, минуя неолит, имел, очевидно, какие-то причины в фактах внешней истории, в передвижениях народов. Известно лишь одно, что блестящий расцвет бронзы в южной части Испании послужил предпосылкой развития связей юга полуострова с районами средиземноморской культуры. В этой связи обращает на себя внимание талайотская культура балсаров, знавшая циклопические постройки, расцвет меди и бронзы, но почти лишенная палеолитических и неолитических памятников, сколь-либо характерных для соответствующих периодов археологии Европы. Столь неравномерное развитие подтверждает иррегулярность исторического процесса на Иберийском полуострове и заставляет предположить интенсивный процесс этнических образований в результате появления одних племен, смешения их с другими и образования иберийской народности, впоследствии представленной в типичных памятниках иберийской цивилизации.

2. ФИНИКИЙСКО-КАРФАГЕНСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Железный век на Иберийском полуострове совпадает с началом колонизации последнего финикийцами сначала из Сидона, затем из Тира. После финикийцев выступают с колонизационной политикой карфагеняне, которые почти одновременно с греками образуют ряд торговых факторий. Влияние колонизаторов на население Испании не шло дальше побережья полуострова и не оставило никаких следов более глубокого проникновения в центр или на север и запад Испании.

Долгое время на полуострове находили только карфагенские монеты Баркидов, на которых изображался бюст греческого Геркулеса, и монеты города Эбуса. Однако архео-

Рис. 14. Бронзовые и серебряные украшения эль-аргарской культуры.

логические находки преимущественно с конца 80-х и 90-х годов прошлого столетия и вплоть до самых последних лет позволяют восстановить картину финикийских и карфагенских, а также и греческих древностей¹.

На юге полуострова обнаружены остатки разрушенных построек в Кадиксе, Белоне, Малаге. Это главным образом остатки финикийских укреплений — башни из четырехугольных камней. В Вильярикос (Альмерия) между морем и руслом реки Альманзора археолог Сирэ открыл остатки древнего карфагенского поселения IV в. до н. э. Обнаружены были дома со стенами, выбеленными известью, построенными из камня и глины, с хозяйственными постройками.

К финикийским древностям относятся также развалины знаменитого храма в Кадиксе, приписываемого Гераклу из Тира. Этот храм был воздвигнут на острове Сан Педро, и остатки его, в частности, мраморные и бронзовые статуи Геракла Тирского, еще до сих пор добываются водолазами со дна поднявшегося за два тысячелетия моря. Еще Страбон свидетельствовал, что перед входом в храм высились две бронзовые колонны, на которых будто бы было отмечено, во что обошлось строительство этого святилища. Согласно Страбону, иберы и ливийцы будто бы верили, что это были те самые «Столбы», которые Геракл поставил на мысах пролива². От древних авторов известно, что в этом месте был источник питьевой воды, к которому спу-

¹ О новых открытиях и раскопках см. в библиографических обзорах в журнале: «Revue Historique», 1927, Janvier—Avril, и в этом же журнале (1937, Avril—Juin) продолжение обзора за 1927—1936 гг. Кроме того, археологические отчеты о раскопках печатались в «Archäologischer Anzeiger» за 1922, 1923—1924, 1925—1927 и 1940 гг.

² S t r a b o, III, 5, 6—7.

скались по лесенке; по другим дашим, здесь находилась могила Геракла.

Испанская археология лучше всего изучила финикийские некрополи в Кадиксе, Малаге, Кармоне (Севилья) и карфагенские в Вильярикос (Альмерия) и на острове Ибисса. Первая находка была сделана в 1887 г., при закладке морской выставки в Кадиксе, в подземелье, куда можно было проникнуть через колодец в 5 м глубиной. Там имелись три погребения, одно — направленное на запад и два других — позади первого на восток. Все три погребения — прямоугольные, построены изолдированно из каменной кладки. В первом погребении был обнаружен великолепный каменный саркофаг, в котором находился скелет мужчины с остатками одежды, глиняный сосуд и медные гвозди с остатками деревянного гроба. В других погребениях обнаружены только скелеты; один — мужчины с железным оружием, другой — женщины с ожерельем и кольцом. Трупы лежали ногами к востоку, а головой к западу. Саркофаг датируется V в. до н. э. Позже археолог Пелайо Кинтеро при расчистке почвы открыл еще ряд финикийских погребений в нишах.

В Малаге были обнаружены финикийские погребения в форме прямоугольной арки. Здесь пайдеп выдающийся памятник — свинцовый ящик с человеческими костями и украшениями.

Археологи Бонсор и Сирэ открыли еще ряд погребений, которые они относили к памятникам Востока. В окрестностях Кармоны среди погребальных памятников обнаружены слоновая кость, яйцо страуса и медные подвески; яйца страуса встречаются и в других погребениях. На острове Ибисса в 1908 г. были обнаружены карфагенские некрополи, родственные финикийским. Из ибисских погребений извлечено немало предметов быта: греческие сосуды, финикийское стекло, ожерелья, амулеты, яйца страуса. Все это проливает свет на торговлю периода VI—III вв. до н. э. как на побережье Испании, так и на примыкающих к ней островах.

Что касается памятников скульптуры, то саркофаг из Кадикса дает наиболее интересный тип ее. Саркофаг — антропоморфный, сделан из белого мрамора, имеет египетскую форму и представляет собою общий профиль человеческого тела. Ящик и крышка саркофага богато разукрашены скульптурами. На крышке представлен бородатый человек; усы и борода его завиты; он одет в тунику с короткими рукавами. В левой руке под грудью он держит предмет, представляющий собой, по предположению Мелиды, яблоко Астарты, в правой — похоронный лавровый венок из раскрашенного мрамора. Пальцы ног также раскрашены. Повидимому, саркофаг был изваян

Рис. 12. Финикийский антропоморфный саркофаг из Кадикса: внутренняя часть и крышка.

в V в. в Финикии, откуда он и был привезен, хотя некоторые археологи-искусствоведы (Гезей) считают его продуктом греческой работы. Специально изучавший его Пари полагает, что этот саркофаг принадлежит к числу изделий той же восточной школы, из которой вышел ныне находящийся в Луврском музее саркофаг из Сидона.

К финикийской продукции относятся также два сфинкса (из известняка): один — из Вильякаррильо (Хаэн), другой — из Вильярикос (Альмерия). Из карфагенских скульптур выделяются также надгробные памятники. Это прежде всего памятники из Тахо Монтеро около Эстепы (Севилья); ныне они находятся в Лувре. Стелы V в. с изображением Астарты, бюстов мужчины и женщины, богинь или матрон дополняют собрание памятников этого стиля. Интересна группа с изображением охотничьих сцен из Маргена (хранится в музее в Севилье).

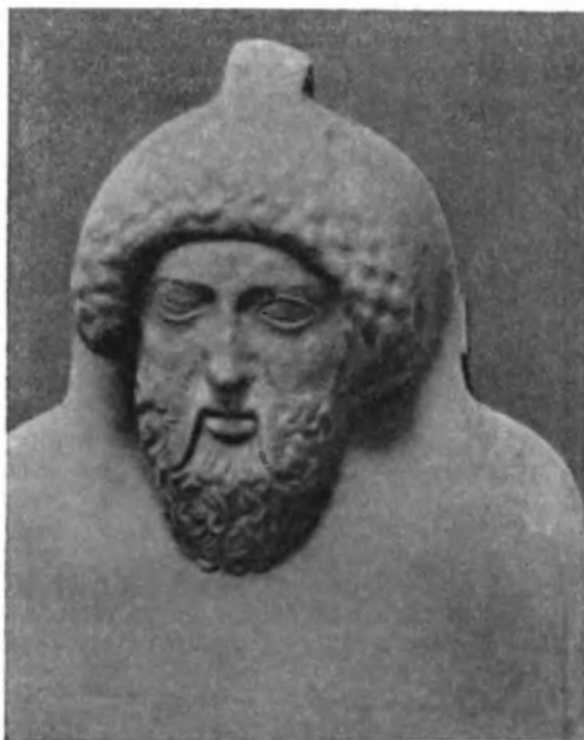

Рис. 13. Деталь крышки финикийского саркофага из Кадикса.

Но наиболее характерны среди карфагенской скульптуры бронзовые фигурки. В Кадиксе среди погребальной утвари найдены маленькие бронзовые изображения Осириса и Астарты, южного или восточного происхождения. По мнению Мелиды и археолога-нумизмата Дельгада, эти фигурки являются произведениями финикийского искусства и «относятся к финикийской троице Ваал-Танит-Мелькарт, которая была распространена среди народов восточного берега в первые века финикийской иммиграции»¹. К этой же группе относятся фигурки из глины, найденные в погребениях на Ибиссе и носящие на себе печать восточного искусства. Однако следует признать, что изучение происхождения этих фигурок, их стиля, связей с искусством Востока или с местным искусством иберов, должно еще быть продолжено, прежде чем дать окончательный ответ.

¹ Цитировано по книге P. Paris, Essai..., стр. 160—161.

Мы не будем останавливаться на мелких изделиях из слоновой кости, на произведениях глиптики. Из предметов украшения, характеризующих технику и стиль работы финикийцев и карфагенян, необходимо упомянуть только некоторые. Сюда относятся найденные в богатых погребениях Кадикса ожерелья из золотых бус с подвесками в форме розеток, покрытых цветной эмалью. Обычны золотые серьги, обнаруженные в различных местностях Андалузии. Золотые кольца, золотые же медальоны в форме желудя, а главное — знаменитый клад из Алиседы (провинция Касерес), состоящий из золотых вещей, преимущественно женских украшений, свидетельствуют о высоком искусстве древних ювелиров, не уступающих по уровню техники современным мастерам. Клад из Алиседы имеет исключительное значение. Кроме диадемы местной работы, здесь имеются: дуга с соединенными кольцами, пара серег с лунообразными подвесками, с цветками лотоса, чередующимися с ассирийскими пальмами, фигурки египетского священного ястреба, ожерелье из 53 частей и медальоны в форме сплюснутых желудей, т. е. того стиля, какой представлен в украшениях знаменитой «Дамы из Эльче» — памятника уже другой, собственно иберийской, культуры. К многочисленным ценным украшениям этого клада можно присоединить три печати со скарабейями, большая из них египетского происхождения, другая, из красного агата — с крылатой богиней, третья, из яшмы — с бородатым человеком. Все эти изображения монтированы на золоте. Среди деталей выделяются сюжет из египетской жизни и всадник эгейского стиля или типа греческой архаики. Описание всех вещей этого значительного клада художественных изделий древней Испании подробно изложено Пари¹ и более кратко Мелидой². Однако следует указать на принципиальное различие во взглядах обоих археологов на клад из Алиседы. Мелида по характеру вещей этого клада и стилю изображений относит его к финикийским древностям на Иберийском полуострове; Пари поступает в этом отношении более осторожно. Он учитывает полемику по этому вопросу, которая велась среди французских и испанских ученых в 90-х годах прошлого столетия.

Пари, оценивая клад из Алиседы, заявил: «Для того, кто близко знаком с изобразительными памятниками Греции и хотел бы вместе с мной рецензировать изобразительные памятники Испании, не может быть сомнения, что повязки из Касерес действительно иберийские. Их можно сближать с предметами финикийскими, микенскими, греческими, галльскими, какими угодно, но их нельзя смешать ни с одним из них, потому

¹ P. Paris, указ соч., II, стр. 241—285.

² J. Mélié, указ соч., стр. 137—139.

Рис. 14. Глиняные статуэтки из Илья Плана (Ибисса).

что автор сумел наложить на произведение в целом печать оригинальной наивной неловкости; деталям он придал некую преувеличенную живописность, которая доставляет удовольствие и не доходит до смешного; он работал с воодушевлением молодым, но искренним, которое составляет его оригинальность»¹. Подобная трактовка клада из Алиседы безусловно интересна, но ее нельзя ни в коей мере считать убедительной. Необходимо не-

Рис. 15. «Дама из Ибиссы». Найдена в Пуиг де Молинс. Позднекарфагенский стиль.

что дополнительное, нечто новое, сверх имеющегося материала, чтобы категорически признать эти памятники искусства определенно иберийскими. Сам Пари принужден не раз оговаривать наличие финикийского стиля, греко-восточных деталей, смешанный характер искусства, отраженного в украшениях из Алиседы. Точка зрения Пари может быть принята только с большой осторожностью и с рядом оговорок, так же как безусловно, без оговорок, вряд ли может быть принята точка зрения Мелиды, относящего этот клад определенно к финикийским древностям.

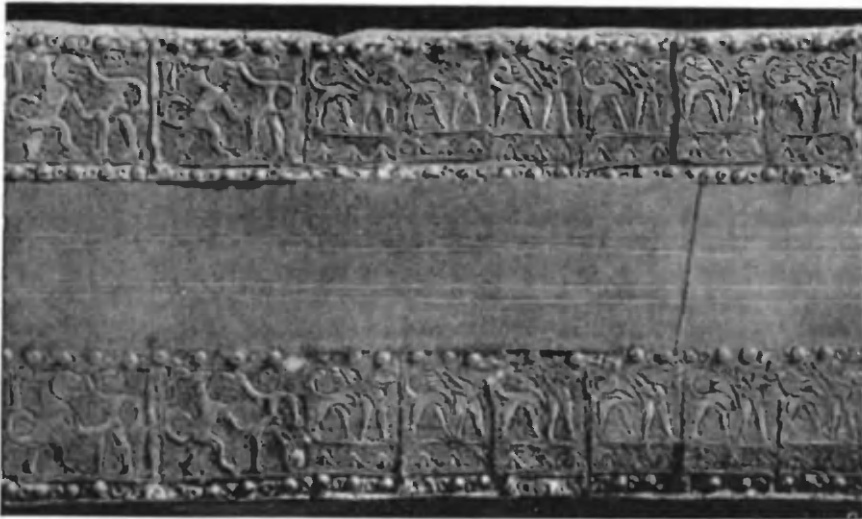
У нас нет данных, которые свидетельствовали бы, что клад из Алиседы определенно привозной. Поэтому, не игнорируя деталей, явившихся результатом финикийского влияния, не отвергая мотивы восточные, а также, может быть,

и греческие (архаические) в этих памятниках, мы можем осторожно формулировать оценку данного клада следующим образом: все украшения памятников Алиседы являются безусловно продуктом финикийского влияния на культуру иберов, но сами памятники могли быть созданы руками иберийских мастеров, познакомившихся у финикийцев с их собственным искусством, а также

¹ P. Paris, указ. соч., II, стр. 261—263.

1

2

Рис. 16. Клад из Алиседа: 1 — поясная пряжка; 2 — звено пояса.

с искусством восточных стран (Египта, Микен и др.). Если финикийцы распространяли влияние восточного искусства на Испанию, то испанские мастерские, богатые различными металлами, с легкостью выполняли заказы колонизаторов, проходя одновременно школу развития своего собственного искусства, достигшего зенита в создании «Дамы из Эльче». При всем этом остается, конечно, правильным отнесение знаменитых вещей из Алиседы в основном к финикийским памятникам.

Финикийская и карфагенская керамика представлена также вазами из различных местностей полуострова и, в частности, с о. Ибисса. Вазы сделаны на гончарном круге. Мелида различает два типа этих vaz — обычные и символические.

К первому типу относятся амфоры яйцевидной формы, с цилиндрической шейкой и двумя ручками, очень похожие на кипрские сосуды архаического греческого типа. Они отличаются тонкой орнаментировкой из поясков и линий, нанесенных красной и серовато-коричневой краской. Так называемые «символические» вазы весьма малы и по форме напоминают бутылки. Делались они в формах и без них. В погребениях на Ибиссе были также найдены чаши: одна с различными карикатурными изображениями, а другая с орнаментом из фигурок голубей, баранов и т. п. В пунических погребениях встречается довольно много яиц страуса, которые использовались в качестве чашек. Эти «чашки» также украшались различными рисунками. Мы не останавливаемся здесь на описании вещей из глазури, фарфора, на стеклянных изделиях финикийского происхождения. Приведенных данных вполне достаточно, чтобы сделать некоторые выводы.

С начала бронзового века Испания становится одним из притягательных центров мировой металлургии. Случайные поездки из Восточного и Южного Средиземноморья по атлантическому пути во Францию, на Британские острова проходили мимо побережья Испании, и это оставляло следы на Иберийском полуострове. Засвидетельствовано наличие прямых связей между западным побережьем Испании и Ирландией еще в эпоху неолита и энеолита. Отмечены находки стрел, копий, наконечников испанской формы в Бретани и Ирландии. Существует предположение, что в эпоху бронзы металлические богатства Иберии становятся исходным пунктом для связей Испании с Эгидой. Этим, между прочим, объяснялось бы наличие критских тенденций в керамике и скульптуре народов Испании. В частности, бронзовые головы быков из Костиги трактовались едва ли не как критские по происхождению. Однако все эти гипотезы были потом совершенно отвергнуты наукой¹. Развитие техники

¹ См., например, D. F i m m e n, Die kretisch-mykenische Kultur, Berlin, 1921, стр. 113.

Рис. 17. Предметы из железа, найденные в погребении в Осме (пров. Сория).

производства бронзы в Испании направило к юго-восточным берегам полуострова, в район расцветающей альмерийской культуры, корабли мировых мореплавателей, посредников в торговых операциях Средиземноморья — финикийцев. Развитие центров металлургии в Сардинии, Италии и на Британских островах ставится некоторыми учеными в связь с разработкой руд в Испании, особенно с ее богатствами серебром.

3. ГРЕЧЕСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Греческие археологические памятники, как и финикийские, свидетельствуют прежде всего о следах колониционной деятельности народов, устремившихся к богатым берегам Иберийского полуострова. Культурное влияние греков было более глубоким, чем финикийское; оно оказало могучее воздействие на быт и культуру народов древней Испании.

Среди греческих археологических древностей раньше всего следует выделить архитектурные памятники.

Единственным в своем роде архитектурным памятником греков в Испании являются развалины в Ампуриас (Эмпорий). Они были открыты в 1907 г. Музейным обществом Барселоны. Раскопки велись под руководством двух испанских археологов, Эмилия Гандина и Мигуэля Казурро. Развалины Эмпория в настоящее время прекрасно изучены; они принадлежат самому раннему греческому полису на испанском побережье. Открыта громадная стена из больших камней, уложенных неровными рядами. Стена имеет несколько башен также из камней большого размера. Установлено, что крепостное сооружение греков шло с запада к востоку, с тремя башнями, с изгибом и продолжением с юга на север, чтобы опять повернуть к западу. Между первой и второй башнями имелись ворота, которые, согласно древним авторам, греки охраняли непрерывно. Ворота были защищены двойными дверьми: первая — типа подъемной решетки, что видно по желобам в столбах, по которым она спускалась, вторая дверь состояла из двух створок, ибо по бокам видны следы их петель. За воротами следует недостаточно еще археологически изученная улочка. С левой ее стороны поднимается высокая стена; на площадке около стены находились храмы. В нижнем слое обнаружены остатки более древних построек; с правой стороны улочки — остатки построек, одна из которых представляла собой настоящий арсенал; там найдено более 2000 свинцовых ядер для пращей, 60 наконечников стрел и остатки катапульты.

Казурро, Пари и Мелида дали подробное описание разрушенных построек. Так, остатки храмов показывают, что они имели дорические колонны. Древнейший город (Paleopolis) расположен был на островке у побережья в заливе Росас, и только впоследствии было основано поселение и на самом побережье — Neapolis. Остатки обнаруженного у порта древнего мола позволяют установить наличие моста между новым и древним городом.

Казурро установил в этом греческом поселении три слоя. Нижний слой относится к началу греческой колонизации. Он находится на глубине 3—4 м; там удалось открыть большие греческие вазы. Второй слой датируется III—II вв. до н. э. и, как и первый, сопровождается черполаковой керамикой, но здесь имеются уже явные следы иберийской керамики с сосудами из грубой глины. Наконец, третий слой — от I в. до н. э. до III—IV вв. н. э. — сохранил нам остатки римского города с характерной полированной красной керамикой. Немалый интерес представляет греческий некрополь, расположенный к югу от города. Здесь имеются погребения, крытые черепицей. Обычай окружать мертвых приношениями позволил собрать

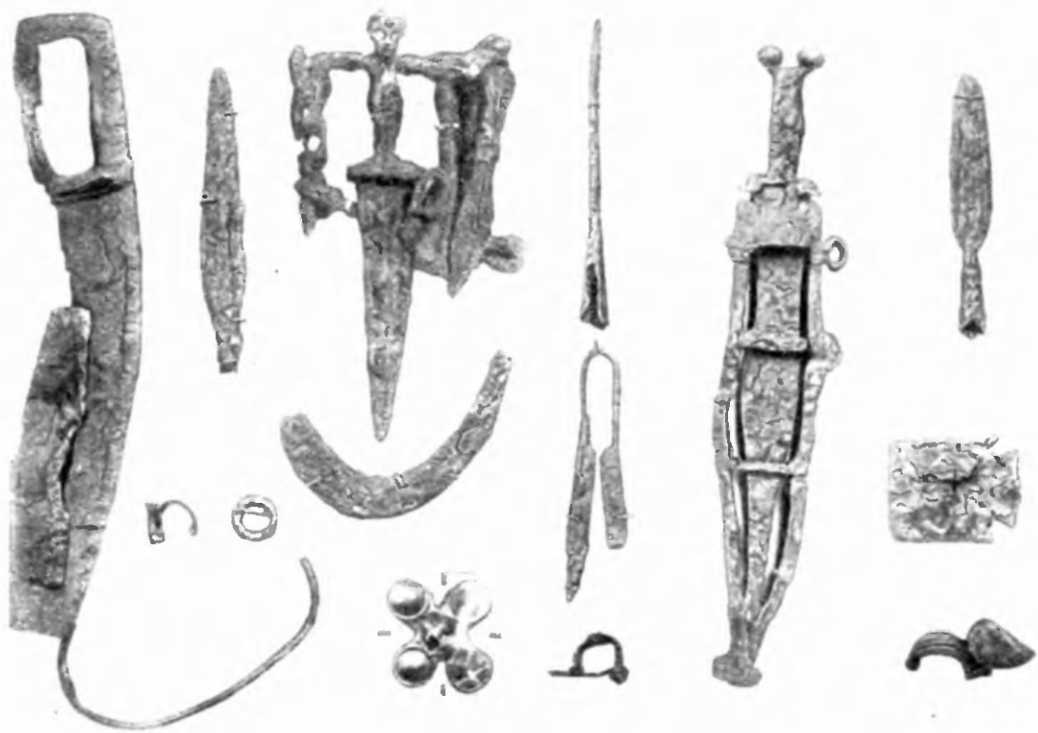

Рис. 17а. Предметы из железа, найденные в погребении в Осме (пров. Сория).

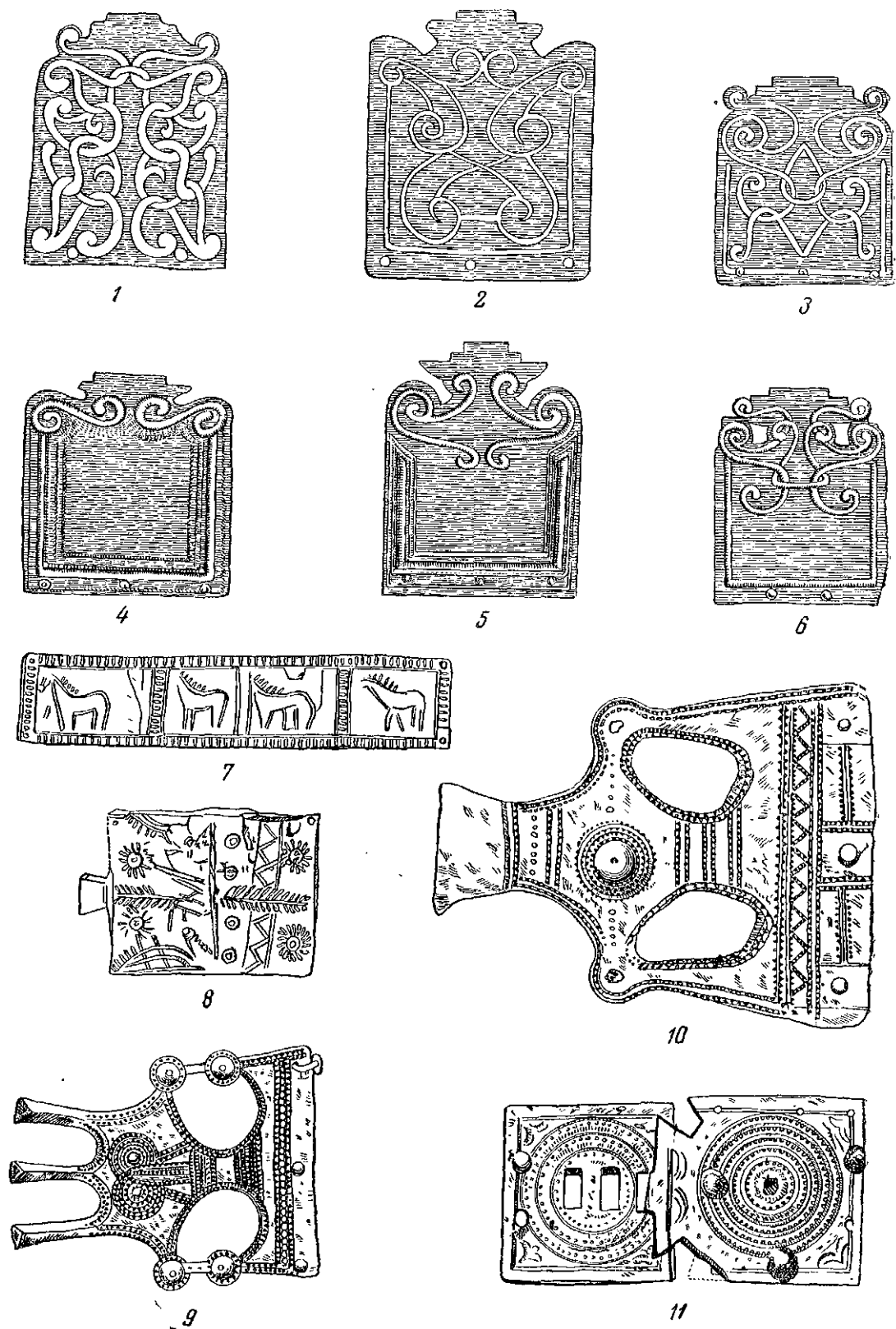

Рис. 18. Поясные пряжки и пластины. Бронза. 1, 2, 4, 5 — Десенья-перрос; 3 — Эльче; 6 — Серро дель Альмарейо; 7, 8, 11 — Алькобрига; 9 — Хигес; 10 — Вальдеповильос.

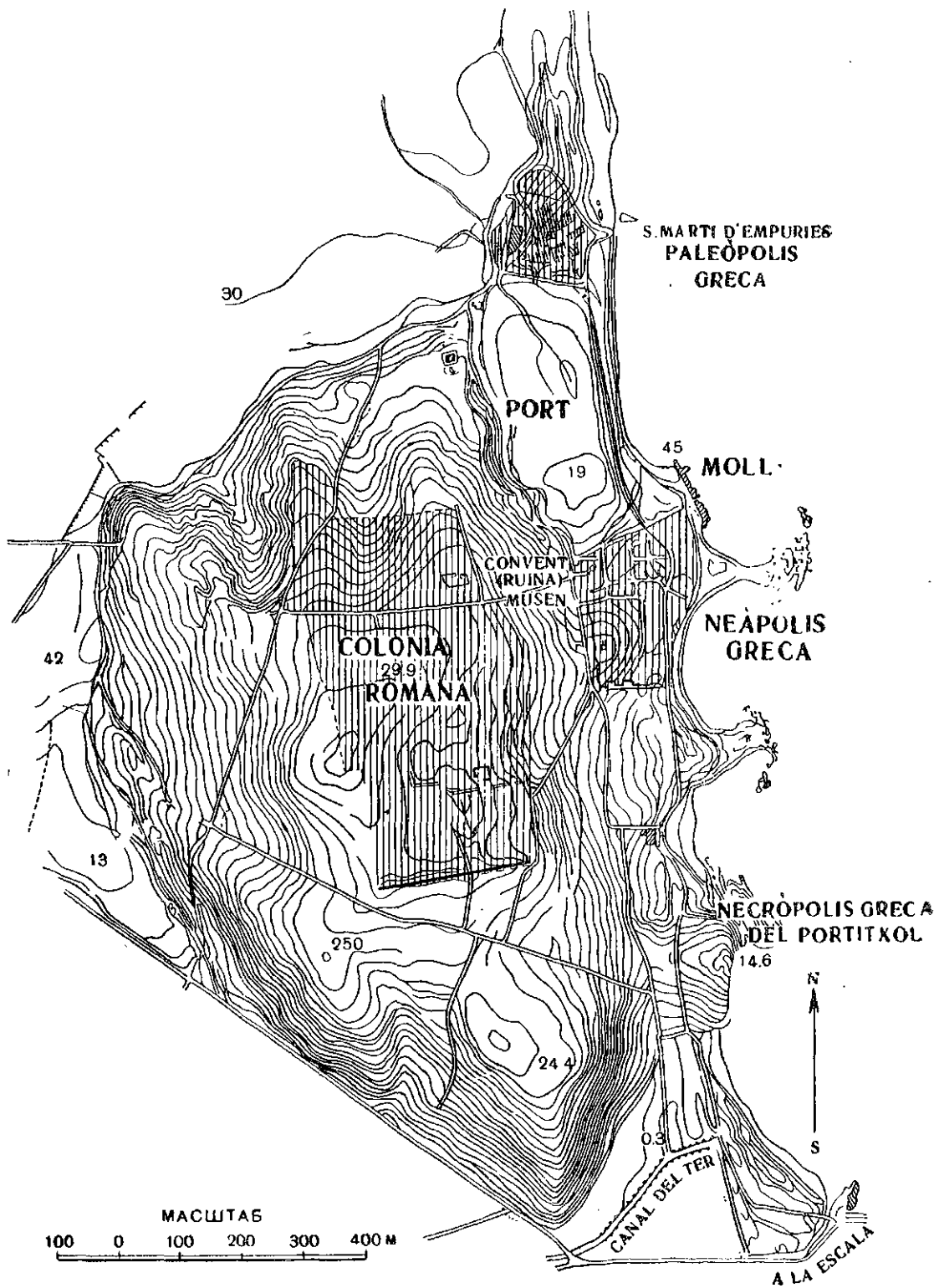

Рис. 19. План Эмпория. На север, на месте современной деревни Сан-Марти д'Ампуриас, древний город Палеополис, раньше расположенный на острове, который теперь сросся с материком. Южнее находятся мол и позднейшая греческая колония Неаполис. Еще южнее расположен греческий некрополь. Римский город находится западнее Неаполиса.

в этих погребениях греческие раскрашенные сосуды VI—IV вв. до н. э. В некрополе иногда встречаются монеты и драгоценности. Весь комплекс памятников греческого некрополя хранится ныне в музее г. Хероны.

Ампуриас (Эмпорий) даст нам также великолепные памятники греческой скульптуры в Испании. Здесь были найдены два исключительных по качеству изваяния, ныне хранящихся в музее Барселоны. Один представляет статую стоящего Асклепия в рост человека. Асклепий представлен в плаще, ноги его обуты в сандалии, лицо выражает отчужденную благосклонность. Левая рука сохранилась, правая отсутствует. По предположению Мелиды, в правой руке Асклепий держал палку или жезл; рядом было изображение змея. Большинство ученых считают эту статую аттическим произведением V в. до н. э. Предполагается даже, что эта статуя является творением Агоракрита, лучшего ученика Фидия. Другая мраморная скульптура представляет собою женскую голову, которую считали головой Артемиды, почитавшейся в Ампуриас. Мелида выдвинул другое предположение, — что это голова Афродиты и что она была создана в эпоху Скопаса и Праксителя. Другие памятники греческой скульптуры из Мериды и Тарракона относятся к эллинистической эпохе и, по видимому, ввезены в период римского господства в Испании.

Бронзовые и глиняные фигурки встречаются во многих местах Испании: в Ампуриас, в Рольос (Мурсия), в Льяно де Консолясион (Альбасете), на Майорке, в некрополях Ибиссы. Среди бронзовых изделий следует отметить голову архаического льва (Ампуриас), кентавра архаического типа, бородатого сатира (Льяно де Консолясион), Афию Промехос (на Майорке) — стиля VI в., женскую фигурку в ионическом плаще, относимую Пари к началу V в. до н. э. Эти менее значительные греческие глиняные фигурки были в свое время подробно описаны Пари и Мелидой.

Греческая вазапись в Испании представлена рядом прекрасных памятников. За последние десятилетия археологи сумели открыть в различных пунктах полуострова немало ваз греческого и итало-греческого происхождения. Ампуриас, некоторые пункты в Андалузии и Ибисса дали вазы типичной формы, послужившие основой для определения хронологии, в частности наслоений в Ампуриас. Найденные в последнем вазы хранятся в музее Барселоны, а сосуды, открытые в некрополе Ампуриас, помещены, как выше было указано, в музей Хероны. Что это за вазы? В большинстве своем это небольшие сосуды для эссенций, благовоний и т. д. Наиболее древние из них относятся к началу греческой колонизации, к VI в. до н. э. Встречаются фарфоровые сосуды из Навкратиса — греческой колонии в Египте, а также халкедонские и коринфские вазы. Коринфские сосуды

Рис. 20. Голова Афродиты (Артемиды?) из Эмпория. IV в. до н. э.

Рис. 21. Итало-греческий кратер V—IV вв. до н. э. из некрополя в Галере (пров. Гранада).

выделяются орнаментом восточного стиля с изображением пантеры, химеры и т. п.

Наиболее древними из общего собрания греческих ваз в Испании являются чернофигурные вазы, датирующиеся VI—V вв. до н. э. По форме эти вазы относятся к типам лекифов и алабастров. Чернофигурная живопись на этих вазах дает сюжеты из греческой мифологии. На одном сосуде изображен Тезей, побеждающий Минотавра, на других — различные сцены из

мифов; тематикой вазописи служат также типичные греческие сюжеты, как бег атлетов, сражение воинов и гимнастические игры.

Однако наиболее богатым набором сосудов представлена краснофигурная вазопись. Краснофигурные большие вазы, имеющие важное значение для изучения греческой керамики и вазописи, найдены при раскопках Ампуриас. Из них следует особо отметить экземпляр типа пелики, к сожалению, не восстановленный целиком, с краснофигурной живописью; на куске сосуда изображена кентавромахия и свадьба Перитоя. В музее Хероны имеются амфоры и кувшины, на которых нарисованы аллегорические фигуры. Краснофигурная вазопись этих сосудов позволяет отнести их к IV в. до н. э. В Вильярикос (Альмерия) добыт при раскопках краснофигурный сосуд V в., оформленный в восточном стиле; на других бросаются в глаза типично греческие вакхические и героические сюжеты из античной мифологии. Столь же интересны сосуды, открытые в различных пунктах Андалузии. Это крупные кратеры, с большими фигурами IV в. К подобным же типам кратеров относятся сосуды, найденные в Гамре (Гренада) и Серро де ла Орка (Хаэн), хранящиеся ныне в музее Мадрида.

Мы не касаемся в этом обзоре других, менее значительных памятников греческого искусства на побережье Иберийского полуострова. Но и те археологические материалы, которые нам удалось обозреть, позволяют сделать вывод о сильной исторической и культурной традиции Ионии в Испании. Результаты археологических раскопок позволяют уточнить и ряд других вопросов, которые до сих пор еще не разрешены в науке: о дате пачала колонизации, направлении ее путей (по этому вопросу Шультен и Карпентер стоят на противоположных точках зрения), наконец, вопросы об источнике «*Ora maritima*» Ависена, в основе которого лежит не дошедший до нас перипл VI в. до н. э. Выяснение этих вопросов должно пролить свет на степень греческого влияния на формирующуюся в это время культуру древних иберов. Вещественные памятники Финикии — Карфагена, с одной стороны, и Греции — с другой, заставляют считаться с представляемыми этими памятниками культурными влияниями на население Иберийского полуострова.

4. ИБЕРИЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Как мы уже сказали выше, П. Пари первый поставил вопрос об изучении памятников материальной культуры иберов. Однако он был больше агитатором и пропагандистом изучения иберийской культуры, чем собирателем и систематизатором

иберийских археологических древностей в строго научном смысле этого слова. Поэтому неудивительно, что в его вышеуказанных двух основных работах не дается полной и четкой сводки испанских древностей. В этом отношении только работа Мелиды, написанная в 1929 г., отличается от всех руководств по археологии Испании. Данная здесь сводка иберийских древностей¹, наряду с финикийско-карфагенскими, греческими и римскими памятниками Испании, поныне является отправным пунктом для работы по археологическим памятникам Испании.

В обзоре археологических древностей иберов обычно принимается классификация Мелиды. В порядке изложения материала мы остановимся: 1) на древних сооружениях иберов и их архитектуре, 2) на скульптурах из камня, бронзы и глины, 3) на предметах вооружения и 4) на различных украшениях.

Еще Пари в своем обзоре самобытного искусства иберов не раз отмечал в нем мотивы, восходящие к культурам финикийцев, греков и даже римлян. Что касается греческого влияния, то оно наиболее сильно сказывается в восточных и южных областях Иберии. Так, например, археологическими раскопками в Эль Картихо дель Аоркадо, на границе Баэзы (Хаэн) были открыты римские термы. Обращают на себя внимание колонны в этих термах. Колонны сделаны из известняка; основание их состоит из квадратной плиты; капитель имеет выступы для опоры архитрава; в передней части имеется украшение в виде боковых желобов, ряда кощесцентрических кругов и криволинейных орнаментов, которые напоминают топор с двойным лезвием. По стилю капитель резко отличается от всех известных типов и ордеров. Можно обнаружить некоторое сходство лишь с капителями колонн, представленных на рельефах одной вазы из Агиа-Триады на Крите.

Подражание греческим ионийским капителям имеется в храме, открытом в Серро де лос Сантос, если только судить по рисунку утерянного оригинала. По поводу этих остатков архитектуры стоит вспомнить справедливое замечание Пари, который писал: «несмотря на греческое влияние, работа принадлежит иберийским мастерам, которые не смогли передать изящество ионийских капителей»².

Для характеристики архитектурного искусства иберов не лишена интереса одна деталь, открытая в Ампуриас (Эмпорий) и ныне хранящаяся в музее Херопы. Это камень около метра высотой, который, быть может, служил подножием двери, ибс его высеченная плоскость спереди и сзади является продолже-

¹ См. специальную главу об иберийских древностях: J. M é l i d a, указ. соч., стр. 154—254.

² P. P a r i s, Essai..., стр. 43—47.

нием другого камня. Гравировка по камню здесь родственна манере и греков и иберов. Близко к этому камню стоят фрагменты местной иберийской архитектуры, принадлежавшие древней постройке, открытые в свое время Энгелем и Пари в Осуне. В этих фрагментах сохраняются как бы пережитки искусства более древней эпохи.

Для прослеживания формировавшейся культуры древних иберов далеко не последнее значение имеет изучение святилищ, в которых отчетливее проявляются самобытные черты. На склонах Сиерры Морены, в провинции Хаэн, в районе Кастуллона открыты два иберийских святилища одного и того же типа; назначение их легко определяется многочисленными вотивными бронзовыми фигурками. Святилищем, собственно, является пещера на крутизне, где имеется родник, целительной силе которого, очевидно, и посвящены многочисленные приношения фигурок. Из божеств, которым отправлялся культ, можно, по крайней мере для одного святилища, отметить присутствие каменного изображения сфинкса.

Первым таким святилищем является Castellar de Santisteban в местечке, называемом Altos de Sotillo. Оно также расположено в пещерах в соседстве с двумя источниками. Святилище образовано выступом скалы в 25 м шириной и 15 м глубиной. Перед гротом в холмике площадью около 60 м² найдено более 1500 статуэток из металла и обожженной глины вперемежку с оружием, фибулами, булавками и различной утварью. Это указывает на то, что, как и в других иберийских святилищах и даже некоторых греческих, приношения были нарочно закопаны в землю. Как говорит исследователь этого святилища археолог Лантье, «по истечении известного времени количество приношений, передаваемых верующими, увеличилось настолько, что оказалось необходимым освободить святилище от даров, которые его загромождали»¹.

Другое святилище— Despeñaperros — расположено в овраге, называемом Collado de los Jardines, на границе Santa Elena, где также имеются пещеры или убежища, одно из которых, в 50 м ширины, является особо интересным. Там была открыта терраса с кладовой, к которой ведет каменная лестница. Это святилище было изучено двумя испанскими археологами И. Кальво и Х. Кабрэ, которые обнаружили здесь остатки колонны и около 2000 вотивных фигурок, ныне хранящихся в Национальном археологическом музее в Мадриде.

Из всех вскрытых иберийских святилищ наиболее важным является Cerro de los Santos (Монтеалегро в провинции Альбасете). Оно также находится в ущелье и получило свое название

¹ Цитирую по книге J. Mérida, указ. соч., стр. 162.

благодаря найденным там вотивным скульптурам. Здесь открыты остатки прямоугольного храма из отесанного камня. Храм этот построен *in antis*, с лесенкой из пяти ступеней; вся постройка имеет 20 м длины и 8 м ширины. Мелида отмечает, что все вотивные фигурки из камня, найденные здесь, помещались под находившимся в храме портиком. Расцвет святилища датируется V—III вв. до н. э. Несмотря на греческий стиль этой постройки, она, судя прежде всего по чуждым греческому искусству вотивным фигуркам, безусловно представляет местную грубую архитектуру, на которой, однако, успели отразиться греческие влияния.

Следует заметить, что неподалеку от Серро де лос Сантос были найдены подобные же вотивные фигурки. И если еще учесть, что в этом районе были открыты исключительного значения скульптуры, как то: бюст из Эльче (Аликанте), бык с человеческим лицом из Баласоты (Альбасете), лев из Бокаиренте (Валенсия) и сфинксы из Сакса (Аликанте), обнаруживающие немало элементов восточной символики, то надо полагать, что здесь на высоте должны были бы находиться другие иберийские святилища. Такое предположение Мелиды¹ не лишено основания. При изучении этих святилищ обращает на себя внимание та особенность их местоположения, что они, как правило, находились отдельно от поселений, т. е. в соответствии с восточными обычаями. И только в некоторых случаях у святилищ в Деспеньянеррос и в ля-Серетта открыты развалины города. Не менее характерно и то обстоятельство, что в центре и на западе Испании не удалось установить таких святилищ, а лишь жертвенные алтари.

Особое место среди археологических древностей иберов занимают городские постройки, т. е. поселения с домами, стенными укреплениями и т. д. Как правило, для постройки городов иберы выбирали возвышенности, а не долины. Их поселения укреплялись и имели назначение охранять данный район или место от набегов других племен. Во многих местах установлено большое количество развалин подобных поселений. В 1903 г. Энгель и Пари открыли остатки иберийской крепости в Осуне (Севилья), т. е. в древнем Урсо. Через три года было закончено изучение этого интереснейшего памятника иберийского строительного искусства и выпущена специальная монография². Памятник представляет собою остатки иберийской крепости (ее склоны и нижнюю часть с легким наклоном наружу), тянувшейся ломаной линией по направлению к востоку, длиной в 95 м, с поясом круглых башен, построенных из неправильной формы камней. Все это говорит о каком-то хранилище, сделанном наспех, очевидно в виду необходимости быстро приготовиться

¹ J. M é l i d a, указ. соч., стр. 164—165.

² См. E n g e l et P a r i s, Une forteresse ibérique à Osuna, 1906.

к защите. Остатки оружия, свинцовых ядер для пращей и, кроме того, признаки пожара — все это свидетельствует о решительной схватке населения в борьбе за свою независимость. Нам хорошо известно, что Осуна защищала дело помпеянцев, а Цезарь, после победы в битве при Мунде, взял и этот город. Возможно, что и оружие осталось именно от того времени, поскольку здесь найдены свинцовые ядра с именем Гнея Помпея. О том, что это была иберийская крепость, т. е. укрепление туземного населения, свидетельствуют, в частности, остатки постройки более древнего иберийского города.

Другим столь же важным в комплексе памятников поселением Мелида считает Деспеньяперрос, где на равнине, неподалеку от упоминавшегося выше святилища, обнаружены остатки построек с узкими и кривыми улочками и жилищами с остатками литья, что указывает на изготовление вотивных фигурок.

На возвышенности Мека, около Альперы (Альбассте) сохранились развалины иберийского поселения с большим количеством черепков раскрашенной керамики. Здесь обнаружены два участка с остатками укреплений. Первое состояло из больших отесанных камней, а второе из прочной стены, которая позволяет видеть обходную дорогу. Внутри укреплений намечаются узкие улочки с домами квадратной формы, с каменными стенами, и скрытые в скале цистерны. Защитные башни и иберийские укрепления обнаружены и в других местах.

Из иберийских городов, расположенных на востоке полуострова, необходимо указать Сосе (Гаррагона), являющийся весьма важным памятником строительного искусства иберов. Наибольший интерес здесь представляют значительные стены, фундаментальная часть которых отличается старой циклопической кладкой. Эта кладка резко контрастирует с последующей перестройкой и накладкой правильных рядов отесанных камней, помеченных буквами иберийского алфавита. По предположениям ученых (в частности, и Мелиды), эта перестройка была сделана Сцинионами, когда они, едва успев высадиться в начале Второй пунической войны в Ампуриас (Эмпории), организовали в Тарраконе свою главную квартиру.

Весьма важное поселение было открыто испанскими археологами Х. Кабрэ и П. Темпрано в Азайле (Azailo, провинция Теруэль). Оно представляет собою акрополь, который тянется с севера на юг, длиной в 191 м и шириной 91 м. Стены сложены из отдельных известняковых плит и кирпича-сырца. Это укрепление имеет выступы: нечто вроде боковых башен и прикрытий. Поселение имеет продольную улицу с юга на север и две перпендикулярные к ней улицы. Расположение улиц таково, что обеспечивает сток воды. Вымощены они камнями неправильной

формы, а с двух сторон у самых домов тянутся возвышения или тротуары из одного или двух рядов камней. Что касается домов, то все они прямоугольной формы с фундаментом из камня или кирпича-сырца, остальная часть глинобитная. Некоторые пристройки относятся уже к римскому времени и хорошо распознаются. В поселении найдена иберийская керамика, значительное количество монет (греческих, финикийских и др.).

Из всех иберийских городов самые значительные и замечательные остатки построек дал известный город Нуманция, открытый на холме около Дуэро испанским археологом Э. Сааведра. Последний подошел к своему исследованию не с испанской, а с римской точки зрения, и в поисках города стал раскапывать развалины. Ему сразу же бросились в глаза остатки построек, покрытые углем и пеплом, что, конечно, явилось для него красноречивым указанием на памятное разрушение города пожаром, разожженным его героическими защитниками, перебившими себя, чтобы не сдать Нуманцию римскому полководцу Сципиону Эмилиану в 133 г. до н. э.

С 1905 г., т. е. сразу же после открытия Нуманции, раскопки Сааведра продолжил А. Шультен. С 1906 по 1923 г. по раскопкам Нуманции систематически работала особая испанская правительственная комиссия. Более половины города, погибшего в 133 г., было, наконец, вскрыто археологами и предстало перед взорами ученого мира. Предварительные итоги раскопок опубликованы Шультенем¹.

Холм, на котором был расположен город, в восточной части отделен рекой Дуэро, на юго-востоке рекой Мерданго, а также защищен крутизной своих склонов, а в других местах ущельями; таким образом доступ к городу открыт только с юга, куда наклоняется плато. Конфигурация города, скорее эллиптическая, поднимается к центру, подчеркивая склоны.

В процессе раскопок города удалось обнаружить остатки укреплений в нескольких местах. Еще Э. Сааведра нашел следы укрепления¹ в виде грубой каменной кладки, положенной на глину.

Шультен обнаружил на природной лестнице в начале восточного склона фундамента стену из больших камней, имевшую в свое время 3 м толщины, и квадратные башни толщиной в 5 м; с западной стороны он открыл остатки каменных

¹ См. A. S c h u l t e n, Ausgrabungen in Numantia. JDAI, 1905—1912; более обстоятельная сводка всего вскрытого археологией материала по Нуманции дана тем же Шультенем, при участии ряда специалистов по отдельным вопросам, в капитальной работе, первый том которой вышел еще в 1914 г. «Numantia», B. I (Die Keltiberer und ihre Kriege mit Rom); «Numantia», B. II (Die Stadt Numantia, 1931); «Numantia», B. III (Die Lager des Scipio, Münch., 1927); «Numantia», B. IV (Die Lager bei Renieblas, Münch., 1927).

ворот. Затем на северо-западном крае были обнаружены следы укрепления в 180 м длиной и 5,7 м толщиной, с двойной кладкой из обтесанных камней, с промежутками, набитыми камнями, смешанными с глиной. Найдены также остатки других укреплений.

Собственно город был расположен на значительной высоте (73 м над уровнем Дуэро и 1087 м над уровнем моря). Улицы Нуманции сохранились лучше, чем постройки¹. Ширина их,

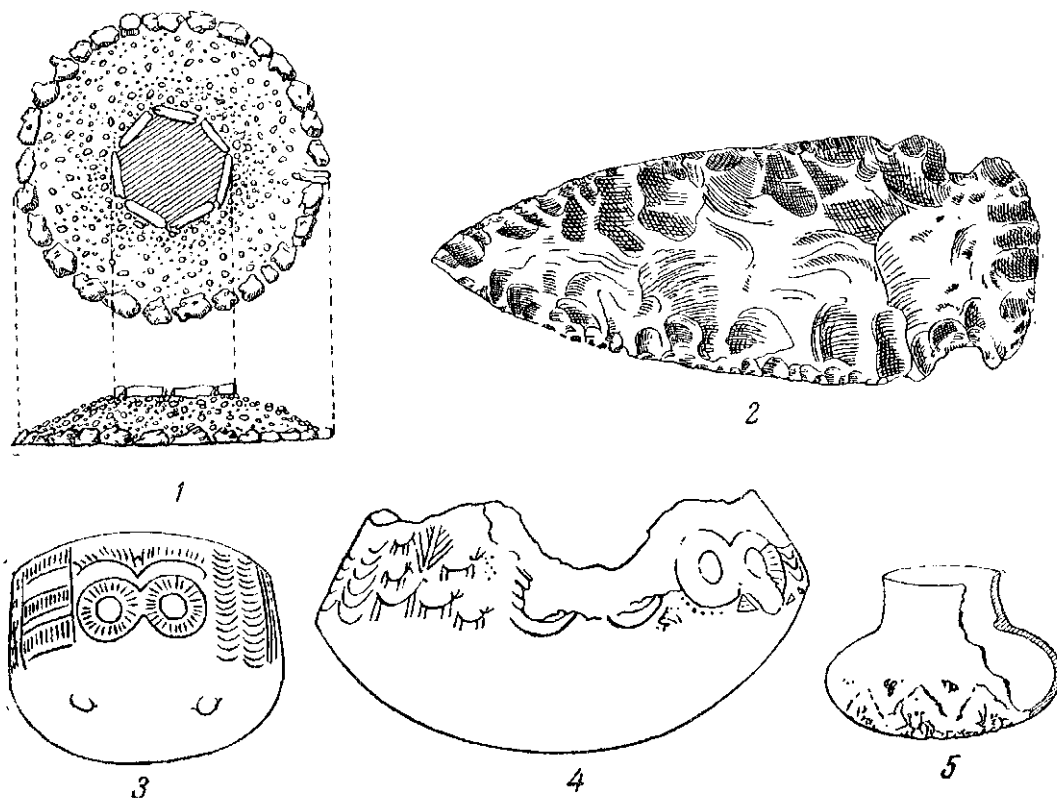

Рис. 22. Альмерийская культура: 1 — могильный холм из Велес-Бланко; 2—4 — кремневый топор и вазы с процарапанным орнаментом из Лос Миллярес; 5 — расписная ваза из Альмерии.

как правило, достигает 3 м; тротуар вымощен круглыми камнями и имеет ровную поверхность. По предположению Мелиды, для перехода через улицы, когда они были залиты водой, устраивались мостки из камней, как в Карфагене. Это обстоятельство заставило Мелиду высказать предположение, что иберы заимствовали технику их устройства у карфагян. В числе построек необходимо указать фундаменты кладовых из простых камней и кирпичей, положенных среди вертикальных устоев деревянных каркасов домов. Такие дома были, повидимому,

¹ Фотографию одной улицы дает М е л и д а, указ. соч., табл. X.

покрыты ветвями, что находится в полном соответствии с описаниями иберийских домов у Витрувия и Страбона.

Труднее установить расположение домов, так как для этого нет необходимых данных. Обычной системой считают постройку, разделенную длинными стенами на помещения от 3 до 6 м шириной; однако нам неизвестно, соответствовало ли такое помещение отдельному жилищу в большом доме. Внутри этих помещений были перегородки из кирпича-сырца.

Более ясным представляется устройство погребов, которых открыто до 200. Они, как правило, расположены на глубине 2 м, имеют прямоугольный или квадратный вход, а иногда и лестницу. Весьма любопытно, что погреба имеют выход не только внутрь дома, но и на улицу. Недостаток света, или неудобство при переноске продовольствия заставляли иберов держаться такого устройства погребов. Можно без преувеличения сказать, что погреба Нуманции ждут своего отдельного исследования, ибо в погребах найдено необычайно большое количество разной утвари и громадных сосудов — тары, расставленной по углам или в ряд.

Таковы уцелевшие до наших дней главные памятники Нуманции и других поселений, свидетельствующие о характере построек древних иберов. Историк, изучающий строительное искусство иберов, для полноты картины должен будет привлечь и другой сравнительно-археологический материал, в частности, данные иберийских некрополей. Испанские археологи Х. Кабрэ и Ф. Мотоо исследовали некрополь в Тугуи, округ Галера (Гранада), в непосредственной близости от Серро де Реаль. Эти ученые изучили до сотни различных погребений, которые частично были разграблены еще в древности. Во время раскопок извлечены останки двоих детей, похороненных в больших сосудах, остальные погребения кремационные, немногие в яме или ящике. Обнаружено много прямоугольных камер, иногда с боковым коридором для входа, представляющих собою коллективные захоронения. Камеры вырыты в земле; стенки выложены кирпичом-сырцом или каменной кладкой. Встречаются и круглые камеры. На полу камеры иногда находят украшения геометрического стиля.

Внимание ученых привлекла погребальная камера, в центре которой возвышается четырехгранный пилеастр с покрытой каменными плитами выемкой, где хранились урны с пеплом. Дата этого некрополя легко устанавливается наличием греческих и итало-греческих кратеров IV—III вв. до н. э. Кроме кратеров, найдены карфагенские и иберийские сосуды, применявшиеся в качестве урн. Погребальные ящики делались из известняка или гипса, имели прямоугольную форму и орнаментированный карниз. В погребениях обнаружено много драгоценностей,

Рис. 23. Иберийская культура — Арагония: 1—2 — вазы из Сант-Антонио ди Каласейте; 3—6 — вазы из Азайля. Железо.

украшений, оружия, скульптурных фигурок и предметов быта. Идентичны погребения и в некоторых местах Андалузии, о чем сообщает Мелида¹. Характерен один некрополь, открытый еще в 1881 г. в Кабрера де Матеро (провинция Барселона); тут найдены урны и даже подносы с остатками трапезы: кости птиц, четвероногих, рыб, скорлупа яиц, что проливает некоторый свет и на ритуал погребения. Наряду с греческими и колоколообразными чернолаковыми вазами встречаются оружие, фибулы, иберийские вещи из бронзы и железа.

Позже испанские ученые открыли погребения, которые ввиду их некоторого своеобразия принято называть в науке кельтиберийскими. Первое из них было открыто археологом Сервальбо в долине Халона. Некрополи в Агуилир Ангуита около Сигуэнцы гальштатского (II) типа относятся к V в. до н. э.; некрополь Акробриги (Сарагосса) датируется концом I латенского периода; некрополь в Лузаге (Гвадалахара), повидимому, более позднего времени.

Что собой представляют так называемые кельтиберийские некрополи? Они занимают большой прямоугольник с улочками немногим больше метра шириной; улочки отмечены камнями, расположенными в виде звезды. У подножия каждого камня имеются углубления, где зарывались погребальные урны вместе с погребальной утварью, состоящей из железного оружия, фибул, предметов украшения и керамики. Все эти памятники хранятся преимущественно в Национальном археологическом музее.

Таковы основные памятники иберийских построек.

* * *

Одно из самых больших мест в собрании археологических древностей Иберии занимают памятники скульптуры. Скульптура из камня, бронзы и глины, так же как и другие памятники древних иберов, не имеет по своему характеру аналогии в культуре Средиземноморья. В этом отношении совершенно не прав Мелида, который, хотя и отмечает особенности иберийской скульптуры, замечает, однако, что «скульптура — это дар финикийцев, карфагенцев и греков, прежде всего последних»².

Наиболее древний экземпляр скульптуры — это *bicha de Balazote* (провинция Альбасете), представляющий собою быка с человеческим лицом, символическое изображение «халдейского» (Мелида) происхождения. Животное изображено в лежачей позе; лапы сложены под туловищем. Хвост слегка

¹ J. M é l i d a, указ. соч., стр. 175—176.

² Там же, стр. 177.

Рис. 24. Раскрашенная ваза иберийского стиля из Кабезо де Алькала (Азайль).

закручен на левый бок и оканчивается треугольной кисточкой. Голова была с рогами, но последние обломались; уши довольно маленькие; волосы гладкие, расчесаны как бы грядками, покрывающими лоб почти до глаз. Борода длинная, остроконечная; тонкие длинные усы спадают в обе стороны. Губы тонко прижаты; глаза слишком сближенные, почти круглые, выступают сильно вперед. Назначение этой скульптуры — украшать дверь при входе. Однако есть и другое предположение: статуя, возможно, имела религиозный характер и ставилась при входе в храм. До сих пор нет единства мнений по вопросу о стиле и происхождении этого памятника. Если Гезей и Мелида считают возможным говорить о «халдейском» или «ассирийском» стиле этого памятника, то Пари допускает возможность влияния Микен. «В Микенах,— говорит он,— встречаются также изображения быка или зверей с человеческой головой, и возможно, что оттуда именно и идет влияние на иберов, варварство которых сказалось на примитивизме *bicha de Balazote*. Может быть, рука греческого мастера отразила местные нравы и вкусы в этой фигуре»¹.

Идентичный экземпляр скульптуры, выполненный из такого же песчаника, что и *bicha de Balazote*, но без головы, был открыт в Агосте около Нивельды (провинция Аликанте). Тут же были обнаружены два сфинкса; два рельефа с изображением сфинксов найдены также в Салобраге (Альбасете). Все они символического содержания и должны были служить в качестве предметов религиозного культа. В частности, по мнению Пари и Мелиды, изображения химерических существ имели священный характер, и такие скульптуры ставились при входе в храм.

Среди скульптур с восточными мотивами встречаются и фигуры льва. Замечательна в этом отношении львица («сфинкс»), найденная в Бокаиренте (провинция Валенсия), хранящаяся в Валенсийском музее. Львица с приподнятой головой лежит на плите. Фигура несколько испорчена. Статуя стоящего льва с лапой, поднятой над головой барана, получена из Борны (провинция Кадикс) и хранится в настоящее время в Севилье у местного любителя. Немало фигур льва, изображенного лежащим с протянутыми вперед лапами, собрано в Национальном археологическом музее Мадрида. Все эти фигуры сделаны из мягкого камня.

Изображения химер, хищных и чуждых стране зверей, по мнению Мелиды, предполагают заимствование восточной символики у финикийцев и карфагенян; с ввезенных моделей иберы копировали свои в большинстве случаев грубые произ-

¹ P. Paris, Essai..., стр. 124.

Рис. 25. Дама из Эльче.

ведения (VI—III вв. до н. э.)¹. Сказалось, конечно, и греческое влияние.

Иберийские ваятели предпочитали изображать быка. Недаром Диодор Сицилийский² говорит, что бык в Испании был священным животным. Невольно вспоминаются быки Гериона, отбитые Гераклом в его знаменитой схватке, местом действия которой является Тартесс, т. е., повидимому, Андалузия. Именно здесь и в Бастетании были открыты скульптуры быков.

Особенно интересны скульптуры быков в Осуне (провинция Севилья). Обращает на себя внимание одна из них, являвшаяся, повидимому, как и *bicha de Balazote*, украшением дверного входа. Голова быка отделена от стены, но корпус вытянут в рельефе из камня, составляющего часть стены. Подробное описание и характеристику этого памятника можно легко найти в любых изданиях по испанской археологии. Из изображений домашних животных в иберийской скульптуре необходимо также указать на несколько головок баранов. Скульптурное изображение, найденное около Картамы (Малага), представляет овцу в пасти медведя. Оно сделано из камня.

Самый значительный род иберийской продукции *ex voto* дают скульптурные изображения человека. Этот род скульптуры более реалистичен, чем вышеуказанные символические фигуры животных. Можно согласиться с мнением Мелиды, что в древнеиспанской скульптуре чувствуется единообразие и повторение, что заставляет предполагать наличие определенной школы. Мелида называет эту школу «бастетанской», так как большинство подобных скульптур найдено в районе расположения бастетанов, в *Segro de los Santos* и соседнем *Liano de Consolacion*. Произведения датируются V—III вв. до н. э., т. е. относятся к классическим памятникам иберийской археологии.

Среди обнаруженных памятников первенство принадлежит величайшему произведению иберийского искусства — так называемой «Даме из Эльче», открытой в *Zona de la Alcudia* летом 1897 г. Скульптура представляет собой бюст из песчаника, очень тонкой работы, сделанный в натуральную величину (53 см высотой). Дама одета в нижнюю тунику, поверх которой изображена другая туника, застегнутая испанской фибулой на груди. Голова покрыта митрой из кожи или ткани. Митра отделана сложным драгоценным украшением, составленным из диадемы, образованной линиями цепочек, заканчивающихся желудями. Два больших филигранной работы диска расположены по бокам у ушей и являются своеобразным украшением.

¹ Méli d a, указ. соч., стр. 177.

² Dio d., IV, 18, 2.

Украшения дополняются тремя нитями ожерелий из бус, с медальонами в виде маленьких амулетов. Мелида характеризует «Даму из Эльче» следующими словами: «Задумчивое или даже опечаленное лицо передает типичный греческий стиль. Губы и одежда сохраняют следы красного цвета, что указывает на аналогичную греческим полихромии этой скульптуры»¹. Мы нарочно остановились на этой краткой характеристике Мелиды и предпочли ее подробным обзорам Пари², поскольку последние не сохраняют должной объективности в оценке этого памятника. В археологической литературе было не мало споров по поводу стиля «Дамы из Эльче», но теперь об этом памятнике можно говорить с полной определенностью. Если раньше скульптуру относили к карфагенским произведениям, находили в ней проявление восточного или даже греческого стиля, то теперь совершенно ясно, что нельзя отрицать ни ее местного характера, ни того, что стиль этой скульптуры, несомненно, родственен греческому.

¹ J. Méliida, указ. соч., стр. 183.

² См. P. Paris, Essai..., I, стр. 280—299 (весьма подробное, с учетом различных точек зрения и вместе с тем живое описание этого памятника). См. также специальную работу Пари, посвященную исследованию только этого памятника: P. Paris. Buste espagnol de style gréco-asiatique, trouvé à Elche, 1898.

Рис. 26. Статуя женщины из Серро де лос Сантос.

Несомненно, этот шедевр иберийского искусства сделан в греко-пунической среде и исполнен иберийским мастером в соответствии с требованиями греческого искусства V в. до н. э. Отмечая особенности деталей в украшении «Дамы из Эльче», в особенности диски, свисающие с диадемы и не встречающиеся в скульптурном искусстве никакой другой страны Средиземноморья, Пари сопоставляет этот памятник с другими скульптурами из Серро де лос Сантос и находит в них нечто общее и своеобразное, являющееся показательным для иберийской скульптуры. «Нет, — восклицает Пари, — не греческий мастер воплотил в этой дивной фигуре Испанию иберов, финикийцев и фокейцев; это испанец — туземный скульптор со свободным духом, несмотря на уроки, которые он, несомненно, получил, которые он, может быть, искал в знаменитых мастерских Греции; это был мастер, рожденный в самом отечестве той пленительной женщины, которую обессмертил его гений... Испания имеет право отнести на свой счет все, что есть в этом шедевре самого изысканного, самого сильного и самого смелого»¹.

В один ряд с фигурой «Дамы из Эльче» должны быть поставлены некоторые из скульптурных фигурок Серро де лос Сантос, количество которых только в одном Национальном археологическом музее в Мадриде достигает 200. Особо следует отметить сравнительно значительную вещь (1,35 м высотой) — даму, стоящую во весь рост и держащую чашу обеими руками. Видны три туники, нижняя стянута фибулой. Покрытая плащом, «она, — говорит Мелида, — была бы копией с греческой модели, например Афины с западного фронтона Эгинского храма» (480—470 гг. до н. э.)². Другие ученые находят черты сходства у этой дамы (известной в музее Мадрида под № 3500), а также у статуи № 3502, с «Дамой из Эльче» и вносят поправку в оценку Мелиды, считая эти статуи произведениями иберийского, а не греческого искусства, которое могло, конечно, влиять на искусство иберов.

Имеется немало женских статуэток, украшенных, как и «Дама из Эльче», дисками, митрой, диадемами и ожерельями. Все эти скульптуры женщин обнаруживают приблизительно один и тот же стиль в искусстве.

Гораздо реже встречается в древнеиберийской скульптуре мужской тип. О характере мужских скульптур даст понятие статуэтка стоящего жертвователя (фигурка *ex voto*), одетого в тунику и плащ, с босыми ногами; в правой руке у него чаша.

Все вышеописанные фигуры, выполненные главным образом из песчаника, характеризуют один и тот же стиль иберийской

¹ См. «Essai...», стр. 299

² J. M é l i d a, указ. соч., стр. 184.

скульптуры, который, по предложению Мелиды, принято называть стилем «бастетанской школы».

Из рельефов, которыми также представлена иберийская скульптура, наиболее важные экземпляры найдены в Осуне. По мнению Пари, некоторые из них, небольшие по размеру, могли принадлежать фризу какой-то могилы. Рельефы выбиты на песчанике. Наиболее полные доски с рельефами хранятся в музеях Севильи и Лувра. Рельефы изображают, главным образом, сцены войны, воинов в походе или сражающихся. У воинов голова покрыта тканью, как у лузитанцев¹; они вооружены круглыми маленькими щитами, одеты в короткую тунику, складки которой указаны полосами. На некоторых видна броня с мелкими металлическими пластинами. На одном из рельефов воин в панцире и с поножами стоит у ног побежденного врага. Аналогичные рельефы имеются на камнях, соответствующих фризу. Так, на одном угловом камне изображено по фигуре на каждой стороне; на одной — два сражающихся воина, на другой — один воин. На одной доске дан рельефом воин на коне с мечом и обнаженной головой, на другой — воин с трубой. О времени появления этих иберийских рельефов нет единства мнений. Вероятно, они сделаны позже, чем скульптуры из Серро де лос Сантос. Пари полагает, что рельефы должны были предшествовать битве при Мунде, о чем свидетельствует место открытия и характер изображений. Мы оставляем этот вопрос открытым. В последние годы в Андалузии около Линарес удалось обнаружить интереснейший рельеф, отнесенный к иберо-римским. Он изображает восемь шахтеров, двигающихся по галерее в два ряда (по четыре) со своим снаряжением, четвертый держит пику; повидимому, это солдат. Позади всех идет начальник с большими клещами у талии и лампадкой в левой руке. Исполнен рельеф грубо.

Несколько иной характер носит скульптура из центральной Испании — Кельтиберии. Она также представлена фигурками и рельефами. Фигурки из камня изображают животных (кабанов и коней). Это вполне согласуется с указанием Страбона, что население в горах Дуриса (Дуэро) приносило коней в жертву и что бывали гекатомбы из ста голов каждого вида животных, как у греков. Виднейшим по значению и крупнейшим по размерам из этого рода памятников, вызвавшим живой обмен мнениями, является изображение свиньи², так называемый *Idola Miqueldi* в Дуранго, имевший якобы иберийскую надпись, с течением

¹ Strabo, III, 3, 6.

² Скульптура свиньи (кабана или носорога, что трудно установить) привлекла внимание ученых еще в XVII в. См. подробный обзор состоящий вопроса у Пари, *Essai...*, I, стр. 58—65.

Рис. 27. Рудокопы из Липарес.

времени стершюся. Это изображение свиньи не нашло еще четкой интерпретации в литературе¹.

Большое количество фигурок (до 300 штук) найдено к югу от долины Тахо, до Гвадаррамы и Португалии, захватывая таким образом центр, север и запад. Среди этих скульптур можно указать ряд значительных. Так, в Саламанке на мосту возвышалась скульптура громадного быка с латинской эпитафией, очевидно, позднего происхождения. Известны также быки Гизандо (Авила) и свиньи Авилы. Кроме того, имеется до десятка скульптур из Карденьозы и Казы де Абрантес.

В отношении кельтиберийских рельефов нельзя указать на что-либо своеобразное в их оформлении². Обращают на себя внимание некоторые монументы с латинскими эпитафиями, изображающие группу лузитанских воинов. Это — гранитные статуэтки обычно грубой работы и весьма испорченные вре-

¹ Раньше эти фигурки считались иберийскими. Мелида же видит в них продукцию кельтиберов.

² Мелида приводит только три кельтиберийских рельефа, один из которых представляет собою изображение кельтиберийского воина, скачущего на коне с пикой в руках (указ. соч., стр. 193—195).

менем. Трафаретные изображения представляют воинов в куртках, подпоясанных в талии, с круглыми щитами, прикрепленными на животе и короткими мечами на правом боку. Ноги видны только до щиколоток, как будто бы они ушли в плиту. Латинская эпитафия обычно помещена на пьедестале. Такие статуи найдены и в Португалии.

Все описанные скульптуры сделаны из камня. Однако открыто немало бронзовых скульптур (около 4000), найденных в классических местах испанской археологии: в Деспеньяперрос — 2194 фигурки, в Каstellяра де Сантистебан — 1498. Тот факт, что основная масса фигурок обнаружена на юге страны, заставляет предполагать в них продукцию горнорудных районов Андалузии. Обращает на себя внимание и то, что ни одной бронзовой скульптуры нет из Нуманции; это дает основание считать их произведениями типично иберийского искусства. Размер фигурок колеблется от 10 до 12 см и изредка доходит до 20 см. Среди них преобладают изображения людей, но есть и фигуры животных. В основном статуэтки собраны в Национальном археологическом музее в Мадриде и в музее Барселоны¹. Человеческие фигуры, найденные в иберийских святилищах, изображают мужчин и женщин, приходящих с приношениями или с мольбой. Встречаются и изображения божеств², среди которых представляет интерес фигура Минервы в кожаном шлеме, тунике и маленьком плаще, но без копья; левой рукой она поднимает круглый иберийский щит. Фигура отлита из двух половинок, высотой 1,234 м. Не менее интересно изображение Нептона — лузитанского Марса, Венеры — Астарты и иберийского Геркулеса. Геркулес представлен таким же, как и на иберийских монетах. Одна фигура высотой 0,17 м изображает обнаженного юношу со шкурой льва в левой руке.

Немало среди иберийской бронзы найдено фигур воинов. Есть воин в каске с гребнем, вооруженный фалькатой (кривым мечом, саблей), висящей на портупее, и с чашей приношения в правой руке. Другие фигуры — без шлема, в куртке или обнаженные, держат щит и фалькату поперек тела. Выделяются воины, завернутые в плащ, как греки, с открытыми плечом и правой рукой с копьем и круглым щитом, подвешенным на спицу. Очень много мелких скульптур воинов со щитом, с прической в две косы, спадающих спереди и сзади. Интересны и воины на конях иберийского типа. Обращают на себя внимание

¹ Бронзовые фигурки из Деспеньяперрос находятся в музее Мадрида, бронза из Каstellяра де Сантистебан и Вильякарилья — в музее Барселоны.

² Наиболее интересные фигуры этого рода находились в соборной церкви видного испанского гумизмата Вивеса; ныне они хранятся в Национальном археологическом музее Мадрида.

группы мужчин (вооруженных и невооруженных) с приношениями в руках — символические фигуры.

Вотивные фигурки изготовлялись главным образом из бронзы и редко из глины. Последние встречаются главным образом в Кастелляр де Сантистебан. Среди них немало изображений женщин с дисками, аналогичными украшениям «Дамы из Эльче». Изображения повторяют, таким образом, этот свойственный именно иберам мотив в скульптуре женских фигурок. Небольшое количество глиняных фигурок — человечков с голыми ногами, как будто готовых к посадке на лошадь — дают раскопки в Нуманции. Выпекание этих фигурок грубое, и чувства вложено в них больше, чем искусства, однако все они, так же как и ранее описанные, дают немало материала для изучения обычаев, одежды, оружия и украшений древних иберов.

Важное значение в искусстве древних иберов имела керамика. Археология дала ряд керамических памятников большого исторического значения. Как уже было замечено выше, гончарный круг появился на Иберийском полуострове, повидимому, в связи с колонизационной деятельностью финикийцев и греков, которые и завезли его с востока в Испанию. Во всяком случае для V в. иберийское керамическое производство было основано на всеобщем применении гончарного круга.

На Иберийском полуострове обнаружено большое количество различных ваз, особенно при раскопках последних лет в Нуманции, где их найдено свыше 2000 экз. До нумантинских раскопок, давших весьма большое количество памятников иберийской керамики, эти памятники классифицировались только по местам их находок. Дальнейшее изучение керамики отменило такую систематизацию керамического материала древних иберов, так как в настоящее время можно точнее установить различия в производстве, технике декорирования ваз и в стиле их орнаментации. Мелида предлагает свою систему классификации керамического наследия иберов. Он различает вазы, с одной стороны, по их внешнему виду и типу и, с другой — по местам раскопок. Таким образом, разнообразие керамики сводится к нескольким главным типам, но вместе с тем учитываются и местные особенности отдельных видов керамики. При современном уровне изучения памятников керамики система, предложенная Мелидой, повидимому, должна быть признана наиболее удачной.

При обозрении ваз, найденных в разное время и в разных местах Испании, бросаются в глаза, как это подметил Мелида, два главных типа: черные вазы с резным орнаментом и красные вазы естественного цвета глины, хорошего производства, великолепно раскрашенные, изготовленные под влиянием греков и карфагенян. Анализы глины позволяют пока локализовать

Рис. 28. Четыре бронзовые статуэтки из Каstellяp де Сантистебан.

только один и притом большой центр производства керамики — Нуманцию.

‡ Наличие черных ваз может быть совершенно точно прослежено в Нуманции. Имеются два вида ваз такого рода. Первый вид — примитивные, грубой работы вазы. Паста из глины плохо приготовлена; там попадаются зерна слюды, мелкие камешки, кусочки угля. Вазы эти черной поверхности, весьма емкие, некоторые имеют колоколообразную форму с закругленными краями. Таких ваз немного, и это, по мнению Мелиды, указывает на их древность. Другой вид — вазы серые, из хорошо приготовленной глиняной пасты, тщательно сделанные на круге и со следами обжига у горла (подкопчены). Ваз этого вида больше и по форме они почти совпадают с красными вазами. Кроме больших сосудов, найдено было немалое количество мелких: чашки, миски, блюда и т. п. К этому же роду относятся и погребальные урны, сделанные с применением шнура при работе на круге.

Значительно больше, чем черных и серых, найдено на полуострове красных и белых ваз. Эти вазы разнообразны по отделке и выделке, что дает нам материал для суждения о техническом прогрессе в производстве керамики. Археолог Тарасена, долгое время изучавший нумантинские вазы, в публикации иберийской керамики из Нуманции дал следующую схему классификации нумантинской продукции: 1) вазы красные, т. е. из красной глины; 2) вазы, окрашенные желтоватым раствором глины; 3) вазы желтые, т. е. из желтой глины; 4) гладкие вазы — погребальные урны кельтиберийских некрополей (шарообразной формы); 5) домашняя керамическая посуда (из Парадес де Нова-Шаленсия); 6) большие сосуды, типа греческого пифоса, около 1 м высотой; 7) раскрашенные вазы более тщательной работы и разнообразной формы¹. Кроме того, следует еще учесть сосуды для носки воды, которые подразделяются на четыре основных типа: продолговатые этрусского типа, колоколообразные, формы усеченного конуса и почти цилиндрические. Обращают на себя внимание и керамические трубы, или дудки, закругленные спиралью, и с колоколообразным отверстием. Как указывает Страбон², кельтиберы перед трапезой плясали под звуки этих труб.

Иберийская керамика, особенно из Нуманции, сразу привлекла внимание археологов и историков. Классификация памятников керамики, данная Тарасеной, была принята в качестве исходного пункта изучения этого рода памятников материальной культуры.

¹ T a r a s e n a, La ceramica iberica de Numantia, 1924.

² S t r a b o, III, 3, 7.

Рис. 29. Вотивные статуэтки: 1, 3, 5 — Каstellяp де Сантисегон; 2, 4 — Деспеньяперрос.

Роспись на иберийских вазах давно была предметом споров. Спорили, в частности, о характере и стиле ее исполнения. Пари указывал на микенское влияние в раскраске иберийских ваз, проявлявшееся, по его мнению, как в геометрическом, так и растительном орнаменте¹. Со времени Пари керамики, похожей на микенскую, особенно из Нуманции, найдено немало, тем не менее точка зрения Пари является до сих пор недоказанной, и рядом археологов она совершенно отвергается (Мелида, Бош-Гимнера)². Известно, что микенские вазы датируются, самое позднее, XII в. до н. э., тогда как иберийские не старше V в. до н. э. С другой стороны, иберийские вазы встречаются вместе с греческими V в. и итало-греческими IV в. Это подтверждают находки в некрополях Тухии (провинция Хаэн), Реаль де Бессерос (там же), Тутуги (провинция Грапада), в погребках Нуманции, в раскопках римского времени до периода Империи. Таким образом, производство иберийских ваз с характерной росписью длится, по крайней мере, пять веков.

Как было замечено раньше, иберы, повидимому, не умели лакировать. Применявшаяся ими краска почти всегда красная, часто темная или коричневая, реже черная (что зависело от обжига). Нумантинские вазы раскрашивались в различные цвета: оранжевый, желтый, белый и даже голубой и зеленый. Живопись на иберийских вазах штриховая. Очень часты фигуры людей и животных с окрашенными в белый цвет глазами; у птиц указаны перья. Поражает каллиграфичность исполнения рисунков на иберийских вазах, напоминающая технику микенских мастеров. Круги и полукругия, правильно нарисованные на вазах, предполагают наличие циркуля; один такой циркуль был найден при раскопках. Спирали, волнистые линии, прямолинейные и криволинейные элементы рисунков самой своей неправильностью указывают на работу от руки.

Для классификации вазописи, в соответствии с разнообразием региональных стилей и в зависимости от мест находок, Бош-Гимнера предложил следующее подразделение районов вазописи: Юго-восток, Андалузия, Арагон, Кастилия. Эта схема впоследствии была принята археологами и историками. Вазы Андалузии характеризуются менее тонкой раскраской, в которой чувствуется подражание карфагенским и греческим образцам; здесь реже встречаются геометрические мотивы. Пунические вазы — амфоры с колоколообразным горлом, весьма

¹ P. Paris, Essai..., II, стр. 119. См. приведенные им рисунки, особенно № 87—89, 90, 120—121, 180—183.

² Бош-Гимнера отвергает заимствование у крито-микенцев иберийской вазописи (указ. соч., стр. 245). Мелида считает этот вопрос очень трудным для решения и не принимает вывода Пари (указ. соч., стр. 214).

Рис. 30. Полихромные вазы из Нуманции.

элегантны; иберийские же выпуклые или цилиндрические вазы грубее на вид. Иберийские вазы украшены концентрическими кругами или вертикальными и горизонтальными поясами, разделенными на квадраты, а последние на шахматные клетки, крестовицы, ромбы, и аналогичные дидилонским рисунки. Эти мотивы росписи встречаются во всех вышеупомянутых районах иберийской вазописи, а также в провинциях Бадахос, Сиудад Реаль вплоть до Валенсии, Галисии, Португалии и Балеар и в ряде других мест.

На вазах, найденных в восточных районах Испании, преобладает цветочный орнамент с криволинейными чертами, иногда с фигурками человека или животных. Экземпляры этого стиля получены из Аргены, Альберки, Монтеагудо, Мазароппа, Картахены, Лорки (провинция Мурсия), Меки и Амарехо (около Бонете), Серро де лос Сантос и Льяно де Консолясион (провинция Альбасете), Эльче, Редована Ориуэлы (провинция Аликанте), Сагунта (провинция Валенсия), Тарракона, а также и из других пунктов Каталонии. Многие интересные экземпляры были открыты еще Пари; немало ваз найдено за последние десятилетия, причем некоторые из них даже обнаружены на юго-востоке Франции¹.

Наибольшую художественную ценность представляют иберийские вазы из Арчены и Эльче, важнейшие экземпляры которых хранятся в Национальном археологическом музее в Мадриде. Это — сосуды в форме цилиндров или усеченных конусов (из Арчены), украшенные цветочным орнаментом. Обращают на себя внимание рисунки с птичьей головой, необычайно тонко выполненные, близкие по стилю греческим образцам. Этот вид орнаментации считается наиболее высоким по художественности исполнения и превосходит орнамент ваз «de los guerreros» («вазы с воинами»).

Что же касается ваз «de los guerreros», то наилучший их образец дает одна погребальная урна в форме усеченного конуса. На переднем плане урны изображена сцена военной охоты. Два воина на лошадях, вооруженные копьями, и трое пеших с большими щитами охотятся за кабаками. Рисунок примитивный, однако фигуры весьма динамичны и полны жизни.

Столь же реалистичен растительный орнамент, характерный для керамики из Эльче. Необычайно хорошо переданы фигуры животных, птиц и рыб, за исключением несколько грубо воспроизведенных человеческих фигур. Такой же пример реализма дает одна вещь из Ампуриас (из собрания памятников Казурро),

¹ Иберийские вазы найдены в Монлор, около Нарбоны, в Монтан, около Гайак, около Тулузы и Марселя.

Рис. 31. Испанское оружие: 1 — кельтиберийский кинжал; 2 — испанский меч (*gladius hispaniensis*); 3 — иберийские пики; 4 — фальката из Альмединильи.

динамично передающая сцену охоты на оленей и, в частности, бегущих мужчин с коньями. Иного стиля украшения ваз из Арагонского района. Этот стиль отличается преобладанием орнаментальных кривых линий, которые покрывают почти всю поверхность ваз. Лучшие из них найдены в Азайле.

Резко отличен от предшествующих стиль вазовой живописи на плоскогорье. Так называемый нумантинский стиль представлен находками в Нуманции, Термесе, Изапе, Уксаме, Мединачели (Сория), в Аркобриге (Сарагосса), в Лузаге (Гвадалахара). Коллекции собраны в Национальном археологическом музее в Мадриде, в музеях Сории, Сарагоссы и других городов Испании. В одном музее Сории собрано более тысячи разрисованных белых и красных ваз. Среди них интересны два сосуда с красными фигурами, обведенными черным, напоминающими стиль большой вазы из Аргены. Сюжетом украшений на этих двух сосудах служит укрощение лошадей. Орнаментация простая, грубая, выполненная толстыми желтыми линиями. На красных вазах большое разнообразие сюжетов. Тут и человеческие фигуры, и геометрические рисунки, как на греческих вазах Дипилона. Нередко встречается изображение мертвых воинов и хищных птиц, фигуры животных, особенно лошадей и птиц с треугольным хвостом. На некоторых нумантинских вазах видны отдельные буквы и целые надписи иберийским шрифтом. Подобная типично иберийская керамика появилась после вторжения иберов на плоскогорье в III в., — предположение, выставленное этнографами и разделяемое Мелидой. В римских слоях Нуманции извлечено некоторое количество черепков из Клунии. Реставрированные сосуды представляют собой изящные амфоры, цилиндрические формы, чашки и другую мелкую посуду из желтой глины с изображениями кроликов, птиц, розеток. К этому типу относится ваза, открытая археологом Серральбо в Аркобриге, с орнаментом из виноградных ветвей, змей и пастухов. Наличие большого количества сосудов в Клунии дало основание высказать предположение, что этот город мог быть когда-то центром керамического производства.

Подводя итоги анализа иберийской керамики, необходимо сказать, что до сих пор самые оживленные споры не разрешили основного вопроса — о происхождении и развитии иберийского орнамента. Раньше геометрический орнамент иберов считали одинаковым или общим почти для всех первобытных племен. Затем Пари подчеркивал моменты заимствования в иберийском искусстве и подражания иберийских мастеров финикийским и греческим образцам. Правильно будет все же считать, что культура иберов носила автохтонный характер и формировалась в основном под воздействием местных факторов, что не исключает некоторых внешних влияний.

Рассмотрим данные археологии о вооружении иберов. Рудные богатства Иберийского полуострова дали в руки обитавших там народов материал для изготовления различных предметов вооружения. Разработка железной руды зафиксирована в районах: Монкайя (бассейн Эбро), в Бискайе, в Галисии, в Толедо, в Андалузии. Междоусобная борьба иберийских племен, защита своей страны в столкновениях с карфагенянами и этрусками — все это вынудило иберов расширить производство оружия. В различных пунктах полуострова постепенно росло количество предметов вооружения и особенно мечей. Находки оружия в некрополях дают немало важного материала в этой области.

К основным предметам иберийского вооружения, представленным в археологических памятниках, относятся мечи, кинжалы и ножи, пики, дротики и стрелы, пращи, различные металлические снаряды, пускавшиеся из каких-то самострелов типа баллист и катапульта. Из предметов оборонительного вооружения найдены шлемы, кирасы, поножи и щиты. К этой же категории находок следует отнести подковы для лошадей, шпоры и удила, относящиеся к роду конской сбруи, необходимые для ведения боевых действий и тесно связанные с военным делом древних иберов.

Что касается меча из железа, то он, повидимому, являлся естественным продолжением формы последних бронзовых мечей и первое время сосуществовал вместе с ними. На Иберийском полуострове встречаются обычно прямые мечи трех видов. Наиболее целостный экземпляр первого вида был открыт археологом Серральбо в одном погребении в Аркобриге (провинция Сарагосса). Этот меч является образцом при классификации мечей первого вида. Его клинок расширяется к центру; рукоятка покрыта серебром и опоясана прямолинейными орнаментами в виде лент; два выступа похожи на пуговицы. Мечи с усиками из кельтиберийских некрополей соответствуют гальштатскому периоду, в основном концу V и началу IV в. до н. э. Обычно они коротки и имеют в длину от 0,37 до 0,47 м, что соответствует средним размерам иберийских мечей, описанных Полибием¹. Интересна техника производства этих мечей. К рукоятке прикреплялся путемковки сам нож или клинок меча. Усики, между которыми прикреплялся клинок, составляли отдельную часть. Затем рукоятка покрывалась медью, серебром, костью. Форма усиков была различной. Сначала они были кривые, затем согнуты под углом и всегда с концами в виде шариков. Ножны для таких мечей делались из дерева, обитого железом.

¹ P o l y b., fragm. 96; также VI, 23, 6; ФИА, II, стр. 145.

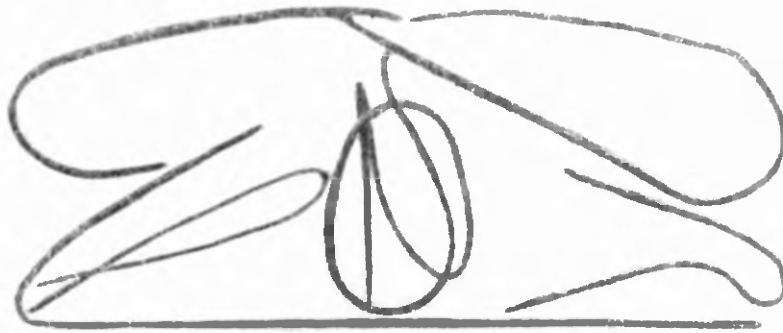

Рис. 32. Метательное оружие. Железо.

Характерной особенностью, обнаруженной на некоторых открытых в некрополях ножнах, являются два кольца для подвешивания меча на животе в косом положении, т. е. совсем так, как это показывают некоторые скульптуры воинов. Такие мечи найдены не только в Кельтиберии, но и в других местах, например, в Вильярикос (провинция Альмерия).

Вторым видом меча является прямоугольный клинок, более широкий и более длинный, чем первый (до 50 см). Экземпляры таких мечей найдены в кельтиберийских некрополях (Агуиляр де Ангуита).

Третий вид прямого меча соответствует, по Мелиде¹, латенскому (длина до 0,80 м). Он имеет острый конец, так что им можно было и колоть. Именно такой меч и был у иберов в войсках Ганнибала в Италии; этот образец впоследствии римляне заимствовали у испанцев (*gladius hispaniensis*)².

Из вооружения древних иберов наибольшую известность приобрел иберийский кривой меч, так называемая *falcata* (фальката), типа греческой махайры (*μάχαιρα*). Это было прекрасное наступательное оружие в руках иберов. Как показывают нам исторические данные, *falcata* применялась народами Испании на протяжении почти пяти последних веков до нашей эры. Такого рода мечами сражались в битве при Мунде. Фальката изображена на монете, чеканенной в 25 г. Публием Каризем³. Длина клинка такого меча доходит до 0,44—0,46 м, а вместе с рукояткой — до 0,55 и даже 0,63 м. Экземпляры фалькаты найдены в Алькасар де Соль и Солобгал (Португалия),

¹ Классификацию мечей см. у М е л и д ы, указ. соч., стр. 245—246.

² См. комментарии во II томе ФНА, стр. 168. Упоминания древних авторов о *gladius hispaniensis* см. в ФНА, III, стр. 36, 74, 172, 202.

³ См. описание ее у М е л и д ы, указ. соч., стр. 247—248.

в Трухильо (Касерес), в Альмедивилья и Фуэнте Тохар (Кордова), а также в провинциях Хаэн, Гранада, в Вильярикос (Альмерия); реже они встречаются в центре полуострова. Собрания мечей хранятся в Национальном археологическом музее в Мадриде, а также в Музее Кордовы. Фальката высоко была оценена Диодором, который писал (V, 33): «Нет ница, шлема или кости, которые могли бы противостоять удару такого меча».

Но менее важную часть вооружения испанского воина составляли кинжалы, которые носили в ножнах и подвешивали, как меч, на двух кольцах. В районе Гвадалахары (в Агуилер де Ангуита) и в провинции Кордова (в Альмедивилья) найдены кинжалы с ушками, весьма схожий с мечом того же типа; длина кинжала вместе с рукояткой равна 29 см. Другой тип кинжала найден в кельтиберийских некрополях, в развалинах Нуманции и в Тарракоме; эти кинжалы имеют два шара на рукоятке. Клинок без рукоятки имеет 20 см длины. Ножны делались из бронзовых пластин, с орнаментацией, и заканчивались пуговицей или шариком. Наряду с мечом и кинжалом необходимо еще указать на нож, который имел не только соответствующее значение в утвари древнего ибера, но и использовался как оружие. В погребениях ножи обычно находят прикрепленными к мечам. По мнению археологов, нож играл роль кинжала.

Неотъемлемым оружием испанских воинов являлась пика. Обычно различают два рода пик: с деревянным древком и с древком из железа (*solliferreum*). Более обстоятельному изучению подвергся последний вид, поскольку железные предметы сохранились лучше, чем деревянные, а некоторые экземпляры дошли до нас полностью. Это были массивные пики. Как показывают археологические раскопки, *solliferreum* встречается вместе с мечами, имеющими ушки (латинского периода), что прослеживается как на юге и на востоке, так и в центре¹. *Solliferreum* — очень массивная пика, ее длина колеблется от 1,6 м до 2 м, причем самое копьё (лезвие) имеет обычно от 5 до 9 см.

Археологи считают, что легкие дротики из железа древние иберы заимствовали у кельтов, хотя некоторые ученые, как Шухардт, склонны утверждать, что родиной этого оружия является Испания. Тит Ливий, повидимому, имеет в виду эти дротики, когда говорит об оружии, называемом *phalarica*², применяемом с таким эффектом жителями Сагунта, когда они были осаждены Ганнибалом в 219 г.

¹ Указания древних авторов о *solliferreum* и соответствующие комментарии к источникам даются во II томе ГНА, стр. 169 и в III т. ГНА, стр. 36, 85, 91, 183, 230.

² Упоминания о *phalarica* у древних см. в III т. ГНА, стр. 36, 85, 91, 183. Там же комментарии и ссылки на литературу.

Страбон рассказывает, что иберы, как и лузитанцы, сражались одним только дротиком, мечом и пращей. Балеарские пращники пользовались тремя пращами различной величины, в зависимости от расстояния, на которое надо было действовать. Когда пращами не приходилось пользоваться, их носили на голове. Метательными снарядами для пращи являлись круглые камни и свищовые «желуди», заостренные на концах. При раскопках в Осуле Элгель и Мари нашли интересный набор таких снарядов из свища, железа и камня. На некоторых снарядах имелись иберийские и латинские надписи; все они уже относятся к эпохе римского завоевания. Немало таких желудей-снарядов найдено и в Пумашии, причем некоторые сделаны из глины.

К сожалению, археологи не открыли памятников оборонительного оружия, и о нем мы можем судить преимущественно по данным греко-римских писателей. Страбон¹ сообщает, что некоторые из лузитанцев пользовались шлемом с тройным гребнем и хохолком. Диодор² говорит о кельтиберийских медных касках, украшавшихся красными перьями. Упоминаются также бронзовые открытые шлемы выпуклой или полусферической формы. Раскопки дали несколько экземпляров таких шлемов. Один экземпляр был найден в Алькарасехос (Кордова), другой — в Киштана Редонда (Сория). Тело иберийских воинов защищалось льняной кирасой, напоминающей греческую. Два известных рельефа из Осулы свидетельствуют о наличии попожей.

Иберы знали два вида щита. Один — продолговатый и довольно длинный, прикрывающий две трети тела. Такой щит хорошо изображен на рельефах из Осулы. Другой щит — круглой формы, описанный Страбоном³ в рассказе о вооружении лузитанских воинов. Описание этого щита у Страбона вполне совпадает с изображением аналогичного щита на бронзовых статуэтках из Десепьялперрос.

В заключение необходимо сказать о шпорах, появление которых, как и подков, показательны для иберийской культуры. В Пумашии найдено немалое количество шпор и подков из бронзы или железа.

* * *

Остается сказать несколько слов о памятниках, в которых древние иберы отразили свое искусство создавать украшения и разного рода предметы женского туалета: диадемы, ожерелья, фибулы и т. п. Уже в скульптуре мы замечаем склонность ибе-

¹ Strabo, III, 3, 6.

² Diod., V, 33—34.

³ Strabo, III, 3, 6.

рийских женщин украшать голову и грудь. Древние писатели наблюдательно подчеркнули эту особенность иберов. Страбон писал: «Украшение некоторых иберийских женщин, о которых говорит Артемидор, можно также считать признаком их варварства; именно, некоторые женщины носят на нос железные ожерелья с загнутыми крючками, которые возвышаются над головой и выступают далеко перед лицом; на эти крючки они надевают, когда захотят, покрывало, которое, опустившись, закрывает лицо тенью. Женщины считают это украшением. В других местах они носят на макушке головы некое подобие тимпана, крепко сжимающего голову до ушей и постепенно выгибающегося вверх и вширь»¹. Археологические находки различного рода железных украшений, обнаруженные главным образом в некрополях, раскрывают весьма высокий уровень работ древних иберов по металлу.

Краткую сводку этого рода памятников мы найдем у Пари². Однако перечень этих памятников предпочтительно дать по лучшей систематизации Мелиды³, ибо Пари для своего изложения дает лишь собрание украшений и драгоценностей, особо выдающихся с искусствоведческой, а не с исторической точки зрения.

Главные предметы иберийских украшений — диадемы, ожерелья или браслеты, фибулы и другие художественные предметы.

Интересный пример украшений дает клад из Хавса (Аликанте), найденный в 1905 г.⁴ Все предметы из этого клада представляют собой набор украшений одной женщины: браслеты, фрагменты других серебряных изделий и золотая диадема длиной в 32,2 см и шириной в 8,2 см. Она представляет собой подразделенную на четыре части широкую пластинку в виде прямоугольника, необычайно ажурной работы с мотивами шнура, змеевидных стеблей и с треугольными пластинами на концах для прикрепления диадемы к вискам. На треугольниках те же мотивы. Искусствоведы устанавливают тождественность украшений этой диадемы с украшениями скульптур из Серро де лос Санто. Считается несомненным, что предметы из клада в Хавсе исполнены в греко-восточном стиле; об этом, в частности, свидетельствует серебряный браслет в форме змеи.

¹ Strabo, III, 4, 17.

² P. Paris. Essai..., II, стр. 241—285.

³ J. Melida, указ. соч., стр. 239.

⁴ Клад находился в глиняном горшке и хранится ныне в музее Мадрида. Кроме перечисленных выше вещей, в клада обнаружены цепочка, ожерелье, серебряный браслет, три серебряных лепточки, намотанные в форме спирали, и семь отрезков других лепточек. Клад, повидимому, относится к IV в.— периоду наивысшего расцвета иберийской культуры.

Шедевром иберийского искусства является также золотая диадема филигранной работы из клада, найденного в Алиседе (Касерес) в 1920 г. и переданного Мелидой в Национальный археологический музей в Мадриде¹. Эта диадема составлена из нескольких пластинок и образует ленту из розеток, одна из которых сохранила бирюзу. Подвешенные на нижней линии диадемы фестончики имеют форму маленьких шариков. Для изучения стиля или оформления диадемы из клада в Хаена характерна другая диадема из Вега де Ривадео (провинция Овиедо). Она состоит из пластинки с тонкой рельефной геометрической орнаментацией в виде перекрещивающихся прямолинейных линий и взаимно касающихся кругов; диадема прикреплялась при помощи колец. Сюда же по характеру орнаментации относится заячьё, образующее дугу с геометрическим орнаментом на концах. Аналогичную форму имеют ожерелья из серебра, образованные двумя толстыми проволоками, с маленькими кольцами на концах. Эти памятники найдены в провинции Хаэн (у Mons Argentiiferus) и ныне находятся в Национальном археологическом музее в Мадриде. Из провинции Хаэн происходит так называемый клад Могош (округ Вильякаррильо), предметы которого были спрятаны в иберийской расписной вазе. В ней хранилось много вещей из серебра и до тысячи римских монет, относящихся к разным временам вплоть до I в. до н. э., т. е. до того времени, когда была зарыта эта ваза. Среди вещей обращает внимание эллинистическая ваза с головой Медузы в середине рельефа, и обломок диадемы, украшенной на подобие коринфского фриза, со змеевидными стеблями и розетками. Обе вещи позолочены. К числу шедевров иберийских художественных вещей относится большая диадема, находящаяся ныне в Лувре. Раньше считали, что она происходит из Касерес, но Мелида и Боп-Гимпера относят эту находку к Астурии. Диадема сохранилась не целиком. Имеющиеся фрагменты соответствуют широкой прямоугольной пластине, на которой по двум горизонтальным полосам воспроизведены воины в походе — один верхом, другие пешие — с мечами или копьями, с круглыми щитами. По стилю фигуры эти напоминают воинов на вазе из Аргены. Тут же представлены и слуги с большими вазами. На диадеме изображены водопьяе птицы, рыбы и черепаха. По краям пластины имеются кольца для прикрепления.

По поводу стиля орнаментации пластин из Касерес произошла оживленная дискуссия с участием Шламберже, Рейнака и других. Пари относит этот памятник к греко-восточному стилю. «Если в диадемах Касерес столько сходства с типами и стилем

¹ См. J. M é l i d a, Der Schatzfund von Aliceda, Archäol. Anzeiger, 1929, стр. 498.

Дипилона, то что же в них остается испанского? Не являются ли они чуждыми в стране, где они были найдены? Может быть, это просто ввозные предметы из Греции? Я этого не думаю. Если бы это было так, то больше было бы сходства с Дипилоном, не встречались бы финикийские детали. Это смешение черт различных эпох и различных стилей можно объяснить только более поздним подражанием и к тому же в отдаленной стране»¹.

Из Льяно де Ламас (Миралда, Португалия) происходит клад из шести серебряных вещей; среди них пластины в форме полумесяца для украшения шеи. Любопытен рисунок на одной из них — кабаша и бородатые лица. Своеобразна шпика (*шпика*) цита; центральная часть ее из золота, а окаймляющая полоса состоит из сплетенных в миксском стиле спиралей.

К лузитанским изделиям художественной работы следует отнести браслет, найденный в провинции Бадахос. Браслет сделан из золота и состоит из пяти отлитых дисков, соединенных четырьмя промежуточными полосами ажурной работы в виде решетки с пупочками. Поразительна высокая техника выточки из золота. В различных пунктах Португалии найдены браслеты других форм и иной выделки. В Арнозелье, около Вилья де Басто найдены 19 золотых браслетов, половина из них кольца; три из них разукрашены, остальные гладкие. Другая связка из 16 запястий найдена в Баралас. Особо замечательна клад золотых вещей из Лебусао (Трас де Монте, Португалия), среди которых выделяются две замечательные вещи: браслет и ожерелье. Пластина браслета разделена на пять кольцеобразных отливок вогнутого профиля с выгравированным орнаментом из меандров, зубцов, треугольников. Массивное ожерелье круглого сечения с прекрасным орнаментом найдено в Орельяне ла Виеха (Бадахос). Несколько сходных экземпляров найдено в Эстремадуре, Галисии, Португалии.

В сравнении с диадемами браслеты и кольца не представляют ничего оригинального, что давало бы нам достаточно материала для суждения о характере и стиле иберийской культуры в этой области искусства. Изготовление колец, браслетов и других подобных вещей характеризует главным образом только технику работы по металлу.

Нам остается сказать о последнем, весьма распространенном украшении, о фибулах, которые одновременно являлись необходимой принадлежностью одежды иберов, поскольку фибулы служили вместо булавок или пуговиц на одежде. Фибулы древние иберы придали свои оригинальные формы. Большое количество памятников этого рода относится к различным типам

¹ P. Paris, Essai..., II, стр. 261.

эпохи бронзы. Две хорошие и полные фибулы были подобраны в ситании де Самброзо. Самый лучший экземпляр — это фибула из Кастро де Аргозелло (Вишиозо), хранящаяся в Муниципальном музее в Брегансе, очень красивого рисунка. Сен-Жерменский музей владеет четырьмя испанскими фибулами неизвестного происхождения. У древних иберов встречаются самые различные формы фибул. «Дама из Эльче», как показывает скульптура, стигивает воротник испанской фибулой, применявшейся уже в V в. до н. э. В Пумасии число этого типа фибул доходит лишь до двенадцати, тогда как кельтские типы, согласно Мелида, превышают сотню. В святилищах Деспеньшеррос и Кастильер де Сантисебан почти вся масса фибул (их сотни) — иберийские. Возможно, что женщины жертвовали булавки в святилища в качестве приношений, — отсюда их обилие в этих местах.

Фибулы из Серро де лос Сапос (их две) комбинируются из толстого кольца и шпильки в форме дужки или волнистой пластики с шариками хорошей работы. Немало найдено здесь фигурных фибул, иллюстрации которых даны в книге Болл-Гимпера.

По оригинальности в первый ряд фигурных фибул следует поставить «фибулу со всадником», хранящуюся в Национальном археологическом музее в Мадриде. Фибула представляет воина на лошади. Всадник имеет шлем филиппийского типа с двумя паушинами. Пехватает верхушки, излом которой ясно виден. На всаднике греческий шашдурь из полотна, стянутый ремнями по плечам и груди и прикрепленный гвоздями. У фигурки пехватает левой руки, правого плеча и правой руки и левой ноги. Всадник прикреплен к лошади гвоздем. Лошадь дана в фантастической интерпретации, шея гравирована, имеется приспособление, служащее седлом наезднику. Высота фибулы 0,07, длина 0,09 м. Несомненно, эта фибула не ввозная, не отражает собою каких-либо заимствований и является местной иберийской вещью, хотя бы и с кельтскими мотивами, как это думает Мелида¹.

Особо следует сказать о монетах Иберийского полуострова. Сначала, как и другие народы, иберы пользовались слитками, кусками серебра или бронзы, но потом появились монеты, с местными легендами чеканящихся их городов. Самые древние монеты в Испании — филиппийские и греческие. Изучением этого нумизматического материала занимались Дельгадо, Лорич, Гейсе, Будар, Цобель. Вышедшая в 20-х годах текущего столетия солидная работа Вивеса является исходным пунктом для изучения иберийской нумизматики².

¹ J. Méli da, указ. соч., стр. 239.

² Vives, La moneda Hispanica, v. I—III, Madrid, 1924—1926.

В своей массе монеты, чеканенные в Испании, главным образом происходят из Амгуриас (Эмпорий). Сначала они принадлежали первоначально к монетной системе своей метрополии — Массалии, а монеты Массалии, в свою очередь, восходили к системе ее метрополии — Фокеи. Это были серебряные монеты малой, но утолщенной формы. Встречаются также монеты других городов, заключавших договоры с Эмпорием и выпускавших монеты с иберийскими надписями. Монеты финикийские, вернее пунические, появились со времени карфагенского завоевания. И Кадикс и Эбус явились первыми финикийскими колониями, начавшими чеканить свои автономные монеты. Чеканка велась по карфагенско-сицилийской системе. Дельгадо, долгое время изучавший пунические монеты Испании, утверждает, что древние иберы заимствовали чеканку монеты от греков и финикийцев. Только значительно позже иберы стали чеканить эмпорийские серебряные драхмы греческой фактуры. «Возможно, — говорит Дельгадо, — что некоторые из этих монетных центров были эллинистическими мастерскими, основанными в различных центрах эксплуатации папих богатых гор. Но как бы там ни было, простое рассмотрение многих драхм из Эмпория с греческой легендой ясно выдает их иберийское производство»¹. Возможно, что в примыкающем к Эмпорию иберийском городе Ицдике могла появиться местная мастерская, где, быть может, копировали типы греческих монет, придавая им иберийский колорит. На многих монетах, особенно на реверсе, явно выступает местный иберийский стиль.

Более ста городов приняло в качестве типа изображения на монетах мужчину с обнаженной головой, безбородого или бородатого, с повязкой или без нее, иногда с венком из листьев; часто встречаются на монетах головные уборы, шлемы, прически, оригинальность которых выдает их иберийское местное происхождение. В этом отношении характерен, например, острокопечный головной убор, который можно видеть на монетах из Сегеси.

Также изображение быка, который, судя по скульптурам, имел немалое значение в жизни иберов, часто встречается на местных монетах. То же можно сказать и об изображении всадника.

Некоторые ученые считают, что самым ранним было монетное дело в Оске. Оскские монеты имели широкое хождение, и римляне, возможно, к ним применили термин *denarii*². Монеты, приписываемые Оске, были широко распространены; известно, что из каждой сотни иберийских монет девяносто относятся к оскскому типу.

¹ D e l g a d o, La nueva moneda, III, стр. 191 сл.

² Указание на это мы находим у P l i n., NH, I, 4, 7.

Чеканка иберийских монет относится к 205—200 гг. до н. э. Легенды на монетах — иберийские и читаются, как имена племен, а не как имена городов. Этот факт показывает что в начале римских завоеваний в Испании колонизаторы разрешили иберийским племенам чеканку монеты и входили с ними в соответствующие договорные отношения относительно взимания сборов.

Иберийские монеты тщательно выбивались штампами, которые очень точно соответствовали друг другу, а это характерно для римского денария. На этом основании полагают, что римляне строго наблюдали за выпуском монеты. Наряду с серебряными выпускались также и бронзовые монеты. «Оскское серебро» (*Argentum Oscense*) явилось как бы средством, которым иберийские общины Восточной Испании выплачивали *stipendium*. Возможно, что и общины Дальней Испании платили римской администрации местной монетой.

При раскопках Нуманции найдено немалое количество римских и иберийских монет. Несмотря на то, что пумизматический материал, довольно полно опубликованный Вивесом, нуждается еще в дальнейшей обработке, он уже теперь может быть включен в фонд важнейших исторических памятников античной Испании. Особый интерес иберийских монет состоит в том, что они также свидетельствуют о самобытности иберийской культуры. Несмотря на то, что иберы заимствовали идею монеты у греков, финикийцев и римлян, они, вульгаризируя античные образцы, сумели вместе с тем внести в выполнение монет элемент собственного творчества, достигая известной степени совершенства в передаче иберийских мотивов.

* * *

Фонды источников по древней Испании значительны и разнообразны. Греко-римские авторы оставили нам важнейшие данные о древних иберах, их происхождении и борьбе со всеми, кто пытался вторгнуться на территорию Иберийского полуострова. Мы воспользовались лишь частью этих литературных источников. Нам интересовали главным образом данные о стране, географических названиях в этой стране, о ее естественных богатствах, флоре и фауне. Источники по истории племен Иберийского полуострова, по их борьбе и столкновениям с финикийцами, греками, карфагенянами и римлянами будут подвергнуты рассмотрению в тех главах, где будет идти речь об отдельных этапах самой истории древних иберов.

Для всякого, кто пытается изучать древнейшие периоды истории, стало совершенно необходимым провести учет имеющихся фондов археологических источников, т. е. памятников

материальной культуры. Это справедливо и для того периода истории Испании, который выделен для специального исследования в нашей работе. Изучение одних лишь текстов греко-римских авторов, которые своими сведениями довольно подробно освещают различные стороны истории древних иберов, было бы недостаточным, ибо проблемы борьбы народов за свою независимость должны изучаться и по памятникам быта, по предметам искусства, технике производства, т. е. по непосредственно дошедшим до нас памятникам материальной культуры, являющимся осколками культуры прошлых эпох.

Вот почему нам пришлось дать обзор главнейших археологических материалов, относящихся к истории античной Испании до римской эпохи. Римские археологические памятники, которые обычно занимают немалое и далеко не последнее место в обзоре археологических фондов Испании, для нашей темы о борьбе иберов за свою независимость не представляют первостепенного значения. Мы опускаем в своем обзоре римские памятники в Испании, ибо изучению истории Испании в античный период с римской точки зрения мы противопоставляем исследование ее с испанской точки зрения, с точки зрения тех племен, которые противостояли колонизаторам и особенно римскому завоеванию на протяжении почти двух столетий. Наряду с археологическим материалом нами был учтен специальный пумизматический материал, являющийся, как это увидим ниже, основой для ряда очень важных исторических наблюдений и выводов¹.

Нам осталось кратко остановиться на данных иберийских писем, чем мы и можем завершить учет фондов источников Испании; это также необходимо сделать раньше, чем перейти к трактовке исторических фактов из истории античной Испании. К сожалению, с иберийским письмом дело обстоит так же, как и с этрусским. Язык иберов, как и этрусков, до сих пор не расшифрован, и наука до сих пор не сумела в какой-либо степени продвинуть разрешение этой столь насущной проблемы в области лингвистики. Попытка А. Шульцена² не может быть признана сколько-либо удовлетворительным разрешением вопроса.

Страбону³ было известно, что иберийские племена различались по языку и письму. Еще в его время иберийский язык сохранялся на плоскогорье, но уже исчезал в Бэтике⁴.

¹ Особенное значение пумизматический материал имеет для исследования вопросов о зарождении государственности у древних иберов и возникновении у них городского строя.

² См. его вышеуказанную статью «Тирсенцы в Испании», ВДИ, 1941, № 1.

³ Strabo, III, 1, 6.

⁴ Там же, 2, 15.

Во всяком случае, иберийское письмо безусловно существовало в римскую императорскую эпоху, как это показывает один рельеф из Клузии с римским знаменосцем, где подпись дана на иберийском языке¹. Трудно сказать, в какой мере исследованная Шульцею надпись Зосимы из Италики дает нам основание полагать, что язык тартесийцев представлял именно этой надписью. Разрешению проблем иберийского языка препятствует, помимо отсутствия двуязычных надписей, еще и то обстоятельство, что ученые до сих пор не смогли дать ответа на вопрос о том, кем же в этническом отношении были иберы.

Предварительное изучение иберийских писем показывает, что в данном случае мы имеем не целиком финикийское письмо. Как старался показать Эванс, по многим знакам оно совпадает со старокритским, а возможно, что оно было заимствовано и от микенцев.

Все надписи на иберийском языке, открытые до 1893 г., были собраны Гюбнером и изданы в «Памятниках иберийского языка» (*Monumenta Linguae Ibericae*; сокращенно MLI). Эти надписи дают необычайно важный исторический материал для исследования античного периода истории Испании. В частности, Гюбнер сумел показать, что алфавит иберов близок к финикийскому, но понимать мы в состоянии лишь отдельные немногие слова, большей частью термины по горному делу, географические названия, главным образом, иберийских городов. Среди иберийских текстов в собрании Гюбнера только два являются большими, тогда как все остальные представляют собой мелкие надписи. После издания Гюбнером его почти полного собрания иберийских надписей необычайную актуальность приобрел вопрос о характере языка древних иберов. Однако этот вопрос до сих пор еще не нашел своего решения.

Особняком стоит вопрос, который также приобрел большую актуальность в этой связи, хотя он имеет вполне самостоятельный характер и свое происхождение, — вопрос о басках и баскском языке, непосредственно какому-либо известному нам языку. Этот вопрос непосредственно связан с этногенезом племен древней Испании, с вопросом об исторических путях их развития. До разрешения этой проблемы трудно провести аналогии или сопоставления между языком древних иберов и басков, которые, согласно последним исследованиям, вовсе не могут быть признаны этническими остатками иберийских племен. В настоящее время изучение обеих проблем, т. е. языка древних иберов и басков, их происхождения, настолько тесно между собою связано в ряде исследований филологов и историков, что больше разрывать эти проблемы нельзя, и изучение любой из них неизбежно натал-

¹ См. *Boll. de la Acad., Historia*, I, 433, «Legende».

кивает ученого на исследование другой, хотя бы они имели и вполне самостоятельный характер. Дальнейшие исследования по языку древних иберов должны пролить свет на оставшиеся еще до сих пор загадкой письмена иберов и вместе с тем увеличить наши фонды источников по античной Испании. К сожалению, мы должны констатировать, что до сих пор эпиграфические памятники древних иберов остаются для нас книгой за семью печатями, и ученый может ими пользоваться лишь в очень ограниченной степени.

Таковы в общих чертах литературные, археологические, палеонтологические и эпиграфические фонды памятников по древней Испании¹. Обзор литературных свидетельств о политическом и социальном развитии Испании в период римского вторжения в эту страну и о колонизационной деятельности Рима в этой завоеванной провинции мы относим к тем главам, где эти вопросы рассматриваются в ходе нашего изложения. Рассмотрение любого вопроса, связанного с выступлением античной Испании против порабощения ее Римом будет сочетаться с обзором краткой сводки источников и критической оценкой полученных при изложении соответствующих событий.

Такой метод изложения материала нам представляется наиболее удобным, ибо материал источников в этом случае будет рассмотрен конкретно, критически, под углом зрения устанавливаемого источником факта и его оценки.

Предшествующее изложение имело своей задачей ввести читателя в курс историографии страны, многие проблемы которой совершенно еще не разработаны или совершенно новы и мало известны как в общеевропейской литературе, так и в нашей советской науке.

Автор сознает все трудности и проистекающую отсюда ответственность при вступлении в область изучения дисциплины, не представленной в советской науке. Однако рост советской исторической науки вызывает самые различные научные потребности и интересы. Одной из таких насущных потребностей является, в частности, исследование периферии Римской империи, отдельных ее областей и культур, которые после падения Римской империи сумели пойти свои самостоятельные пути исторического развития, оборванного произволом захватчиков.

¹ Подробный указатель археологической литературы см. у Меланды, Бош-Гимперы (указанные книги), а также в соответствующих разделах САН, VII—VIII.

Часть вторая

**ФОРМИРОВАНИЕ
ИБЕРИЙСКОЙ
КУЛЬТУРЫ**

—

Г л а в а 1

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ
ИБЕРОВ

Изучение истории древних иберов, исследование процесса формирования их культуры, определение пути их исторического развития неизбежно наталкиваются на вопрос о том, как сформировалась иберийская народность. Изучение этногенеза иберов необходимо для ясного понимания своеобразия их культуры, а также исторических судеб этой народности, ее упорной борьбы на протяжении всей античности против иноземных завоевателей. В свете научного исследования проблем этногенеза становится особенно ясной фашистская фальсификация истории народов древности, объявляемая вздорность псевдонауки о роли «крови», этого, якобы, образующего расы фермента и главного фактора в историческом процессе. В подлинно научном изучении этногенеза главное заключается в том, чтобы вскрыть конкретные исторические условия формирования того или иного народа, те конкретные исторические условия, которые состоят из сочетания социальных, общекультурных, языковых, географических и даже антропологических моментов и во всей своей совокупности определяют появление или первое выступление на историческую сцену того или иного племени или народности. При этом совершенно необходим учет взаимодействия данного племени с другими племенами или народностями и определение культурного влияния со стороны последних. Эти влияния играют значительную роль в происхождении каждого племени, особенно в ту младшею пору его развития, когда на неустановившемся облике этого племени, как на воске от пальцев мастера, отлагались отпечатки социально-исторического воздействия извне.

Проблема этногенеза населения Иберийского полуострова обсуждалась в науке на протяжении весьма продолжительного периода, и по этому вопросу имеется необозримая литература. Однако научная этнография стала разрабатываться только в

самое последнее время, а подлинно марксистская теория этногенеза начала разрабатываться лишь в советской науке¹.

Научное основание этнографии Испании было заложено Нибуром еще в первой половине XIX в.² Нибур и Гумбольдт³ впервые поставили вопрос о роли иберов и кельтиберов на Пиренейском полуострове; при этом Гумбольдт рассматривал басков, как потомков иберов. Это положение принималось как совершенно неоспоримый факт во всех последующих этнографических и лингвистических теориях. Определенным этапом в дальнейшем изучении этнографии Иберийского полуострова явились некоторые географические и исторические работы, главным образом Киншера и Филиппса.

После работы Мюленгофа, написанной преимущественно по литературным данным, работы, которая в некоторой степени завершает исследование этнографических проблем на протяжении более чем половины XIX в., преобладающее значение приобретают данные археологии.

Большое значение для испанологии имели работы Гюбнера. Благодаря им научные исследования о древней Испании были поставлены на более высокий уровень. Были изучены и исследованы скульптуры⁴ античной Испании, в специальном труде систематизированы археологические памятники⁵, собраны и изданы латинские надписи Испании⁶ и, наконец, что особенно важно, впервые собраны надписи на иберийском языке и издан их полный свод⁷. Материалы и труды Гюбнера имеют немалую ценность и для испанской этнографии.

Много занимались вопросами этногенеза испанских племен французские историки, которых интересовала роль кельтов на Иберийском полуострове. Наиболее содержательную работу в этом отношении дал французский историк Жюбэпвиль⁸, труд которого о кельтах в Испании выдержал два издания. Галлам в Испании была посвящена работа К. Жюльяна⁹,

¹ Так как работа А. В. Минусина написана в 1943 г., а автор ее скончался в 1948 г., то вполне естественно, что он не мог использовать в своей работе основополагающих указаний И. В. Сталина для марксистской теории этногенеза, данных в гениальном труде «Относительно марксизма в языковедении» — *Ред.*

² N i e b u r, Vorlesungen über Länder und Völkerkunde der antiken Welt. Berlin, 1851.

³ H u m b o l d t, Prüfung der Untersuchungen über die Urbewohner Hispaniens vermittle der vaskischen Sprachen, Berlin, 1821.

⁴ H ü b n e r, Die antiken Bildwerke in Madrid, 1862.

⁵ H ü b n e r, La arqueologia de España, Barcelona, 1888.

⁶ Corpus Inscriptionum Latinarum, II, 1869, Supplementum, 1892.

⁷ H ü b n e r, Monumenta linguae Ibericae (MLI), 1893.

⁸ D'Arbois de Jubainville, Les Celtes en Espagne et les premiers habitants de l'Europe, 2 vol., 2 édit., Paris, 1889.

⁹ C. J u l i a n, Histoire de la Gaule, I, Paris, 1909, 2 édit., 1914.

который впервые поставил в этнографии Иберийского полуострова лигурийскую проблему. К работам французской школы должны быть отнесены и исследования Филиппона¹. Французскими учеными изучались не только такие этнические массивы, как кельты, но и отдельные мелкие племена; прежде всего было подвергнуто изучению их географическое расположение на полуострове и в особенности в Испании римской эпохи.

Серьезным минусом было то, что авторы указанных работ опирались главным образом на античные тексты. Очень важным этапом в развитии испанской этнографии было привлечение археологических материалов, а также изучение лингвистических данных. Мы уже упоминали о Гюбнере, который сумел соединить в себе качества археолога и эпиграфиста, историка и филолога. Продолжением работ Гюбнера по материалам археологическим и лингвистическим были исследования Вакернагеля и в особенности Шухардта², который специально изучал иберийский язык.

Наиболее основательно до римская Испания изучалась испанскими учеными³. Еще во второй половине XIX в. испанские археологи и историки исследовали ряд отдельных областей Испании, культуру обитавшего там в древности народа, географию заселения различных районов полуострова, и этим содействовали изучению этнографической карты Иберии, ее возникновения и последующих изменений.

Специальные работы были посвящены изучению отдельных областей полуострова: Кантабрии, Лузитании и Касситеридских островов. Во многих отношениях содействовали изучению этнографии полуострова и работы по отдельным вопросам культуры, религии и мифологии древних иберов. К этого рода работам следует отнести исследования по истории и особенно по литературе, поэзии и мифологии древних иберов, в которых в одинаковой мере дискутировались этнографические проблемы и Испании и Португалии, поскольку речь шла об этнографии полуострова в целом. Португальской этнографии были посвящены и специальные исследования. Исчерпывающий библиографический перечень соответствующих трудов дан у Бон-Гимперы⁴ в его большой работе по этнологии Иберийского полуострова.

Последний этап изучения испанской этнографии связан с именами двух буржуазных ученых — Шультепа и Бон-Гимперы.

¹ P. H i l i p p o n, Les Ibères, Paris, 1909.

² H. S c h u c h a r d t, Die iberische Deklination. SBAW, Wien, 1909, II, стр. 1.

³ Об исследованиях испанских ученых см. у B o s c h - G i m p e r a, указ. соч., стр. 5—8. См. также библиографию у M é l i d a, указ. соч., стр. 408—412.

⁴ См. B o s c h - G i m p e r a, указ. соч., стр. 1—8.

Статьи и отдельные исследования Шультепа, в особенности его *Numantia* и комментарии к трем томам *Fontes Hispaniae Antiquae*, пропагандировали в науке далеко не всеми принятый тезис о лигурах, как о древнейшем этническом слое испанского населения, что будет нами рассмотрено ниже. Кроме того, Шультеп говорил о приходе иберов, как готового и сформировавшегося «этноса», из Африки на юг полуострова и, наконец, он развивал тезис о приходе кельтов в Испанию, что также является довольно сомнительным. Шультеп, как будет ниже указано, выпущен подмизировать с самим собою, поскольку часто меняет взгляды¹. Неустойчивость взглядов Шультепа объясняется в значительной мере тем, что все свои гипотезы по этнографии он строил по преимуществу на интерпретации литературных текстов.

В противовес Шультепу, Бош-Гимпера все свои гипотезы и выводы строит в первую очередь на предварительном изучении археологического материала. Вот почему Бош-Гимпера критически относится к маловероятным теориям о приходе лигуров в Испанию или о приходе иберов из Африки, как уже в иберийской своей сущности сформировавшегося этноса. Не склонен Бош-Гимпера преувеличивать и значение кельтских миграций в Испании.

Чтобы ответить на вопрос, — каковы результаты исследований по испанской этнографии, и выяснить постановку проблемы о происхождении иберов и иберийской культуры, нам необходимо кратко познакомиться со взглядами Шультепа, изложенными им в Реальной энциклопедии классической древности Паули-Виссова-Крёлля, в обстоятельной статье об Испании. Ознакомление со взглядами Шультепа, а также с теми отдельными вопросами испанской этнографии, по которым борьба мнений не прекратилась еще до сих пор, должно будет показать, по какой линии исследования надо идти, чтобы эти вопросы разрешить, и какие пути заведомо негодны.

Согласно теории Шультепа², древнейшим населением Испании являлись лигуры. Автор при этом ссылается на тексты Авиена³, Стефана Византийского⁴, один фрагмент Гесиода⁵ и Эратосфена⁶, у которых «лигуры» и «лигурская страна» встречаются неоднократно. Шультеп полагает также, что баски были лигурами; относительно последних неизвестно только, когда

¹ См. статью Д. Петерса, Проблема этногенеза населения Иберии (древней Испании), ВДИ, 1940, № 2, стр. 106—121, и № 3—4, стр. 166—181.

² RE, s. v. Hispania, столб. 2029.

³ См. FNA, I, стр. 66.

⁴ Там же, стр. 169.

⁵ Там же, стр. 161.

⁶ Там же, стр. 115.

они могли перекочевать в Испанию. Шультен совершенно не пытается доказать присутствие лигуров в Испании археологическими памятниками.

Иберы, по Шультену, являются второй исторической смелой населяющей полуострова. Они трактуются как племя ливийского происхождения, причем африканское происхождение иберов доказывается повторением многочисленных африканских названий местностей в Испании. Название «иберы» локализуется сперва в ближайшей к Африке части страны, где Авиен¹ и Страбон² засвидетельствовали реку Iberus, ныне Рио Тинто. Авиен в описании обитавших на полуострове племен считает Иберию областью к востоку от Анаса, где начинались кинеты, и к западу от Рио Тинто. Название «иберы» прослеживается далее к северу и переходит за Пиренеи до Гаронны. По Шультену, в названии Эбро (Iberus) повторяется название южного Ибера; в «Monumenta linguae Ibericae» можно видеть такие же названия, какие вводили иберы применительно к своим новым стоянкам. Что касается данного пункта своей теории, Шультен может опереться на античные тексты. Из Гекатея³ мы знаем, что греки упоминали иберов. По мнению греческих авторов, к иберам относились тартоссийцы, эдешы (эдетаны), илергеты. Из Эсхила⁴ известно, что иберы жили и по ту сторону Пиренеев, так как Ропу он называет иберийской рекой. Подтверждение этому находим и у Авиена, который говорит, что иберы граничат с лигурами к северу от Пиренеев⁵.

Таким образом, по теории Шультена, к середине V в. до н. э. иберы на западе и на северо-западе от побережья граничили с кельтами или пародами, которые фигурируют у автора как кельтские племена берибраков, а на юге у Анаса — с лигурскими кинетами, которые, согласно этой теории, должны считаться остатками лигурских племен. Такова картина иберийских поселений, которые сместили лигурские и сочетались на северо-западе и в центре полуострова с поселениями кельтских племен.

Что касается кельтов, то они представляли собой уже третий слой населения на Иберийском полуострове. Шультен считает, что они пришли с севера и, следуя по западному берегу, заняли западную низменность (Португалию) и плоскогорье, вытеснив лигуров. Иберы же укрепились на юге и востоке. Распространение кельтов Шультен прослеживает при

¹ Avien., Ora maritima, 249.

² Strabo, III, 4, 7.

³ См. фрагменты в ГИЛ, I, стр. 165—168.

⁴ См. RE, s. v. Hispania, столб. 2030. Эсхил у P I i n., III, XXXVII, 32.

⁵ RE, s. v. Hispania, столб. 2030.

помощи кельтских названий мест с окончанием на-briga. Ависп и Эфор упоминают еще о кельтских берибраках на плоскогорье, тогда как вторгнувшиеся около 230 г. до н. э. карфагеняне застали на плоскогорье только иберийские племена (карпетанов, ваццеев, оретапов).

Отсюда Шультеп делает вывод, что в период между 400 и 230 гг. до н. э. иберийские племена завоевали плоскогорье у кельтов. Отсюда иберы двинулись на запад и овладели западной низменностью, ибо в 218 г. здесь уже находились лузитанцы, которых Шультеп считает иберами; в связи с этим создается тезис о всеобщем передвижении иберов на полуострове после 400 г. до н. э., так как к 250 г. весь полуостров стал иберийским. В отличие от прежних иберов на юге и востоке иберы, оккупировавшие кельтское плоскогорье, были названы «кельт-иберами», и имя это впервые появляется под 218 г. до н. э. у Ливия. Среди кельтиберов выделялись четыре основных племени: ареваки, лузоны, титии и беллы.

Такова в общем этнографическая схема Шультепа; изложение ее песторазбивает каждого читателя, так как в подтверждение «лигурийского» тезиса автор не приводит каких-либо археологических или лингвистических доказательств, а «кельтский» тезис обосновывается только топонимикой.

Теория Шультепа вызвала целую этнографическую дискуссию, выдвигавшую ряд новых концепций и положений.

Более тщательному рассмотрению подвергался вопрос о лигурийском этническом слое в Испании. Известно, что тезис о лигурах как древнейшем этническом слое Испании был создан Жюльшвилем. Этот тезис отстаивался затем в «Истории Галлии» Жюльшпом. С тех пор считалось необходимым в изложении древнейшей истории Иберийского полуострова указывать на лигуров как на самый ранний этнический слой населения Испании. Эту теорию, как мы видели, развивал и Шультеп; ее повторяли затем на кафедрах университетов и в учебниках. Русская историческая литература не имеет ни одной специальной работы по античной Испании, но общие статьи, учебные курсы распространяют то же самое бездоказательное утверждение о лигурах в Испании¹.

Попытаемся проследить, на какие же данные опирается «лигурийский» тезис у современных ученых? Достаточно приглядеться к аргументации всех сторонников лигурийской теории, чтобы

¹ Так, например, в I томе своего курса «Очерки по истории Рима» (стр. 192) проф. В.С. Сергеев утверждает, что «туземным населением Испании были лигуры и иберы». Аналогичное утверждение встречается и в справочной статье «Испания» в БСЭ (1-е изд.), где повторяется французская версия, а также тезис Шультепа о том, что «кельты проникли в Испанию..., вытесняя и поглощая лигуров».

увидеть крайнюю натянутость доказательств этого тезиса и отсутствие широкого исторического кругозора и смелой критики источников у его сторонников.

Так, например, в одном фрагменте из Гесиода¹ говорится: «эфиопы, лигии, а также доядшие кобылиц скифы». Шультен отождествляет упоминаемых Гесиодом лигиев с лигурами и помещает их в Испанию, исходя из предположения, что Гесиод, очевидно, перечисляет отдаленные народы, «на краю света»: эфиопов на юге, скифов на востоке и лигиев, может быть, на дальнем западе. Предположение Шультена не лишено остроумия, но не имеет под собой никакой твердой базы. Во всяком случае творческая фантазия Шультена в этом пункте ничего не добавила к тому, что давно было опровергнуто Рцахом, утверждавшим, что лигиев, упомянутых в этом фрагменте Гесиода, надо искать в Колхиде², но отнюдь не в Испании. Бопш-Гимнера также не допускает, чтобы этот фрагмент Гесиода относился к Испании.

Вторым аргументом в доказательстве лигурийского тезиса является упоминание Авиеном «Лигустического озера»³ и в особенности «быстрого лигуса» (*pernix ligus*)⁴. Однако в дошедшем до нас тексте Авиена нет слова «ligus»; там сказано «Lucis», но так как это чтение не имеет смысла, то Шрадер предложил читать «ligus» вместо «Lucis». Эта конъектура Шрадера являлась у Шультена одним из основных доказательств существования лигуров в Испании. Столь же шатки и прочие аргументы Шультена. Вот почему домыслы Шультена совершенно не обоснованы.

Свой путь к «лигурийскому языку» Шультен завершил построением филологического уравнения сразу с двумя неизвестными. В первом томе «Пумантии» автор выставил тезис, что неизвестный по своему происхождению и структуре язык басков является реликтом столь же неизвестного лигурийского языка⁵. Подобное утверждение не могло сразу же не вызвать взрыва протеста со стороны тех, кто не хотел покидать научной почвы в своих исследованиях⁶.

Внимательное изучение доисторической культуры Западной Европы является скорее аргументом против, чем за существование лигуров как большого этнического массива.

¹ См. F1A, I, стр. 161.

² См. RE, s. v. Hesiod., столб. 1210.

³ A v i e n., Ora maritima, 284 (F1A, I, стр. 66. См. также комментарии в F1A, I, стр. 103, 129).

⁴ Там же, 196. (F1A, I, стр. 63).

⁵ A. S c h u l t e n. Numantia, I, стр. 69—72; также в его статье «Hispania», RE, столб. 2029.

⁶ См. статью Е. К а г о в а, «Исторические паслосия в земледельческой технике Испании», в журнале «Советская этнография», 1938, № 1, стр. 196.

Наоборот, археологические данные позволяют установить различия культур западных племен и рисуют этнографическую картину, прямо противоречащую лигурийской теории. Это относится и к Испании. Археология установила на Иберийском полуострове под иберийскими и кельтскими слоями две группы племен, твердо сохраняющих свою этническую физиономию: кансийцев и пиренейцев. Любопытно, что подобный же вариант имеется и во Франции. Народы юга Франции — это смесь пиренейцев и кансийцев; именно среди них находятся предки лигуров. Бопп-Гимпера вполне справедливо указывает на этническую мозаику туземного населения и на севере Европы (в Англии, Ирландии, Шотландии и др.) до бронзового века. Возражения против концепции о лигурах как о едином этническом целом в Западной Европе, в том числе в Испании, вовсе не отрицают одновременно и известной ценности литературных свидетельств — исторических текстов, упоминавших о лигурах в Испании, но говорящих, однако, лишь о том, что греки верили в существование лигуров на полуострове¹.

Возникает вопрос, что же заставило древних греков писать о лигурах в Испании. Представления греков об ископном населении Испании вообще были довольно неточны. Считали же они, что иберы заселяли весь Пиренейский полуостров, тогда как хорошо известно, что во многих районах Испании никаких иберов никогда не существовало. Однако, прежде чем отвергнуть свидетельство древних греческих авторов как заблуждение, необходимо установить источник этого заблуждения. Тщательно анализируя греческие известия о лигурах, а также происхождение и развитие греческих понятий о неизвестных им народах по мере роста их географических познаний, можно видеть, как создавалась гипотеза о лигурах, доставившая немало затруднений современной науке.

Выше было сказано, что фрагмент Гесиода о лигурах, по мнению ученых, не относится к Испании. Наука устанавливает, что информация Гесиода шла от кумских греков, которые в VII в. знали лигуров как соседей этрусков, причем лигуры действительно в то время были самым крайним из известных племен Западной Европы по географическим понятиям греков. Но по мере развития греческой торговли и мореплавания продвигался на Запад и круг географических познаний. При этом греческая традиция представляла новые районы Запада заселенными лигурами, поскольку последние являлись как бы символом западных племен, так же как скифы для Востока или эфиопы для Юга. Это продолжалось до тех пор, пока знакомство с кельтскими племенами совершенно не из-

¹ В о с е h - Г и м п е р а, указ. соч., стр. 633—634.

менило представлений греков и сделало кельтов главной народностью тех мест Запада, где раньше указывались лигуры. Эта была эпоха формирования греческих представлений по географии и этнографии тогдашнего мира, и поэтому ко всем сведениям этой эпохи необходимо относиться с крайней осторожностью. Только таким путем мы можем объяснить все то, что говорит Перипл о лигурах. При поездках на Запад греческие мореплаватели могли занести туда свои географические названия, руководствуясь только греческой традицией о лигурах как крайнем народе Запада. По аналогии можно сослаться и на греческие названия географических местностей на западном побережье полуострова, которые как бы указывают на греческую колонизацию в Португалии, тогда как на самом деле таковой там никогда не существовало. После всего изложенного наиболее важное указание перипла Авиена на «*lucus Iugustinus*» теряет свое значение.

Итак, современная этнография не считает лигуров этническим слоем Иберийского полуострова и видит в греческих свидетельствах о лигурах лишь перенос в Испанию традиционных греческих представлений о дальнем Западе, следовательно, не учитывает лигуров в этнографии античной Испании.

Не менее сложным вопросом в испанской этнографии является проблема тартесийцев, с которыми связана перескритая древнеиспанская Троя, Тартесс, являющийся, по мнению некоторых (Шультен), изначальным пунктом испанской цивилизации. С тартесийцами связаны турдетаны, или турдулы; об этнической их принадлежности также было высказано немало различных теорий.

В своей работе 1914 г. Шультен писал: «К какому народу принадлежат турдетаны, можно теперь установить с полной уверенностью: они являются иберами»¹. Как ни твердо была уверенность этого ученого, он должен был в 1922 г., т. е. несколько лет спустя, изменить свою прежнюю точку зрения. В своей монографии о Тартессе Шультен писал, что «психологический тип иберов кажется совершенно различным от тартесиев (турдетанов)»². Далее, он считает, что культура тартесиев резко расходится с «варварством иберов». Возможно, что турдетаны — это лигуры. Шультен допускает, что Тартесс, царство, населенное тартесийцами, является колонией дофиникийских мореплавателей, например критян. Но в этом случае, говорит автор, смущает то, что название города Тартесс имеет «иберийскую основу *Tharth*», а имя турдетанов «иберийский суффикс *-tanus*».

¹ A. Schulten, Numantia, I, стр. 35.

² Он же, Tartessos, стр. 78.

В 1930 г. Шульцен в работе «Die Etrusker in Spanien» изложил уже совершенно новую концепцию. «Высокая и старая культура тартессийцев с их летописями, песнями и законами в ритмической форме, о которой писал Посидоний, подходит не к некультурным иберам, а к этрускам, ибо и эти имели издревле свои песни, летописи и общеприятые установления, касающиеся всей общественной и частной жизни»¹. Позже эта точка зрения автора была более подробно изложена в специальной статье «Тирсени в Испании», где автор занимается главным образом раскрытием надписи Зосима и одновременно установлением так называемого «тартессийского письма»². Однако новая теория, как и все ранее сформулированные этим ученым, базировалась только на домыслах, на интерпретации литературных данных, но отнюдь не на изучении археологического или антропологического материала. Поэтому и новая теория Шульцена об этрусках в Тартессе не возбуждает доверия у многих ученых³, прежде всего у Бош-Гимперы.

При исследовании тартессийской проблемы совершенно необходимо учитывать новые археологические данные. Для иберийской археологии характерны признаки так называемой альмерийской культуры⁴ (провинция Альмерия), где медь появилась раньше, чем в других местах Испании. Уровень этой культуры выше культур других областей полуострова. В период ранней меди для нее характерны: 1) неомегалитические каменные ящики, представляющие собой альмерийские могилы; 2) простая керамика, полированная, без украшений; 3) украшения из раковин, бирюзы (браслеты и т. п.). После периода ранней меди следует ступень аргарской культуры (новая ступень бронзы в альмерийской культуре). Культура Аргар (название по поселению эль Аргар в провинции Альмерия) характеризуется: 1) окончательным исчезновением каменных орудий, в особенности, кремневых типов; 2) возвращением к декорированию керамики; 3) господством бронзы и применением чистой меди; 4) кремационными могилами в маленьких каменных ящиках. Керамика недекорированная, из коричневой

¹ A. Schulten, Die Etrusker in Spanien, Klio, XXII, 1930, стр. 397.

² См. русский перевод этой статьи в ВДИ, 1941, № 1, стр. 8—30.

³ Проф. Е. Кагаров в вышеуказанной статье («Советская этнография», 1938, № 1, стр. 198) пишет: «Исходя из анализа имени Tartessos, вторая часть которого «ssos» весьма распространена в Малой Азии и на Крите... можно с большой уверенностью предположить, что г. Тартесс был первоначально колонией малоазийского народа». Но за этими филологическими домыслами не кроется абсолютно никакого конкретного исторического содержания.

⁴ См. характеристику альмерийской культуры в статье по археологии Иберийского полуострова в RL, X, стр. 362—365 и там же, см. об аргарской ступени (ранней бронзы) альмерийской культуры (стр. 370—371).

глины, полированная, шарообразной, конической и цилиндрической формы. Племена альмерийской культуры, как показывает археология, формировались и развивались без чуждого влияния. Наоборот, медные рудники, культура бронзы являлись центром притяжения для других областей Испании, и постепенно альмерийская культура стала сама служить источником влияния на окружающие ее племена.

В каком отношении находились тартессийцы, или жители Андалузии, к альмерийской культуре? По мнению археологов и этнографов, это и должно разрешить вопрос о характере самого этого народа, о его происхождении и развитии в Андалузии. Археология даст ответ и на этот вопрос. Область Андалузии буквально переполнена предметами аргарской культуры; различия в туземных культурах во время расцвета бронзы стираются. Культура Альмерии проникла до самой Португалии, хотя там продолжала процветать знаменитая туземная мегалитическая культура, давшая памятники, не имеющие себе равных в других областях Испании. Всюду в Андалузии встречаются могилы с аргарской керамикой и бронзой (самая богатая в Монтилье в провинции Кордова), с различными украшениями, причем некоторые сделаны из серебра и золота. Развитие аргарской керамики в Андалузии и Португалии прослеживается в полном соответствии с тем, что мы видим в Альмерии.

На основании этих материалов можно сделать два вывода. Во-первых, возможно, что местное население Андалузии восприняло аргарскую «моду» в связи с тем, что новая волна кансийцев вторглась в эту область, уничтожила местную мегалитическую культуру и создала условия для восприятия альмерийской аргарской культуры. В этом случае тартессийцы, или жители Андалузии (турдетаны), рассматривались бы как народ, отличный от носителей португальской культуры и родственный носителям альмерийской культуры, т. е. иберам, поскольку нам известно, что иберы являлись также кансийцами по своему происхождению; факт, твердо установленный наукой¹.

Другой возможный вывод заключается в том, что жители Андалузии (тартессийцы) являлись дериватом западной экспансии альмерийцев, что могло получиться в результате завоевания Андалузии альмерийцами. Во всяком случае IV период андалузской бронзы принадлежит той же самой альмерийской культуре. В результате завоевания Андалузии племенами более высокой альмерийской культуры могло наступить смещение местного населения с иберами, которые и иберизовали область.

¹ См. литературу вопроса в отдельных статьях из RL Эберга, особенно библиографию в первых главах статьи Боп-Гимнера по археологии Иберийского полуострова, т. X, стр. 337—350.

Андалузии. Именно это обстоятельство должно было вызвать мало-помалу смещение экономического центра тяжести всей этой культурной области Альмерии к южной Андалузии, естественному центру всех внешних коммуникаций, находящемуся в связи со всеми областями рудных богатств страны, что также предопределило образование портов, связывавших Андалузию и с внешним миром.

Во всяком случае, образование Тартесса в устьях Гвадалквивира и этническое формирование тартессийцев неотделимо от самой альмерийской культуры, ее образования, развития и влияния ее на всю область андалузской культуры. Только в этом плане может быть произведено дальнейшее исследование о происхождении тартессийцев, андалузской культуры и образования увековеченного античной традицией царства Тартесса. Разрешать же проблему происхождения тартессийцев путем отнесения их к лигурам (Шультен) или даже к малоазийцам (Кречмер, у нас Кагаров) значит создавать произвольную гипотезу, не имеющую никакой почвы ни в археологии, ни в этнографии Иберийского полуострова.

Следующим сложным вопросом, без изучения которого нельзя представить себе процесс иберизации полуострова, является вопрос о кельтах, о месте их в этнографии Испании и об их роли в развитии иберийской культуры на полуострове. По вопросу о кельтах и вторжении их в Испанию имеется немало различных гипотез. Так, некоторые ученые утверждали, что кельты перешли Пиреней и заняли полуостров в период с X по VI в. до н. э. Жюбэвиль относил вторжение кельтов к V в. Однако за этим вторжением он отмечает наступление второй волны в начале III в. Жюльян, ученик Жюбэвиля, расходился со своим учителем. Третий представитель французской школы кельтологов — Филиппон — датировал вторжение кельтов на полуостров VII в. до н. э. Мейер выдвинул теорию перехода Пиренеев кельтами двумя последовательными волнами, в VI и IV вв. Насколько запутан вопрос о кельтах в Испании, показывают статьи в Реальной энциклопедии Паули-Виссова-Кролля. В статье Фейста и Гюбнера о кельтах¹ утверждается, что датой перехода кельтов в Испанию следует принять 500 год, тогда как в статье Нисе о галлах² высказывается следующий тезис: «Хотя данные относительно этого (т. е. кельтского нашествия) полностью отсутствуют, но в самом факте нельзя сомневаться».

Было бы неблагодарной задачей для исследователя разобрататься в этой проблеме, пользуясь только литературными дан-

¹ RE, s. v. Celtici.

² Там же, Galli, столб. 615.

ными. Последние распадаются на различные версии¹, иногда противоречивые.

Всплывший и поверхностный подход к историческим проблемам такой сложности, как кельтская или кельтиберийская, заведомо неправилен. Разрешать эту проблему можно только на базе строгого изучения археологического материала.

Культура «полей с урнами», весьма характерная для послегальштатского периода, прослеживается не только в южной Германии, Швейцарии, у Рейна, в северо-восточной Франции и Англии. Она тянется через долину Роны по всему югу Франции. Крайней точкой распространения этой культуры является Каталония. И действительно, в Каталонии архаическая туземная культура первого железного века содержит еще памятники типа нецелых культур неолита и энеолита. В полном контрасте с ней оказывается гальштатская культура близкой к побережью зоны; эта культура — не что иное, как культура «полей с урнами». Она выявляется в погребениях, которые образуют настоящие некрополи. Могилы кремационные, выкопаны в земле, иногда выложены плитами, камнями. Они состоят из урны или сосуда с обгорелыми костями².

В послегальштатской культуре Каталонии можно выделить два периода. Датировку последнего периода дает железный меч из Хибрельи, выкованный около VI в. до н. э. Начало же культуры «полей с урнами» относится ко времени около 900 г. до н. э. Эта культура распространяется и вглубь Каталонии; она заметна в Арагоне среди памятников иберов нижнего Арагона. Перечень выделяющихся среди памятников туземной культуры послегальштатских стоянок дает в своем труде Боп-Гимпера, который исследует их в связи с изучением вопроса о носителях этой культуры.

В результате изучения туземных культур Испании и гальштатских и послегальштатских стоянок во всей совокупности их вещественных памятников можно сделать один только вывод, что носителей культуры «полей с урнами» в Каталонии нельзя отождествлять ни с кем, кроме как с кельтами, вытесненными потом с каталонского побережья, начиная с VI в. Только для первого железного века (около 900 г.) можно допустить кельтское вторжение в Каталонию. Там кельты растворяются среди туземных народов и вторгнувшихся затем иберов, иберизировавших позже эту область Испании.

Как известно, в северной Франции и на Рейне кельты развили культуру нормального латена. Однако в Лангедоке

¹ См. обзор этих версий в произведениях античных авторов у Б о ш - Г и м п е р ы, указ. соч., стр. 541—567.

² См. подробную характеристику каталонского послегальштатского периода у Б о ш - Г и м п е р ы, указ. соч., стр. 454—462.

латен был воспринят только в III в., при вторжении вольсков. В Испании же чистого латена, как утверждают археологи, вообще не было¹. Такое одновременное коренное различие культур свидетельствует о столь же коренном этническом различии. Кельты, как этнический слой в Испании, развивались среди местного, главным образом иберийского, населения, чем и определяется своеобразие характера их материальной культуры. Социальная и этническая диффузия иберийских и кельтских племен дали иное направление в развитии культуры Испании, чем это можно наблюдать во Франции. Поэтому не получилось чистого латена.

Кельты засвидетельствованы в Испании Ависном² под названием берриков (берибраки = бербисы), Дионисием Периегетом³, Дионом Кассием⁴, у которого содержится указание о бытовании берриков у Пиренеев. Шульцен считает помещение берриков у Пиренеев географической ошибкой. Однако на существование берриков у Пиренеев указывает и Силий Италик⁵, использовавший более древние источники. Он говорит, что Галибал, пройдя Пиренеи, нашел на территории нынешней Франции племя берриков. Покорный⁶ решительно высказался за кельтское происхождение этого племени.

О кельтизации центра и некоторых районов западной части Иберийского полуострова мы располагаем более богатым собранием памятников, чем по культуре «полей с урнами» Каталонии. У нас имеются археологические памятники, среди которых особенно выделяются мечи с ушками или с рукояткой в форме подковы, бронзовые украшения (спирали, фибулы) и золотые пластинки (пряжки для поясов). О посетителях этой культуры сообщает периил VI в., лежащий в основе Авиена. Периил говорит о кемсах (кемсах) на юге Португалии и арубях в Галисии (возможно, это искаженное «артабрь»). Территория этих народов характеризуется в V в. послегальштатской культурой с кельтским населением, впервые упоминаемым Геродотом⁷. Из исторических текстов видно, что племена, упоминаемые периилом, и племена послегальштатской культуры

¹ См. RL, X, стр. 376. Здесь Бош-Гимпера выдвигает положение, что «настоящего латена в Испании не было», и убедительно доказывает это на примере изучения стоянок и их вещественных памятников за время от VII до IV в. включительно (стр. 374—381).

² Avien., Ora maritima, 485.

³ Dionys. Per., 338.

⁴ Dio Cass., I, 187.

⁵ Sil. Ital., III, 420.

⁶ См. RL, Keltan.

⁷ «Кемсы — самый западный народ кельтов в Европе», говорит Геродот (II, 33; ср. IV, 49).

представляют собой кельтов, которые обосновались в этих районах, очевидно, еще в VI в.

Труднейшей задачей для науки является также разрешение кельтиберийской проблемы¹. Впервые ими кельтиберов по-является в римских анналах с 218 г.²; более древнее, но не ясное, свидетельство Полибия³. Для Тимея⁴ внутренняя часть Испании есть еще *Κελτική*. При Эратосфене укрепилось название кельтиберов⁵. Однако и впоследствии наименование кельтиберов применялось не точно⁶.

Если кельтиберы представляют собою смешение кельтов и иберов, то возникает вопрос, какой из этих этнических элементов преобладал. Шульцен считает, что преобладал элемент иберийский. Это, по его мнению, доказывается воицественностью кельтиберов в противоположность мало воинственным кельтам. Однако он же признает значение и кельтских племен, среди пумантицев в особенности.

Рассматривая состояние кельтиберийской проблемы в современной литературе, учение все более и более приходит к выводу, что также и в этой области науки только археология с ее последовательностью хорошо датированных культур может дать ключ к разрешению этой проблемы. Обратимся поэтому к современным археологическим материалам по кельтиберийской проблеме. Археология накопила достаточно данных по этому вопросу.

При исследовании кельтской и кельтиберийской проблемы возникает важный вопрос, является ли иберийский элемент предшествующим или последующим кельтскому? Единственным положительным указанием на приоритет кельтов над иберами является буквальное толкование названия «кельтиберы». Однако это не согласуется с данными археологии. Вполне оправдано предположение о том, что иберы появились на центральном плоскогорье Пиренейского полуострова несколько раньше, чем кельтские племена. Данное предположение подтверждается археологическими памятниками. Известно, что в конце энеолита и в начале бронзового века наблюдалось усиленное проникновение культуры Альмерии с Эбро на те именно территории,

¹ См. об этом A. Schulten, Numantia, т. I—II; также Бош-Гимпера, указ. соч., стр. 541—597.

² Liv., XII, 2, 3.

³ Polyb., III, 5, 1.

⁴ См. фрагменты из Тимея в ФИА, II, стр. 94—105; там же комментарии.

⁵ Фрагменты из Эратосфена в ФИА, II, стр. 114—118; там же комментарии.

⁶ См. об этом Бош-Гимпера, указ. соч., стр. 541 сл.

которые потом становятся кельтиберийскими. Культура же Альмерии, как установлено наукой, была создана непосредственными предками иберийских племен. На этом основании памятники альмерийской культуры, прослеживаемые в центре Испании в кельтиберийских слоях, дают основание допускать приоритет иберов, как местного населения центра Испании. Таким образом, кельтиберы и ареваки могли явиться результатом смешения культур Альмерии (иберийской) и послегальштатской (кельтской).

Наконец, последним вопросом, являющимся ключом ко всей испанской этнографии, следует признать вопрос о происхождении иберов и связанный с ним баскский вопрос.

Еще в 1868 г. Гонгора и Мартиноц писали, что «нация», называвшая себя иберийской, перешла границы Азии у Кавказа и через Европу направилась на Пиренейский полуостров¹. По мнению Филиппона, иберы пришли из Малой Азии, по нескольким последовательными этапами (через Голлесноит, Фракию и Иллирию). Наука сделала большой шаг вперед, когда удалось установить африканское происхождение иберов, ибо это согласовывалось с данными антропологии и этнографии². Шульцен выводит иберов из Ливии. Более подробную и солидно аргументированную теорию происхождения иберов из Африки развивает Бош-Гимпера.

Вопрос об иберах связан с проблемой басков, проблемой их языка и этнического происхождения. В этом отношении высказывались самые разнообразные предположения. Так, Гумбольдт считал, что баски происходят от иберов. Согласно теории Шухардта, принципиально мало отличающейся от гипотезы Гумбольдта, баски сближаются с ливийско-хамитскими племенами Северной Африки. Шульцен видит в басках «лигурийские элементы», другие ученые (например, Уссан) выводят басков с Кавказа, наконец, третьи (Бош-Гимпера, Фуше), основываясь главным образом на антропологических и археологических данных, утверждают, что баски сложились исторически на основе эволюции франко-каштабрийской ветви народов. Эта теория все более и более подтверждается археологическими материалами и постепенно входит прочным элементом в этнографию Испании.

После обзора состояния современной историографии мы попытаемся представить себе этнический состав Испании, как он складывался к римской эпохе и потом прочно стабилизировался, отразившись в литературных показаниях греко-римских авто-

¹ G o n g o r a y M a r t i n e z. Antiquidades prehistoricas de Andalusia, Madrid, 1868, стр. 117.

² Литературу вопроса см. у Б о ш - Г и м п е р а, указ. соч., стр. 1—25, 76—100, 119—176.

ров. Только путем этнографической реконструкции нам удастся разрешить основной интересующий нас вопрос о происхождении иберов, об иберизации полуострова и о самостоятельности пути исторического развития этого народа Пиренейского полуострова, прежде чем он подвергся римской оккупации.

Археология точно установила, что в эпоху верхнего палеолита север Пиренейского полуострова дает франко-каптабрийскую культуру¹, представляемую племенами «франко-каптабрийской ветви». Другое наблюдается на востоке и юго-востоке полуострова. Здесь зарождается культура, называемая кашейской. Вслед за этим наблюдается процесс этнической диффузии, которая, как правило, является следствием движения населения под воздействием ряда главным образом внешних климатических и географических факторов. Климатические изменения в эпоху палеолита и эпилеолита вызвали движение многочисленных племен (главным образом из Африки) к побережью Средиземного моря, в частности, и в Испанию. Племена кашейской ветви, культура которых представлена и в материалах антропологии и археологии, проникают с юго-востока к центру Испании, к Пиренеям, в Нарбонскую Галлию. Это вызывает процесс смещения прежних этнических групп и формирование новых.

Современная археология все более склоняется к тому, что альмерийская культура в Испании создавалась народом африканского происхождения, и от него ведут начало «иберы» греко-римских текстов, тогда как в самой Африке от них происходят нумидийцы, мавританцы, берберы и туареги.

Что касается племен франко-каптабрийской ветви, создавших так называемую пиренейскую культуру², то они формировались несколько иным путем. Прежде всего устанавливается большая изолированность пиренейской культуры, хотя известно, что последняя, как это показывает Бош-Гимпера, занимала в пору развития исторических связей элементы из всех других культур, с которыми она соприкасалась: с запада — мегалитические могилы, от центра — колоколообразную вазу, из Альмерии — типы наконечников стрел. Однако пекрополи, их характер, типы керамики, пиренейское искусство — рисунки на мегалитах и в пещерах, свидетельствуют о своеобразном характере культуры жителей Пиренеев. Антропология также отличает пиренейского человека от альмерийского. Накопленный

¹ Б о ш - Г и м п е р а, указ. соч., стр. 11—20. Там же дается перечень стоянок этой культуры.

² Подробная характеристика памятников пиренейской культуры дана у Эберта в RL, т. X, в статье Бош-Гимперы, стр. 336. В специальной работе L. P e r i e o t, La civilisation megalithica catalana y la cultura pirineica, 1925, даны в большом количестве фототипы памятников баскской и каталонской культуры и обширная библиография вопроса.

в этом отношении антропологический и археологический материал не оставляет сомнений в различии культур альмерийской и пиренейской, т. е. иберов и жителей Пиренеев.

Вероятно, что современный тип басков не является ни средиземноморским, ни хамитским (тип иберов), а имеет своих предшественников в человеческих останках баскских мегалитических погребений. Это дает возможность предположить, что баски являются потомками пиренейцев. Этим же можно объяснить глубокое различие, которое устанавливает археология между пиренейской культурой (баски) и культурой Альмерии (иберы). Антропологические типы из Басконии (длинноголовые) и Альмерии (короткоголовые) тоже различны.

Исторически также подтверждается, что в глубь баскской страны не проникали чужие племена. Культуры, которые характеризуются как иберийские, не прослеживаются дальше долины Эбро, а следы их влияния обнаруживаются не раньше III в. (на севере и в центре Испании). До этого в верхнем Арагоне иберийская группа ацетанов еще не образовалась. Кельты тоже лишь подошли к стране басков через Ронсеваль, заняв только некоторые стратегические пункты. Абсолютное отсутствие кельтских названий местностей внутри страны басков, как и вообще на севере Испании, лишает кельтов какого-либо значения для баскского этногенеза.

Отсутствие данных о завоевании страны басков до римского времени, когда баски уже были тесно связаны с топографией страны, а также существование при неолите «пиренейской культуры» и появление баскских названий местностей по всей территории Пиренеев является приемлемым основанием для того, чтобы предположить, что баски являются туземцами, что они — плод эволюции в стране одной группы пиренейских племен. Останки из баскских мегалитических погребений, а равно и современный тип басков позволяют и с антропологической точки зрения подтвердить вывод об автохтонном характере этого народа, поскольку они составляют особый (ни средиземноморский, ни хамитический) тип басков. Дальнейшие исследования в этом направлении должны привести к выяснению исторических условий формирования басков в системе «франко-кантабрийских племен» или «пиренейской культуры», представленной своеобразными и весьма характерными памятниками, как эпохи энеолита, так и эпохи неолита.

Мы останавливались на кансийско-хамитических посетителях культуры Альмерии и франко-кантабрийских посетителях пиренейской культуры, древнейший слой которой дошел до нас в лице басков, так как мы стремились показать те этнические слои, которые лежали в основе формирования собственно иберийской культуры и народа иберов, как они стали называться в греко-

римских текстах. Исторический процесс иберизации полуострова в период VII—III вв. есть в сущности процесс смешения различных этнических слоев Испании, среди которых иберийской (альмерийской) культуре принадлежал, очевидно, приоритет, как наиболее развитой. Именно это обстоятельство явилось основанием называть и всю страну Иберией, т. е. по названию самого мощного этнического слоя на Пиренейском полуострове.

В соответствующем месте мы уже останавливались на характеристике памятников материальной культуры древних иберов. Здесь достаточно будет указать, что со времени бронзового века, начиная с образования так называемой аргарской культуры и расцвета альмерийского влияния на периферию полуострова, этнические различия в Испании постепенно сглаживаются.

Мало известный первый период железного века на востоке полуострова тесно связан с собственно иберийской культурой. Последняя затем начинает распространяться в Арагоне, на юге Каталонии и к центру полуострова. Только в IV в. в Испании существовала уже консолидировавшаяся иберийская культура; вплоть до этого времени продолжали еще жить явления предшествующих культур.

Выяснение процесса иберизации полуострова необычайно сложно. Отправной точкой распространения иберов были восточные и южные берега Испании. Движение шло с юга на север, начавшись, по видимому, на севере Африки, где таким образом следует искать происхождение иберов в группе хамитических племен. При своем распространении по территории Испании иберы смешивались с племенами, которые они здесь нашли; однако в крайних областях или в труднодоступных районах полуострова сохранялись в более или менее неприкосновенном состоянии этнические группы, в которых продолжали жить канейские слои населения Испании.

Племена, тянувшиеся с восточного побережья Испании и долины Эбро к Каталонии и Южной Франции, с одной стороны, и к северной части центра Испании и Португалии — с другой, были, вероятно, единственными, в действительности носившими наименование иберов. В эту группу следует отнести, кроме эдетанов, илергетов и, вероятно, каристанов, также и иберийские элементы восточной Каталонии и юго-восточной Франции (мисгеты Гекатея), аквитанов, а с ними ацетанов и некоторые иберийские элементы кельтиберов, вакцеев и лузитанцев, равно как и кантабров.

К другой группе иберов относились тартессийцы (турдетаны, турдулы), эльбисины, гелеаты-глеты, этманси, бретаны, цильбидены, бастетаны-мастисны и другие племена вплоть до племени юго-восточной котловины. Этот последний район включал

племена деитавов, констетапов (возможно, это были древние гимнеты); все они весьма близки к иберам по представляемым ими памятникам культуры, во всяком случае, испытывали на себе культурно-историческое влияние последних.

Такова в основных чертах мозаика населения полуострова, которая стала исчезать с того момента, когда начались волны этнических передвижений кельтов, принеших в Испанию.

Первая кельтская волна на Пиренейском полуострове вызывает возникновение культуры «полей ури» (около 4000 г. до н. э.). Кельты двигались с Рейна и из Швеции.

Культура «полей ури» распространилась в южной Франции и стабилизировалась в Нарбоне и на Тулузской равнине. Можно предполагать, что среди кельтских племен этих территорий имелись первоначальные бербрики (или берибраки) и челепоны. От Нарбона кельтские племена направились в Каталонию. Они сильно повлияли не только на туземное население внутренней горной части, но и на иберийские племена Южной Каталонии. Возможно, что в результате этой волны кельтских племен возникли первые очаги культуры «полей ури» к западу от Пиренеев и к центру полуострова. Болл-Гимпера предполагает, что кельтское влияние было уже принесено в Испанию берибраками, если считать, что они родственны бербрикам французских Пиренеев. Движение остановилось на территории пиренетов, влияя отсюда на периферию территории эдетавов вдоль Эбро и Нижнего Арагона, т. е. на местную культуру иберов. Появление культуры «полей ури» свидетельствует о появлении первой волны кельтов в Испании, которая все же еще не оставила сколько-либо значительных результатов, кроме занятия Восточной Каталонии, с одной стороны, и большей части долины Эбро — с другой.

Изучение археологических наслоений показывает, что около 600 г. до н. э. имела место новая волна кельтских передвижений. От прирейнских областей эта волна должна была идти примерно по пути Суатье — Анжер — Бордо, а отсюда через ланды к Байонне на Ронсевальское ущелье. Отсюда дорога шла к Памплоне и к Эбро. Вторая кельтская волна, проходя через склоны, населенные племенами иберийского происхождения, распространялась в направлении к округу Кориньеса.

Другая группа народов этой волны, быть может, прибывшая несколько позже от Памплоны, частью осела на Риохе (Бероны) и у проходов, ведущих с Риохи к Бурбе, частью прошла через Бревеску в верхнюю часть провинции Бургос (турмодины), следуя к равнинам Кастилия де Велля и Леона (вакцев). Другая, параллельная группа кельтов (вытесненная позже) проследовала по пути Памплона — Виктория и основала в стратегических пунктах на территории туземцев (аутриголов).

укрепление, на что указывает топонимика. Возможно, что движения кельтов переместили кантабров к их историческим территориям, заставив кантабров покинуть Буребу и район Вильяркайе. С группой, обосновавшейся на Буэро (вакцей), и группой крайне восточной (ареваки), осевшей на окраине территории пелендонов (провинция Сория), движутся две группы кельтов: галаики, с одной стороны, и сефы и цемсы, а возможно, также и другие ответвления родственных племен — с другой. Есть полные основания предполагать, что среди галаиков преобладали элементы, принадлежавшие к кельтам великой волны 600 года.

По пути, идущим от Бенавенте к границе вакцеев и астуров, а затем к Галисии через Пуэбло де Салабрия или через Понте Феррада эль Барко, проникли в Галисию и в соседнюю часть северной Португалии те группы галаиков, которые потом стали называться бракарами и луценцами, причем можно допустить, что кельтские элементы просачивались и среди астуров, которые одно время были подчинены кельтам. Указания на приход этих кельтских групп к северо-восточной оконечности полуострова мы имеем в появлении диадем из Ривадео и гальнитатских кинжалов из кованого железа в Галисии. Кельтское же господство сигнализируется появлением бригаций, или укреплений с кельтскими именами в бассейне Силь.

Распространение галаиков — бракаров к югу, идущее вниз по долинам притоков Дуэро, в Галисии до крайних пределов Трасе Монте, быть может, дошло до побережья туземных драганов, уномимаемых Перицлом. Их следовало бы считать родственными астурам. С южной территории вакцеев ушли группы сефов и цемсов. Путь их обозначался, как это показывает топонимика, поселениями с кельтскими названиями. Путь этот ведет в Португалию, что видно по названиям некоторых городов, содержащим, правда, и римские элементы, в районе Саламанки: Augustobriga, Cottaebriga.

Сефы следовали от низменности Альмейды по Мондагок Коимбре и отсюда к португальскому побережью, которое захватили у эстремиев, также туземцев, в то время как цемсы следовали к юго-востоку от Сиерры Эстремьи, направляясь к Тагу, по его португальским притокам, откуда одна ветвь проследовала по Тагу до самого побережья, прибыв в VI в. в Алькасар де Саль в устье Садо — к границе между цемсами и кшетами (во времена Перицла), а другие ветви проследовали более на юг.

Одна из них обосновалась в Эстремадуре, быть может, проликнув из Португалии по Тагу, где следы ее отыскиваются на территории, которая позднее принадлежала лугитанцам. Таким образом, в результате подобных этнических смещений

лузитанцы оказались стиснутыми в Сьерра Эстрелья между путями сефов и цемисов. Все эти этнические смещения в результате великой волны кельтских передвижений, повидимому, закончились около 500 г. до н. э.

V—IV века до н. э. представляют собою апогей кельтского могущества на полуострове; тогда кельты господствовали почти над всем полуостровом, за исключением южной и восточной Иберии, где местные племена никогда не теряли культурного и этнического преобладания. Тартессийцы юга должны были оказаться в стороне от великой борьбы, но и им пришлось испытать в некоторой степени кельтское влияние, сказавшееся особенно четко в принятии кельтского вооружения. Кельтские передвижения совпали по времени с переходом туземного населения к следующей ступени развития их материальной культуры — к железному веку. Справедливо отметить и тот факт, что на востоке, особенно в Нижнем Арагоне и в Валенсии, культура соседних кельтов, живших на склонах Идубеды, оставила очень ясный отпечаток на культуре местного иберийского населения.

Вся мозаика этнического состава Испании, может быть, и объясняется именно тем взаимодействием различных факторов, которое в условиях существования отдельных замкнутых культур и этнических смещений формировало местные культуры испанских племен вплоть до момента полной иберизации полуострова. Если только правильны выводы изысканий Бопп-Гимперы, то этническая эволюция полуострова с III в. будет представляться в следующем виде. После кельтского передвижения около 600 г. до н. э. и распространения кельтов по центру и северо-западу полуострова происходит сложный, но мало изученный процесс смешения туземцев и кельтов. Именно этот процесс привел к образованию смешанных народов, кельтиберов в строгом смысле; следовательно, возможно причислять, как это делают некоторые источники, к кельтиберам также вакцеов и другие народы, включавшие в себя кельтские элементы.

Наконец, к III в. лузитанцы сошли со своих гор, отодвинули группы цемисов, заняли целиком Таг, обосновались в испанской Эстремадуре и заставили цемисов отодвинуться к краю древней территории кинетов и пограничным горам между Эстремадурой и Уэльвой. Эти события знаменуют собой конец кельтского могущества.

Подобным же образом на Эбро и в Каталонии кельты были вытеснены, оказавшись рассеянными среди местных племен и едва оставив после себя следы. В Каталонии движение иберов с юга Каталонии по направлению к Галлии уничтожило культуру «полей урн»; ее следы наблюдаются только на западе провинции Хероны (некрополи Англес и Гибрелла), где остается только кельтское имя Bisalu (Bisuldunum). В Валле Эмпорда,

как только окончилось господство кельтов, снова поднялись местные племена, поглотившие кельтские элементы (индигеты, лацетаны — лайетаны, коссетаны) и оставившие археологические следы культуры каталонского побережья III в., о чем свидетельствуют названия некоторых поселений.

Именно к этому времени и относится стабилизация этнического состава полуострова в том его виде, в каком он предстал в римскую эпоху перед взором греко-римских писателей, писавших об Испании и населяющих ее племенах. В это время могли бы иметь место только совсем незначительные изменения границ отдельных племен. Римские авторы стремились к этнической унификации на основе главным образом иберийских элементов, и в этом древние писатели, может быть, были правы, ибо в эту эпоху среди иберийских элементов теряется постепенно лицо всех других племен и народностей полуострова, попадавших под ярмо римской оккупации.

Археологические исследования последних десятилетий позволяют установить, что после кельтской волны слова на сцену выступают иберийские племена и теперь уже они до некоторой степени определяют характер населения всего полуострова, хотя совершенно не представляется возможным установить время, когда иберы унифицировали в основном почти все население полуострова. Точно так же приходится сделать вывод, что наступившая иберизация Испании не была результатом быстрого движения иберов, похожего на внешнее вторжение, а, наоборот, являлась результатом чрезвычайно длительного процесса. Как мы постараемся показать дальше, иберизация полуострова протекала в чрезвычайно сложных условиях борьбы племен юго-востока Испании за свою независимость; в столкновениях с финикийцами, карфагенянами, римлянами консолидировались иберийские племена Испании, ставшие посетителями культурного, военного и этнического единства. Иберы сумели не только отстаивать независимость, но и сплачивать вокруг себя другие племена, на которые переносилась вместе и иберийская культура юго-востока полуострова. Таков сложный исторический процесс иберизации Иберийского полуострова. Его можно проследить по памятникам археологии.

Прежде всего памятники материальной культуры древних иберов позволяют различать два периода иберизации полуострова. Первый период охватывает V и IV вв. до н. э. Иберизация в этот период идет с юго-востока Испании (области мастиенов, Аликанте, Альбасете, Валенсии, северо-востока Каталонии). Второй период — IV, III и частично II вв. до н. э. Иберизация в этот период обнаруживается в культуре Валенсии, Нижнего Арагона и одной части Каталонии (Льянос де Урхель), в культуре плоскогорья и провинций Авилы, Сеговии, Саламанки и,

частично, Португалии; сюда же относится культура Кастилии, прослеживаемая главным образом по памятникам Нуманции.

На юго-востоке, как мы указывали в обзоре иберийских древностей, находятся классические памятники иберийской культуры. Памятники иберийского искусства в Серро де лос Сантос, Льяно де Колеясин, Сан Антонио эль Побре, Кольядо де лос Харденис (около Санта Елена в горах Деспеньяверос — провинция Хаэн), Кастеллар де Сантистебан (провинция Хаэн), такие шедевры, как «Дама из Эльче» или «Благородная дама» (известная так же как «Дама № 3500»), сфинксы из Сальбраль (Альбасете), лев из Бокаирепте (Аликаанте), золотые находки из Хавси (Аликаанте), скульптуры львов из Баэны и Кордовы (провинция Кордова), сфинксы из Вильякарильо (Хаэн), рельеф с изображением мужчины из Алькала ла Реаль (Кордова), бронзовые фигурки воинов — все эти памятники свидетельствуют о самобытности и своеобразии культуры иберов, обещающей стать в будущем исходным пунктом дальнейшего исторического развития Средиземноморья.

Племена этой культуры сумели так высоко подняться в своем творчестве в сравнении с другими племенами Испании не только потому, что их культура была наиболее древней и что они располагали благоприятными естественно-географическими условиями и богатствами рудных залежей, но также и потому, что на юго-востоке полуострова иберам пришлось столкнуться с пришельцами из других, более культурных стран Средиземноморья. Финикийцы, разносившие по всему свету культурные достижения Востока; греки — великие зачателители не только европейской, но и мировой культуры; римляне — компиляторы культурных достижений античности, — все они не в малой степени повлияли на этническое, культурное и социальное формирование иберийской народности. Это влияние в течение V—III вв. становится значительным фактором культурной эволюции Пиренейского полуострова. Культурная эволюция этих веков способствовала дальнейшему смешению иберов с другими племенами на полуострове и одновременно содействовала укреплению иберов как основного этнического слоя древней Испании.

Иберийская культура Андалузии, юго-востока Испании, переживала большой расцвет в V—IV вв. В III в. она начинает потухать. Однако отдельные отрасли производства, как, например, иберийская керамика, сохраняются вплоть до римского времени. Во многих местах (в Кадиксе, Могоне около Вильякарильо), главным образом в могилах римской эпохи, найдены старые глиняные сосуды геометрического стиля. В поселении Ла Серетта (около Алькой в провинции Аликаанте), в некрополе Олива (провинция Валенсия) вместе с расписной керамикой

старого стиля (со спиральными, растительными узорами и изображениями воинов) найдены также эллинистическая чернолаковая керамика и свинцовая табличка с иберийской надписью.

Многие ученые не в состоянии ответить, как могла прийти в упадок столь полнокровно развившаяся культура иберов на юге и юго-востоке Испании. В нашей работе мы должны будем специально остановиться на этом и показать, в какой мере завоевания Баркидов и римская оккупация Испании прервали начавшийся процесс развития иберийской культуры, процесс дальнейшей иберизации полуострова, который создавал предпосылки к формированию своей собственной цивилизации.

Распространение иберийской культуры на полуострове прослеживается по направлению с юга и юго-востока Испании к северу от Альмерии и далее к Арагонии. В V—IV вв. этот район еще мало затронут влиянием юга; здесь еще сильно влияние послегальштатской культуры центра Испании. В IV—III вв. на данной территории уже явно заметно влияние племен юго-востока, хотя и в очень ограниченной художественной форме. Так, повсюду начинают встречаться иберийские расписные вещи; в орнаментах наблюдаются те же образцы, что и в керамике соседней части Валенсии. Однако иберизацию всего этого района следует признать мало интенсивной, о чем можно судить и по бедному декорированию керамики, состоящему только из геометрических рисунков (концентрические круги, волнистые линии, рисунки ромбом и т. д.). И только в Каласойте (Сант Антонио) появляются изображения животных и растительные орнаменты иберийского стиля, хотя и здесь они более примитивны, чем в старых иберийских центрах.

Иберийская культура прослеживается и в южной Каталонии, что показывают золотые серьги со вставленными в них проволочными спиралями (клад из Тивиссы)¹, монеты из Эмпория и Сагунта. Городские стены Тарракона, создавшие целую проблему в археологии (так называемые циклопические стены), считаются большинством ученых выражением иберийского крепостного искусства, хотя в нем чувствуется греческое влияние. Это мнение можно подтвердить двумя доримскими культурными слоями Тарракона — одним с эллинистическими импортными вещами и несколькими иберийскими, разрисованными черепками, и другим — более древним слоем местной культуры.

Иберизация шла и по долине Эбро, в глубь долины. Груша Азайя (или ла Зайда) дает немало находок. Здесь, главным образом, преобладает расписная керамика с искусным

¹ RL, т. X, стр. 388, там же ссылки на находки этих памятников.

орнаментом из спиралей и листьев плетца, с изображениями птиц и человека. Наряду с этим встречаются также греческие изделия эллинистической эпохи. В северной Каталонии и на побережье южной Франции распространена вазопись, по которой можно судить, во-первых, о затухании иберийского искусства, а во-вторых, о наличии греческого влияния. Как говорит Болл-Гимнера¹, при изучении памятников северной и внутренней Каталонии создается впечатление «как будто иберийская культура III века отступила внутрь страны, вверх по Эбро, тогда как культура побережья из-за беспокойного положения дел (завоевания Баркидов, а затем римская оккупация.— А. М.) пришла в упадок».

Куда отступала иберийская культура? Другими словами, как в дальнейшем прослеживается иберизация полуострова? Что происходит с центральной Испанией, где сильнее всего представлена была культура послегальштатского времени? И на эти вопросы археология дает соответствующий ответ. Изучая наслоения в культуре Кастилии, археологи обнаружили, что послегальштатская культура сменилась непосредственно иберийской культурой Нуманции. Находки в Нуманции сочетаются с памятниками Термации, Укзамы, Панаэции, местностей по среднему течению Дуэро, хотя все эти районы, кроме Нуманции, до сих пор еще недостаточно обследованы.

Юг плоскогорья дает и другие памятники иберизации. К ним относятся скульптуры животных: быков, свиней, львов и лошадей². Они датируются более поздней эпохой, что показывает на сопротивление населения процессу иберизации. Наконец, следы иберийской культуры прослеживаются и в северной Португалии (область Минью) и Галисии, но лишь в отдельных памятниках, ибо в основном там продолжает существовать местная культура *castros*. В области Дуэро бытует поздняя иберийская культура с неразрисованной керамикой.

Эти материалы испанской археологии еще не обобщены в достаточной степени и мало использованы в выводах о развитии иберийской народности, о распространении иберийской культуры и о процессе смещения и столкновения ее с местными элементами в различных местах Пиренейского полуострова. В силу этого до сих пор остается еще неясным и неразрешенным вопрос о распространении ее и отступлении с юго-востока в глубь Пиренейского полуострова.

Очень большое значение для историографии древней Испании имело то обстоятельство, что со времени исследования Шари удалось вскрыть характер культуры древних иберов, ее стиль

¹ RI, т. X, стр. 390.

² Там же, стр. 391.

в ремесле и искусстве путем изучения классических памятников иберийской археологии. Теперь уже можно утверждать, что культура иберийских племен является результатом развития многообразных более ранних культур, преобразовавшихся в ходе длительной эволюции, при которой иберам пришлось испытать на себе влияние финикийско-карфагенское, кельтских племен и особенно греческое. Греческое влияние наиболее легко воспринималось; оно дало лучшие плоды в тех местах, где длительная культурная традиция самих иберов уже подготовила почву для вступления иберийской культуры на новый, более высокий уровень, роднящий ее с раннегреческой культурой Микен и архаической Греции в более широком смысле этого слова.

Таким образом, как ни различны отдельные этнические слои Пиренейского полуострова, среди них наиболее мощным слоем явились иберы, культура которых, как мы пытались показать, постепенно охватила большую часть племен Испании и тем самым способствовала консолидации иберов, их языка, быта и искусства.

Вторжение волны кельтских племен ввело в иберийскую культуру новый элемент; однако, несмотря на политическое господство кельтов в центральной и северо-западной части Испании, культурный приоритет остался за иберами, преодоленными чужеземное влияние.

Даже политическое господство римлян в Испании не смогло подавить своеобразие культуры иберов, и еще до сих пор в романизированной испанской культуре мы можем проследить не только этнические слои древней Испании, но и явные элементы местной иберийской культуры. Бон-Гимпера не без основания говорит, что ни нашествие готов и вандалов, ни вторжение мусульман не остановили процесса унификации населения полуострова на основе иберийской культуры. Любопытно, что по мере распространения христианства и провозглашения равенства римлян и «варварских» племен вновь воскресают старые местные названия групп населения полуострова. Эти группы занимали те же географические границы, продвигаясь и отступая по тем же дорогам, как и в доримский период. И лучше всего это может быть прослежено в эпоху Реконквисты. Таким образом, история Пиренейского полуострова в целом становится понятной лишь при учете данных древнейшей эпохи.

Все же необходимо подчеркнуть, что культурная эволюция иберийской народности не совпадает с процессом развития политических отношений, с формированием государственности и развитием основ общественной жизни. Если в языке, искусстве, религии и быте древние иберы сумели отстоять свою самостоятельность, несмотря на многочисленные столкновения

с чужеземными народами, то в области общественной жизни они не смогли преодолеть завоевательную политику карфагенян, а потом и римлян, несмотря на более чем 200-летнее сопротивление. Процесс общественного развития иберийской народности был прерван карфагенской и римской оккупацией. В упорной борьбе за независимость иберы потерпели поражение; но эта борьба не прошла бесследно; ее результаты сказались позже, когда население Испании перешло к самостоятельным формам социально-политической жизни.

Г л а в а II

ИБЕРИЙСКИЙ РОД И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ

В буржуазной историографии, особенно в литературе англо-саксонских стран, появилось немалое количество работ, которые иногда тонко, а чаще грубо фальсифицируют историю. В особенности фальсифицируется история древних эпох, где труднее докопаться до истины, где можно держать себя более свободно по отношению к фактам.

Совершенно антиисторическими следует признать суждения некоего Луиса Арагуистена (Araguistain), написавшего в журнале «Ман» (март — апрель 1945 г.) статью «Некоторые пережитки древней Иберии в современной Испании».

Автор считает, что в современной Испании уцелели многие черты древнего иберийского человека. По его мнению, вся Испания является как бы «обширным и живым Британским музеем, где обычаи, привычки и институты, датируемые самыми древними временами, все еще продолжают существовать и поныне» (стр. 30). Автор недалеко от истины в том смысле, что современный режим фашизма в Испании ввергнул страну во власть средневековых пережитков и не сулит народу прогресса. Однако Арагуистен пытается использовать эти «пережитки» для того, чтобы отвлечь народ Испании от борьбы против франкистского режима, объяснить широту народных масс не классовой эксплуатацией, а господством... иберийского духа. Так, например, по официальной статистике известно, что немалый процент населения в Испании живет в пещерах: в городе Милагро — 35% всех жителей; в Вальтиерре — 27%; в Аргуэдае — 30%; в Андасилье — 10%; в Перальте — 20%; в Азагре — 20%; в Мендавии и Капаррозо — 20%. Арагуистен делает отсюда свои выводы и полагает, что эта «любовь» к пещерам является проявлением «национального» духа иберов, которые-де еще в древности любили жить в пещерах. «Бессознательно, — пишет автор, — современные жители этих провинций продолжают пещерные традиции, восходящие к людям Альтамиры,

Гафсы и Сахары». Отсутствие чувства юмора не позволяет автору поставить вопрос: почему ни один состоятельный испанец, как бы он ни был преисполнен «иберийским духом», не живет в пенцерах?

Автор жалуется также на то, что в Испании развит анархизм и бандитизм. По мысли автора, анархистами и бандитами являются, очевидно, героические партизаны, борющиеся против франкистского фашистского режима. И тут, по мнению автора, во всем виноваты доисторические нравы древних иберов. «Как анархизм, так и бандитизм,— пишет автор,— являются пережитками доисторической древней борьбы и чувства заглавной обиды среди бесчисленных рас, оспаривавших территорию и господство в Испании». Вряд ли автор настолько наивен и политически неграмотен, что действительно считает борьбу испанского народа против поработителей, против фашистского господства проявлением какого-то врожденного иберийского духа. Им просто руководит ненависть и презрение к народу и демократии. Если бы он писал о борьбе греческих партизан против фашистов, он, надо полагать, и здесь ухитрился бы найти какой-то «греческий дух» для объяснения стойкой борьбы греческого народа против фашистской клики.

Не только бой быков и тигеократия у басков, но и революции — две в XIX в. и «одна большая в XX столетии» — объясняются по предлагаемому автором шаблону любовью испанцев к древним правам, войнам, борьбе, насилиям и т. п.

В общем все тяжелые стороны жизни испанского народа, по мысли автора, коренятся в чем угодно, но только не в действующих в Испании силах и порядках, не в современном уровне жизни народа, вынужденного жить в пенцерах, бороться против эксплуатации, организовать партизанские отряды против фашистских наймитов, требовать революционного свержения фашистского режима Франко и проявлять другие «пережитки древних иберов».

Предложенная Арагуистеном концепция уводит читателя от реального объяснения причин отсталости современной Испании. Обращаясь к древности, он просто фальсифицирует древнюю историю Испании, которая развивалась вовсе не так, как рисует автор. Стремясь увести читателя от злободневных вопросов политической жизни Испании, Арагуистен объясняет современную историю борьбы испанцев древними обычаями. Мы постараемся показать, что история древних иберов была во многом сходной с историей других народов древности; следовательно, отсталость современной Испании объясняется не «отсталыми нравами иберов», а засильем того режима реакции и порабощения, который ныне возглавляется фашистом Франко.

* * *

Как свидетельствуют греко-римские авторы, на территории Пиренейского полуострова жило много различных племен. Природные условия Испании изолировали отдельные районы, замыкая население их горами, течением рек или морскими границами. Следует ли говорить о том, что в доримской Испании при низком уровне ее экономического развития подобные условия не способствовали развитию межплеменных связей и торговли. Наоборот, замкнутость испанских племен создавала преграды для этнической и культурной цивилизации племен полуострова. Ни кельтская волна передвижений, ни колонизация финикийцев, карфагенян и греков не могли привести к этнической унификации Испании. Процесс иберизации различных областей Пиренейского полуострова, с одной стороны, и возникновение новых культурных центров в виде финикийско-карфагенских и греческих колоний — с другой, по-разному проявлялись в различных областях. Отступление иберийской культуры с юго-востока в глубь полуострова и распространение на юго-восточном побережье классической культуры античных государств осложнили процесс этнической, социальной и культурной консолидации полуострова. На севере, западе, юго-востоке и в горных районах Пиренейского полуострова этот сложный процесс повлек за собой изменения в быте и строе племен, в их религиозных представлениях; менялись, быть может, даже прежние границы племен, которые в новых условиях или дробились на ряд новых или же совершенно исчезали, что, как мы старались показать, сыграло не последнюю роль в этногенезе племен Испании. Этот процесс смущал греко-римских авторов, которые часто терялись в описании племенного состава полуострова, ибо динамизм этнической консолидации был настолько силен, что придать всем племенам строго определенные границы, названия и культурную характеристику было в то время невозможно. Так, например, Страбон указывает, что в одной только западной части полуострова можно было насчитать свыше 30 различных племен. Плиний Старший по всей Испании насчитывал 513 общин или племен. Столь пестрая этническая картина не соответствовала действительности, так как некоторые названия являлись не чем иным, как вариантами наименования одного и того же племени (например, кантабры и артабры, бастетаны и мастисены, турдетаны и турдулы, ицетаны и авзетаны и т. д.).

Из свидетельств древних авторов можно сделать вывод о следующих основных племенах полуострова. На юге полуострова между реками Бэтисом и Апасом жили турдетаны¹,

¹ Л и в и й, XXI, 64; А п и а н (Iberica, 40) дает этому племени другое название — *Торβολήται*. Страбон называет их турдетанами (III, 4, 6); но одновременно говорит также и о турдулах (III, 2, 14—15).

в центральной Испании — кельтиберы, на западе полуострова — лузитаны, к северо-востоку от Эбро — илергеты, к югу от плоскогорья — карпетаны, к западу от них — ваксеи и веттоны, на северо-западе Испании — кантабры, астуры и галаики (в Галисии). Таковы главные племена, засвидетельствованные в источниках. Культурный уровень этих основных племен был весьма различен, не говоря уже о мелких этнических группах в горах, на плоскогорье и на северо-западе Испании.

Остановимся кратко на характеристике общего уровня культурного развития испанских племен до эпохи греческой колонизации. Древние авторы считали наиболее культурными турдетанов, тогда как горцев они определяли как наиболее отсталых.

Турдетаны в самом деле обладали наиболее высокой культурой среди всех иберийских племен. Смещение центров альмерийской культуры бронзы к югу, к области Турдетании было связано, очевидно, с большим размахом добычи металлов, а также ростом обработки металлов, как для внутренних потребностей, так и для торговли. Турдетаны рано начали разрабатывать залежи серебра и меди в горах Сиерры Морены, что, естественно, привлекло к себе мореплавателей и купцов Средиземноморья. Шульцен полагает, что турдетаны — тартессийцы — сумели создать в устье Батиса город Тартессе, являвшийся центром царства Аргантония. Слишком увлекающийся Шульцен считает даже, что это было самое древнее царство Запада в противовес великим деспотиям Востока.

Наряду с горным делом у турдетанов (или у более древних тартессийцев царства Аргантония) было развито и искусство обработки металлов, о чем свидетельствует оружие из Альмедипильи¹ (около Кордовы).

О богатствах турдетанской земли Страбон отзывается весьма высоко. «Так, до настоящего времени нигде на земле нет ни золота, ни серебра, ни меди, ни железа в таком большом количестве и такого достоинства, как здесь»². Посидоний, по словам Страбона, «... восхваляя изобилие и достоинство иберийских металлов, не только не воздерживается от обычных цветистых форм красноречия, но в энтузиазме впадает в преувеличения. Так, например, он не говорит, что не верит той басне, будто, когда однажды загорелись густые леса, то земля расплавилась, так как содержала серебряную и золотую руду, и будто бы металлы вытек на поверхность — ведь по его словам каждая гора и каждый холм представляют кучи дров, насыщенные щедро судьбою. Одним словом, говорит он, всякий видевший эти

¹ См. об этом J. M é l i d a, указ. соч., стр. 246, где дается описание оригинальных форм оружия у древних иберов.

² S t r a b o, III, 2, 8.

местности должен согласиться, что здесь находятся неиссякаемые сокровища природы или неиссякаемое казнохранилище какого-нибудь царства»¹. Страбон говорит также и о развитии морского и кораблестроительного дела. «Действительно, среди самых разнообразных кораблей, которые приходят в Диксарию и римскую гавань Остию, самые большие корабли турдетанов»². Здесь рано появилось земледелие и посадение оливок и винограда. «Из Турдетании вывозят хлеб, много вина, а масла не только большое количество, но и превосходное»³. Большую роль в жизни турдетанов играло разведение овец и выделка шерсти и шерстяных материй. «К нам, — говорит Страбон, — прежде приходило от них много тканей и материй, а в настоящее время шерсть их считается выше коракской (что в Колхиде), и действительно это верх красоты»⁴. В «Географии» Страбона отмечается также культурное процветание Турдетании, население которой обладало своей письменностью и литературой⁵. Литературная традиция была весьма сильной, ибо она сказалась и в позднее время. Из Испании вышли поэт Лукан, оба Сенеки, Марциал и др.⁶

Мы не располагаем данными об активной торговле жителей Турдетании, об их поездках и самостоятельных сношениях с различными торговыми центрами Средиземноморья. Очевидно, с самых ранних времен эта торговля и поездки монополизировались в руках финикийцев и карфагенин, державших в своих руках все пути средиземноморских связей вплоть до самого конца карфагенского господства. Нам не хватает также сведений по военной истории и о политических столкновениях турдетанов в раннюю пору их развития. Но и те сведения, которыми мы располагаем, дают полное основание утверждать относительно высокого для того времени уровня культуры турдетанов. Не подлежит также сомнению, что культурное влияние этой области далее на юго-восток было весьма значительным. Если сначала, в эпоху расцвета бронзы, альмерийская культура сильно влияла на соседние районы и потом переместилась на юг, в район Андалузии, т. е. в области, где развивались турдетанские племена, то позже, после расцвета Тартесса, альмерийская область стала сама объектом культурного воздействия турдетанов. Немалую роль сыграла здесь и греческая

¹ Страбон, III, 2, 9.

² Там же, 6.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, 4, 6.

⁶ Следует заметить, что факт выхода из Испании ряда виднейших представителей литературы римской эпохи не дает, однако, права делать какие-либо выводы о процветании литературы и поэзии в древнейшее «тартессийское» время.

колонизация, распространившаяся на всем юго-востоке испанского побережья. Такие памятники, как «Дама из Эльче», «Благородная дама» («Дама № 3500»), золотые украшения из Хаверн, расписные вазы, возделывание льна еще в древнюю эпоху¹, различные хозяйственные изделия из эспарто позволяют судить не только об искусстве и ремесле иберов VI—IV вв. до н. э., но косвенно и о социальной и хозяйственной организации иберийских племен в этот период. Как мы увидим ниже, племена мастиенов, бастетанов и едетанов проявили достаточную активность в период тех социальных и военно-политических бурь, которые пришлось пережить жителям этих районов во время завоеваний Баркидов и римской оккупации Испании.

Этим наиболее культурным областям Пиренейского полуострова противостоят лежащие к северу области карпетанов и оретанов. Аппиан свидетельствует, что ко времени Вирриата² они знали земледельческую культуру. Земледелие, повидимому, являлось главным видом хозяйственной деятельности, ни о каких других основных производствах у этих племен нам неизвестно. Общий уровень их социальной и культурной жизни был, повидимому, менее высок, чем у племен, живших вдоль юго-восточного побережья Испании.

Сказанное о карпетанах и оретанах в еще большей степени относится к жителям более удаленных к северу областей, в частности к аревакам и вакцеям, которые, повидимому, вообще ограничивались возделыванием только зерновых культур, тогда как у оретанов и карпетанов существовали культуры оливы и винограда. Наряду с земледелием у ареваков Диодор (V, 34) отмечает также и скотоводство, считая мясо главной их пищей. Повидимому, эти племена возделывали позднее и лен, заимствовав его культуру с юга, так как известно, что кельтиберийские племена сами выделывали у себя грубые плащи — *sagum*. Добыча серебра и железа и изготовление железного оружия доказываются как археологическими памятниками, так и неоднократным наложением на эти племена большой дани в деньгах и в натуре³. Всякого рода вазы, украшенные орнаментами, свиде-

¹ N i c. D a m., I r. 402.

² «Вторгнувшись в Каристанию, очень плодородную область, Вирриат безжалости опустошал ее... Вирриат, проходя по всей стране, требовал у владельцев определенного палого златками и от кого не получал, поля тех уничтожал» (P e t r o s, 64).

³ Территория кельтиберов изобиловала различными металлами. Здесь находились серебряные рудники, известные в древности не менее, чем знаменитые рудники Сиерры-Морены. Золото добывалось в реках Дуэро и Ялоне (см. M a r t., IV, 55; S i l. l t a l., I, 231). Не в малом количестве добывалось железо, которое разрабатывалось у горы Саиус (ныне гора Монсау). Обработка металла производилась в Бильбиллесе и Турнасе. Эти города находились у подножия упомянутой горы (M a r t., I, 49). Кель-

тельствуют об изготовлении керамики на гончарном круге.

Несколько дальше продвинулись кельтиберийские племена по юго-востоку Халона и Хилоки. У них, в частности, было высоко развито важное производство предметов вооружения, что, между прочим, говорит и об их воинственном характере и беспрестанной борьбе как между собою, так и в особенности против чужеземцев. Эти данные о материальной культуре кельтиберийских племен также подводят историка к некоторым выводам о социальной организации.

Сколько неодинаков был культурный уровень различных племен древней Испании, показывает характер их жизни. В этом смысле особенно характерны племена, обитавшие на периферии полуострова. Сюда относятся главным образом горные племена астуриков, галайков, кантабров — на северо-западе, и лузитанов — на западе полуострова.

Страбон в своей «Географии» характеризует эти племена следующим образом¹: «Все горцы, — говорит он, — отличаются простотой жизни, пьют воду, спят на голой земле и, подобно женщинам, носят очень длинные волосы... Живущие в глубине страны замечают употребление денег меною, или же дают за товар отрубленную серебряную пластину... В течение двух частей года они питаются одними дубовыми желудями, из которых готовят себе хлеб, высушив их и размолот... Козье мясо они любят больше всего. Есть и другие особенности, быть может, не доказывающие цивилизации, но, по крайней мере, не зверские: так, например, у кантабров существует обычай, по которому мужчины дают брачные дары женщинам, дочери объявляются наследницами и женят братьев, женщины здесь предоставлена некоторая власть»². «Таков образ жизни горцев, я разумею тех, которые занимают северную границу Иберии — галайков, астуриков и кантабров, живущих до пределов васконов и Пиренейских гор; образ жизни всех этих народов одинаков».

Очевидно, Страбон имеет здесь в виду и другие мелкие племена, которые он все же называет далеко не полностью, ибо «никому не будет приятно слышать названия плеветавров, бардлетов, аллотригов и другие их имена еще более скверно звучащие и непонятные»³.

тиберийские богатства металлами являлись предметом возжеланий римлян на протяжении долгого времени. А н и а н (Herica, 48-79) сообщает нам о большом количестве драгоценных металлов (золота, серебра и др.), вывезенных в результате находок римских полководцев

¹ S t r a b o, III, 3, 3 (о лузитанах), III, 3, 5 (о кантабрах — артабрах) и далее III, 6-8

² Там же, 4, 18.

³ Там же, 3, 7.

Таковы в общих чертах различия в социальных и культурных условиях жизни испанских племен; сами древние уже вносили определенные различия в описание быта отдельных племен, строя их жизни и общих условий их развития. Эта разница в уровне культуры была бы еще более подчеркнута, если бы мы сослались на обитателей Балеарских островов, живших в первобытных условиях пещерных жилищ, матриархата и презрения к металлам¹.

При всех различиях в культурном уровне древние иберы и иберизовавшиеся племена имели также некоторые общие черты, формировавшиеся у них в борьбе со вторгавшимися в пределы Испании чужеземцами.

Здесь в первую голову необходимо отметить поразительное упорство этих племен, проявленное ими при ведении войн, защите городов и в критические моменты их столкновений с врагами. У многих авторов², от Горация до Сидония Аполлиария, отмечается *ferocitas* или *feritas* (дикость или суровость) древних иберов. Плиний Старший³ подчеркивает *vehementia* (вспыльчивость, резкость), а Страбон⁴ τὸ ἀγριότης (дикость). О чертах фанатизма прекрасно сказано у Аппиана в сообщении о последних днях Нуманции⁵. Ненависть ко всему чужеземному⁶ обща почти всем иберийским племенам и особенно ярко выражена в вековой борьбе с римлянами за свою независимость. И то время как юг и юго-восточное побережье полуострова поддавались в какой-то степени воздействию римской цивилизации, племена северо-запада и в римское время продолжали сохранять самостоятельность. Эта упорная борьба иберов за сохранение самостоятельности, за соблюдение прав и обычаев своих общин, ревнивая защита сложившихся традиций отражала стремление к самостоятельности, противостоявшей римской рабовладельческой культуре.

Свободолюбие и стремление к независимости воспитывали в иберах выносливость, мужество, терпение и презрение к смерти. Эти черты лучше всего проявились в героической защите ими Сагунта и Нуманции⁷, когда героические защитники предпочитали копнуть жизнь самоубийством, чем сдаваться в плен

¹ См. D i o d., V, 17.

² H o r a t., Carm., IV, 5, 28; V a l. M a x i m., III, 2, 7, M a r t., X, 78; L u c a n., III, 549; O r o s., VI, 21; S i d. A p o l l., IX, 13, 116.

³ P l i n., XII, XXXVII, 203.

⁴ S t r a b o., III, 3, 8; 4, 43 и 48.

⁵ I b e r i c a., 97.

⁶ См. S t r a b o., III, 4, 43; D i o d., V, 18, 2; A p p i a n., I b e r i c a., 74; J u s t i n., XLIV, 2, 4; T a c i t., Ann., IV, 45.

⁷ См. об этом A p p i a n., I b e r i c a., 12, 97; L i v., XXVIII, 22; e p i t. 57; V a l. M a x i m., III, 2, 7; S e n e c a., D e i r a., I, 11; F l o r., II, 33.

или отдавать врагу свое оружие¹. Юстин и Тацит передают наиболее характерные черты мужественного поведения иберов на пытке, когда они предпочитали принять смерть на кресте под собственные песни, чем выдать тайну, что могло бы им сохранить жизнь. Презрение к мучителям, страстная ненависть к врагам делала многих из них героями, равными тем, что воспеты были в героических сказаниях древних греков. Иберийский воин всегда носил при себе яд, чтобы избежать плена².

Наконец, древние иберы прославились среди других народов древности и такими благородными чертами своего характера, которые ставят их в ряд с воспетыми Гомером персонажами Троянской эпопеи. Великодушие, благодарность и верность всюду сопровождали ибера³. Так, иберы перенесли благодарность Тиберию Гракху на его сыновей за то, что он дал им выгодный мир⁴, а благодарность к Эмилию Павлу — на его присмного сына Сципиона⁵. Данная клятва или слово, скрепленное договором, держалось благородно и до конца, несмотря на неблагоприятные иногда условия или изменившуюся ситуацию. По этому вопросу Валерий Максим ввел в свое историческое повествование термин *fides celtiberica*⁶, и это не было случайным понятием. Сагунт за свою верность Риму получает прозвище *fide nobilis*⁷. Все эти черты гостеприимства⁸, благодарности и верности не раз использовались римлянами в коварных и вероломных целях.

Эти особенности народного характера создались в самобытных условиях общественного развития древних иберов. Каковы были эти условия, как конкретно проявлялся характер иберов в жизни, в быту, каковы имена иберийских героев и насколько выразительна их героика — обо всем этом мы знаем из прозаических записей греко-римских писателей, которые далеко не воодушевлялись доблестями героев испанских племен и потому не стремились опозитивировать эту героику подобно тому, как это сделал Гомер в своих бессмертных произведениях, увековечивших героев Троянской войны.

Не будет неосторожным сравнение строя жизни древних иберов VI—III вв. и греков гомеровской эпохи. Уровень

¹ Appian., Iberica, 74--77; Liv., XXXIV, 47; Justin., XLIV, 2; Sil. Ital., III, 330.

² Sil. Ital., I, 225; см. также Justin., II, 4.

³ Прекрасные примеры об этом приводят древние писатели: Val. Max., III, 2, 24; IV, 3, 4; V, 4, 5; Liv., XXVI, 50; Polyb., X, 49; Plut., Tib. Gracch., 5; Appian., Iberica, 54; Front., IV, 5, 22.

⁴ Plut., Tib. Gracch., 5.

⁵ Appian., Iberica, 54.

⁶ Val. Max., II, 6, 44.

⁷ Sall., Hist., II, 64; Melia, II, 92; Plin., NH, III, 20.

⁸ Dio d., V, 34.

материальной культуры был приблизительно один и тот же, даже, может быть, у иберов в некоторых отношениях он был выше, чем у ряда греческих племен, участвовавших в походе под Трою. Так, например, обработка металлических руд: золота, серебра, меди и даже железа, стояла у иберов на более высокой ступени развития, чем у греков гомеровского времени. В других отношениях некоторые племена иберов (как, например, горные) паходились на более низком уровне, о чем свидетельствуют отмеченные выше остатки примитивных брачных отношений.

Хозяйство, ремесло, быт членов рода или общины и племени в целом паномипают картину гомеровского общества. Великолепное оружие мы находим в Турдетании и особенно у кельтиберов, меч которых позднее был заимствован римлянами. О существовании ткацкого ремесла у иберов нет непосредственных сведений, но в записях историков проскользнули о нем упоминания, и, очевидно, это ремесло находилось на довольно высокой ступени развития. На основании сообщений Эфора Николай Дамасский¹ рисует картину, как суды решали, какие женщины изготовили лучшую ткань. Полотняные кафтаны были в большом, повидимому, ходу, если иберы, служившие в галиц-баловом войске, все носили такие кафтаны. На юго-востоке культура льна, как об этом говорилось выше, занимала не последнее место. Население прибрежных областей изготовляло пестрые, многоцветные ткани, что было отмечено Афином и Филархом².

Несколько иная картина была на плоскогорье и в горных районах. Но мы уже видели, что и там имело место разведение овец, дававших богатую шерсть, не уступающую по качеству колхидской. Именно из этой шерсти изготовляли знаменитые кельтиберийские плащи (sagum), которые также были заимствованы римлянами. Одежда в горных местностях была преимущественно черного цвета, и только женщины носили цветные ткани. Горцы одевались в туники, полосатые или одноцветные; голову они покрывали войлочной шапкой, только лузитаны ходили с длинными непокрытыми волосами³. Не менее значительное место, чем у гомеровских греков, занимало в хозяйстве иберов керамическое производство. Известно, например, что луматги-

¹ Nic. Dam., fr. 102

² Следует отметить, что для воинов же изготовлялась цветная (красная) ткань, из которой и были сшиты кафтаны для иберийских солдат армии Галицбала. См. P o l y b., III, 144, L i v., XXII, 46

³ D i o d., V, 33; S t r a b o., III, 3, 7. Следует отметить, что полотняные ткани были в употреблении у горных племен. Так, Страбон говорит, что лузитаны изготовляли полотняные панцыри (III, 3, 6) На рельефе из Осуны туника полосатая. В этой связи см. A p p i a n., Iberica, 48, 67, S t r a b o., III, 3, 6, M a r t., X, 67, 7.

цы, как это хорошо показали раскопки, производили не только вазы или различные фигурки из глины, но также и глиняные трубы¹.

Аналогичное сравнение можно провести на основании данных о быте иберов, об устройстве их дома. Рассматривая древнеиберийские предметы быта, мы как бы вступаем в мир раннегреческих древностей, представленный, однако, менее красочно, без поэзии, без воспроизведений на сосудах, без мифологических прикрас, которые так оживляют описание памятников быта у древних греков.

Дома иберов имели различные формы. На юго-восточном побережье они строились в форме прямоугольников, как это показывают остатки городов в провинции Альбасете, Puig Castellar под Барселоной или остатки жилищ Calaceite у Теруэля. Несколько иную форму имели жилища у нумантинцев. Это были продолговатые дома длиной в 11 м, шириной в 2—3 м. Построенные из кирпича на каменном цоколе, внутри они делились на три комнаты, причем, как правило, передняя имела погреб, который служил для жилья, и в особенности для приедения, в средней был очаг, задняя служила спальней. Нумантинские жилища, конечно, далеки от дворцов греческих басилеев, но они не представляли собой единичных явлений, какими, безусловно, являлись восхитенные Гомером дворцы греческих вождей. У лузитанов мы встречаем главным образом круглые хижины из илестня или глины на каменном цоколе, выразительно описанные М. Сарменто при изучении ситаний Sabroso и Briteiros². Приводимая у Мелиды фототипия ниш дома из ситаний Саброзо показывает спиральный и веревочный орнамент украшений в отделке этих ниш, напоминающих некоторыми деталями критские украшения.

Иберы употребляли в пищу те же самые блюда, что и гомеровские греки. Мучная пища была во всеобщем употреблении; мясо — главным образом у горных племен. Однако вплоть до римского времени употреблялись еще в пищу желуди³. На юго-восточном побережье в ходу было растительное масло, тогда как у племен плоскогорья — животное⁴.

Иберы умели готовить различные напитки. Диодор⁵ сообщает нам о потреблении вина и медового напитка у по соседних иберов. Страбон же⁶ говорит о пиве (ζύθος),

¹ См. Schulten, RE, s v Hispania, столб. 2021.

² См. J. Mérida, указ. соч., стр. 76—77 (там же воспроизведение памятников).

³ Plin., NH, XVI, 15, Strabo, III, 3, 7.

⁴ Strabo, III, 3, 7.

⁵ Diod., V, 34.

⁶ Strabo, III, 3, 7; ср. также Gros., V, 7, 13.

которое варили горные племена Испании. Картина пиршеств, общественных трапез, при которых все размещаются «па скамейках, вдоль стен, по возрасту и достоинству», пародные гулянья, когда «под звуки флейт и труб танцуют»¹, наконец, организация гимнастических состязаний «в тяжелом вооружении и на лошадях, в кулачном бою, в беге, в борьбе и в сражении отрядами», — все это живо воскрешает в нашем представлении жизнь и быт раннегреческих общин. Следует также заметить, что эти характерные моменты Страбон отмечает для горцев, далеких от культурных юго-восточных центров античной Испании. С другой стороны, при описании быта лузитанов сквозят те же самые черты, которые Страбон отмечает как «лаконский образ жизни» (III, 3, 6). Лузитаны «дважды натирают себя маслом, ходят в бани, нагреваются раскаленными камнями, моются в холодных водах, едят один раз в день, их пища простая и здоровая».

На иберийских монетах часто представлены головы с курчавыми волосами; таково и изображение охотника на одной иберийской вазе с побережья². Это вполне совпадает с литературными описаниями типа иберов³. Женщины также в описании греко-римских писателей весьма похожи на их изображения в древнеиберийском искусстве. Они носят черное покрывало, прообраз мантии, ожерелье на шее, головные украшения «наподобие круглого тимпана»⁴. Все это поразительно совпадает с некоторыми деталями иберийских и кельтиберийских скульптур (раскопки в Серро де лос Сантос; ср. раскопки Серальбо у кельтиберов).

Мы очень мало, к сожалению, знаем об идеологических представлениях древних иберов, чтобы позволить себе провести хоть какие-нибудь параллели с греческим пантеоном богов. Сохраняя своеобразие во всем, иберы, однако, в своих религиозных представлениях были, вероятно, в общем близки к уровню религиозного мышления архаических греков.

Иберийская религия носила характер культа природы и ее стихий⁵. Общим у иберов и кельтиберов был культ луны; на северо-западе во время полнолуния исполнялись обрядовые пляски за городом. Турдетаны почитали луну, как «светило

¹ S t r a b o, III, 3, 7.

² См. это изображение в «Bull. Hispan.», 1911, Tab. 1.

³ См., например, T a c i t., Agricola, 11.

⁴ S t r a b o, III, 4, 17.

⁵ М е л и д а (указ. соч., стр. 156—157) подчеркивает натуралистический характер религии и прямо сопоставляет религию иберов с карфагенской и греческой. «Религиозная практика и религиозные верования тех и других не были чужды друг другу в целом ряде случаев».

ночи»¹, или как «светоносную богиню»². Найденные в Испании надписи также подчеркивают этот культ³. Так, из одной надписи мы узнаем, что в Лузитании на мысе Рока (Roca) распространен был культ солнца и луны⁴; это говорит о широком распространении лунного культа по всей почти Испании. Вполне возможно, что культ луны пришел вместе с ранними потоками населения из Африки, ибо известно, что в религии родственного иберам племени берберов этот культ также занимал большое место. У турдетанов, кроме культа луны, прослеживается культ солнца и бога Нетона, о чем мы узнаем как из надписей⁵, так и из литературных свидетельств⁶. Насколько распространен был культ небесных светил даже в римскую эпоху, свидетельствуют изображения солнца и других светил на монетах южной Испании, где вообще натуралистический характер религии прослеживается отчетливее.

Вера в бога неба, или божество, подобное греческому Зевсу, порождала у кельтиберов и вакцев обычай выставлять мертвых на растерзание коршунам, дабы последние смогли снести души умерших на небо, к Зевсу⁷. О горных культах Зевса-Юпитера свидетельствуют и римские надписи⁸. У иберов были, однако, кроме главных божеств, и мелкие местные божества, олицетворявшие различные явления природы и напоминающие нам греческих дриад и нимф или римских гениев и ларов. Местными божествами являлись в Лузитании Эпдовелих, бог лечения и гор; Атекина — богиня земли, производительница, отождествляемая с греческой Прозерпиной; Нетон — бог войны, местная форма римского Марса; этому богу племени долины реки Таг приносили в жертву, согласно Страбону, лошадей и пленников. В Лузитании имеются также свидетельства о культе ларов, гениев, нимф. Поклонялись также богине, отождествляемой с Венерой. Возможно также, что и культ Геракла должен был как-то натурализоваться в Испании, поскольку изображение греческого героя появляется на бронзе и на иберийских монетах, чеканенных перед началом римского владычества.

Иберийская религия содержала в себе, кроме астральных, также и аграрные культы. В системе аграрных культов древних иберов не последнее место занимало почитание богини

¹ См. A v i e n., Ora maritima, 429—430 (Noctilucae atincolis sacrata pridem, IHA, I, стр. 70).

² S t r a b o., III, 1, 9.

³ См. ссылки на эти надписи в RE, s. v. Hispania, столб. 2023.

⁴ CIL, II, № 258—259.

⁵ Там же, № 365, 5278.

⁶ M a s t r o b., I, 19, 15.

⁷ A e l i a n., Hist. an., X, 22; также S i l. I t a l., III, 340; M a r t., I, 49, 6.

⁸ CIL, № 2525, 2695, 5809.

земли (Атекина) и культ быка-производителя. Испания изобилует изображениями быка, скульптурными и на рисунках. Несколько выше нам приходилось характеризовать иберийские древности и, в частности, среди других памятников иберов, также и скульптуры быка. Легенда о священных быках Гериона получила распространение на плоскогорье и в горных районах. Во всяком случае, о живучести этого культа можно судить даже по сообщению Диодора¹, что еще в его время быки Гериона чтились иберами.

Мы не ставим своей задачей дать обзор всех деталей религиозного мышления иберов и исследовать их в сравнительно-историческом плане. Сказанного выше вполне достаточно для вывода о том, что иберы стояли на пороге формирования своего пантеона богов, что культ некоторых божеств позволяет провести параллели с религией архаических греков и что уровень религиозного мышления иберов во многом соответствует тому, что мы знаем из гомеровских песен².

Не только общий уровень материальной культуры и характер идеологических представлений иберов вызывает у нас напрашивающееся сравнение с жизнью древних греков эпохи базилеев. Социальные учреждения, внутриобщинные отпочтения, характер племенной организации иберийских племен во всех почти областях Испании, кроме разве отдаленных округов на севере и северо-западе,— все это позволяет нам характеризовать общественный строй иберов как «военную демократию» — термин, принятый Марксом и Энгельсом и метко характеризующий ту ступень социального развития людей, которая охватывает эпоху распада родового строя, вступления общества на порог цивилизации и формирования своей государственности.

Если обратиться к изучению социальных институтов у древних иберов, прежде всего необходимо отметить наличие племенных союзов с центром в какой-то одной общине, которая становится в данном племени главной и является его материальной и военной опорой в борьбе с врагами. Маркс указал³, что

¹ Dioid, IV, 48.

² О почитании мелких божеств у иберов (дрнад, гепиев, ларов) см RE, VIII, столб 2024.

³ Э н г е л ь с в своем произведении «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (см. изд. 1951 г.— *Ред.*) цитирует Маркса: «.. слово *basileia*, которое греческие писатели употребляют для обозначения гомеровской так называемой царской власти, при наличии наряду с ней совета вождей и народного собрания, означает только военную демократию (потому что главный отличительный признак этой власти — военное предводительство)» (стр. 109). «Так же, как и у греков в героическую эпоху, у римлян во время так называемых царей была военная демократия...» (там же, стр. 132). В последнем случае выражение показательное в том отношении, что Энгельс уже принимает выражение «военная демокра-

Рис. 33. Головы быков из Костига (Майорка). Бронза.

подобные военные союзы племен могут складываться «либо по родам, либо по территориям»¹. Не приходится говорить, что подобная племенная организация населения Испании в до-римскую эпоху, будь то по «родам, или по территориям», предполагала уже некоторую дифференциацию среди общин, поскольку известно, что «племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды»².

О выделившихся общинах среди испанских племен, об их руководящем положении в системе племенной организации или союза, мы хорошо знаем из текстов греко-римских авторов, а также из монет и надписей. Таких общин, существовавших и как военная организация около укрепленных поселений (типа *castellum*, *turris*, или бургов) было не мало, и сами писатели древности спорили, что называть государством-городом, городом или просто укрепленным местом, деревней. «Посидоний смеется,— говорит Страбон,— над заявлением Полибия, будто Тиберий Гракх разрушил 300 городов-государств (*πολεις*) в Кельтиберии, и говорит, что Полибий хотел польстить Гракху, называя

тия» как *terminus technicus* для определения уровня общественного развития древних народов. Этот термин употребляется Энгельсом и в применении к строю древних германцев.

¹ К. М а р к с. Формы, предшествующие капиталистическому производству. См. журнал «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 156.

² Т а м ж е, стр. 153—154.

сторожевые башни так же, как это бывает в триумфальных шествиях»¹. Характерно также другое свидетельство Страбона о трудностях, стоявших перед древним писателем, пытавшимся определить количество руководящих иберийских общин среди различных племен Испании. «Когда писатели утверждают, что иберийских городов было более тысячи, то мне, — пишет там же Страбон, — кажется, что они впадают в ошибку, принимая большие деревни за города».

Подобная неясность не может, однако, служить основанием для деления испанских поселений на «мелкие политические общины» и так называемые «народные бурги» типа Нуманции, Терманции и др., как это делает А. Шульцен. Племенной строй допускает существование господствующих и подчиненных родов и общин. В период распада первобытно-общинных отношений процесс общественного развития слишком динамичен, чтобы подходить к нему с готовыми мерками городов, сел, деревень или бургов, больших и малых. Они, повидимому, только начинали возникать, складываться, проявлять себя в борьбе друг с другом или с чужеземцами, и по мере этого они фиксировались в произведениях греко-римских писателей. Отсюда и некоторая сбивчивость сведений о количестве общин или укрепленных поселений на полуострове. Так, по одним сведениям (GGM, II, 226) их было тысяча, а на трофее Помпея значилось, что он от Альби до Столбов Геракла покорил 876 городов². Плиний дифференцировал общее количество испанских общин по провинциям. Так, в Бэтике он насчитывал 175 общин, в Таррагоне 179 и в Лузитании 46. В это количество не вошли мелкие укрепления, высоты и башни типа *castellum*, *turris* и т. п. Формирование общин вокруг укрепленных центров, несомненно, свидетельствовало о значении войны и военных столкновений в жизни этих общин, о борьбе этих общин за земли, стада и появлявшиеся общинные и индивидуальные богатства. Неудивительно поэтому, что в военных столкновениях города выступают самостоятельно. Столь же самостоятельно они выступают в чеканке монеты или в надписях. Всякое укрепленное поселение типа ситаний античные писатели называли городом.

Что собою представляли иберийские города? На этот вопрос частично отвечают остатки древнейших поселений. Здесь будет совершенно достаточно сказать, что иберийские города были сильно укреплены. Большие укрепления нам известны в Тарраконе, Героне, Олердоле, в Нуманции и др. Греческое влияние на технику строительства укреплений у иберов ныне не подлежит сомнению. Стены строились главным образом из обтеса-

¹ Strabo, III, 4, 13.

² Plin., NH, III, 27.

ного камня; иногда они были снабжены башнями и воротами, как в Тарраконе. В Нуманция стены сооружены из кирпича и стоят на цоколе из грубого камня. Искусные укрепления имеет Citania de Briteiros в Лузитании. Нуманция, Калассейте, Пуиг Кастелляр имеют вокруг верхнего города пригороды, расположенные на склонах — террасах. Среди городов-укреплений Нуманция поражает своей правильной планировкой улиц, из которых две большие и 10 поперечных пересекались под прямым углом. Близкая картина наблюдается в Пуиг Кастелляр и Калассейте. Даже в далекой Лузитании в упомянутой Citania de Briteiros планировка улиц довольно правильная.

Больше всего данных мы имеем о крупных поселениях кельтиберийских племен. Кроме Нуманция Плиний (NH, III, 27) называет Сегонтию, Укзаму, Германцию и Клунию; Алпиан¹ — Луцию, Малию, Оцилис, Сегеду; Ливий (XXV, 33) — Контребю; Марциал (I, 49) — Вильбилис. Названия этих городов встречаются и у других авторов; названия города были известными и крупными центрами античной Испании. Вокруг них существовали объединения кельтиберийских и иберийских общин, которые использовали эти города и как политические центры, и как укрытия в случае военной опасности. Так, из сообщений Алпиана² известно, что Контребия, центр племени лузонов, служила в 181 г. укрытием для кельтиберов, потерпевших поражение в битве с Траксом. Алпиан далее свидетельствует, что такую же роль у племени беллов играл город Сегеда (там же), который имел целое кольцо укреплений в окружности длиной в 40 стадий. Строились такие города-укрепления в местах малодоступных, окруженных горами, как Нуманция, к которой доступ был только со стороны Дуэро (Дурус), или в местах скалистых, как, например, Сегонтия, Укзама, Вильбилис, где их окружали укрепления, созданные самой природой. Такие укрепленные древнеиспанские поселения создавали немалые затруднения для римлян во время их завоевательных походов на полуострове. Вокруг таких центров объединялись нередко и различные племена, союз которых был представлен, таким образом, определенным городом. Одна иберийская надпись, тщательно исследованная Шульценом³, свидетельствует о существовании союза десяти кельтиберийских общин во главе с городом Ареграда. Алпиан⁴ говорит также и о союзах городов в целях координации своих усилий в борьбе с римлянами. Так, Сегеда

¹ A p r i a n., Iberica, 94 (Луция); 77 (Малия); 48 (Оцилис); 43—44 (Сегеда).

² Там же, Iberica, 43—44.*

³ A. S c h u l t e n, Ein keltiberischer Städtebund, «Hermes», В. 50, 1915.

⁴ A p r i a n., Iberica, 44.

объединялась с Нуманцией в 153 г., а Нуманция с Малией и Луцией. Во всех вышеперечисленных союзах фигурирует Нуманция, что указывает на первенство этого города и на его значение в борьбе с римской империей.

Древние авторы называют, кроме того, и менее значительные укрепленные пункты или поселения иберийских и кельтиберийских племен. Так, например, Страбон (III, 4, 13) знает у одних только кельтиберов не менее 300 мелких городов-общин. Следует особо отметить, что подобная организация иберийских общин вокруг укрепленных пунктов отражала общее положение в развитии иберийских племен. Дело в том, что в связи с распадом первобытно-общинных отношений создавались условия для столкновения образовавшихся общин между собой. «...численность населения возрастала вместе с ростом стад, расширением земледелия и начатками ремесла; вместе с тем росли имущественные различия, а с ними и аристократический элемент внутри древней естественно выросшей демократии»¹.

Процесс распада старых первобытно-общинных отношений и образование общин наподобие греческих демов вызывает не только внутренние конфликты на почве имущественного неравенства, но часто и междоусобные столкновения. Это было исторически совершенно неизбежным. Сельская община, являясь собственницей земли и стад, в своей эволюции сталкивалась на протяжении, заключающихся в наличии таких же общин. Как замечено было Марксом, создавалось такое положение в развитии общин, что они «либо уже раньше захватили землю, либо тревожат общину в захваченных ею землях». «Поэтому война,— говорит далее Маркс,— является той важной общей задачей, той большой общей работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот охранить и увековечить. Вот почему состоящая из семей община на первых порах организована по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий ее существования в качестве собственности»². Это положение целиком может быть отнесено не только к греческим демам и римским общинам, но и к иберийским общинам. Ливий, Страбон, Аппиан приводят немало сведений о внутренней борьбе между испанскими племенами, о процветавшей среди них системе грабежа, внезапных нападений, захватов и опустошений. Так, для 195 г. Ливий (XXXIV, 20) говорит, как сравнительно небольшое племя лацетанов, жившее на востоке у склонов Пиренеев, пало на жившее по соседству племя авзетанов. Еще раньше

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 107.

² К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 153.

в этом районе происходила внутренняя борьба между илергетами и лацетанами, с одной стороны, и свесетанами и седетанами — с другой. Так, в 205 г. под руководством илергетских вождей было совершено нападение на свесетанов и седетанов (Liv., XXVIII, 24). Наиболее скупаются краски у древних писателей, когда последние описывают грабежи лузитанских и каштабрийских племен. Так, по мнению Страбона (III, 3, 5), лузитаны всю свою жизнь проводили в грабежах и непрерывных мелких войнах с соседями. Целью этих непрерывных нападений являлся захват добычи. «Вместо того, чтобы обрабатывать землю, они стали вести войны. Вся страна, таким образом, оставаясь без ухода и лишена собственнх продуктов, заселялась только разбойниками». Аппиан¹ приводит два случая нападения лузитанов на соседние иберийские племена с целью захвата добычи. Воинственные лузитаны своими набегами беспокоили даже богатую Турдетанию, хотя она и находилась довольно далеко от области лузитанов. Ливий (XXXV, 1) говорит, что в 194 г. лузитанам удалось проникнуть в Турдетанию и возвратиться обратно с огромной и богатой добычей. В числе этой добычи было немалое количество уведенного скота.

Мы привели лишь некоторые примеры внутренних столкновений среди испанских племен. Количество их несравненно больше, и здесь не место все их перечислять. Приведенных примеров вполне достаточно для доказательства той простой мысли, что иберийские племена в описываемое время (до начала колонизации карфагенян, греков и римских завоеваний) уже не представляли собой аморфной, первобытно-общинной массы. Они распадались на общины, создавали города, накапливали богатства; таким образом, готовился переход на новую ступень, к цивилизации. Энгельс указывал, что в тех исторических условиях переход к новой, прогрессивной ступени развития совершался варварски, путем порабощения племенных, путем применения рабовладельческой эксплуатации и путем постоянных грабительских войн с целью захвата богатств, имущества, земель, скота и рабов.

Следует ли особо подчеркивать здесь военный характер организации иберийских (и кельтиберийских) племен, а также значение войны в хозяйственных и социальных условиях их жизни?²

¹ Appian, Iberica, 56. Лузитанский вождь по имени Цезарь разгромил римского полководца Муммия и сохранил всю ранее приобретенную в грабежах добычу *καὶ τὴν τε λείαν τὴν ἡρπασμένην καὶ τὸ οἰκεῖον στρατόπεδον ἀνεσώσατο*. Другое сообщение о награбленной лузитанами добыче, которую Муммию удалось перехватить и разделить среди воинов, см. там же, 57.

² О значении войны и «военного производства» в условиях древности см. А. В. Мишулин, Проблема воспроизводства в античной общественной формации, ИГАИМК, 1932, а также статью-предисло-

Высокое развитие военного дела, по мнению всех исследователей, является самой яркой чертой иберийского народа¹. Это действительно так. И дикые племена лузитанов и кантабров и культурные турдетаны и бастетаны с огромной энергией отстаивали свою независимость. Вступавшие на порог государственности, эти племена встали стеной против вторгнувшихся на Иберийский полуостров чужеземцев. Свои военные способности иберы лучше всего доказали длительным сопротивлением римлянам от Сицилионов до Августа. В то время как Цезарь подчинил себе всю Галлию в десять лет, покорение Испании римлянами длилось двести лет (с 218 г. до 18 г. до н. э.).

Указанные условия создали у иберов сплоченную организацию; они предопределили тактику «малой», или партизанской, войны, которой они прославились, как древние скифы². «Знаменитая мужами и оружием» (*Viris armisque nobilem*)³ — этой краткой фразой, словно в математической формуле, охарактеризовал Флор Испанию в древности.

Типичным оружием иберов были два копья, кинжал или короткий меч, портативный маленький щит. Это являлось весьма важным моментом в маневренной войне. Образец знаменитого испанского меча (*gladius hispaniensis*) был найден на месте древнего кельтского города Терманции; такой меч был принадлежностью каждого тяжеловооруженного пехотинца. Почти все иберийские (и кельтиберийские) племена вооружены были подобными мечами. Не менее знаменитыми считались у испанцев кривые мечи (*ensis falcatus*), о которых сообщают нам древние писатели и которые, как мы видели, встречаются в археологических находках. Существовал еще тип коротких испанских кинжалов, которые были в два раза короче, чем *gladius hispaniensis*⁴. Разновидности мечей и кинжалов указывают на достаточно развитое ремесло по изготовлению этого вооружения, а также на достаточно хорошее военное оснащение иберийских воинов.

Столь же различного рода были у иберов и копья. Длинные копья (*phalarica*) — наполовину из железа, наполовину из де-

ше А. В. Минулина к изданию греческих полиоркетиков «Греческие полиоркетики об искусстве осады городов», в ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 385—393.

¹ RE, VIII, столб. 2014.

² См. об этом сопоставления Strabo, III, 4,17 («Все эти нравы общи им [иберам.— А. М.] с народами кельтскими, фракийскими и скифскими; общим свойством всех этих народов является также мужество не только мужчин, но и женщин»).

³ Flor., I, 22, 38.

⁴ О кинжалах подобного типа см. Dio d., V, 33; также Appian, Hannib. 20, согласно которому они находятся на вооружении иберов в войсках Ганнибала.

рова, как и целиком железные (soliferrum — ὀλοσίδηρον) — предназначались для непосредственного поражения врага. Копье в этом случае не выпускалось из рук воина. Другой тип копий — *lanxa* — называют Ливий (XXV, 34, 11) и Фронтин¹. Это были иберийские метательные копья. Авл Геллий² говорит, что самое название «*lanxa*» происходит не из латинского, а из иберийского языка.

Древние писатели дают довольно подробное описание иберийского щита. Щит этот был меньше римского и греческого. На это прямо указывает Полибий (VI, 22), но более подробное описание оставили нам Диодор и Страбон. Так, автор «Географии» сообщает, что иберы вооружены небольшим, фута в два в диаметре, щитом, выпнутым вперед и висящим на ремне, так как он не имеет ни ручки, ни рукоятки (III, 3, 6). «Это — маленький щит, переломленный весь сухожилиями; щит этот вследствие своей прочности хорошо защищает тела воинов», — говорит Диодор (V, 39) в своем эссе об иберийских военных древостях. Страбон рисует нам далее вооружение ибера, которое своими деталями напоминает нам во многом древнего грека. «Большинство носит полотняные панцири, и только немногие имеют кольчуги и треугольные шлемы из железных колец с тремя гребнями, все же прочие носят шлемы из ремней. Пешие носят поножи; каждый имеет с собою много дротиков, а некоторые вооружены копьями с медными наконечниками» (III, 3, 6).

Необычайно славились у иберов и конница, которая могла бы послужить сюжетом для эпических сказаний не в меньшей степени, чем известные эпизоды из гомеровских песен, в которых фигурируют греческие кони, их красивая сбруя, колесницы и храбрые воины. Полибий (fr. 95), Страбон (III, 4, 15) и Диодор (V, 33) свидетельствуют об иберийской кавалерии с дрессированными лошадьми. Как говорит Страбон, иберийский всадник мог брать себе на лошадь пехотинца, а по Полибию, иберийский всадник мог сражаться то пешим, то конным. Интересно отметить, что во время военных действий у иберов часто практиковался вызов на поединок; это явление особенно наблюдалось у племен восточного побережья, а также у кельтиберийских племен на плоскогорье. Бой иногда просто начинался таким поединком³, а у лузитанов и карпетанов тавцами, с которыми эти племена и шли в битву⁴. Этими тавцами иногда отмечали и

¹ Frontin, Strateg., II, 1, 3.

² Noctes Atticae, 307.

³ См. Appian., Iberica, 53; Polyb., XXXV, 5; Val. Maxim., III, 2, 7.

⁴ Diod., V, 39; Liv., XXIII, 26, 6; Sil. Ital., III, 347.

конец битвы, когда справлялась тризна по павшим воинам (Diod., XXXIII, 21a; XXV, 17,5).

Строй «военной демократии» Энгельс характеризует следующими чертами. «Военачальник, совет, народное собрание образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии. Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни... Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию. То же самое происходит и внутри общества»¹. Эту характеристику можно применить также и к древним иберам. Здесь мы натолкнемся и на власть военачальника, и на функции совета, и на общее собрание воинов.

Как свидетельствуют наши источники, и падыши в том числе, иберийские племена и городские общины управлялись военачальниками. Последние выступают в источниках под различными названиями. Так, например, Полибий² называет вождя племени илергетов Индибила царем (βασιλεύς); таким же титулом величает Диодор (XXV, 12) того царя иберов, на дочери которого женился Гасдрубал. В другом месте у Диодора фигурирует с титулом царя и вождя племени ориссов, сыгравший своим выступлением роковую роль в судьбе Гамилькара. Объединив свое племя и притворно присоединившись с ним к Гамилькару, царь ориссов (ὁ Ὀρισσῶν βασιλεύς), выбрав удачный момент, напал на Гамилькара и предрешил его судьбу³. Из греческих названий вождей племен, управителей иберийских общин, следует еще упомянуть термины στρατηγός и δυναστής. В рассказе о борьбе с Гамилькаром Диодор (XXV, 10) упоминает одного из вождей иберийских племен Истолатия, который фигурирует в качестве στρατηγός. У Полибия⁴ главарь эдетанов Эдекон называется δυναστής.

Латинская терминология для обозначения титулатуры иберийских вождей, естественно, отличается от греческой. Так, Ливий, сообщая о переговорах Гасдрубала в 211 г. с военачальниками кельтиберов, называет последних principes, хотя он употребляет, кроме того, и название «царьки» (reguli)⁵. Ливий

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, 1951, стр. 169 сл.

² P o l y b , X, 18, 3. Ливий также употребляет подобный термин для обозначения иберийских князей (Iberica, 5), см также L i v ., XXVI, 49--50.

³ D i o d ., XXV, 10; F H A , III, стр. 10.

⁴ P o l y b , X, 34. Ливий употребляет термин δυναστής и в применении к Индибалу, который фигурирует у Полибия в качестве βασιλεύς (Iberica, 37).

⁵ L i v ., XXXVII, 25, 9 (см комментарий в F H A , III, стр. 199); XXII, 21 (F H A , III, стр. 68), XXXIV, 11 (F H A , III, стр. 182)

называет Индибила «regulus», и другого их вождя Билистага называет подобным же образом. Ливий употреблял также и титул царя (rex). Так, взятого в плен известного вождя иберов Коррибилона Ливий называет rex¹.

Такое разнообразие номенклатуры говорит о том, что сама власть иберийских царьков или вождей прочно еще не устоялась и что греческим и латинским авторам трудно было подобрать единый адекватный термин. Иберы, как и греки гомеровского общества, переходного от первобытно-общинного строя к государству, имели в качестве своих руководителей прежде всего военачальников; последние, повидимому, имели уже prerogative не только военной, но и гражданской власти. Это были вожди, военачальники и судьи. В такой только форме и могли выступать «цари», «царьки», «князья» и «предводители-вожди» в условиях военной демократии. Подобно тому как Агамемнон выступал не как монарх или верховный царь греков, а как «владыка мужей», т. е. верховный предводитель войска союзных городов и общин, так и иберийские «басилеи» и вожди (reguli — reges) были всего лишь племенными вождями, военачальниками в военных предприятиях. Недаром все наши источники упоминают этих иберийских вождей в связи с военными кампаниями. Имена многих таких вождей или военачальников известны. Особенно у Аппиана сохранилось большое количество имен предводителей иберийских племен. Так, он называет Ретогена (Iberica, 94), вождя нумагитцев, Литешона (там же, 50) у кельтиберов, Каруса (там же, 45) в общине Сегеда, Амбона и Лейкона у ареваков (там же, 46), Индибила у илдергетов (там же, 37, 38), Вириата у лузитанов, у которых после Вириата вождем был Тавтал (там же, 60—67). Аппиан называет в своей Iberica также и других вождей, о которых, как и о вышеупомянутых, имеются сведения у многих других авторов, писавших о древней Испании или о войнах иберов с римлянами.

Вторым важным органом власти у иберов был совет старейшин, что отмечается Энгельсом, как весьма важный институт в условиях военной демократии. В наших источниках имеется достаточное количество различных сведений, как о самом совете, так и о его функциях. Ливий² говорит о senatores у иберов. Шульце в своей «Нумагитии» остановился на значении «совета» у иберов и считает, что он имел в военных условиях весьма важную функцию. Диодор называет иберийских старейшин

¹ L i v., XXXV, 22, 5 (см. комментарий в ФИА, III, стр. 497). См. также тексты и комментарии к встречающимся титулам иберийских вождей в ФИА, III, стр. 37, 120, 126, 147, 175, 197, 199, 214.

² L i v., XXXIV, 17 (Senatores omnium civitatum). См. комментарий в ФИА, III, стр. 37, 185.

πρῶτον (XXXI, 39). Именно с этими старейшинами племени, которые, по видимому, образовывали нечто вроде «совета старейшин» или «сената», римляне вели переговоры по всем вопросам войны и мира. Как было уже сказано выше, Ливий сообщает, что по приглашению Катона собраны были все *senatores* племен, живших у Эбро. Диодор рассказывает, как *πρῶτον*, собравшись на совет в Сегеде в 181 г., избрали из своей среды предводителя для войны с римлянами¹. Следовательно, такой совет старейшин имел прежде всего военные функции, связанные с организацией племени для войны. При этом совет был связан с народом и должен был выполнять его волю. В Луции был совет старейшин, который выступил, однако, против народа и донес Сципиону о готовившемся наступлении молодежи племени арваков². В Бельегде также существовал совет старейшин, который имел даже свое особое помещение; этот совет, по видимому, потерял связь с народом, колебался в борьбе с римлянами и, по сообщению Аппиана, за это был уничтожен народом вместе с помещением совета (*Iberica*, 100). Сам факт изменения старейшин общему делу своего племени следует расценивать прежде всего как показатель придвинувшегося классового расслоения отдельных иберийских племен. Такое поведение совета старейшин было, по видимому, редким явлением, потому что, как правило, эти старейшины являлись полномочными представителями своей общины или племени. Известно, что когда римские послы пытались привлечь на свою сторону племя воллицианов, жившее у подножья Пиренеев, то от имени общины переговоры вел представитель племени — старейшина (*maximus patu*)³. Также и от племени лузонов, по сообщению Ливия (XV, 47), уполномоченный народом старейшина (*maximus patu*) выступал перед Гракхом в переговорах по вопросам мира и войны для своего племени.

Таковы вкратце наши сведения об институте старейшин у иберийских племен. Старейшины не были военачальниками или вождями племени. Они, очевидно, не являлись и судьями или какими-то другими представителями гражданской власти. Они сосуществовали наряду с вождями или военачальниками, в выборе которых принимали участие и которым помогали в качестве первых советников. Основной властью в иберийской

¹ *D i o d.*, XXXI, 39. О совете старейшин сообщает нам также *A p p i a n.*, *Iberica*, 94, 100.

² *A p p i a n.*, *Iberica*, 94; о старейшинах (*πρῶτον*) у арваков см. *A p p i a n.*, *Iberica*, 52.

³ *L i v.*, XXI, 19, 6. Шульцен безосновательно утверждает (см. ГИА III, стр. 43—44), что наличие такого *maximus patu* у воллицианов есть доказательство того, что у этого племени господствовали патриархальные порядки.

общине обладал прежде всего вождь (*regulus, rex, βασιλεύς*), а на следующей ступени по значению находился совет старейшин, или просто старейшины. Старейшины были преданы своему вождю. Они нередко входили в свиту (*soldurii*) вождя, давали клятву не переживать его и умирали вместе с ним в походе¹. Эти факты говорят о том, что, хотя в период военной демократии старые первобытные устои и уходили в прошлое, а общество вступало в новую фазу общественной организации, в которой в зародыше были уже будущие институты публично-правовой власти, или аппарата государственной организации, тем не менее военачальник, старейшины и народ сохраняли еще тесную связь друг с другом, а органы власти не противостояли народу; «... когда каждый взрослый мужчина в племени был воином, не существовало еще отделенной от народа публичной власти, которая могла бы быть ему противопоставлена»².

В наших источниках нет прямых данных о народном собрании у иберов. В качестве регулярно действовавшего института такого народного собрания у иберов, возможно, и не было. Но совершенно очевидно, что всякое избрание вождей, военачальников, а также старейшин и послов для переговоров во время войны производилось на собрании всех воинов племени и общин. Так вользианы (*L i v., XXI, 19,6*) вели переговоры путем выделения от своего племени старейшины, который споспешив с римскими послами от имени всех воинов своего племени. О послах кельтиберийских племен к Марцеллу, выделенных во время военных действий, естественно, только от имени войска, или войсковой организации этих племен, сообщает нам Аппиан (*Iberica, 50*).

Как проводились выборы и кто собирался в собрания? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к тексту «*Iberica*» Аппиана, который рисует приблизительную картину выборов. «Когда Побилиор подошел к Нумандии, — говорит Аппиан (*Iberica, 46*), — ареваки той же ночью должны были собраться в Нумандии, как в их самом сильном городе, и там избрали себе вождями Амбона и Левкона». Из этого сообщения следует, что такое собрание имело место в момент опасности для племени. Во-вторых, центром для такого рода собрания явилась Нумандия, которая была самым сильным городом — столицей ареваков. Совершенно естественно отсюда вытекает, что на такое собрание в главный город племени в минуту опасности направились только воины племени, готовые во главе вновь избранных военачальников выступить против римских оккупантов, захватчиков иберийской земли. Возможно, что не случайно такое

¹ См. об этом *C a e s a r, De bello Gallico, III, 22; P l u t., Sertor, 14; D i o C a s s., III, 20, 2.*

² Ф. Э н г е л ь с. Происхождение семьи..., 1951, стр. 108.

собрание воинов происходило именно ночью. Нам известно из истории других народов древности, что собрания воинов или старейшин по вопросам войны и мира нередко происходили именно по ночам.

Подобное же собрание воинов напоминает нам выступление Вириата, который произносил речь среди загнанной Ветилием группы лузитанских войск, оказавшихся в безвыходном положении. Именно на этом собрании Вириат был избран в качестве военачальника.

На собрании он произносит зажигательную речь, полную надежд на спасение, за что воины и избирают его вождем. Здесь снова присутствуют только воины; собрание происходит также в минуту военной опасности. После убийства Вириата в результате такого же собрания воинов смогло осуществиться избрание нового полководца — Тавтала, который явился преемником Вириата. Аппиан сообщает нам и об избрании делегации послов к Сципиону во главе с Аваром от нумантийцев (Iberica, 95). Все эти свидетельства Аппиана могут быть подтверждены и другими сообщениями античных авторов. Из всех этих сообщений следует весьма важный вывод о значении собрания воинов, или войсковой организации, древних иберов. Ни один вопрос, касающийся избрания должностных лиц, преимущественно с военными функциями, будь то военачальник, старейшина или посол для переговоров, не мог пройти помимо собрания воинов, их воли, их непосредственного участия.

Несомненно, сведения, дошедшие до нас об иберийском народном собрании, менее полны, чем сведения о народных собраниях у греков или римлян. Они не дают полной картины, но все-таки позволяют судить о наличии и своеобразии такого института у древних иберов. В отличие от военной организации греков и римлян, у которых народные собрания были регулярно действующими учреждениями (центурии), у иберов народные собрания представляли собой еще не устоявшийся и не регулярно работающий институт. Такое различие, очевидно, объясняется низким уровнем как общего социального, так и военного развития у древних иберов. Войсковая организация воинов командиров и вождей свидетельствует о более низком уровне общественного развития иберийских племен. Однако формировавшиеся институты «военной демократии» — военачальник, совет старейшин и народное собрание — свидетельствуют о переломе, который наступил среди иберийских племен задолго до римского завоевания. Это показывают археологические открытия, а также памятники материальной культуры, своеобразие стили которых говорит о возникновении и формировании новой цивилизации на крайнем западе Средиземноморья. Однако формирование новой цивилизации проходило медленно в силу

воздействия внешних факторов, выразившихся во вторжениях чужеземцев (финикийцы, карфагеняне, римляне), которые своим вмешательством как бы прерывали самостоятельность эволюции иберийской культуры.

Формирование иберийской культуры тормозилось также отсталостью многих, особенно горных племен. Родовой строй у них был в то время в полной силе. Из свидетельств Страбона мы можем установить, что у кантабров сохранялись еще черты матриархата. Женщины обрабатывали сами землю... «часто за работами они моют детей и целенают, удаляясь к какому-нибудь источнику»... «После родов они укладывают в постель вместо себя своих мужей и ухаживают за ними» (III, 4, 17). Даже древнему писателю этот обычай представлялся диким и, во всяком случае, являлся показателем отсталости этих племен. «Нобильные случаи,— говорит Страбон,— доказывают, конечно, значительную дикость их нравов. Но другие особенности, быть может, не доказывающие цивилизации, по крайней мере, не зверские; так, например, у кантабров существует обычай, по которому мужчины дают брачные дары женщинам, дочери объявляются наследницами и женят братьев; следовательно, женщине здесь предоставлена некоторая власть, что несогласно с гражданственностью» (III, 3, 18). У некоторых племен на полуострове существовали еще человеческие жертвоприношения (III, 3, 6). Вся третья глава иберийской книги Страбона посвящена описанию нравов отсталых иберийских племен. Диодор (V, 34) сообщает, что у вакцеев господствовала общинная собственность на землю и даже общность потребления продуктов. Каждый год происходил передел пашни, а урожай делился поровну между членами общины.

Между племенем и индивидуумом стоял род (*gentilitas*), или родня. Римская надпись CIL, II, 2633 звучит так: *Gentilitas Deson | corum ex gente Zoclarum*. Связь с родом видна также из того, что у иберов, особенно у кельтиберов, каждый отдельный человек к своему имени прибавляет и родовое, притом в родительном падеже с окончанием на *-sum*, что видно из надписей¹. Что имена, оканчивающиеся на *-sum*, обозначали роды или родство, доказывается происхождением их от личных имен. Часто эти родовые имена являются одновременно и названиями местностей (*Magalicum* — нынешнее *Magán*, около Толедо). Это обстоятельство может указывать на то, что в маленьких местечках обитал, повидимому, один род, а в больших — несколько близких между собою родов². Родовые отношения,

¹ CIL, II, 27, 29 (Flavinus Comensiquum Flavi f. Camensis); CIL, II, 6294 (Attia Abboicum Rectigeni f. Uxamensis).

² RE, VIII, столб. 2022.

очевидно, еще сильно сохранялись в быту и нравах иберийских общин. Несмотря на то, что род, как господствовавшая ранее форма социальных отношений, уже распадался и из него выделялась аристократия с ее *clari illustres* (Liv., XXVIII, 24) в противовес тем *obscuri homines*, которые напоминают нам гомеровских *μεταχθῆται*, пережитки первобытно-общинного строя еще продолжали стоять на пути развития иберийской цивилизации значительным препятствием и, в известной мере, даже тормозом.

Социальная борьба внутри иберийских общин знаменовала собою распадение рода. Ливий рисует драматическую картину ожесточенной борьбы за власть над общиной Идес между двумя претендентами на руководство общиной. Это были те самые выделившиеся из общины *clari illustres*, которые и противопоставляются Ливием «незаметным людшкам» (*obscuri homines*).

Чтобы подчеркнуть своеобразные индивидуальные особенности развития «военной демократии» на Пиренейском полуострове, необходимо отметить, что социальная дифференциация и распад рода в Иберии не проходили в той форме и на том социальном уровне, какой наблюдаем мы в гомеровской Греции или в Риме периода царей. Социальная борьба, которая в Греции и Риме привела к законам Солона и Сервия Туллия, у иберийских племен не достигала значительных масштабов. Именно это обстоятельство и явилось одним из выражений отсталости иберийской общины и медленности процесса формирования «военной демократии», а вместе с нею и начатков государственности у иберийских племен Испании.

Развитие иберийских общин весьма замедлялось отсутствием не только политического, но и этнического единства племен. Юго-восток и восточное побережье в доримскую эпоху не были связаны с западным побережьем Испании. Побережье было оторвано от горных областей и центра Испании. Племенной партикуляризм создавал не только этническую мозаику, но вызывал иногда внутреннюю борьбу между племенами и общинами на полуострове. Враждебные отношения между племенами, согласно Страбону, являлись причиной их незащитности против чужеземного вторжения (III, 4,5). В ходе долгой борьбы с Римом не сложилось единства даже между лузитанами и кельтиберами. Аппиан (*Iberica*, 56) считал, что гордость лузитанов препятствовала объединению их с другими племенами, в частности, с кельтиберами. В истории античной Испании мы не наблюдаем такого объединения или союза, какой гомеровскому «владыке мужей» Агамемнону удалось организовать для похода под Троию. Однако источники свидетельствуют, что в области Турдетании, более развитой в социальном отношении, чем другие районы Испании, создавались политические

«союзы иберийских племен. Так, например, там существовали долгое время политические федерации турдетанских общин Кармоны во главе с «басилевсом». Именно в Турдетании социальное развитие шло по линии расселения внутри общин, возникновения и роста зависимости слабой общины от сильной. Индибилу¹ посчастливилось объединить некоторые племена на Эбро, да в поздний период вождю лузитанов Вириату, а потом и Серторию (в отношении лузитанов и кельтиберов) удалось добиться успехов, хотя и без решительных результатов в борьбе с Римом.

Выше была сделана попытка установить, на каком уровне социального развития находились иберы Пиренейского полуострова. Изучение литературных свидетельств и характера материальной культуры иберов, в особенности в юго-восточной части Иенании, показывают, что наиболее культурные племена Пиренейского полуострова в VI — III вв. до н. э. находились в условиях «воспной демократии» и осуществляли переход к цивилизации. Литературные источники в этом отношении находятся в полном согласии с теми памятниками материальной культуры, обзор которых дается выше.

Первобытная организация племени в этот период уже изживала себя. Возникшая из распада старой племенной первобытной организации иберийская община, а также племенные союзы или объединения некоторых общин вокруг одного наиболее укрепленного города, наконец, рост этих городов, выделение военных вождей, первоначальных институтов управления общиной, — все это свидетельствовало о вступлении иберов в новую полосу социального развития.

Дать исчерпывающую социальную характеристику такой переходной эпохи весьма трудно. Известно, что в свое время «гомеровская эпоха» в истории Греции также являлась в этом смысле камнем преткновения. В исторической науке конца XIX и начала XX в. существовало немало различных теорий. Одна группа ученых (Зиоле, Лавеле, Риджвей и др.) признавала в гомеровской Греции общинный строй, наличие сельской общины. Другая (Э. Мейер, Пельман, М. Вебер, Петрушевский) — отрицала сельскую и признавала домашнюю общину, земля которой будто бы выступала на правах частной собственности с самых древних времен. Энгельс нанес сокрушительный удар старым теориям, определив гомеровскую Грецию как переходную эпоху от родовых отношений к государству. Накопление количественных изменений в общественном строе этой эпохи, вызревание и возникновение нового

¹ См. об этом у P o l y b., III, 76; L i v., XXVII, 17, 3.

строю — начальной стадии государственности в виде «военной демократии» — таковы основные черты, характеризующие гомеровскую эпоху.

На этой стороне вопроса мы могли бы и не останавливаться, если бы в советской исторической литературе не допускалась некоторая вульгаризация. Так, в первой части истории Греции («История древнего мира», т. II, ч. 1, изд. ГИИМК) в главах по гомеровской Греции и крито-микенской эпохе проводилась мысль, что в период «военной демократии» господствуют родовые отношения и что ни о каких элементах слагавшейся государственности и речи быть не может. При этом обычно ссылались на главу «Греческий род» в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса. Столь паивная трактовка вытекала из непонимания того, почему Энгельс отвел в данной главе такое значительное место анализу греческого рода. Упускалось из виду и то, что эта глава есть, в сущности, полемика с Гротом. Последний выводил греческое государство не из распада родового строя, а утверждал его как нечто данное. Самый же род у греков Грот выводил из религии и мифологии. Энгельсу предстояло разрушить эту идеалистическую теорию. В противовес Гроту, Энгельс рисует нам род не как ступень религиозного или мифологического сознания греков, а как социальную ступень в развитии людей. В доказательство этого положения Энгельс приводит ряд этнических справок (ирокезы, ацтеки и т. д.). Отсюда понятно, почему Энгельс отводил так много места родовым порядкам и их характеристике.

Далее, для опровержения теории Грота о греческом государстве Энгельсу предстояло опять остановиться на родовом строе и показать длительный процесс возникновения государства. Поэтому возникновение классового общества и государства в результате распада родового строя — основной тезис Энгельса против Грота в главе «Греческий род». Путем анализа гомеровского периода автор «Происхождения семьи...» сумел показать, как еще живет родовой строй, как этот родовой строй распадается и как в результате этого процесса возникает государство. Таким образом, род занимал Энгельса не потому, что он господствовал в эпоху Гомера, а потому, что возникновение государства нельзя было понять без изучения рода.

Иберийская община полна своеобразия, но, по целому ряду признаков, она может быть поставлена в один ряд с греческим или римским родом. Эта община не первобытная, а сельская с укрепленным поселением. Будучи собственницей земли и тем самым создавая предпосылку для развития собственности своих членов, эта община встречает в своей дальнейшей эволюции препятствия, заключающиеся в наличии таких же общин. Эти общины, как это было в Греции или в Риме, «либо

уже раньше захватили земли, либо тревожат общину в захваченных ею землях» (Маркс). Отсюда и все значение войн, войсковой или военной организации общины, поскольку война и военная организация являются условием существования и развития такой общины, как собственности. Идаром Энгельс говорит о вырождении первобытной войны в разбой, о порабощении на войне и о выделении военачальников племен, общин, городов. Такие условия в формировании «военной демократии» мы проследили и у древних иберов. Институты социальной власти, как военачальники-басилеи, советы старейшин и собрания воинов, вводили и древних иберов на порог формирования государства.

Однако это не значит, что «военная демократия» в Испании нигде не переросла в определенные формы государственности. Аптичные свидетельства, правда, весьма фрагментарные и сбивчивые, дают все же нам понятие о первом иберийском государстве, о царстве Тартесса.

Г л а в а III

ТАРТЕСС — ИСХОДНЫЙ ПУНКТ ДРЕВНЕИСПАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В противоположность горным районам и центру полуострова, где процесс общественного развития проходил медленно, Турдетания и некоторые районы современной Андалузии, судя по литературным и археологическим памятникам, выделялись своей более высокой культурой. Не случайно античная традиция именно здесь, на юге, локализует древнейшее царство турдетанов во главе с Тартессом. В то время, как Кельтиберия Астурия, Каптабрия и даже запад полуострова отмечались Страбоном¹ и всеми источниками, на которые он опирался в своей «Географии», как дикая и отсталые области, Турдетания противопоставлялась всем этим областям как страна, обладающая своим письмом, литературой и законами.

Выше было сказано, что альмерийская культура еще в эпоху ранней меди оказала исключительное влияние на формирование культуры южной части полуострова. Интенсивное развитие Альмерии, не знавшей неолита и перешедшей от палеолита прямо к эпохе меди и бронзы, было связано прежде всего с наличием богатых залежей в этой области. Важным фактором были также прибрежный обмен и плавание на юг, возможно, и в Атлантику мимо Геракловых Столбов. Андалузская культура древних иберов, как это показывает археология, возникла в значительной степени под влиянием Альмерии². Достаточно беглого обзора археологической документации, чтобы убедиться в существовании единой линии исторической преемственности между древнейшей альмерийской культурой и развивавшейся потом культурой юго-запада и внутренней Андалузии.

Альмерийские местные топоры появились в Андалузии раньше, чем где-либо в других местах. Эти выводы Сирэ, Ме-

¹ S t r a b o, III, 3, 4, 5.

² О распространении альмерийской культуры в Андалузии см. RL, X, стр. 364—365.

лида и других археологов не подлежат сомнению и никем не опровергаются. Большое количество медных плаков, найденных при раскопках, различной медной утвари, наконец, плоские медные тоноры трапециевидной формы, на которые обычно ссылаются при характеристике эпохи меди в Испании, свидетельствуют о том, что данный район задолго до возникновения турдетанских поселений в Андалузии был мощным культурным фактором развития всего юго-востока полуострова.

Строительное и керамическое дело в комплексе альмерийской культуры также оказало значительное влияние на соседние области. Могилы в ущельях скал (Велес Бланко), в гротах (Куэва де лос Толбос) и в маленьких шахтах дают нам альмерийский тип каменного ящика, покрытого плитой¹. Подобные образцы найдены и в Андалузии.

Бронзовый век дает также тишичную для Альмерии культуру в виде так называемой «аргарской» культуры, которая оказывает сильное влияние на соседние области. Альмерия и в эту эпоху имела, повидимому, могучую притягательную силу; альмерийский стиль распространяется на значительные территории, в том числе и на юго-западную Андалузию. Расцвет культуры бронзы в Альмерии и распространение ее в Андалузии объясняются, повидимому, тем обстоятельством, что в этих районах находились большие залежки руд.

Южная группа памятников в эпоху железного века характеризуется культурой городищ (castros), домами четырехугольной формы определенно иберийского типа (Алькасар, Олалья, О'Крasto и др.) и керамикой, сделанной на гончарном круге, из желтоватой глины. Сосуды отличались типичной иберийской формой (большие пифосы и шарообразные сосуды с цилиндрическими шейками, с красными полосами). Культура городищ характеризуется также определенными предметами ввоза: яйцами страуса, египетскими скарабеями, янтарем². Археологические памятники данной эпохи говорят не только о том, что культура Альмерии и юго-восточных районов Андалузии развивалась в единый комплекс памятников, стирающий между ними всякие различия, но также и о том, что эти области, заселявшиеся турдетанами, вступили в сношения, в обмен или в торговлю с другими, далеко расположенными странами, как Финикия, Египет и, возможно, Эгеида³.

¹ Там же, стр. 362—363.

² Об этих предметах иностранного происхождения, ввезенных главным образом финикийско-карфагенскими торговцами, см. J. M é l i d a, указ. соч., стр. 116—143.

³ О внешних связях Испании с другими пунктами тогдашнего мира см. V o s s h - G i s s e r a, указ. соч., стр. 207—258.

О развитии связей юго-восточной Испании с различными странами древнего мира можно судить по данным эпохи неолита и начала энеолита. Юго-восток Иберийского полуострова уже в эту раннюю пору обладает огромной притягательной силой; его влияние простирается на Галлию и другие страны Европы. На основании археологических памятников можно реконструировать примерную картину внешних связей полуострова в период, предшествовавший финикийской колонизации. Один путь связей вел через Галлию, другой — на Запад. Это был «атлантический» морской путь олова. До того, как было открыто олово, это был путь золота, янтаря и меди.

Археология вскрывает также древнейшие связи Испании с Ирландией¹. Весьма любопытным фактом следует считать находки стрел и копий испанской формы в Бретани и Ирландии. Эти находки были положены в основу различных теорий о связях Пиренейского полуострова с северо-западом Европы. Полагают, что эти древнейшие связи возникли еще до распространения аргарской культуры Альмерии. Следовательно, еще до первого периода бронзы представлялось бы возможным проследить некоторые связи Испании с внешним миром.

В конце бронзового века все более интенсивные сношения развиваются по всему атлантико-средиземноморскому пути. С одной стороны, ведет путь на восток от Испании к Балеарам, Сардинии, Италии и Сицилии; с другой стороны, не менее значительная линия связей идет на северо-запад Британии. Повидимому, существовали некоторые связи между Пиренейским полуостровом и Эгейдой.

Однако в данном вопросе ученые резко расходятся в своих мнениях².

Зато прочно установлено, что со времени энеолита, а особенно с начала эпохи бронзы и во время ее расцвета Испания становится одним из наиболее значительных центров металлургии; а в связи с ней развиваются и другие центры культуры в Сардинии, Италии и на Британских островах. Альмерийская культура в Испании, ее влияние в Андалузии, расцвет аргарской культуры по всему юго-востоку Пиренейского полуострова, разработка рудных богатств и наличие внешних связей юго-востока Испании с Атлантикой и Средиземноморьем — все эти

¹ Этот вопрос обстоятельно рассматривался в новейшей литературе; см. RL, X, в статье Бош-Гимпера.

² Более резко, чем кто бы то ни было, отрицает крито-микенское влияние Бош-Гимпера, который говорит о микенском влиянии следующее: «Постоящих микенских явлений, кроме отдельных и небольших предметов микенского импорта, не найдено нигде в других районах западного Средиземноморья: ни в Сардинии, ни на Балеарах, ни на Иберийском полуострове, несмотря на все, что по этому поводу сказано» (указ. соч., стр. 242).

обстоятельства должны были привести к возникновению какого-то культурного и торгового центра в самой Испании. Античная традиция считает таким центром Тартесс.

Вопрос о локализации Тартесса, так же как и вопрос о характере его политической и хозяйственной структуры является спорным. Неизвестно также, какими путями Тартесс был связан с внешним миром и какие памятники материальной культуры Тартесса сохранились. Однако нельзя оспаривать античной традиции, с особой силой настаивающей на существовании этого древнейшего центра Запада, воспетого в легендарных и мифологических сказаниях древности. Так как не было обнаружено никаких археологических памятников в устье Гвадалквивира, то для Тартесса отпадает возможность локализовать его, по Шультену, в устье Гвадалквивира.

Памятники, имеющиеся в большом количестве в Уэльве, в Гадесе (Кадиксе) и в других пунктах юга Испании, допускают возможность именно здесь локализовать Тартесс как древнейший центр культуры Испании. Эти памятники должны быть детально изучены и поставлены в соответствие с нашими литературными свидетельствами о Тартессе. Тогда может оказаться, что Тартесс находился или в нынешней Уэльве, или в Гадесе, где его помечал еще периди массалиота¹. Эти местности, упорно обследуемые археологами, в том числе и Шультеном, показывают, что многие памятники в этих районах погибли под водой. Уже сейчас исследователи вынуждены обращаться к подводным экспедициям, чтобы поднять многие памятники со дна моря у берегов юга Испании, где повышение уровня моря или опускание почвы погрузили в воду немало интересных памятников².

Проблема Тартесса может быть снята в науке либо в результате дальнейших археологических открытий, либо в результате получения новых литературных свидетельств, которые внесли бы изменения в самое существо античной традиции.

В настоящее время античная традиция о существовании Тартесса остается непоколебимой, как так археология не открыла еще никаких следов его местонахождения. Это положение весьма напоминает положение с Троей до открытия Шлимана. При таком состоянии дел нам остается довольствоваться данными литературной традиции и рассматривать Тартесс как символический центр древнеиспанской цивилизации.

Отсутствие археологической информации о Тартессе не может быть основанием для того, чтобы отказываться от античной литературной традиции, существующей с начала греческой колонизации побережья Испании. В центре всей литературной

¹ См. A v i e n., Ora maritima, 85, 270 (FHA, I, стр. 59, 65).

² О подводных экспедициях и находках см. S c h u l t e n, Forschungen in Spanien, Archäologischer Anzeiger, 1928, стр. 209—212.

документации о Тартессе стоит перипл массалиота, VI в. до н. э., лежащий в основу «Ora maritima» Ависпа. Этот документ вызвал большую литературу и полемику по отдельным вопросам текста и по оценке исторических свидетельств источника в целом. Новое издание Ависпа с комментариями А. Бертело в противовес изданию Шульцена говорит о том, как много неясного и спорного обнаруживается при изучении этого источника¹. В результате изучения «Ora maritima» в основном удалось установить, что если Ависп и не пользовался периплом Массалиота в качестве источника, как это думает Шульцен, то, во всяком случае, он восходит к группе, несомненно, древних источников. Особенно было обращено внимание на то, что в тексте Ависпа нет упоминания об Эмпории, который, как известно, был значительной массалиотской колонией, основанной, по обычной датировке, около 525 г. Отсюда Шульцен делал вывод, что «перипл Массалиота», лежащий в основе «Ora maritima» Ависпа, написан был не позже 525 г., т. е. до основания Эмпории. Но, с другой стороны, Перипл не мог быть написан раньше известной битвы при Алалии, т. е. до 535 г., поскольку эта битва, установившая господство финикийцев и этрусков в районе южной Испании, уже затруднила плавание и закрыла массалиотам путь в Тартессе. Выдвижение Гадеса, быстрый рост его значения в политическом и экономическом положении юга Испании заслонила Тартессе. Таким образом, источник Ависпа должен был отразить переломную эпоху в древнейшей истории Испании, т. е. переход от владычества Тартесса к выдвижению нового центра — Гадеса, который становится гегемоном на юге Испании².

Поэтому можно вполне согласиться с утверждением Шульцена³, что «Перипл массалиота», дошедший до нас в тексте «Ora maritima» Ависпа, рисует «очень правдоподобную картину жизни Иберийского полуострова и владычества Тартесса».

Массалиот даст подробное описание побережья от самого Тартесса или даже от устья Тага (Тахо), с которым Тартессе был соединен торговым трактом по суше. В этом описании уделяется значительное место прибрежным странам от Британии до Тартесса, вдоль так называемой «Оловянной дороги». Известно, что в глубокой древности олово добывалось в шахтах на побережье Британии и на группе прилегающих мелких островов. У Ависпа упоминаются по древним источникам эти страны, лежащие далеко к северу от Тартесса. «Выдаваясь вперед

¹ См. A v i e n u s, Ora maritima, A. Berthelot, 1934. Это издание построено на полемике против А. Шульцена и его комментариев.

² См. А. В. М и ш у л и н. Испания в памятниках античности, ВДИ, 1939, № 2, стр. 200.

³ САИ, VII, гл. XXIV, стр. 770.

(как мыс), высокий горный кряж поднимает здесь свою голову. Внизу же у этих гор лежит залив Эстримнидийский. В нем лежат те острова, которые зовутся Эстримнидами, широко раскинувшись; богаты они металлами, свинцом и оловом. Народу тут много живет, по духу гордого; настойчивый и ловкий он; им всем прирождена любовь к торговле. На шитых своих судах они широко бороздят и море бурное и бездны океана, чудовищ полные. Не из сосны они сбивают корабли, и не из клена, не из ели, как обычно, они сбивают кили челноков, но — чудное дело — они готовят себе корабли из шитых шкур и часто на таких судах из твердой кожи они переплывают широкие моря»¹. В этих плаваньях, несомненно, отражаются первые стремления тартессийцев к торговле с далекими странами. Далекое плавание к Иерне (Ирландия), в страну племени альбионов и к берегам Северного моря послужили основой для различных сказаний древних писателей об этих незнакомых странах. Повидимому, упоминания об *Ierne* и *Albion* являются самой древней ссылкой на Британские острова; сведения об этих островах задала античная традиция Тартессе. Во всяком случае именно отсюда и могла только идти та последующая филиация сведений о далеком Западе, которая встречается у Геродота, Эфора, Посидония, Полибия, Страбона и др.

Описание «Перипла массалиота» начинается с обратного пути из Британии в Тартессе и далее в массалию. Очевидно, видя все во второй раз, моряк мог, совершая обратный путь, дать более точное описание, проверить и уточнить свои первые наблюдения.

Обратное путешествие от Британии шло мимо западных берегов Галлии к северному побережью Испании, минуя каботажным плаванием с. *Vepus* (с. *Higuer*) и с. *Argium* (с. *Ortelgel*). На пути к западному побережью Испании далее попадались остров Сатурна (*Berlenga*) и с. *Ophiussa* (с. *Roca*). Обращает на себя внимание последнее название.

Как говорилось выше, окончания на *ουσα* (*ussa*) являются греческими и принадлежат к диалекту фокейцев — торговых союзников тартессийцев. Далее путешествие приводит к тартессийцам, которые живут у реки Рио-Гинто. Здесь именно начинаются границы Тартессиды, владения которой простираются до с. *Naos* на восточном побережье Испании. «Некогда здесь была граница владений тартессиев, здесь город Герна был»². Авиен считает первыми племенами, населявшими Тартессиду, пильбийцев, живших между Гвадалquivиром и

¹ *Avien., Ora maritima*, 90—107 (FHA, I, стр. 60). Русский перевод см. ВДИ, 1939, № 2.

² Там же, 460—465 (FHA, стр. 71).

Гвадианой. Далее по берегу жили ливии-финикийцы или финикийские колонисты из Тира, которые в раннюю эпоху Тартессиды могли быть подданными этого древнейшего государства Испании. Как показывает в своих работах Шульцен, имеются косвенные доказательства для такого предположения.

Племена мастиенов, согласно описанию «*Ora maritima*», занимали внутреннюю часть полуострова до Палоса. Их главный город назывался Мастия и лежал на месте позднейшей Картахены. Между Палосом и Нао жили иберийские племена гимнетов. Здесь же у мыса Нао находилась, согласно тексту Авиена, граница Тартессиды.

Таким образом, во времена Перипла массалиота (первоисточника для Авиена) царство Тартесса занимало обширную территорию всей Андалузии и Мурсии. Этот район с древнейших времен был заселен племенами африканской вост. из которых позже сформировались иберийские племена. Местные племена формировали альмерийскую культуру, распространявшуюся по всей Андалузии. Совершенно естественно, что именно иберы были посетителями «аргарской культуры», достигшей высшего расцвета в эпоху бронзы. Несомненно, что и турдулы, населявшие этот район Андалузии, были иберами; античная традиция вполне основательно связывает их с Тартессидой. Древнейший Тартесс являлся, таким образом, отправным пунктом развития самобытной и самой ранней по времени политической организации на юге Пиренейского полуострова. Однако отсутствие достаточно веских источников не позволяет определить во всех деталях эту политическую организацию. Но детальное изучение складывавшихся на юге Испании различных культур, развитие связей с Иберией, Альбионом, а позже с Финикией, Карфагеном и Грецией позволяет сделать вывод, что Тартессиды была первым государственным образованием на территории Иберийского полуострова. «Военная демократия», характерная для центра, востока и северо-запада Испании, здесь, на юге, уже изжила себя, уступив место государству. Можно согласиться с гипотезой Шульцена, что Тартесс — «это великое политическое создание не только в Испании той эпохи, но и во всей древней истории Испании вообще»¹. В этой гипотезе многое требует еще доказательств, многое, формулируемое в плане научной гипотезы, должно быть раскрыто и доказано дальнейшим исследованием. Пока за гипотезу Шульцена говорит только смутная литературная традиция.

По версии Страбона (III, 2, 11), восходящей, очевидно, к Стесихору, Анакреонту и Посидонию, «Тартессидой называлась та страна, которую теперь населяют турдулы». Кто такие эти турдулы? Полибий говорит, что турдулы — северные со-

¹ САН, VII, стр. 772.

среди турдетанов (Strabo, III, 1, 6). Для эпохи Страбона между этими племенами уже не было никакого различия¹. Происхождение этого термина — турдулы — турдетаны — до сих пор точно не установлено, но, несомненно, что название этого иберийского племени должно быть связано с Тартессом².

Страбон, во всяком случае, несомненно, связывает древний Тартесс с турдетанами. «Между иберами турдетаны считаются самыми образованными: они имеют письменность, имеют записанную свою историю с древних времен, имеют поэмы и законы, написанные, как говорят, в шести тысячах стихов. Прочие народы Иберии также владеют письменностью, однако на другом наречии, потому что они говорят на разных языках» (III, 1,6). Описанию богатств Тартессиды, или страны турдетанов, Страбон посвящает почти две главы третьей книги своей «Географии», тогда как все прочие страны Пиренейского полуострова и различные обитавшие там племена изложены всего лишь в трех главах. Такую неравномерность изложения и выделение Тартессиды можно объяснить только тем, что на автора «Географии» сильно давила античная традиция с ее различными сказаниями о богатствах и культуре древнейшего государства Испании. Да не только греческая или античная в широком смысле этого слова традиция оказывала столь сильное влияние на Страбона. Финикийские и карфагенские источники, как признает сам автор «Географии», рисовали такую же картину для Испании: «Свидетельством богатства иберийцев может служить еще то обстоятельство, что карфагеняне, как об этом говорят согласно все писатели, двинувшись походом под предводительством Барки, нашли у турдетанов в употреблении серебряные чаши и бочки. Можно даже полагать, что здешние жители, и особенно их правители названы долгожителями благодаря их высокому благополучию и что именно вследствие этого Анакреонт так говорит: «Не пожалел бы я ни рога Амалфии, ни лет полтора, чтобы царствовать в Тартессе» (III, 2, 14). Совершенно очевидно, что в поле зрения Страбона были и финикийско-карфагенские источники, которые, кстати сказать, по характеру трактовки мало чем отличались от греческих или римских свидетельств. Тартесс, Тартессиды и тартессийцы (турдетаны) являлись в представлении авторов этих свидетельств определенным весьма древним культурным комплексом, рано выделившимся в Испании и приобретшим широкую известность внешними связями с другими областями Средиземноморья.

¹ Strabo, III, 1, 6. «Народы эти (в области Бэтики.— А. М.) называются и турдетанами и турдулами».

² См. выше стр. 151 слн.

У нас, как было сказано выше, отсутствуют археологические памятники из самого Тартесса как главного города этой страны. Но от Тартессиды, от культуры турдетанов, ее населявших, до нас дошло немало памятников. В V и IV вв. до н. э. в Андалузии процветало высокоразвитое искусство. Рельефы Осуны, статуи животных, вроде львов Кордубы и Бокапренте, в особенности статуи из Серро де лос Сантос, среди которых «Дама из Эльче» и «Благородная дама» (№ 3500) являются настоящими шедеврами, — служат лучшим доказательством высокого уровня искусства и ремесла иберов. Все классические памятники испанской археологии, все находки иберийских древностей ведут нас на юго-восток Испании, к этому району древнейшей культуры. В пользу гипотезы о существовании царства Тартесса говорят также надписи и письма, найденные в различных районах Андалузии, частично в Лузитании, и трактуемые учеными как свидетельство о существовании древнейшего тартессийского языка и письма. Исследованиями тартессийского языка занимались Кречмер и Феттер, но основные выводы о характере письма древних тартессийцев сделал А. Шульцен в своей статье о тирсенах в Испании¹. Отправным пунктом для автора является надпись Зосимы, найденная в 1924 г. и находящаяся ныне в маленьком местном музее в Италике, близ Севильи. Эта надпись высечена на куске белого мрамора размером 31 × 31 см; под надписью находится изображение двух пар ног, из которых левая пара обращена вниз, а правая вверх. Совершенно очевидно, что это посвятельная надпись; изображения ног должны показать, что жертвователю сам лично был на месте посвящения и выполнил свой обет. Надписи с изображением ног нередкое явление; некоторые из них можно встретить в тех же собраниях музея в Италике и в Севилье. О надписях подобного типа возникла довольно большая литература, изучающая главным образом, характер шрифта².

Статья Шульцена о надписи Зосимы и о тирсенах в Испании принадлежит к самым последним работам в этой области. Автор установил, что Зосима из Ликии, общественный раб города Италики, посвящает изображение пары ног богине Немезиде Августе. Так как самое имя Зосимы среди рабов встречается главным образом в эпоху поздней Империи, то камешек, по всей вероятности, относится к этому времени.

Расшифровку надписи начал еще Боуда. Предварительные исследования показывают, что Зосима пользуется латинским языком, за исключением своего имени, которое дано по-гречески. «Но письмо, которое он применил для своего латинского

¹ См. «Тирсены в Испании», ВДИ, 1941, № 1, стр. 8—30.

² См. вышеуказанную статью Шульцена, стр. 10.

посвящения, не является, как можно было бы ожидать, латинским, которым Зосима, как раб города Италики, конечно, владел; это также и не нормальное греческое письмо эпохи Империи, которое он знал, как грек, а совсем иное древнее и необычное письмо. В этом характере письма — большое значение краткой надписи из Италики¹. Как еще сумел подметить Боуда, надпись следует читать справа налево. В ней бросается в глаза старинный характер письма, сохранившиеся финикийские формы букв *α*, *ς*, *ι*, *ο*, и направление письма справа налево, с наклоном строк книзу налево. Ученые считают возможным относить такое письмо к VII—VI вв. до н. э. Шульцен допускает, что оно, может быть, еще более древнего происхождения.

В статье «Тирсенны в Испании» автор сопоставляет эту надпись с надписями на монетах из Обулкопа (близ Кордовы), из Абра, из неизвестного города, затем из Кастуллона, из Селасии в южной Лузитании, а также и с надписями из Вэтики, из окрестностей Эстепы (древней Астасы), в Илине у Севильи, на западе Вэтики и в Гадоре близ Альмерии, а в особенности с надписями на 16 камнях, найденных в южной Лузитании, граничащей с Вэтикой, севернее и южнее Сиерры де Альгарве. Сопоставление и сравнительно-филологическое изучение дало Шульцену возможность составить таблицу сравнительного алфавита этих надписей². Что показывает эта таблица? Надпись из Италики, так же как и надписи на монетах юга, имеют одинаковое направление письма влево. Этим данное письмо отличается от более позднего письма Ближней Испании, направленного вправо. Алфавит надписи из Италики совпадает с другими алфавитами юга более всего в начертании *α*, *ς*, *υ*, *ο*; особенно редка и характерна форма буквы *υ*. Сходство алфавита из Италики с алфавитами других надписей заставляет сделать вывод, что все они восходят к одному общему алфавиту. «Незначительные отклонения, — говорит Шульцен, — объясняются тем промежуточком времени, который отделяет письмо Италики от других письменностей»³.

Надпись из Италики датируется временем поздней Империи, в то время, как монеты из Обулкопа — еще эпохой Республики, что видно из слов *aidilis* (место *aedilis*) и *Aimilius*. Надписи из Лузитании еще на столетие древнее. Сравнивая эти надписи, Шульцен делает главный вывод из изучения этой надписи. Вывод этот можно принять целиком, поэтому и приведем

¹ А. Шульцен, Тирсенны в Испании, ВДИ, 1941, № 1, стр. 12. Здесь Шульцен ссылается на ряд ученых, с которыми он переписывался по поводу этой надписи. К сожалению, автор не указывает их специальных работ в этом направлении.

² Там же, стр. 13.

³ Там же.

его полностью. «Вытекающий, повидимому, из круглой отшлифованной формы многих букв Италики вывод о том, что письмо Италики более позднее, чем письмо других надписей, подтверждается прежде всего тем, что знаки π, τ, υ из Италики имеют форму более позднюю (греческую), чем другие алфавиты, стоящие ближе к финикийскому; далее, тем, что буквы Италики отчасти направлены вправо, между тем, как буквы всех других алфавитов — влево, и в особенности тем, что только Италика имеет ω, позднейшее добавление греческого алфавита. Три группы надписей из Илиппы, Гадора, Лузитании почти полностью совпадают. Облик большей частью согласуется с ними и лишь в некоторых знаках — с Италикой, а именно в буквах α, κ, ρ, γ. Видно, что лежащий в основе всех пяти групп алфавит подвергся местным изменениям, так же как и в греческих алфавитах.

Письмо Зосимы, следовательно, действительно существовало и употреблялось в ту эпоху в Андалузии, а вовсе не является искажением тогдашнего греческого письма греком (Graeculus) Зосимой. Если спросить, почему Зосима прибег к этому письму, то здесь могли бы оказаться верными предположения Кречмера и Феттера, что он сделал это для того, чтобы, путем «колдовства» предохранить свое посвящение от враждебного воздействия, подобно тому как заклинания на гробницах римского Карфагена написаны по-гречески. Равным образом Зосима мог использовать древнее письмо для того, чтобы придать достойный вид и большое значение своему посвящению¹. Таков первый вывод автора.

Из него вытекает другой, с нашей точки зрения, не менее важный вывод. Шульцен полагает, что письмо надписей Бэтики, вернее, всей области Андалузии, которое обычно считают «турдетанским», лучше называть «тартессийским». Автор прав настолько, поскольку он считает это письмо древнейшим на юго-востоке Испании и поскольку вообще он выводит происхождение иберийской письменности именно из этого древнейшего пункта. С этой точки зрения тартессийское письмо можно было бы рассматривать, как протоиберийское. Однако Шульцен отвергает этот логически и исторически вытекающий вывод и полагает, что «мы должны избегать обозначения письма, как „иберийского“», так как, по его мнению, «некультурные иберы» не могли создать своей письменности. Отсюда вытекает и другой, искусственно построенный Шульценом вывод, что тартессийцы, жители юга Испании, обитатели всей области Андалузии, должны быть кем угодно, но только не иберами.

¹ А. Шульцен, Тирсени в Испании, ВДИ, 1941, № 1, стр. 14—15.

Возникает вопрос: как жители Андалузии пришли к созданию собственной (тартессийской) письменности? В свое время Гюбнер (MLI, LIV) полагал, что эта письменность заимствована от финикийцев, которые, согласно традиции, основали около 1100 г. до н. э. в Андалузии Гадес и другие колонии (Малаку, Секси, Абдру). Шульцен также считает, что тартессийское письмо во многом сходно с финикийским, но что в нем есть сходство и с ионийским алфавитом. Вряд ли у Шульцена есть основания делать по многому обязывающий вывод, что «тартессийский алфавит стоит ближе к греческому, чем финикийскому»¹. Основываясь только на том, что тартессийское письмо имеет не только финикийские буквы, но и древнегреческое прибавление гласной *ι*, а в Италике даже позднейшее греческое добавление *ω*, автор делает мало обоснованный вывод о том, что «тартессийское письмо, следовательно, относится не к финикийским, а к ионийским алфавитам» (?!). Нам хорошо известно участие греческой письменности в формировании иберийской. Это признавалось и много раньше, но до сих пор еще никто не рисковал на основе совпадения двух-трех букв из алфавита в 22 буквы делать столь далеко идущие выводы. Отнести тартессийский алфавит и его происхождение далеко на Восток и искать пункт появления его не на юге Испании, а у берегов Эллады Шульцену покадобилось для того, чтобы привести это письмо в Испанию вместе с тиреснами из Малой Азии (?!). Но Шульцену, тартессийскую культуру и древнейшее царство Тартессиды создали не «некультурные иберы», а тиресны, которые будто бы могли прийти только с Востока, из Малой Азии. Только поэтому Шульцен считает возможным полагать, что и тартессийское письмо сформировалось не среди местного иберийского населения, накопившего под воздействием связей с финикийцами и северо-африканскими народами большой культурный опыт от альмерийской до турдетанской культуры, а непременно у тиреснов, которые, в угоду столь быстро меняющему свои взгляды ученому, сумели благополучно прибыть в Испанию, образовать здесь свою колонию, сформировать царство Тартессиды на пустом месте и среди некультурного населения иберов распространить свой алфавит (?!).

Все дальнейшие рассуждения Шульцена, построенные по старым правилам античной риторики, приводят к выводу, что тартессийское письмо, которое раньше провозглашалось им как ионийское по происхождению, «не совпадает с обыкновенной письменностью Эллады и колоний». В дальнейшем Шульцен вдруг обнаружил новое «сходство» тартессийского алфавита с «маллоазийскими алфавитами» (лидийским, ликийским,

¹ А. Шульцен, Тиресны в Испании, стр. 16.

карийским, памфилийским, фригийским и т. д.)¹. Сопоставление нескольких букв малоазийских алфавитов с тартессийским заставляет ученого сначала сделать один вывод, что «тартессийская письменность имеет близкое отношение к малоазийской», и несколькими строками ниже — другой вывод, что «тартессийское письмо — тирсенского происхождения, что Тартесс получил свою письменность не от финикийцев и не от ионийцев, но от тирсенов». «Вполне вероятно, что Тартесс, который существовал уже в 1000 г., сначала заимствовал финикийскую письменность от совершавших путешествие в Таршиш тирцев, а затем переименовал ее на тирсенское письмо»².

Читатель работы Шульцена останется в недоумении, как это могло случиться, что Ликия, Памфилия и Лидия могли создать свою письменность, а античная Испания, в результате длительной эволюции своей своеобразной культуры, должна была непременно ввозить эту письменность с далеких берегов Восточного Средиземноморья. А между тем ведь Испания дала большое количество иберийских надписей на камне, монетах, стеновых сооружениях и т. д. Их количество несравненно больше, чем число лидийских или памфилийских текстов. Чем же тогда объясняется столь интенсивная культура тартессийского языка в отличие от тирсенского? По поводу Тартесса Шульцен, как мы уже упоминали, писал: «трудно понять, что Атлантиду искали везде, даже на Шпицбергене и в Америке, но только не в Тартессе. И это было очень нелогично». Столь же нелогичными нам кажутся поиски письменности иберов, где угодно — в Элладе, в Памфилии, у тирсенов, но только не в самой Тартессиде. Иберы, по мнению Шульцена, оказались для этого «неподготовленными». Шульцен не замечал, что своими рассуждениями он подрезает сук, на котором он сам сидит и который он сам выращивал на протяжении почти 20 лет. Доказать существование Тартессиды в Испании он мог бы только путем приведения в соответствие археологических памятников Андалузии с литературными свидетельствами о Тартессе. Шульцен не сумел этого сделать. Ему мог бы очень помочь как раз материал древнеиберийской письменности южной Бэтики, да и всей Андалузии, частично и Лузитании. Но весь этот материал был фактически отброшен Шульценом, как «тирсенский». После этого создававшийся в устье Гвадалквивира Тартесс теряет свое значение как центр своеобразной местной культуры далекого Запада, как «великое политическое образование не только Испании в ту эпоху, но и Испании

¹ Шульцен ссылается на воспроизведение этих алфавитов в статье Гартгаузена «Kleinasiatische Alphabet» в RE.

² Там же, стр. 19.

во всю ее древнюю историю вообще»¹. Шультену можно направить тот же упрек, который этот ученый бросил по адресу всех сомневающихся в существовании Тартессиды: «современные ученые разрушили духовно то, что некогда карфагеняне разрушили материально»².

Работа Шультена о тирессах в Испании, изобилующая интересными наблюдениями об иберийской письменности Тартесса, теряет всякое значение, поскольку она поставлена на службу спекулятивной теории этого ученого.

Собранные в свое время еще Гюбнером иберийские надписи Пиренейского полуострова, сравнительно-лингвистическое изучение алфавита древних иберов показали, что это письмо имеет много финикийских знаков, несколько греческих букв, и кроме того, несколько самобытных знаков, отсутствующих и в финикийском и в греческом алфавите. То, что большое количество надписей найдено именно в Андалузии и Лузитании, говорит о том, что это письмо формировалось на юге и юго-востоке Испании. Возможно, что именно в Андалузии, т. е. в стране древних турдетанов, населявших, согласно сведениям древних авторов, Тартессиду, и начало формироваться это письмо, на котором, по Страбону, писались поэзия, летописи и законы тартессийцев. Именно здесь язык наиболее культурных и образованных древних иберов вошел в соприкосновение с языками финикийцев и греков, которые в результате долгих культурно-исторических связей и могли отложить следы своего влияния на тартессийский алфавит.

Всякий, кто хочет остаться на строго исторической точке зрения и строго объективном базисе изучения проблемы древнейшего царства Испании — Тартессиды, тот должен попытаться понять происхождение этого царства и всего комплекса его культуры как результат эволюции альмерийской культуры, результат распространения ее по всей Андалузии и, в дальнейшем, как результат бурного расцвета аргарской культуры, прославившейся на все Средиземноморье. Результатом существования этой культуры явилось не только возникновение Тартесса, но и древних центров иберийской культуры, давших ценнейшие собрания классических памятников испанской археологии.

Именно в этом культурном ареале древнеиспанской цивилизации и созрела древнеиберийская письменность, финикийские и греческие начертания букв которой свидетельствуют о том, что именно в эти обетованные места юго-востока Испании и направились финикийские и греческие мореплаватели древности.

¹ Шультен, САН, VII, стр. 772.

² «Tartessos», стр. 56.

Нам остается резюмировать вышеприведенные соображения о Тартессе как исходном пункте развития древнеиспанской цивилизации. Выше мы старались показать, что разрешение вопроса о Тартессе невозможно без согласования вещественных и литературных источников. При этом проблема заключается вовсе не в том, чтобы Тартесс найти непременно в устьях Гвадалквивира, на что наталкивают археолога литературные указания Стесихора и Страбона (III, 2, 41). Следует заметить, что названные авторы лишь косвенным образом, в предположительной форме формулируют свои соображения о местоположении Тартесса. В этом же параграфе у Страбона имеется другое важное положение о том, что Тартессидою называлась «та страна, которую теперь населяют турдулы». Это дает нам весьма важную веку для нахождения Тартесса. Область турдулов, древних тартессийцев — вот собственно территория Тартессиды; в этой области и следует искать город Тартесс. Кроме того, известно также, что Тартесс был портовым городом, перевалочным пунктом в морской торговле Востока и Запада, важным, повидимому, пунктом на «оловянном пути». Вот почему этот город должен был лежать на морском побережье области тартессиев (турдулов). Изыскания в этом направлении должны направить археолога и историка в такой же мере в устья Бэтиса (Гвадалквивира), как и Анаса (Гвадианы) или Ибера (Рио-Тигто) и Безиля (Besilus — ныне Гвадалете). В тартессийскую эпоху в устьях этих рек могли возникнуть города на том же основании, на каком они сложились здесь позднее (Аймонте в устьях Анаса, ныне Гвадианы; Уэльва — в устье Ибера, ныне Рио-Тигто; Сан-Лука, Сашукар и Херес у устьев Бэтиса, ныне Гвадалквивира; Кадикс у устьев Безиля, ныне Гвадалете). Археологические исследования в этих позднее образовавшихся поселениях, а ныне больших городах Испании, в конце концов должны повести на след исчезнувшего древнейшего города древних иберов. Это первый вывод, который надлежит сделать.

Далее, нельзя недооценивать уже сделанные археологические изыскания и открытия памятников материальной культуры на территории Тартессиды, турдулов-турдетанов римского времени, или современной Андалузии. Выше мы уже касались вопроса о том, что дают нам открытые памятники и как они позволяют реконструировать исторический процесс в этом районе, который в древности охватывал не только область современной Андалузии, но и Гранада и Альмерия. Область Андалузии дает нам величайшие памятники эпохи бронзы и меди. Полный расцвет альмерийской культуры сопровождается ее расширением. Районы Гранады и Альмерии вместе с Андалузией образуют единый культурный ареал.

Линия культурного развития в этой области в сравнении с другими районами Испании не снижается и в период бронзы. Возникновение и развитие аргарской культуры свидетельствует о том, что и в последующую историческую эпоху Тартессиды явилась наиболее передовым культурным районом Испании. Нахождение в аргарских могилах диадем из бронзы и серебра, золотых колец и других украшений свидетельствует об успехах ремесла, техники и искусства. Французский археолог Сирр открыл на юго-востоке Испании памятники мощного развития бронзовой индустрии Тартессиды. Самые значительные находки были получены при раскопках в устьях древнего Ибера (Рио-Тинто), в современном городе Уэльва. За один только 1923 г. Сирр добыл до 400 вещей у реки Уэльва. Среди находок обнаружено немало кинжалов, что дает нам косвенное указание о ступени социального развития и быте народа этой эпохи. Было найдено до 75 мечей длиною в 70—80 см. В Уэльве также было найдено до 40 лезвий копий (узких, длиною до 50 см), а также остаток щита, обломок шлема с легкой складкой вроде гребня и образцы узды для лошади. Наконец, все в том же пункте обнаружено 11 фибул различной формы. Такое большое число находок бронзовых вещей в одном только месте выделяет Уэльву, как значительный центр древнейшей Тартессиды. Наличие предметов вооружения (мечи, кинжалы, каска и др.) позволяет предполагать существование какой-то военной организации местного населения в эту древнейшую эпоху.

Возможно, что именно к этой эпохе относится формирование Тартессиды, как политически целого образования, входившего, согласно древним авторам, в сношения с государствами Востока. Города, подобные Тартессу, в это время могли существовать в устьях рек, на что указывает большое количество находок в Уэльве. Таков вывод, который мы можем сделать из археологического материала при согласовании его с литературными текстами.

Весьма важным аргументом в пользу гипотезы о более раннем и высоком, в сравнении с другими областями, культурном развитии Тартессиды является наличие в ней горнорудных богатств, что, согласно Страбону (III, 1,8), превращает Испанию в обетованную страну мира. «Да и нельзя не удивляться замечательному обилию металлов в Испании. Имя изобилует вся земля иберов; зато не вся она одинаково плодородна и благодатна... Редко страна бывает и богата металлами и, вместе с тем, плодородна... Но Турдетания и соседняя с нею область могут вполне похвалиться и плодородием почвы и обилием металлов. Так, до настоящего времени пугде на земле нет ни золота, ни серебра, ни меди, ни железа в таком большом количестве и такого достоинства, как здесь». Это согласуется как с

археологией, так и с геологией Тартессиды, или Турдетании.

Совпадение археологических, геологических и литературных показаний доказывает наличие условий для образования Тартессиды как передового пункта и очага иберийской культуры. О высоком развитии горного дела и значении добычи металла в Тартессиде свидетельствуют и многие заимствованные римлянами у иберов технические термины в области разработки руды и металлов.

Неправильно было бы полагать, что аграрная культура Тартессиды была на более низкой ступени, чем ремесло. Страбон (III, 2, 4—7) весьма подробно говорит о развитии местного сельского хозяйства. Значительный вывоз хлеба, вина, масла и шерсти, выделение Страбоном Турдетании как богатой и плодородной страны позволяет ретроспективно сделать вывод, что в эпоху Тартессиды в Испании были заложены основы интенсивного земледелия раньше, чем в других районах.

Наконец, необходимо сказать несколько слов также и о культуре Тартессиды. Выше отмечалось, что среди древних иберов турдетаны были известны своим законодательством и литературой. Можно было бы не придавать большого значения этим словам Страбона, если бы на поддержку последнему не выступил материал древних иберийских надписей, найденных на территории Тартессиды. Правда, вопрос об этих надписях, как и вообще об иберийской письменности, еще не разрешен до конца. В области изучения тартессийского письма мы останавливались на теории Шульцена, которую считаем искусственной, бездоказательной и потому вынуждены ее отклонить. Но сама надпись Зосимы доказывает своеобразный характер письма и подчеркивает местные особенности тартессийской письменности. Трудно сказать, как в дальнейшем пойдет изучение иберийской письменности, представленной исключительно в надписях; отсутствие двуязычных надписей затрудняет дело. Но работа над расшифровкой надписи Зосимы может явиться исходным моментом не только для расшифровки тартессийского письма, но, возможно, в будущем и для чтения иберийских надписей в целом. Как бы то ни было, материал иберийских надписей может быть рассмотрен только в комплексе памятников древней Тартессиды.

Таким образом, изучение памятников материальной культуры доисторической Испании позволяет выделить в качестве самого раннего ареала культуры район Альмерии, Гранады и Андалузии. Известная в археологии альмерийская культура меди и бронзы раскрывается перед нами в исторической Тартессиде греко-римских авторов. Дальше археологии вполне сочетаются с историческими текстами. Поэтому на современном

уровне науки следует отклонить все попытки отыскать Тартессиду вне Иберийского полуострова.

У нас, к сожалению, нет пока достоверных данных для характеристики социальной истории Тартессиды. Археологический материал недостаточно выразителен. Литературных свидетельств весьма мало. Юстин дает лишь сведения о царях Тартесса, но в этих сведениях историческое во многом сочетается с мифическим, что принижает ценность труда Юстина как источника. Материалы греко-римских авторов, Полибия и Страбона в особенности, позволяют, однако, составить примерное представление о жизни, быте, военном строе, столкновениях и борьбе иберийских племен, в том числе и народа Тартессиды — древних турдетан. Выше мы уже останавливались на военной демократии как ступени общественного развития древних иберов. Это можно с большим правом, чем по отношению к каким-либо другим племенам Испании, отнести к турдетанам или древним тартессийцам. Все же тартессийцы, вероятно, достигли более высокого уровня социального развития и имели более четко выраженные начатки государственной организации. К этому вопросу мы вернемся в следующей главе. Здесь мы остановимся лишь на одном важном документе, который хотя и относится к более позднему периоду, но позволяет сделать выводы и о более ранней эпохе. Мы имеем в виду надпись с декретом Эмилия Павла, относящаяся к 189 г. до н. э. Совершенно понятно, что документом начала II в. до н. э. трудно пользоваться для четкой реконструкции событий VII—V вв. до н. э. Однако документ имеет столь исключительное значение, что его невозможно обойти при изучении Турдетании. Декрет гласит следующее: «Луций Эмилий, сын Луция, император, постановил, чтобы рабы Гасты¹, живущие в городе Ласкутане², были свободны; землю и город, которыми они владели в это время, приказал отдать им во владение до тех пор, пока этого хочет народ и сенат римский. Дано в лагере 21 января»³.

Из текста декрета видно, что в Ласкутане жило подневольное население, которое декрет называет рабами жителей Гасты; эти рабы заняты были на сельскохозяйственных работах или в ремесле, обслуживавшем в прибрежном городе пужды владельцев торговых судов или купцов. Из декрета видно также, что население Ласкутаны находилось, действительно, в условиях рабства. Это доказывает не только применение к ним термина *servus*, но также и то, что они лишены были земли и

¹ Гаста (Pasta) находилась около устья Гвадалквивира, древнего Бэтиса. Об этом городе см. Liv., XXXIX, 21.

² Город Ласкутана (Turris Lascutana) находился недалеко от Гадеса. См. P l i n., NH, III, 15.

³ CIL, II, 504; Dessaux, ILS, II, 15.

имущества, а требование дать им свободу говорит о том, что они были лишены и свободы. Город Гаста, очевидно, был довольно значительных размеров, так как Ливий говорит даже об области этого названия и стенах сооружений этого города¹. Турдетанская община Гасты владела большими земельными угодьями в Ласкутане или какими-то мастерскими, где работало подневольное население. Ван-Нострайт полагает, что это были просто крепостные, обязанные обрабатывать землю в Ласкутане². Во всяком случае, из декрета Эмилия Павла видно, что эксплуатация порабощенного населения приняла здесь своеобразную форму, напоминающую формы порабощения, установившиеся в отдаленных областях Греции. Для нас в этом документе важно то, что в Турдетании применялся подневольный труд, притом в местах нахождения главнейших городов древней Тартессиды. Этот важный факт позволяет сделать вывод, что в наиболее развитом районе Испании применялся труд рабов. Возможно, что труд рабов эксплуатировался не только в Турдетании, но и в Тартессиде. Поскольку мы не имеем подобных свидетельств для других районов Испании, следует, что Турдетания (в период римских завоеваний) являлась наиболее развитой областью Испании. «Военная демократия» иберийских общин, в своеобразных условиях Тартессиды, могла достигнуть наиболее развитых форм. Мы не остановились бы на анализе декрета, если бы свидетельства древних авторов о федерации турдетанских общин не заставляли нас поставить эти данные в связь с указанной надписью для реконструкции социальных отношений древней Тартессиды. В дополнение к сведениям о военной демократии надпись Эмилия Павла дает весьма ценные показания, свидетельствующие, что Тартессиды была исходным пунктом древнеиберийской цивилизации.

Дальнейшее изучение вопроса нельзя проводить без ознакомления с финикийской, карфагенской и греческой колонизацией, которая явилась мощным фактором в развитии иберийской цивилизации; последняя возникла благодаря своим собственным силам, но определенную роль в ее развитии сыграли также великие зачатители культуры — Восток и Эллада.

¹ L i v., XXXIX, 21. Ливий говорит о трудностях взятия этого города во время экспедиции Гая Ацилия.

² T. F r a n k, An Economic Survey of Ancient Rome, III, 1937, стр. 134.

Г л а в а IV

ФИНИКИЙСКАЯ, КАРФАГЕНСКАЯ И ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

Вопрос о колонизации Западного Средиземноморья принадлежит к сложным историческим вопросам. Это следует отнести и к финикийской колонизации испанского побережья. Работы Карштедта и Мельцера по истории Карфагена не выявляют ряда проблем, связанных с колонизацией Испании (например, проблема основания Гадеса). Литературные свидетельства недостаточны и сбивчивы. Естественно, что там, где античная традиция не способствует разрешению вопроса, на помощь должна прийти археология. Но, к сожалению, помощь археологии в реконструкции финикийской колонизации испанского побережья еще далеко не достаточна.

В Африке и в Сицилии, например, найденные вещи датируются не ранее VII в. до н. э. В Сардинии встречаются некоторые вещи кипрского происхождения, возможно, завезенные финикийскими мореплавателями. Большое количество финикийских памятников, причем датируемых даже VIII в., встречается в Эгзурии; археология датирует их, начиная с VIII в. В Испании для периода от 1000 до 500 г. до н. э. встречающиеся финикийские памятники (главным образом украшения) весьма редки и бедны по сравнению с местными погребениями альмерийской культуры.

Дата антропоморфного саркофага с рельефной резьбой из некрополя Кадикса (Gades) относится лишь к VI в. Самый древний след пребывания финикийцев в Гадесе — это печать Псамметиха I, т. е. конец VII в. Коринфская керамика из Сардинии и из Нового Карфагена также датируется концом VII в. до н. э. Все эти обстоятельства в совокупности заставляют сомневаться в ранних датах начала финикийской колонизации на западе Средиземноморья, в частности, на побережье Иберийского полуострова. Эти сомнения о древности финикийской колонизации были высказаны еще Белохом и Клерком, а позднее на основе археологического материала были подтверждены

Бош-Гимпера¹. Детальное изучение археологических памятников заставляет отодвинуть начальные даты финикийской колонизации к VIII в. Финикийская торговля с западной половиной Средиземноморья началась в VIII—VII вв. Колонизация же побережья Испании последовала за основанием финикийской колонии на Ибиссе², которая была колонизована, по преданию, через 160 лет после основания Карфагена³. Однако продвижение финикийцев к Балеарским островам могло осуществиться лишь после занятия Сардинии, откуда финикийцы устремились через Балеары к южному побережью Пиренейского полуострова. Таким представлялся некоторыми исследователями и путь греческой колонизации, хотя состояние источников не позволяет окончательно выяснить это до сих пор.

В эпоху своего могущества державы Восточного Средиземноморья (Крит, Египет, Ассирия, Микены) не могли не интересоваться морским путем вокруг Пиренейского полуострова к Британии — за оловом, янтарем и другими ценными товарами. Находки янтаря на юге Испании и севере Африки указывают на связи средиземноморских стран с далекими странами, расположенными к северу от Пиренейского полуострова. Великие торговцы древности — финикийцы, чья роль посредников прославила и увековечила их в античной истории как распространителей культур Средиземноморья, первыми отправились в экспедиции за оловом и янтарем.

Древний центр Испании — Тартессиды — был, очевидно, одним из первых перевалочных пунктов для финикийской торговли. Как указывалось выше, значение Тартессиды именно потому поднялось так высоко, что это древнейшее царство у Гибралтарского пролива, у стыка Средиземноморья и Атлантики являлось естественным портом для кораблей, прибывавших из Средиземноморья. Тартессиды должны были привлечь внимание финикийцев благодаря богатству золотом и серебром.

Не менее важны были связи Тартессиды с Атлантикой, с берегами Британских островов и побережьем северо-запада Европы.

Естественно предположить, что финикийцы, основав свои фактории на севере Африки (Карфаген), в Сардинии и на Балеарах, направили свои усилия и на области, находившиеся по ту сторону Гибралтара. Сначала, по видимому, финикийцы плавали до Столбов Геракла (Гибралтара), где останавливались и

¹ См. подробный разбор pro и contra старых датировок начала финикийской колонизации в Испании (основание Гадеса) у Бош-Гимпера, указ. соч., стр. 270—274.

² Там же, стр. 274. В советской печати этот вопрос обсуждался в статье Д. Д. Пестера, Финикийская и греческая колонизация на Пиренейском полуострове. УЗ МГУ им. Ленина, стр. 129—176.

³ См. Dio d., V, 16. Данное место, как и вся пятая книга Диодора, восходит, как известно, к Тимею.

пополняли свое снаряжение. После долгого плавания они запасались продовольствием в портах Тартессиды, меняли здесь рабов-гребцов, закупали товары и после некоторого отдыха отправлялись обратно на Восток. Возможно, что эти остановки были и в интересах тартессийцев, извлекавших некоторые выгоды из сношений с финикийцами. Таким образом, мы можем вполне допустить наличие каких-то мирных или договорных отношений между Тартессидой и финикийцами в определенный период. Все же прямых данных в нашем распоряжении нет. Дата и условия основания Карфагена в Северной Африке и Гадеса на юге Испании остаются неясными, ибо до сих пор не удается привести в соответствие данные литературных источников с археологическими.

Античной литературной традиции принадлежит довольно подробная версия об основании Гадеса — первой финикийской колонии на испанском побережье. Эта традиция, идущая, очевидно, еще от Тимея, передана нам Диодором, который в своей пятой книге сообщает о могуществе финикийцев, о распространении владычества их на западе Средиземноморья и об основании их первой колонии в Испании — Гадеса. Под влиянием этой версии находился и Посидоний, являвшийся главным источником Страбона. Вот как в изложении автора «Географии» формулируется история образования Гадеса: «Об основании Гадейр (Гадеса.— *А. М.*) рассказывают следующее: гадитане повяют об оракуле, который, говорят, и приказал тирийцам послать колонию к Геракловым Столбам. Посланные для осмотра местности пришли к заливу при Кальпе и, полагая, что оконечности, образующие пролив,— а они думали, что именно их оракул и называет Столбами,— составляют край обитаемой земли и предел походов Геракла, то они высадились на том месте по сю сторону пролива, где теперь находится город экеитанов. Здесь они принесли жертву и, так как жертвенные знамения были для них неблагоприятны, вернулись назад. Однако впоследствии другие колонисты пошли дальше за пролив, почти на тысячу пятьсот стадий от него, к острову, посвященному Гераклу и расположенному против Онобы в Иберии, и, предполагая, что здесь именно находятся Столбы, принесли богу жертвы, но когда знамения снова оказались неблагоприятными, они вторично вернулись домой; наконец, пришедшие сюда в третий раз основали Гадейры и построили на восточной стороне острова храм, а на западной — город» (*S t r a b o*, III, 5, 5). Здесь же Страбон продолжает: «Посидоний полагает, что это мнение наиболее достоверно, но изречение оракула и многократные путешествия он считает выдумкой финикийян».

Такова наиболее распространенная версия. Наряду с ней, однако, существовала и другая, восходящая к римским

источникам и к их хронологическим выкладкам. Так, например, Плиний¹ сообщает, что он видел в храме Утики «кедровые колонны, которые стояли свыше одиннадцати столетий». Так как Утика считалась основанной после Гадеса², то и основание Гадеса относим по этому вычислению к XII—XI вв. до н. э. Столь же мифологическим вычислением отличаются и выкладки Веллея Патеркула³, полагавшего, что тирийцы основали Гадес спустя 80 лет после падения Трои и вторжения Гераклидов в Пелопоннес, что даст примерно ту же дату основания Гадеса, что и у Плиния. Разбор источника столь мифологических датировок не может быть предметом научного исследования, ибо подтверждений им нет ни в археологии, ни в других литературных свидетельствах. Кое-что об этих апокрифических датировках сообщает нам Помпоний Мела⁴. Дело в том, что, как сообщает Мела, жрецы храма Геракла (Мелькарта) в Гадесе датировали основание Гадеса и начало гадитанских фаст временем падения Трои⁵. Шульцена, однако, не смутила столь мифическая выкладка жрецов Гадеса; сведения Помпония Мелы он принимает без малейшего сомнения в их достоверности и считается с «обоснованностью» даты 1100 г. до н. э. как вполне реальной для основания Гадеса. Используя в качестве косвенных доказательств сведения Веллея Патеркула, Плиния Старшего и Помпония Мелы, Шульцен пытается даже опереться на данные Ветхого завета. Однако, как на это указал еще Бош-Гимпера, тексты из Библии не дают никаких прямых сведений о Гадесе. В настоящее время в разрешении этого вопроса мы имеем право исходить преимущественно из археологических свидетельств. Без учета этих основных показателей проблемы основания Гадеса не разрешить.

Археологии добыта материал, связанный с местоположением Гадеса, которое менялось на протяжении истории этого города. Как мы указали выше, Посидоний (в передаче Страбона) сообщает, что город Гадейры (Гадес) был расположен на острове неподалеку от устья Бэгиса. На восточной стороне этого островка был построен храм, а на западной — город. Изучавший на месте этот вопрос А. Шульцен полагает, что основание Гадеса связано с тем островом, который ныне называется Сан-Себастьян. Этот островок, по предположению Шульцена, занимал тогда площадь размером около 10 га. В настоящее время он занимает не более 6 га. Что мог собой представлять такой небольшой город? Каково было его значение и отношение к Гар-

¹ P l i n., NH, XVI, 216.

² V e l l. P a t e r c u s., 1, 2, 4.

³ Там же, 3.

⁴ P o m p o n. M e l a, De chorographia, III, 46.

⁵ В научной литературе эта датировка единодушно отвергается.

тессу (местоположение которого до сих пор не установлено) или к Тартессиду как к древнейшему царству, о территории которого мы имеем достаточно ясную картину? То обстоятельство, что на островке, где некогда был расположен Гадес, ныне находится форт, весьма затрудняет археологические исследования. Островок по тем же причинам был недоступен и для Шультена. Однако он сумел сделать ряд интересных наблюдений. Будучи на островке, Шультен обратил внимание на остатки древних построек, находящихся прямо на поверхности островка. Эти остатки фигурируют у Шультена как «следы финикийского города». При постройке форта часть поверхностного слоя в южной части островка была разрушена взрывными работами. Это дало возможность сделать новые наблюдения, которые А. Шультен и опубликовал в 1928 г. в «Archäologischer Anzeiger».

В отчете Шультена описано несколько узеньких улиц древнего Гадеса шириной до 2,5 м. Улички высечены в скалистой почве, причем в одну из них упирается узкий канал. Вдоль улиц видны ямы, очевидно, для столбов; в некоторых ямах сохранились еще остатки этих столбов кедрового дерева. В северо-западной части острова, где, по Посидонию, находилось поселение — город, Шультен установил большую (размером 9 × 4 м) ныне запозвенную песком пещеру. От нее к морю ведет сохранившаяся небольшая лесенка в шесть ступеней. Шультен сопоставляет с этой пещерой сообщения Авиена о «Venus marina» и «penetrale sacrum» и приходит к выводу, что она была когда-то святилищем Венеры¹. Исследование этой части острова могло бы, по видимому, дать интересные материалы, но военные сооружения не только не допускают дальнейших раскопок, но частично разрушают и то, что еще сохранилось на поверхности острова. Что же касается восточной части острова, где, по Посидонию, находился храм, то она более бедна памятниками, хотя и тут были обнаружены кое-какие остатки древнего поселения.

При изучении древнейших финикийских стоянок на юге Испании, возникавших при соприкосновении с Тартессидой, обращает на себя внимание и другой, обследованный А. Шультенем, остров S. Pedro к югу от современного Кадикса. Здесь, судя по отчету Шультена, последний видел под водой на довольно мелком месте квадратные камни. Такие же камни имеются и в северной части острова. Древние авторы сообщают нам о храме Геракла-Мелькарта по ту сторону Столбов Геракла (D i o d., V, 20, 2). Шультен полагает, что остатки этого храма и представляют собою те квадратные камни, которые он видел под

¹ A v i e n , Ora maritima, 314—318.

водой. Однако было бы опрометчивым принимать эту гипотезу за реальность¹.

Для решения вопроса о начале образования Гадеса как финикийской фактории нельзя не учесть некоторые другие археологические памятники, сопоставление с которыми может до некоторой степени пролить свет и на проблему основания Гадеса. Так, например, Мелида придает большое значение памятникам с островов Ибиссы (Ebusus) и Шлана, где найдено немало главным образом глиняных скульптурных изделий. Бош-Гимпера датирует последние VIII—VII вв. до н. э., что свидетельствует о древности финикийских торговых связей с Испанией, однако из этого еще нельзя делать вывод, что связи с этими пунктами возникли лишь после основания Гадеса. Может быть, первоначальные стоянки финикийцев на Ибиссе, Шлана, Майорке и Мипорке, куда они прибывали из Сардинии, постепенно направляли их к южному побережью Испании. Этот вопрос остается нерешенным и до сих пор, несмотря на увеличение количества археологических памятников. Все же эти памятники не всегда могут быть точно датированы; к тому же многие из них, как, например, гадесские на континенте (не только на острове), относятся не к финикийскому, т. е. более раннему, периоду, а к эпохе господства Карфагена (сюда относятся главным образом монеты из серебра и меди).

На основании всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы. В эпоху господства Тира финикийские мореплаватели совершали далекие торговые поездки в западную часть Средиземноморья, в Гартессиду, около которой, очевидно, и была образована первая и небольшая стоянка финикийских купцов. Торговля оловом, серебром, янтарем могла проходить морским путем только через Гартессиду, и это даст нам некоторое основание утверждать, что первые плаванья финикийцев направлялись именно сюда и что Гадес был основан раньше, чем какая-либо другая финикийская фактория. Первоначальная финикийская стоянка на о. Афродитиас² могла иметь значение лишь в качестве небольшого временного пристанища, укрепленного от ветров и бурь, для снабжения транзитных кораблей необходимым снаряжением. Такая небольшая стоянка могла поместиться на этом островке и не имела значения большого поселения. Недаром Страбон говорит (III, 5, 3), что жители Гадеса «не занимают большого острова и не владеют

¹ К сожалению, Д. Д. Петерс в своей статье о финикийско-карфагенской и греческой колонизации считает, очевидно, возможным принять эту гипотезу, хотя для этого он не выдвигает никаких своих соображений. УЗ МГУ им. Ленина, т. XXVII, вып. 1, 1942, стр. 132.

² См. упоминание об этом острове у древних писателей в ГИА, II, стр. 58, 95, 121.

большим количеством земли на противоположном берегу, не владеют и другими островами, но живут большей частью на море; только немногие сторожат свой остров или живут в Риме». При таком положении Гадес мог урегулировать первоначально свои отношения с Тартессидой в порядке договора. Совершенно правильно отмечается в литературе, что при датировке основания Гадеса необходимо учесть весьма важное сообщение Макробия (I, 20, 12) о начале борьбы иберов против финикийцев.

В этом сообщении говорится о неудачном для туземцев морском сражении с Гадесом. Этот эпизод из истории ранних взаимоотношений между финикийцами и тартессийцами мог иметь место, очевидно, до прибытия Колея, ибо известно, что последний застал Тартесс свободным и процветающим городом. Таким образом, эпизод, сообщаемый Макробием, должен был произойти до 600 г. до н. э. — приблизительной даты самосской экспедиции Колея¹. Следовательно, Гадес существовал уже до 600 г. до н. э. и, вероятно, задолго до этой даты, так как должен был пройти какой-то предварительный промежуток мирных взаимоотношений, прежде чем дело дошло до военного столкновения Гадеса с тартессийцами. Исход морского сражения, неблагоприятный для местного населения Испании, повлек за собой установление финикийской гегемонии на юге полуострова и привел к образованию ряда новых финикийских факторий. Сам город Гадес стал быстро расширяться, и небольшая стоянка на острове превратилась в большое поселение на противоположном берегу, на самом континенте, о чем свидетельствуют многочисленные археологические памятники на юге Испании. Финикийская гегемония продолжалась до тех пор, пока выросший Карфаген не подчинил себе Гадеса и не открыл на западе Средиземноморья новую фазу финикийско-карфагенского владычества. Это могло наступить вскоре после потери Тиром независимости, когда Гадес лишился непосредственной поддержки со стороны своей метрополии. Завоевание же Тира Павуходопосором имело место, как известно, в первой половине VI в. до н. э.

О других финикийских и карфагенских колониях на юге и юго-востоке Испании мы узнаем как из литературных, так и археологических данных. Греко-римские авторы после Гадеса называют в качестве следующей по значению финикийскую колонию Малаку². Относительно времени основания этой колонии у нас также нет данных, но, так как «Перипл массалиота» (у Ависпа) называет эту колонию паряду с Гадесом, можно

¹ Herod., I, 163; IV, 152.

² Avien., Ora maritima, 181, 426; Strabo, III, 4, 2; 6, 10; 14.

заклучить, что основание ее не отделяется большим промежутком времени от основания Гадеса.

Кроме наиболее древних свидетельств Авиена о Малаке, мы имеем восходящий к Гекатею фрагмент Стефана Византийского¹ и фрагменты из Посидония, сохранные Страбом². Недостаток литературных и археологических памятников затрудняет решение вопроса о датировке Малаки, а также и других колоний на побережье, как Секси, Абдера и др. Если мы будем исходить из того, что первоначально Гадес (до разрушения Гартесса и владычества над Гартессидой) представлял собою только стоянку на островке неподалеку от устьев Бэтисы и лишь потом стал населенным пунктом — городом на континенте, то можно предположить, что колонизационная деятельность на континенте могла начаться еще в период, когда Гадес был стоялкой. Тогда естественно предполагать, что и Малака, и Секси, и Абдера тоже были не более как стоянками. Может быть, этим именно обстоятельством объясняется отсутствие вещественных памятников в этих интересующих нас пунктах финикийской колонизации в Испании. При таком положении вещей Малака была не больше, чем просто «гаванью»³, расположенной неподалеку от Столбов Геракла и постоянно державшей связь с Гадесом.

Страбон называет Малаку финикийским городом и отличает его от расположенной рядом греческой Майнаки, с которой некоторые древние авторы смешивали Малаку (III, 4, 2). Это сообщение весьма важно для установления местоположения этой гавани, а потом и города. Артемидор⁴ говорит, что Малака по южной стороне залива, или Столбов Геракла, была первым городом на южном побережье Испании. Птолемей⁵ в перечислении городов Бэтики помещает Малаку перед Менобой и Секси. Известной ориентировкой могут служить найденные в устьях Малаки (ныне реки Гвадальмедины) и на возвышении Алькасара монеты с легендой «mlk», что, по Гюбнеру, следует считать обозначением Малаки. Однако эти монеты принадлежали карфагенской эпохе, когда гавань Малака, подобно Гадесу, превращалась уже в крупный населенный пункт, или город.

Гораздо сложнее обстоит дело с местоположением и датировкой другой финикийской колонии, Секси. Страбон (III, 5, 5) передает сведения о том, что перед основанием Гадеса финикийцы приставали к тому месту, «где находится теперь город экситанов (Секси)». Правда, согласно этой передаваемой

¹ См. F H A, II, стр. 156.

² S t r a b o, III, 4, 2; 6; 10; 14.

³ Malaca portus у A v i e n, Ora maritima, 181.

⁴ См. S t r a b o, III, 4, 2.

⁵ P t o l e m., II, 4, 7.

Страбоном версии, здесь не была еще организована колония, но интересно и то, что сюда прибывали экспедиции еще до основания Гадеса. Страбон в другом месте (III, 4, 2) помещает город секситанов восточнее Малаки. Уже у древних авторов не было ясности в указаниях на местоположение Секси. Так, например, Гекатей¹ помещает этот город в стране мастиецов. Помпоний Мела² указывает Секси около Менобы; перед Мелобой упоминает о Секси и Птолемей³. Спор о местоположении Секси продолжался до 1933 г., пока А. Шульцен, изучая на месте вещественные памятники, не установил точно местоположение Секси. Он считает, что Секси находилась у современного Альмуньекара, приблизительно на середине пути от современной Малаги до Адра. Шульцен нашел здесь пунические вазы, шесть монет с пуническими (карфагенскими?) легендами и украшения из слоновой кости. Наиболее интересным материалом являются монеты⁴, содержащие более 40 вариантов изображений финикийского Мелькарта-Геракла, по преимуществу с легендами финикийской общины⁵. Остается, как и в отношении Малаки, неясным только вопрос о времени основания этих колоний — до или после возникновения Гадеса.

Окончательное разрешение этого вопроса упирается в другой вопрос, неизбежно вытекающий из сообщения Тимея, переданного нам Диодором (V, 20), о том, что Гадес основан намного раньше Карфагена. Таким образом, весь вопрос в настоящее время заключается в уточнении времени основания Карфагена. Если трудности этого исследования, главным образом в связи с отсутствием на месте Карфагена, как и в Гадесе, материала вещественных памятников для датировки, будут преодолены и удастся обосновать утверждение, что Гадес основан был ранее Карфагена, тогда придется изменить все наши представления о путях финикийской колонизации юга Испании.

Об Абдере, следующей к востоку от Секси финикийской колонии, также писали многие авторы древности. Посидоний, Артемидор и преподававший в Турдетании Асклепиад из Мирлеи⁶, а также Стефан Византийский⁷, Плиний⁸, Мела⁹ и

¹ FGH, I, fr. 43.

² Pompon. Mela, II, 94.

³ Ptolem., II, 4, 7.

⁴ См. A. Schultzen. Forschungen in Spanien, Arch. Anz., 1939.

⁵ См. RE, s. v. Sexi, столб. 564.

⁶ На этих авторов ссылается Страбон, который, очевидно, опирался на их сведения в сообщении об Абдере. См. Strabo, III, 4, 3.

⁷ См. FNA, II, стр. 156.

⁸ Plin., NH, III, 8.

⁹ Pompon. Mela, II, 94.

Птолемей¹ помещают Абдеру восточнее Секси, перед мысом Харидема. Шультен полагает, что эта финикийская колония находилась у современного города Адра, которая, может быть, и является измененным названием старофиникийской колонии. Восточнее этого города Адра было найдено немало монет с легендой *abdr̄t*² и опять-таки с изображением почитавшегося у тирийцев финикийского Мелькарта-Геракла. Монеты эти принадлежат разным периодам, со времени карфагенского владычества и вплоть до начала Римской империи, что мешает установить дату основания Абдеры.

Кроме перечисленных финикийских колоний, было еще немало небольших поселений или мелких колоний, о которых у нас не сохранилось сведений. Однако финикийско-карфагенские вещи, найденные в местах археологических исследований, помогают нам установить, куда устремлялись финикийско-карфагенские купцы и где они останавливались во время торговли с древними иберами. Так, например, карфагенские изделия финикийского стиля найдены в Аркосе и в Велес-Малаке; сюда относятся также различные украшения в Осуне, у Кармоны, Галеры и Вильярикос, а также золотой клад из Алиседы. Не случайно, что именно в Андалузии, в стране тартессийцев-турдетанов мы встречаем финикийско-карфагенские предметы. Богатства этой области древней Иберии, изобилие металлов, более высокая культура обитавших здесь племен, наличие местного ремесла должны были направить торговые интересы и колонизационную деятельность финикийцев по всему побережью Андалузии и даже в глубь ее территории. Авиен³ сообщает, что финикийцы жили вдоль всего побережья до самого мыса Палос. Финикийцы, очевидно, проникали и в среду местного населения континента, что следует из сообщений древних авторов о ливии-финикийцах⁴, бастуло-нулийцах⁵, бастуло-финикийцах или бласто-финикийцах, которые, очевидно, смешивались этнически с туземным населением Андалузии-Тартессиды.

Дальнейшее развитие финикийской колонизации связано с выступлением Карфагена как большой державы на западе Средиземноморья. Все финикийские колонии перешли во владения новой державы, распространившей колонизацию с побережья в глубину Испании. Возникали новые города, существование которых или засвидетельствовано литературными источниками или их остатки вскрыты археологами. Появление

¹ P t o l e m., II, 4, 7.

² См. МЛ, стр. 117.

³ A v i e n., Ora maritima, 450—459.

⁴ Там же, 421.

⁵ P t o l e m., II, 4, 6.

новых городов свидетельствует о развитии внешних взаимоотношений на западе Средиземноморья, а также и о возрастающем значении Пиренейского полуострова в системе этих взаимоотношений.

В устье реки Альмапсор при Вильярикос были найдены остатки карфагенского поселения, которое может быть датировано V в. до н. э. Французский археолог Сирэ вскрыл здесь на холме много карфагенских могил с различными вещами; из них выделяются разрисованные страусовые яйца, а также множество глиняных фигурок карфагенской богини Танит. Под одним холмом вскрыта пещера, которая, возможно, использовалась в культовых целях, что сочетается с сообщением Плутарха о святилище Афродиты в этом городе. В дошедшем тексте Плутарха¹ этот городок называется «Батейя» (*Βατεία*), однако Шультеп предлагает чтение «Барейя» (*Βαρεία*) на том основании, что у Плиния² встречается упоминание города Бария (*Baria*), взятого римлянами в 209 г., после завоевания Нового Карфагена. Вопрос о более точном названии этого карфагенского поселения, все наиболее ранние памятники которого относятся к V в. до н. э., трудно разрешить ввиду недостаточности наших сведений о Барии.

Из других мелких колоний на юго-восточном побережье Испании несколько слов следует сказать об Акра Левке. О том, что карфагеняне, после существования здесь греческой колонии, господствовали в этом поселении около 30 лет, говорит Диодор³. Археологические исследования установили здесь немало памятников карфагенского происхождения. Восточнее Аликанте была открыта колония, некрополь которой дал немало памятников смешанного характера: бюсты (из глины) карфагенской богини Танит, кривые мечи иберийского происхождения, греческие вазы позднего периода и монеты из Ибиссы. Кроме Акра Левки на побережье Андалузии были, вероятно, и другие карфагенские поселения. Уже в свидетельствах древних авторов имеются некоторые намеки на существование небольших карфагенских поселений. Так, например, Страбон (III, 1, 7) свидетельствует о поселении Картейя, которая в древности называлась Гераклеей, т. е. поселением в честь Геракла-Мелькарта. Это подтверждается свидетельством Мелы (II, 96) о том, что в Картейе жили финикийцы.

Самым значительным карфагенским городом на испанском побережье являлся Новый Карфаген. Посидоний сообщает, что «это был наиболее сильный из всех городов на этом берегу»⁴.

¹ P l u t., Cato Maior, 3.

² P l i n., NH, III, 19.

³ D i o d., XXV, 10.

⁴ См. S t r a b o, III, 4, 6.

Полибий пишет, что этим городом Гасдрубал «приумножил могущество карфагенцев». «Действительно,— продолжает Полибий (II, 13),— город этот расположен весьма удобно, как для Иберии, так и для Ливии». Несомненно, что образование этого города при столь выгодных для карфагенян географических условиях явилось весьма значительным фактором в изменении внешнеполитического положения в западном бассейне Средиземноморья.

Трудно сказать, были ли какие-нибудь поселения на том месте, где Гасдрубалом был основан Новый Карфаген. Однако можно предполагать, что там был какой-то местный центр племени массивенов, сведения о которых имеются у многих авторов древности, говорящих о том, что до завоевания области массивенов на месте Карфагена находился город или большое иберийское поселение. Однако археологам до сих пор не удалось обнаружить на этом месте не только вещей иберийского происхождения, но и каких-либо значительных карфагенских памятников¹.

Помимо литературных свидетельств, некоторые данные для суждения о Новом Карфагене дает нам пумизматический материал. Вблизи Нового Карфагена находились серебряные рудники — источник значительных доходов для карфагенян, а потом для изгнавших их римлян². Тут, как и в самом городе, находят немало монет с филикийскими легендами. Изображения на монетах головы Геракла-Мелькарта, слова, женского божества и, главное, наличие филикийских букв говорит о том, что карфагенское торговое и культурное влияние на местное иберийское население было, вероятно, довольно значительным.

Здесь уместно будет вспомнить замечание Тимея о том, что основание Гадеса произошло намного раньше основания Карфагена. Этот вопрос до сих пор не разрешен, а между тем его разрешение помогло бы установить пути филикийской колонизации: шли ли они от берегов Африки к Гадесу, а оттуда по побережью юга Испании к Новому Карфагену, или от Сардинии к Балеарам, а затем к югу вдоль побережья Испании. Во всяком случае, после образования торговых факторий в Сардинии или до этого пунийцы достигли Балеарских островов.

¹ Трудности раскопок определяются наличием здесь большого города. Шульцену не удалось при обследовании Картахены обнаружить какие-либо следы карфагенян.

² Через Страбона мы узнаем любопытные сообщения Полибия о размерах серебряных рудников у Нового Карфагена. Так, Полибий говорит, что они занимали площадь в 400 стадиев и в его время на разработках было занято 40 тысяч рабов, которые добывали чистого серебра на 25 тысяч драхм в день (S t r a b o, III, 2, 10).

Карштедт полагает, что Балеарские острова никогда не были карфагенскими. Гюбнер и Шультеп утверждают обратное¹. В нашем распоряжении нет, к сожалению, достаточного количества памятников, чтобы сделать сколь-либо решительные утверждения по этому вопросу. Однако главный город острова Мипорка называется Маго — слово дунийского происхождения. Шультеп полагает, что этот город в свое время был назван в честь Магона, последнего полководца этого имени. В связи с тем, что памятники финикийской культуры² на Балеарах незначительны, приходится особенно внимательно учитывать античные литературные свидетельства. Артемидор у Страбона (III, 5, 4) определенно утверждает, что острова были заняты финикийцами. Диодор, Полибий и Ливий дают сведения главным образом о населении островов и правах их жителей, при этом, повидимому, сведения их восходит к Тимею, рассказывающему нам о туземцах этих островов, которые у Тимея, как и Артемидора, называются гимнесиями (γυμνησίαι). На основании Авиена³ можно предполагать, что гимнесии по этническому своему происхождению являлись иберами.

Предположение о принадлежности населения Балеарских островов к общему иберийскому племени можно сделать на основании общности некоторых памятников материальной культуры. При рассмотрении памятников с этих островов бросается в глаза и то, что там очень мало, а во многих случаях совершенно нет карфагенских и еще более ранних финикийских вещей. Многие, конечно, можно приписать неисследованности островов, слабой археологической их разработке. Однако разница в характере памятников на континенте и на Балеарах эпохи финикийской и карфагенской колонизации резко бросается в глаза. Таким образом, на основании имеющихся материалов можно утверждать, что карфагеняне не имели на островах прочных поселений, то ли по причине более поздней их колонизации, то ли потому, что для карфагенян эти острова рано потеряли экономическое значение в связи с изменением путей каботажного плавания, или, наконец, по каким-либо другим неизвестным причинам.

Лежавший неподалеку остров Ибисса играл, несомненно, более значительную роль в карфагенской колонизации. Археологическое исследование Ибиссы проводилось Вивесом и Кабреро. Однако работы этих археологов, изданные соответственно в 1911 и 1918 гг., значительно устарели. Более новые сведения даются в энциклопедических словарях по древней истории. Богатые археологические материалы Ибиссы локализируются в

¹ См. RE, s. v. Baleares; ср. A. Schulten в САП, VII, стр. 773.

² См. об этих памятниках у Мелиды, указ. соч., стр. 102—113.

³ Avien., Ora maritima, 464—469

трех главных местах находок: некрополь Пуиг Молине, клад из Плана и пещера Куйерам. Некрополь Пуиг Молине дал свыше 5 тысяч могил с саркофагами и вотивными фигурами, главным образом женскими бюстами, возможно, изображениями богинь. Стиль этих фигурок безусловно восточный; однако трудно сказать, в какой мере они являются финикийскими или карфагенскими. Головной убор некоторых терракотовых женских фигурок напоминает иберийский стиль, известный нам из статуэток с юго-востока Испании. Украшения на шее также имеют иберийский характер. Поэтому можно предположить, что проникнувшему сюда влиянию финикийской культуры противостояла какая-то местная культура. Полагают все-таки, что некоторые женские фигурки являются типичными изображениями финикийской Астарты; что же касается керамических сосудов на Ибиссе, то они имеют ярко выраженный карфагенский характер. Вазы украшены разноцветными полосами различной формы и размера; среди них встречаются стеклянные амфоры. Из украшений найдено много колец из золота, различных бус, печатей и т. п.; обстоятельный обзор их дан в статье «Ibiza» в *RL*.

Что касается находок в Плана и в Куйерам, они дают нам главным образом женские фигурки вотивного характера, в большом количестве открытые археологами и на Пиренейском полуострове. Найденные в Куйерам в количестве более 600 штук, женские фигурки датируются VI—III вв. до н. э., т. е. периодом карфагенского владычества в западном бассейне Средиземноморья. В связи с этим возникает тот же «Тимевский вопрос» о датировке колонизации Ибиссы. Шульцел относил эту колонизацию еще к эпохе финикийцев. После падения Тира и финикийской гегемонии Ибисса перешла в руки карфагенян. Однако, согласно Тимею¹, Ибисса была колонизована спустя 160 лет после основания Карфагена. Правда, этого свидетельства, конечно, недостаточно для окончательного разрешения вопроса. Вещественные памятники позволяют утверждать, что в V в. карфагенская фактория на острове уже была основана. Где именно она располагалась, до сих пор неизвестно, так как никаких следов карфагенских поселений не обнаружено, но большое количество найденных карфагенских предметов определенно доказывает, что с V в. Ибисса являлась каким-то важным звеном в системе карфагенских торговых коммуникаций. Отсутствие карфагенских поселений на Ибиссе позволяет сделать предположение, что отношение местного населения к карфагенянам было не дружжелюбным. Памятники некрополя Пуиг Молине, находки терракотовых женских фигурок вотив-

¹ *Diod.*, V, 46 (FHA, II, стр. 98, комментарий см. на стр. 99—100).

ного характера, стиль их украшений свидетельствуют о самостоятельности культуры иберийских племен. Несмотря на важное значение Ибиссы в системе карфагенской колонизации, карфагеняне, повидимому, могли только использовать для торговых целей гавани острова, но отнюдь не создавать свои поселения. Большое количество самых различных предметов карфагенского импорта и монет, найденных на Ибиссе и на соседних Балеарах, подтверждает эту мысль. О развитии ибисской торговли свидетельствует и то, что монеты ибисской чеканки находились при раскопках в Иберии, в южной Италии и в других районах средиземноморского побережья¹. К тому же, если Ибисса, лежащая вблизи восточного побережья Пиренейского полуострова, служила транзитным пунктом в торговле с Балеарами, а через них с Сардинией и Италией, то карфагенянам незначительно было иметь постоянные поселения или города на Ибиссе.

Так представляется нам развитие финикийской и карфагенской колонизации на западе Средиземноморья и главным образом на Пиренейском полуострове. Проникновение финикийцев на Запад и развитие карфагенского владычества в Испании не могли не изменить международного положения в западной части Средиземноморья. Эти изменения происходили, очевидно, не только под влиянием финикийско-карфагенских элементов, но также и в связи с развитием греческой колонизации в Испании.

* * *

Изучение греческой колонизации на побережье Испании наталкивается на ряд трудностей, связанных с датировкой первых греческих колоний. Известен рассказ, передающий Геродотом², о том, как самосец Колей впервые достиг Гартесса, центра древнеиспанской цивилизации. Как будто с этого события и следует начинать изложение греческой колонизации. Однако по этому вопросу, как и о том, каковы были первые колонии греков в Испании, единодушия среди ученых до сих пор не

¹ Относительно легенд на монетах ибисской чеканки см. стр. 110, а также статьи в RE, s. v. Ebusus и в RL, s. v. Ibiza.

² Herod., IV, 152. Интерпретация этого места вызвала много споров в науке. Библиографию по данному вопросу и вообще о греческой колонизации на Пиренейском полуострове см. в работах: A. Schulten, Die Griechen in Spanien, RhM, 1936, а также Bosch-Gimpera, указ. соч., т. «Греки и карфагеняне», стр. 290—322. Соответствующие статьи в RE и RL о греческой колонизации см. главным образом под названием колоний (Epirion, Rode, Nemeoscorcion, Mainasa). См. также отдельные экскурсы и замечания Шульцена и Бон-Гимпера в FPA, I—II (в комментариях к античным авторам и тексту); а также статью Бон-Гимпера в RL, «Griechische Kolonisation».

существует; ввиду недостаточности и сбивчивости литературных свидетельств исследования должны быть направлены по линии археологических изысканий. Большой интерес в этом отношении представляет вопрос о путях греческой колонизации Пиренейского полуострова.

Упомянутый нами в начале книги ученый Карпентер, автор небольшой книги «Греки в Испании», разошелся с общепринятыми теориями о развитии греческой колонизации в Испании и построил свою собственную гипотезу.

Карпентер пытается установить иные, чем в «Перипле массалиота», пути греческой колонизации Испании и иную последовательность основания известных на побережье полуострова греческих колоний. Необходимо указать, что в решении этого вопроса литература предмета не отличается ясностью. А. Шультен в своей книге «Tartessos», выводит греческие колонии из непосредственных связей греков с Тартессом и считает, что раньше всего была основана Майнака¹, хотя с другой стороны, он же полагает, что фокейцы могли попасть в Тартесс лишь после того, как завершили колонизацию от Массалии до Тартесса, но еще не основали Массалию, Гемероскопейю и Майнаку. Тут у Шультена неясность, так же как и во многих других трудах по Испании. Нет ясности у Шультена и в специальной работе по греческой колонизации Испании. Несколько иной порядок организации колоний Шультен намечает в своей статье в САН (VII, стр. 769). Карпентер намечает следующий путь плавания фокейцев в Тартесс. При каботажном плавании греков древности фокейцы должны были пересечь Эгейское море и, огибая южные мысы Греции, направиться вдоль западных берегов Пелопоннеса и Эпира к Керкире и даже к южному побережью Италии. Миновав Сицилийский пролив и придерживаясь итальянского побережья, фокейцы должны были достичь Питекуссы («Обезьяний остров»), острова, лежащего у побережья Италии. Из Питекуссы они плыли в Сардинию, которую называли тогда еще Ихнуссой (Ichnussa).

Такой путь плавания к Сардинии вполне естествен, и сам остров Ихнусса (Сардиния) был в древности довольно популярным. Известно, например, выступление Бианта Приенского — одного из семи мудрецов древности — относительно желательности образовать в Сардинии единый панэлийский (палилийский) город; согласно этому выступлению, греки могли бы, «избавившись от рабства, жить благополучно, занимая наибольший остров и владея им над остальными островами»².

¹ «Дата основания Майнаки не сохранилась, — пишет Ш у л ь т е н, — но город мог быть образован раньше Массалии, т. е. до 600 г. до н. э.». «Tartessos», стр. 26.

² H e r o d., I, 170.

Хотя греки и не последовали совету Бианга, но сам факт ссылки на Сардинию весьма характерен. Не менее показательны и то, что позже (около 494 г.) Аристагор из Милета советовал ионийским грекам поселиться в Сардинии. Может быть, Ольвия на северо-восточном берегу Сардинии и была таким ранним греческим поселением, основанным в связи с далекими греческими плаваниями на запад. Это можно сказать также и об Алалии на Корсике. Проход между Корсикой и Сардинией, судя по существованию Ольвии на Сардинии и Алалии на Корсике, безусловно использовался греческими мореплавателями. Можно также указать, что значительная часть Средиземного моря от Сардинии до Испании называлась «Сардинским морем». Все это достаточно ясно указывает на значение Сардинии для стран восточного Средиземноморья. Недаром Павсаний¹ говорит нам о том, как иберы очень рано устремили свои интересы к этому острову, где под командой Норакса был образован город Нора.

Изучая названия местностей на -ussa (как Нитекусса, Ихпусса), Карпелтер приписывает фокейцам путь колонизации от Кум, около которых находился остров Нитекусса, к Сардинии (Ихнусса), и далее к Балеарам, где мы опять-таки встречаем греческие названия с окончанием на -ussa. Таковы Мелюсса (Menorca), Кромиюсса (Mallorca), Питиусса (Ibiza), Офиюсса (Форментера). Названия с окончанием на -ussa не встречаются в северной части полуострова, и, наоборот, их немало на юго-востоке вплоть до западного побережья. Все это свидетельствует о том, что для греков Балеары являлись «островным мостом» в их плаваниях на запад, к побережью Испании.

Против Майорки лежит островок Кабрера (южнее Майорки) и далее виден остров Ибисса (Pitiussa), последний из Балеарских островов. Таким образом, древние фокейцы могли направлять через Мелюссу, Кромиюссу и Питиуссу свои галеры к побережью Испании, к мысу Нао. Южнее этого мыса всюду находились скалистые холмы. Один из них фокейцы могли назвать, как это предполагает Карпелтер, *Νεμεροσκορείον*, т. е. «Сторожевая башня». Таким образом, Карпелтер считает, что *Νεμεροσκορείον* был первой греческой колонией, к которой можно было легче и скорее всего добраться через Балеары.

По поводу теории Карпелтера можно сказать, что она весьма остроумна и занимательна. Однако она имеет свои за и против.

Во-первых, мы не можем проследить в достаточно авторитетных источниках названий Мелюсса и Кромиюсса для Майорки и Минорки. Это, впрочем, не может ослабить аргументации Карпелтера, ибо названий на -ussa на юго-востоке Испании

¹ P a u s., X, 17, 5.

достаточно, даже если не учитывать этих двух островов. Во-вторых, можно сомневаться, плавали ли греки от Сардинии до Балеарских островов, так как до Минорки путь довольно длинный (около 300 км) и при тогдашнем каботажном сообщении пуститься в такое плавание значило рисковать судном и жизнью моряков. Это весьма существенное соображение. Оно ослабляется, однако, тем, что в истории древности нам хорошо известны подобные плавания в открытом море. Так, в еще более древнюю эпоху «кефтиу» с острова Крита напали на Египет, покрыв расстояние от Крита до Египта, по крайней мере, в 600 км. Смелые мореплаватели, какими были греки, могли пуститься, следовательно, в дальнейшее плавание к неизвестной стране¹. В-третьих, некоторым препятствием была этруская угроза. Однако весьма сомнительно, боялись ли греки этрусков и их флота, тем более что этруски вряд ли могли закрыть греческим мореплавателям плавание к Балеарам, если они не могли запретить путей в более близкие пункты лигурийского побережья, где греки образовали свои колонии Ольвию, Гераклею, Антиполис, Никою и далее Массалию.

Нам остается, таким образом, только просмотреть археологические памятники материальной культуры и установить, в каком отношении эти материалы находятся к гипотезе Карпентера. Занимавшийся археологическими памятниками юго-востока Испании Бош-Гимцера считает, что находки греческих бронз подтверждают путь через «островной мост»². В частности, обращают на себя внимание такие памятники, как Афина Промехос с Майорки (музей Мадрида), фигурки Афины неизвестного происхождения, бегущего атлета, гарций, лучников, кентавра, маленькой Геры с гранатом. К архаическим бронзам, приводимым Карпентером, мы можем присоединить также грифона из Кастильяр де Сантисебан (ныне в музее Барселоны) и статуэтку Афины (музей в Гранаде), которые археология относит также к архаическим бронзам VI в. греческого происхождения. Аргумент Карпентера, таким образом, становится убедительным. Фокейцы действительно могли отправляться от ионической колонии Кум в Сардинию, где имелась колония Ольвия, а напротив на Корсике — Алалия, и отсюда двигаться через Балеары к берегам Испании, т. е. к мысу Нао, вблизи которого, в отличие от прежних взглядов, Карпентер и локализует Гемероскопейю.

Гемероскопейю как греческая колония в Испании трактуется в литературных свидетельствах древности по-разному.

¹ См. соображения о риске плавания греков в открытом море в цитированной статье Д. Д. Петерса в УЗ МГИИ им. Ленина, стр. 160.

² См. об этих памятниках В о s s e h - G i t t e r a, указ. соч., стр. 296; там же даны их фотографии.

Посидоний у Страбона (III, 4, 6) говорит так: «Между Сукроном и Карфагеном недалеко от реки лежат три городка массалиотов; самый замечательный из них, Гемероскопейон, имеет на мысу высокочтимый храм Артемиды Эфесской... он укреплен самой природой, удобно расположен для грабежа и заметен издали; пазывается он Дианием, все равно как бы Артемисием, а неподалеку от него имеются прекрасные рудники» и т. д. По этой версии Гемероскопейон является «массалиотской колонией». Однако сохранилась и другая версия, переданная Стефаном Византийским, согласно которой Гемероскопейон был фокейской колонией (Φοκείων ἄποικος). Таковы разноречивые сведения об этой колонии. Гипотеза Кариеутера помогает разрешить это противоречие.

Если фокейцы действительно плавали через «островной мост», они, естественно, должны были основать стоянку на испанском побережье. Самое название *Νημεροσκοπεῖον* («Маяк» или «Дневной страж») ясно говорит о функции этой стоянки. Назначение этого маяка заключалось в том, чтобы встречать идущих в Испанию греков, служить для них этапом в пути, местом для передышки. Естественно, что для этого не требовалось организовывать какой-то постоянной колонии, тем более, что плавание через «островной мост» вряд ли было единственным путем в Испанию. Нам известно, что существовал путь плаванья также и вдоль Этрурии, но северо-западному побережью Италии и югу Лигурии, что впоследствии привело к организации действительно больших колоний в северо-восточной окраине Испании.

Плавание в Гемероскопейон было обязательным для всякого, кто направлялся в Испанию через «островной мост». Но этот путь не был, очевидно, регулярным, а являлся любительским, приключенческим, в особенности при организации пиратских набегов, что у народов древности часто наблюдалось как особый вид промысла, наряду с торговлей.

То обстоятельство, что Гемероскопейон не являлся значительной колонией, а всего лишь стоянкой с небольшим поселением, создает большие трудности локализации его. Гюблер считал, что Гемероскопейон расположен был рядом с Дианиумом (современный город Декия в провинции Валенсия). Кроме данных Страбона, в пользу такой локализации говорят найденные здесь иберийские монеты с легендой *diniu*¹, что считается местным названием вышеупомянутого поселения. Кроме того, в названном месте найдено собрание греческих монет. Поисками Гемероскопейона путем археологических разведок занимался Шульцен, который в 1922 г. на горе около современной

¹ МЛ, стр. 91.

Дении обнаружил поселение, принятое им за искомую греческую колонию. Здесь были найдены остатки античного города. Со стороны моря видна часть древней городской стены, построенной из квадратных камней, с башнями. На самом верху в скале имеется небольшое помещение, нечто вроде сторожевой будки, где, может быть, и паходилась команда «маяка», подававшая знаки проезжающим кораблям.

Однако вряд ли можно считать предположение Гюблера и Шультена безусловно доказанным, поскольку имеется другая локализация Гемероскопейона, устанавливаемая Карпентером, обследовавшим это побережье и пришедшим к другим выводам. Автор работы «Греки в Испании» считает, что Гемероскопейон существовал не на месте современной Дении, а у скалы Пушта де Ифач, что находится не севернее, а южнее мыса Нао. Согласно Карпентеру, такое местоположение более естественно, ибо оно находится на линии «островного моста», и Гемероскопейон, таким образом, лежит прямо против островов, на кратчайшем от них расстоянии. В месте, указанном Карпентером, найдены были следы циклопических построек и большое количество черепков краснофигурной аттической керамики V в. до н. э. Такое расположение позволяло фокейцам направляться к Тартессу с заходом в Гемероскопейон у Пушта де Ифач. Если же Гемероскопейон локализовать у Дении, то надо признать, что фокейцы, плывшие в Тартессе, достигнув испанского побережья, должны были бы сначала ехать назад в Дению, а оттуда уже обратно, что мало вероятно.

Итак, мы стоим перед остатками греческих поселений, одного севернее, другого — южнее мыса Нао. Выше мы уже говорили, что гипотеза Карпентера о путях в Испанию через «островной мост» вполне позволяет локализовать Гемероскопейон там, где его находит автор этой гипотезы. Но сравнительная с Денией бедность памятников, найденных Карпентером, говорит лишь о том, что, как к «островному мосту», так и к Гемероскопейону, фокейцы прибегали нерегулярно и несистематически, в силу чего эта колония не смогла разрастись.

Далее, по мере роста значения Массалии, маршруты мореплавателей вели не только к южному побережью Испании, но и к восточному, в сторону Массалии. В этом случае необходимо было иметь стоянку или поселение также и к северу от мыса Нао. Это поселение могло возникнуть почти одновременно с тем, которое было южнее мыса. Таким образом, образовались два «маяка» или Гемероскопейона. То обстоятельство, что в наших источниках сведения имеются только об одном Гемероскопейоне, говорит лишь о том, что позже остался и разросся один «маяк», именно около Дении, ибо регулярный и система-

тический характер приобрели плаванья между Массалией и Майнакой и Тартессом, тогда как плаванья по «островному мосту» к Гемероскопейолу (к югу от мыса) никогда не приобретали регулярного характера, в силу чего южный Гемероскопейол потерял свое значение. Сообщения Геродота о плаваньи фокейцев в Тартессе не дают нам, таким образом, права полагать, что плавание это всегда и непрерывно шло через Массалию; возможно, был и «островной путь».

Важнейшей колонией фокейцев на пути в Испанию была Массалия. Фукидид¹ свидетельствует, что Массалия была древнейшей и наиболее значительной колонией греков на Западе, причем только одну эту колонию он упоминает как фокейскую. Но главным источником по вопросу о Массалии остается у нас Перипл массалиота. Самым сложным вопросом в области изучения Массалии, как и Эмпория, остается вопрос об их датировке. Общепринятым считается отнесение основания Массалии ко времени около 600 г. до н. э. Согласно Тимею (FHG, fr. 40), Массалия была основана фокейцами за 120 лет до битвы при Саламине. Трудно полагаться на сообщение Тимея, и поэтому необходимо корректировать эту датировку данными археологических исследований. Из литературных же свидетельств мы знаем, что Массалия была основана раньше Эмпория, что подтверждает нам тот же Тимей². Радомахер относит основание этой колонии фокейцев к 650 г. Находки протокоринфской черно- и краснофигурной керамики являются основным материалом в его аргументации³.

Не менее сложен вопрос о датировке Эмпория. Гекатей не дает каких-либо сведений о нем. Стефан Византийский упоминает об Эмпории, но не сообщает никаких подробностей. «Дата Эмпория, — замечает Вольф-Гимпера, — зависит, с одной стороны, от археологии, а с другой — от Перипла. Но к несчастью и Перипл весьма трудно датировать». Шульцен датирует составление Перипла временем позднее 535 г., т. е. после битвы при Алалии. Он доказывает это, ссылаясь на сообщение Перипла о сухопутной дороге от Майнаки к Тартессу, и считает, что такая дорога могла быть открыта лишь после битвы при Алалии, когда грекам, беспрепятственно плававшим в Тартессе, был закрыт морской путь между Майнакой и проливом. Отсюда Шульценом делался вывод, что непосредственно после битвы при Алалии, когда составлялся Перипл, Эмпория еще не было, так как он не упоминается в тексте. Но гипотеза Шульцена в настоящее время ставится под сомнение не только в отношении

¹ Th u s u d. I, 13. Фукидид в данном месте делает намек, что основание Массалии повлекло за собой столкновение греков с карфагенянами.

² Тимей у Скимна (S u m m., 196).

³ См. статью «Massalia» в RL.

датировки Эмпория, но и в понимании текста Перипла. Археологический материал также опровергает теорию Шульцепа. Под руководством Барселонского музея велось в течение нескольких десятилетий археологическое исследование Эмпория. Местоположение новой части колонии — Neapolis («Нового города») установлено еще сто лет тому назад. Около современного села Мартин де Ампуриас были обнаружены античные памятники города. Несколько позднее обнаружен (Paleopolis) («Старый город»), с которого и началось образование Эмпория, объединившего впоследствии Старый и Новый город. Со стороны суши Эмпорий был укреплен, что указывает на враждебные отношения греков с местным населением индигетов, которые жили около Эмпория. Со стороны моря укреплений не было. Очевидно, эмпориты надеялись на свой флот.

При раскопках «Старого города» были обнаружены остатки стен, фризы со сфинксами в архаическом греческом стиле и много различных предметов керамического производства, быта и ремесла, сведенных воедино в собрании Барселонского музея. В «Старом городе» найден некрополь с коринфской и халкидской керамикой, вазы из различных местностей Греции, датируемые первой половиной VI в. до н. э. Именно этот керамический материал и заставляет относить основание Эмпория к первой половине VI в. (около 570—550 г. до н. э.). «Новый город», образованный, очевидно, позднее, изучен более подробно и может быть восстановлен в некоторых деталях. Городские стены снабжены башнями; в городе обнаружены остатки водопровода. У южных ворот находилась улочка, которая вела к площади-рынку, расположенному в середине города. Тут же находился храм, построенный в более древнем, чем весь город, стиле. Обращают на себя внимание произведения скульптуры, среди которых особенно интересна прекрасная мраморная статуя Асклепия. Карвинтер относит эту статую к произведениям школы Фидия, хотя она могла быть изготовлена и значительно позже. Интересны также остатки статуй Афродиты, как памятника классической греческой скульптуры, отразивших традиции Праксителя. В этом же стиле выполнена относящаяся к периоду архаики бронзовая голова льва. Эпиграфический и нумизматический материал дополняет собрание памятников-древностей Эмпория¹. В числе найденных в Эмпории монет наибольший интерес представляют монеты древних иберов с легендой *untcesun*, под которой Гюбнер предполагает название туземцев-индигетов, населявших часть города и, по видимому, сохранивших независимость.

¹ Все эти материалы собраны и хранятся в музеях Барселоны, Хероны и в небольшом музее самого Эмпория.

Археологический материал, в частности коринфская и халкидская керамика, показывает на начало VI в. до н. э., и поэтому вряд ли можно снижать дату основания Эмпория позднее 550 г. Памятники «Нового города» подтверждают эту датировку. «Археологический материал, главным образом остатки чернофигурной и всех стилей краснофигурной керамики до наиболее архаических, относящихся к последней трети VI в., показывает, что Neapolis основан в VI в., причем, вероятно, в конце его, а Paleopolis лет на 40 раньше, так примерно около 550 г. В этом случае Перипл должен восходить к середине VI в., и это подтверждают значительные особенности его в знании топографии побережья востока Испании. Перипл относится ко временам апогея фокейской талассократии»¹.

Подобная археологическая аргументация Бош-Гимпера достаточно солидна, тогда как аргументация Шульцена построена на анализе исключительно литературной традиции. Но этот анализ не полон, как недостаточен и материал литературных источников, который привлекается Шульценом. Среди литературных памятников важно учесть список талассократий у Евсевия, основанный на Диодоре. В указанном списке перечисляется много народов (египтяне, карийцы, лесбийцы), господствовавших на море, затем названы фокейцы, которым отведено 44 года господства, за ними — самосцы, наксосцы и т. д. Талассократия самосцев, несомненно, относится ко времени Поликрата Самосского (534—507 гг.); она пастушила сразу же после персидского завоевания Фокеи в 540 г. Следовательно, период в 44 года талассократии фокейцев надо принять с 579 по 535 г., до битвы при Алалии, когда этруски нанесли греческому господству на Западе большой удар.

Сообщение о фокейской талассократии говорит о раннем проникновении греков на Запад. Выше мы видели, что Массалия, очевидно, была образована уже в VII в. Дата основания Эмпория, одной из дочерних колоний фокейцев-массалиотов, принадлежит периоду расцвета фокейской талассократии на Западе и не может быть отнесена позже 550 г. до н. э. Шульценовская датировка Эмпория после 535 г. основывается не на учете археологических и всей совокупности литературных свидетельств, а лишь на его понимании «Перипла массалиота».

Датировка Эмпория приблизительно 550 годом объясняет и умолчание об Эмпории в «Перипле». Из археологического обзора находок Эмпория было видно, что первоначально он был основан на островке (Paleopolis) и представлял всего лишь удобную гавань. Если повысить датировку «Перипла», главного источника «Ora maritima» Авиены, до 550—540 гг. до н. э.,

¹ B o s c h - G i m p e r a, указ. соч., стр. 315—317.

т. е. до времени, когда Эмпорий только возникал, то станет понятным, почему в «Перипле массалиота» отсутствует название Эмпория. Изучение текстов Полибия¹, Меллы², Скиллака³, Скимна⁴ показывает, что Эмпорий формировался постепенно; только после объединения обеих поселений эта колония, как показывает само название, приобрела значение торгового места, рынка или ярмарки. Население колонии было смешанным и состояло из иудигетов, живших в Новом городе, и небольшой группы греческих колонистов, которые имели здесь в гавани лишь одни торговые склады.

В качестве следующей значительной колонии греков, местоположение и датировка которой возбуждают спор среди историков, может быть отмечена Майпака. Если двигаться от Массалии и Эмпория по направлению к Тартессу, Майпака является крайней западной колонией греков. Самые ранние сведения о Майпаке принадлежат Гекатею, который говорит о Майпоборе⁵ в области мастисенов. Шультеп доказывает, что Майпобора или Майноба, называвшаяся в римское время Менуба, западнее реки Велес, является греческой Майпакой. Большие затруднения представляет установление местоположения колонии и датировка ее основания. Упоминания у Гекатея, а также в «Перипле массалиота»⁶ позволяют думать, что Майпака существовала уже к концу V в.

Шультеп утверждает, что автор Перипла смешивает Малаку с Майпакой, и соответственно читает и толкует текст Авлиана. Некоторое основание для предположения о смешении названий дает Посидоний у Страбона (III, 4, 2), где говорится, что «некоторые Малаку смешивают с Майпакой, которую мы считаем западнее всех фокейских городов». «По это неправда,— говорит Посидоний,— Майпака, теперь уже разрушенная, сохранившая следы греческого происхождения, находится гораздо дальше от Кальпы, чем Малака, которая ближе и имеет вид филиппийского города». Упоминания о Майпаке мы встречаем также у Эфора⁷. Все эти сведения древних авторов дают возможность установить, что Майпака лежала восточнее от пролива, чем Малака.

Исследование вопроса о местоположении, а также и о датировке основания Майпаки не может быть сколько-либо успешно проведено на основе критики и разбора только литератур-

¹ P o l y b., III, 37, 7; 76, 4.

² P o m p o n M e l a, III, 89.

³ S c y l., 2 (FHA, II, стр. 67).

⁴ S c y m n., 196 (FHA, II, стр. 61—62).

⁵ FHA, I, стр. 166.

⁶ См. A v i e n., Ora maritima, 427, 431 (FHA, I, стр. 70).

⁷ См. фрагмент Эфора у Скимна, 139 (FHA, II, стр. 60).

ных сведений, без привлечения вещественных памятников. Привлечение археологических свидетельств считал необходимым и Шульцен, хотя он чаще всего оповывался на догматическом изложении и односторонней критике текстов древних авторов. В 1922 г. он произвел археологические разведки, а потом раскопки.

Исходным пунктом его работы в этом направлении послужили указания Мелы¹ и Плиния² о существовании в римское время поселения Майноба или Майнобора, где греки впоследствии основали Майнаку. На холме Серро дель Пеньон, левого западного устья реки Велес, Шульцен произвел раскопки. Тут и было открыто римское поселение Менуба (древнесиберийское Майноба или Майнобора). Ученый нашел здесь ряд исключительной важности памятников — остатки стен, построек, полов, черепицы и коринфских капителей. На месте римской Менубы он открыл строительные камни, повидимому, из соседнего холма Серро дель Пеньон. Шульцен полагает, что эти камни (известняк) были взяты из греческой Майнаки после ее разрушения. Так, на холме, на достаточно обширной площади найдены остатки античного города. Найдено также большое количество мелких черепков. Сохранился, кроме того, вырубленный в скале проход, который, по мнению Шульцена, представлял собою ворота для входа в поселение.

Однако у нас нет прямых указаний на то, что эти остатки античного поселения принадлежат Майнаке. Нет этой уверенности и у самого Шульцена, который определенно говорит только о местоположении Менубы и отказывается локализовать Майнаку. Трудности исследования археологических памятников Майнаки состоят в том, что она, очевидно, была основана позже всех финикийских колоний и раньше всех была разрушена, т. е. просуществовала вряд ли более нескольких десятков лет. После битвы при Алалии, в начале карфагенского владычества Майнака, вероятно, была разрушена.

Нам остается теперь остановиться на трех последних греческих колониях в Испании: Роде, Алонис и Акра Левко.

О греческой колонии Роде Посидоний у Страбона (III, 4, 8) оставил нам следующие сведения: «Есть город Рода, основанный эмпорицами или, по мнению других, родосцами; здесь также, как и в Эмпорионе, чтут Артемиду Эфесскую». Таким образом, основание этой колонии шло непосредственно вслед за основанием Эмпория. Географическая близость их также дает основание полагать, что возникновение колоний не разделено большим промежутком времени.

¹ P o m p o n M e l a, II, 94.

² P l i n., VII, III, 8.

По мнению Бош-Гимнера, греческая колония Рода находилась вблизи современного Росас около Эмпория. Шультеп полагает, что вскрытие холма, на котором расположены крепостные стены современного Росас, могут дать остатки греческой колонии. Однако до сих пор не производилось сколько-либо серьезных археологических исследований Роды, и поэтому вопрос о ее местоположении остается открытым.

О колонии Алонис в источниках имеются весьма сбивчивые сведения. Стефан Византийский называет там «Алонис — остров и город Массалии»¹. Это сообщение заставляет нас предположить, что колония Алонис, как и Эмпорий, располагалась первоначально на острове. Что касается местоположения Алонис, то некоторые, пожалуй, единственные, сведения дает нам Помпоний Мела². «Следующий залив Илицитанский и на побережье своем имеет Алонис, Луценцию и Илице, откуда и название залива». Данное сообщение Мелы очень важно; оно дает нам ориентировку для нахождения местоположения Алонис. Так как в своем перечислении Мела идет с севера на юг и Алонис называет первой греческой колонией, то, естественно, она должна находиться севернее Илице и к северу от Луценции — современного Аликанте. Мы можем даже пойти далее и установить тот остров, о котором сообщает нам Артеmidор и на котором первоначально помещалась, очевидно, эта колония. Дело в том, что между мысом Нао и Аликанте лежит остров Бенидорм. Это единственный остров в заливе, и поэтому именно здесь следует искать остатки греческой колонии Алонис.

В настоящее время существуют две теории о расположении Алонис. По одному предположению колония находилась около современного города Бенидорм, по другому — около более отдаленного города Вильяхоис. И то и другое место было предварительно обследовано. И в том и в другом случае обнаружены древние памятники. Однако их больше у города Вильяхоис. Бенидорм пока еще не дал сколько-либо существенных археологических свидетельств в пользу локализации здесь греческой Алонис, хотя Шультеп и настаивает на этом пункте. Как в отношении предшествующей, так и этой колонии, вопрос остается открытым.

Акра Левке нигде не отмечается в качестве греческой колонии. Все же возможно, что это была греческая колония — одна из трех массалиотских, по Посидонию и Артеmidору, из которых Эмпорий и Алонис нам уже известны; об этом свидетельствует: во-первых, ее греческое название; а во-вторых, латинская пере-

¹ ГПА, II, стр. 157; ср. там же комментарий.

² P o m p o n. M e l a, II, 93. Имеющееся в нашем распоряжении свидетельство Птолемея не дает нам ясного указания об Алонисе; см. P t o l e m., II, 6, 14.

дача его «Castrum Album»¹. Однако у нас нет никаких материалов для суждения об Акра Левке, кроме сведения Диодора (XXV, 10), который говорит, что Гамилькар, подчинив своей власти много туземных городов, построил большой город, названный Акра Левке. После смерти Гамилькара в этот город отправился Гасдрубал. Столь незначительные сведения не дают нам права для широких предположений, хотя склонный к гипотезам Шультен определенно полагает, что Акра Левке следует искать в современном Аликанте, с которым он отождествляет греческую колонию. Незначительные находки керамики, причем более поздней эпохи, не дают оснований для столь категорических суждений.

Данная выше характеристика финикийских, карфагенских и греческих колоний показывает, что западная часть Средиземноморья рано привлекла внимание финикийских и греческих мореплавателей. Торговые операции этих народов, необходимость получения олова, меди, яшгара, увлекающая их на Запад, заставили познакомиться с Пиренейским полуостровом.

При изучении истории колонизации Иберийского полуострова финикийцами, карфагенянами и греками, истории вторжения к иберам чужеземной культуры важно проследить культурный симбиоз и взаимодействие различных племен в результате колонизации полуострова. Косвенным образом эта колонизация помогает также выяснить проблему Тартесса, о чем говорилось в предшествующей главе и к чему необходимо возвратиться в конце настоящего изложения.

Обычно при изучении путей и характера колонизации, при исследовании культуры, принесенной на полуостров колонизаторами, а также влияния всей совокупности этих факторов на развитие иберийских племен, забывают, что местом всех устремлений финикийцев, карфагенян и греков, «обетованной страной» Иберии, являлась древняя Тартессиды. И библейские тексты, и карфагенская база в Гадесе на территории Тартессиды, и, наконец, греческие данные о фокейской торговле с Тартессом, — все эти свидетельства подчеркивают большую роль Тартесса в привлечении илюстрацев в Испанию. Столкновение финикийского Гадеса с иберийским Тартессом, о чем оставил интересные сообщения Макробий, связи фокейцев с тартессийским царем Аргалтоном, и, наконец, все описания путей в Тартесс массалиотского Перипла, легшего в основу дошедшего до нас «Ora maritima» Авиана, — все эти данные характеризуют Тартессиду как важный экономический и культурный центр античной Испании. Если учесть сильную мифологическую струю в античной традиции, которая, поскольку

¹ Liv., XXIV, 41.

речь идет о Тартессе, сформировалась еще до появления имеющихся в нашем распоряжении исторических текстов, то должны исчезнуть колебания относительно историчности Тартессиды и положения ее в античной Испании как первого культурно-политического очага на территории всего полуострова. Колонизационное движение восточных народов в направлении к этому пункту древнеиспанской цивилизации даст нам косвенным образом ответ на весьма важный вопрос о том, где зародилась иберийская культура и где успели сложиться начатки государственности на полуострове.

Прежде чем решать вопрос, положительную или отрицательную роль сыграла колонизация в истории иберов, необходимо выяснить, какие изменения вызвало образование различных колоний в международных отношениях Западного Средиземноморья. Основными субъектами новых отношений в международной жизни выступали Тартессиды, финикийцы, Карфаген и позже Рим, которому удалось изменить, а потом и использовать сложившуюся международную ситуацию на Западе в целях своей захватнической политики.

Часть третья

БОРЬБА ИБЕРОВ
ПРОТИВ КАРФАГЕНСКИХ
И РИМСКИХ
ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

Г л а в а I

КОЛОНИЗАЦИЯ ИСПАНИИ И СООТНОШЕНИЕ СИЛ В ЗАПАДНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Возникновение Тартессиды и начало финикийской колонизации Пиренейского полуострова не могли не изменить даже в ту отдаленную эпоху международного положения в западной половине Средиземноморья. Возникновение Тартессиды явилось также фактом огромного значения в жизни иберийских племен, переходивших от первобытно-общинного строя к классовому обществу.

Первые финикийские колонии, основанные на южном побережье Тартессиды, по обе стороны Столбов Геракла, придали Испании важное значение в международной жизни и внешнеполитических отношениях Западного Средиземноморья. Новые гавани, развитие торговли, усиление связей Запада с Востоком, а в дальнейшем и борьба за металлы еще более увеличивали это значение.

Мы очень мало знаем о Тартессе, о времени его основания, даже о его местоположении. Внутренняя история Тартессиды до VIII в. до н. э. и ее внешние связи еще не исследованы. Поэтому до сих пор не выяснено, каким образом Тартесс оказался под влиянием Финикии (о чем сообщается в «Псалмах» 72, 10) и каковы были взаимоотношения Тартессиды с финикийцами и с их колониями в Испании. Отсутствие достаточного количества источников не позволяет делать каких-либо точных выводов в этом направлении и позволяет только высказать предположения, опирающиеся в основном на литературные свидетельства и некоторые археологические памятники. Прежде всего интересен вопрос, насколько была подчинена финикийцам вся Андалузия.

В советской литературе этот вопрос поставил Д. Петерс в своей статье о колонизации Испании. «Можно ли говорить о том, что финикийцы через Гадес и остальные колонии ...подчинили себе не только береговую полосу, но и

внутреннюю Андалузию?»¹ Автор спешит дать отрицательный ответ и не пытается использовать источники так, чтобы установить действительные отношения в древности². Конечно, мы можем допустить, что первоначально финикийцы имели договорные отношения только с г. Тартессом. Тимей у Диодора (V, 35—38) сообщает об общеизвестных стремлениях финикийцев добиваться путем торговли связей с туземцами.

Однако такие отношения могли иметь место лишь в первое время, пока местное население не узнало истинных намерений этих торговцев-грабителей, стремившихся к захвату всякого рода добычи вплоть до вывоза рабов. Некоторые изменения в политике финикийцев по отношению к иберам и Тартессиду удастся проследить по отдельным литературным свидетельствам.

Так, Посидоний у Страбона (III, 2, 4) прямо говорит, что финикийцы «и до времени Гомера завладели лучшими землями Иберии и Ливии и продолжали владеть ими до тех пор, пока римляне не положили конца их господству»³. Совершенно естественно предполагать, что тартессийцы не уступили своей территории без боя. И если финикийцы все-таки захватили их земли, то захват, по видимому, сопровождался длительной борьбой. Таким образом, попытки финикийской колонизации Тартесса повлекли за собою осложнения взаимоотношений между иберскими племенами и финикийцами.

Образование громадной ассирийской державы, ослабившей значение Тира, не могло не отразиться на судьбе его колоний на Иберийском полуострове. Можно полагать, что существовала непосредственная связь между падением господства финикийцев в Испании и отсутствием помощи Тира своим далеким колониям. Это предположение подтверждается рядом косвенных данных. Дело в том, что старинный «оловянный путь», идущий через Гибралтар, сделал Испанию известной не только финикийцам. Греческие мореплаватели, может быть, менее искусные в торговле, чем финикийские, также заинтересовались Тартессидой. Если считать, что плавание самосцев и фокейцев происходило примерно в одно и то же время, т. е. в VII в. до н. э., то, надо полагать, что зависимость Тартессиды от финикийцев к тому времени кончилась. Лишенные поддержки метрополии, финикийские колонии потеряли

¹ УЗ МГУ им. Ленина, т. XXVIII, вып. 1, стр. 134.

² На стр. 134 автор пишет: «Нам кажется, что этого (подчинения Андалузии финикийцам) не было, так как литературные и вещественные памятники фактов такого порядка не засвидетельствовали». Здесь Д. Петерс освобождает себя от критики текста Посидония у Страбона, хотя далее говорит прямо противоположное.

³ Данное место следует отнести к финикийцам, если только Страбон не путает финикийцев с карфагенянами. В тексте стоит *oi Φοίνικες*, как и у Тимей (*D i o d., V, 38*).

свое господство над «лучшими землями Иберии». Трудно предположить, что свободное плавание самосцев и фокейцев в Испании, их непосредственные переговоры с царем Испании Аргалтоном и представление о Тартессе как о самостоятельном и цветущем государстве могли бы иметь место во время финикийской гегемонии и тем более в период зависимости Тартессиды от Тира. Совершенно очевидно, что подобная самостоятельность Тартессиды могла появиться только после победы древних испанцев над финикийцами.

О борьбе тартессийцев против Гадеса упоминают два поздних источника: Макробий и Юстин. В их свидетельствах сквозит отголоски борьбы иберов с Гадесом. В источниках много поздней фантастической реконструкции событий, однако было бы неправильным не учитывать этот материал. В «Сатурналиях» Макробий¹ пишет: «Когда Ферон, царь Ближней Испании, в неместовстве направлялся с флотом для завоевания храма Геркулеса, жители Гадеса выехали ему навстречу на военных кораблях, и когда в сражении еще не было решительного перевеса ни на той, ни на другой стороне, вдруг царские корабли неожиданно были обращены в бегство. В то же время корабли запылали, охваченные огнем. Очень немногие из врагов, которые уцелели, будучи взяты в плен, показывали, что они видели на носу у кораблей флота Гадеса львов, выбрасывающих из пасти пламя в виде лучей, подобных тем, какие изображаются на солнце». Как в мифах о Геракле, о борьбе его с Героном, так и здесь отражаются далекие отзвуки борьбы иберов с чужеземцами. Такой же сюжет о борьбе Герона рассказывается у Трога Помпея в изложении Юстина². Эта вооруженная борьба, повидимому, происходила с переменным успехом. У нас, к сожалению, нет прямых указаний, были ли изгнаны чужеземцы из Испании или нет, удалось ли иберам овладеть грозной цитаделью финикийцев — Гадесом, или же он остался в руках финикийцев, которые потом объединились с карфагенянами. Последним, по мнению Шультепа, Гадес, Малака, Секси и Абдера «подчинились более или менее добровольно»³.

Возможно, что первая попытка Тартессиды освободиться от финикийского владычества потерпела неудачу. Но потом ей

¹ Macrobius, Saturn., I, 20, 12.

² Justin, XLIX, 5.

³ САН, VII, стр. 778. С подобным замечанием Шультепа можно было бы согласиться, если бы античная традиция не сохранила нам сообщения о том, что Гадес осаждался и взят был карфагенянами в результате штурма. Так, Афиней подробно описывает технику штурма крепостных сооружений Гадеса. Спрашивается: кому принадлежал этот город в тот момент? Если бы столица финикийских владений в Испании находилась в руках финикийцев, то вряд ли карфагенянам пришлось иметь столь серьезное столкновение со своими соплеменниками. Они всегда могли бы договориться, и тог-

удалось освободиться от зависимости и вступить в прямые связи с другими государствами. Именно к тому периоду, когда Тартесс освободился от влияния Финикии, может относиться сообщение Геродота (IV, 152) о цветущем и богатом Тартессе, так как именно в эту пору возникают непосредственные связи тартессийцев с греками. Последние, встретив доброжелательное отношение жителей Тартессиды, приступили к организации на испанском побережье ряда торговых факторий. Таким образом, финикийское владычество в Испании было непродолжительным, и с падением Тира оно стало постепенно ослабевать. Энергичные выступления иберов сыграли, повидимому, немалую роль в уничтожении этого владычества.

Однако Тартессиды и весь полуостров в целом продолжали оставаться местом устремлений потока колонизаторов, целью купеческих и грабительских экспедиций. С появлением на политической арене фокейских греков внешнеполитические связи Западного Средиземноморья вступили в новую фазу. Греки стремились к основанию своих колоний на восточном побережье полуострова. Известно, что в тот период греки уже плавали к побережью Италии, имели колонии на Сицилии, основали поселения на Корсике (Корсика) и даже на Сардинии. В связи с ростом значения Запада¹ иберы устремились на Иберийский полуостров. Основание Массалии и Гемероскопейона, возможно, происходило одновременно, так как греки могли направ-

да те или другие «подчинились более или менее добровольно» друг другу. Чтобы выйти из затруднения в связи с этим сообщением Афиней, Шульцес предлагает вместо Гадес читать у Афиней Тартесс! Нам не должен изумлять подобный выход, предлагаемый Шульцесом, ибо нам хорошо известна манера этого ученого поступать таким образом во всех случаях, когда факт или не указывается в Прокрустово ложе его схемы, или когда он не даст себе труда дать более глубокий анализ этого факта. В своей статье Д. Петерс выступил против изменения в тексте слова «Гадес» на «Тартесс», но не сумел ответить того соображения Шульцеса, что карфагенянам, этнически и политически связанным с финикийцами, вовсе незначим было восстать друг с другом. И действительно, если бы таковые причины столкновения имели место, они не были бы единичными, и, кроме того, явились бы столь исключительными, что древние должны были бы на этом специально остановиться. Во всяком случае, из истории Финикии и Карфагена нам неизвестно ни об одном таком вооруженном столкновении. Мы знаем только о борьбе внутри карфагенской правящей партии, притом в более поздний период. В ранний же период Гадес являлся в такой же мере тирской колонией Финикии, как и Карфаген. Спрашивается в таком случае: при каких исторических обстоятельствах оказалось возможным столкновение между Карфагеном и Гадесом?

¹ Старая датировка основания Алалии около 565 г. не может быть принята. Если Массалия была основана около 650 г., то, несомненно, основание Алалии произошло на несколько десятков лет раньше. Греки познакомились с Корсикой, несомненно, раньше ознакомления с Испанией и основания там колоний. За передвижку даты основания Алалии говорят также археологические данные из Массалии и Эмпория.

ляться к испанскому побережью и через «островной мост» и вдоль побережья Лигурии. Однако вторжение греков на крайний Запад Средиземноморского бассейна осложнило их взаимоотношения с карфагенянами, которые считали себя естественными преемниками власти финикийцев в Испании.

Образование Массалии и особенно Гемероскопейона на восточном побережье вызвало выступление карфагенян на стороне финикийцев, с которыми они были связаны торговыми и политическими отношениями. Именно в этой связи надлежит рассматривать сообщение Афиней¹ о взятии карфагенянами Гадеса, факт, открывающий период карфагенского владычества в Испании. Еще раньше Карфаген сумел подчинить своей власти побережье Африки от Кирены до Гибралтара. Теперь он направляет свою экспансию на земли Иберийского полуострова. Удобным поводом для этого явилось, надо полагать, обращение Гадеса за помощью к карфагенянам против наступавших иберийских племен². События разыгрались, вероятнее всего, уже на исходе VII в. до н. э., когда карфагеняне вторглись в пределы Испании со своими далеко идущими планами, в осуществлении которых они применяли метод договорных отношений своих предшественников системой насилия и разбоя.

Имеется весьма примечательное косвенное свидетельство о борьбе и победе Карфагена над Тартессом. Перипл Массалиота³ упоминает о торговом пути от Майнаки, которая в качестве фокейской колонии была связана тесными узами дружбы с Тартессом. Путь этот шел к столице Тартессиды через горы и занимал пять дней, а оттуда продолжался к устью Тахо. В то же время известно, что поездка морем в Тартесс занимала всего лишь три дня и была много легче, чем сухопутный маршрут через дикую горную страну. Вопрос о том, почему пришлось прибегать к сухопутной дороге, а не пользоваться обычным морским путем, Шультен разрешает, надо полагать, правильно. «Эта сухопутная дорога через дикую горную страну, должно быть, обязана своим существованием закрытию карфагенянами морского пути через проливы»⁴. После взятия

¹ Vitruv., X, 13, 1.

² Об этом обращении мы узнаем из Юстина (XLIV, 5). Сообщение Юстина подтверждает наше предположение о борьбе иберов (тартессийцев) с Гадессом и о падении этого города. Совершенно естественно, что финикийцы обратились за помощью к Карфагену. Однако эта помощь, очевидно, подошла лишь после того, как Гадес пал и находился во власти тартессийцев, ибо, по сообщению Афиней, пришлось применить технику осады города и брать его штурмом. Данное событие можно датировать серединой VII в., хотя окончательно этот вопрос разрешить трудно.

³ Avien., Ora maritima, 178—182.

⁴ САН, VII, стр. 775.

Гадеса карфагеняне действительно могли направить свои усилия на завоевание, с одной стороны, Тартесса, столицы древней Испании, с другой — Майнаки — важного транзитного пункта фокейских греков. Блокада пролива задевала интересы не только Тартессиды, падломленной борьбой с финикийцами (с Гадесом), а теперь с их преемниками — карфагенянами. Задетьми этой блокадой оказались и массалиоты, плававшие через пролив в Тартесс. Жители Майнаки, фокейские греки, в связи с блокадой проливов могли провести сухопутную дорогу в Тартесс. Для карфагенян это уже было похоже на вызов со стороны их торговых соперников — греков. Создавшееся положение накаляло взаимоотношения между карфагенянами и греками. Майнака была блокирована, и грекам пришлось проложить свою дорогу к устью Тахо, чтобы иметь возможность покупать олово от тартессийцев. В результате этого Карфаген пошел на крайние меры: во второй половине VI в. он разрушил сначала Майнаку, а затем и Тартесс.

После разрушения Тартесса, точной даты которого мы не знаем, владения Карфагена расширялись вдоль южного побережья Испании к востоку. Закрепились карфагеняне и вдоль восточного побережья, до мыса Нао, а также внутри страны до Сиерры Морены. Богатая долина Бэгиса явилась ценным приобретением для карфагенян. Еще более значительной ценностью было рудное или металлическое наследство царства Тартессиды: золото, серебро, медь и железо. Изменения в международной жизни на западе Средиземноморья состояли в том, что отныне доступ к Атлантическому океану и, следовательно, к олову зависел от доброй воли Карфагена, к которому перешли ключи от Гибралтарского пролива. «Сотни лет до этого, — пишет Шульцен, — плавали тартессийцы к Британии; они были смелыми моряками, подобно своим друзьям и соперникам фокейцам. Атлантический океан стал почти Тартессийским озером...»¹

Теперь, с захватом Гадеса и с разрушением Тартесса, «озеро» становилось карфагенским. Этот вывод подтверждают два знаменитых путешествия, связанных с именами Ганнона и Гимилькопа. Отчет путешественника Ганнона, дошедший до нас через одного греческого историка из Сицилии², свидетельствует об открытии карфагенянами западного берега Африки. О росте Карфагена как морской державы и господстве его по

¹ САН, VII, стр. 776. Это положение Шульцен основывает, повидимому, на том месте «Перипла Массалиота», где говорится, что «Обычнм было для жителей Тартесса вести торговлю в пределах Эстремид» (*Ora maritima*, 114).

² См. ССМ, I. Перевод дан акад. В. В. Струве в его кратком курсе «Истории древнего востока» (М., 1934); наиболее важный отрывок из отчета Ганнона см. в «Истории древнего Востока» акад. В. В. Струве (М., 1941), стр. 275. Литература вопроса указана в книге «История древнего Востока» Б. Тураева.

ту сторону Столбов Геракла свидетельствует и путешествие Гимилькона, описание которого сохранилось у Плиния и в «Перипле Массалиота»¹.

Все это косвенным образом свидетельствует о том, что карфагеняне держали в своих руках ключи от Гибралтарского пролива. Выход в Атлантический океан через Столбы Геракла с тех пор был закрыт для всякого мореплавателя-чужеземца. Можно допустить, как это предполагают некоторые историки, что карфагеняне мобилизовали и свою пропаганду для защиты пролива от покушений со стороны каких-нибудь иностранных купцов². Чтобы отпугнуть всякий чужеземный корабль, рассказывались басни об ужасах Атлантического океана, о долгом безветрии, мелях и рифах, блуждающих кораблях, терпящих кораблекрушения, туманах и горах, выступающих неожиданно из моря. Эти рассказы об Атлантическом океане и лежащих там странах просачивались, как известно, и в греческую литературу³. Массалиотские греки старались преодолеть сопротивление карфагенян, пролагая сухопутные дороги к Атлантике. Рост владений Карфагена в Испании и одновременное увеличение торгового влияния массалиотского союза греческих колоний еще более усложнили и обострили положение. Поэтому борьба между ними становилась неизбежной.

Карфагеняне после разрушения Майнаки продвинулись далее вдоль восточного побережья и достигли Балеарских островов, на которых впоследствии укрепились⁴. Балеарские

¹ A v i e n., Ora maritima, 380, 411; P l i n., NH, II, 169.

² Шульген, например, считает преувеличением различные басни, которые рассказывает нам Авиен об ужасах путешествия Гимилькона в далекие страны Запада. См. САИ, VII, стр. 776.

³ О греческой литературе с подобными мотивами подробно см. в «Gartessos», 51. Геркулесовы Столбы стали во время владычества карфагенян недоступными для путешествия греков. В связи с этим они служили постоянной темой для рассказов о далеком Западе. Кораблям чужеземцев позволялось плыть не дальше находящегося в проливах двух маленьких островов — Paloma и Peregris, где справлялся очень древний культ Геракла, т. е. филикийского Мелькарта. Следует заметить, что путешествие разрешалось только для целей жертвоприношения, притом на кораблях, которые до этого оставляли свой груз в гавани Майнака, или Малака, около острова Муны, и как только жертвоприношение было совершено, корабли обязаны были возвращаться обратно.

⁴ Каков был путь распространения карфагенского влияния и карфагенской власти на Балеарах, недостаточно точно взложено в источниках и в современной исторической литературе. Мы полагаем, что исходным пунктом такого распространения являлись Ливия и Киренаика, с одной стороны, и Сицилия — с другой. Посредствующим звеном в этом распространении должна была стать Испания после захвата Гадеса и разрушения Тартесса. Несколько иную картину рисует акад. В. В. Струве, который фиксирует остров Мальту как средоточие «торговых путей из Западного Средиземноморья в Восточное». «Далее на запад финикийские колонии встречаются в Сицилии, Сардинии, на Балеарах и на южном бере-

острова, как и фактории карфагенян в Сардинии, сохраняли свою автономию и поставляли своим властителям главным образом прославленных в древности пращников. Далее карфагенянам удалось даже основать на Мипорке свой главный город Маго, существующий под этим же названием поныне и назвавший в честь Магоша, одного из представителей династии карфагенских полководцев. Им удалось колонизовать и Ибиссу, остров, который уже раньше посещался финикийскими моряками. Даже на далекой Корсике скреплялись интересы массалиотов и карфагенян. Внешняя политика в Западном Средиземноморье, в частности, в Испании характеризуется подготовкой к войне с греками. Именно греческая угроза побуждала разбросанные карфагенские колонии объединиться с Карфагеном в одну державу, причем Иберийский полуостров должен был преградить себя в плацдарм для будущих грандиозных сражений сначала между двумя группами колонизаторов, а потом колонизаторов с местным населением Испании.

Намек на первую войну Карфагена с Массалией делает Фукидид¹. Карфагенянам для осуществления своих целей прежде всего нужно было вытеснить фокейцев из Корсики, где они поселились незадолго до основания колонии в Массалии. Карфагеняне сумели привлечь в качестве союзников этрусков, уже давно наводивших на греков страх морскими разбоями. Этрусски не меньше карфагенян опасались непосредственного соседства массалиотов и потому вступили в союз с Карфагеном. Фокейцам было очень трудно противостоять натиску двух народов, считавшихся в западной части Средиземного моря самыми опытными в морском деле. Античная традиция передает сведения о разгромившейся в 535 г. битве при Алалии. Хотя в открытом сражении на море греки и одержали победу, несмотря на численный перевес неприятеля, однако потери их были столь велики, что они принуждены были отказаться от Алалии. Из Корсики греки ушли в южную Италию и основали

гу Франции, где одна из колоний была организована на месте современного Марселя. Затем колонизируется испанское побережье, и финикийские колонии выходят на берег Атлантического океана». В заключение «колониализация распространилась и на северную Африку, где был основан Карфаген» (см. «Историю древнего Востока», 1941, стр. 274). Здесь, во-первых, недоразумение с финикийской колонией в Марселе, ибо там находилась фокейская колония Массалия. Далее, вряд ли сначала колонизовались Балеары, а лишь потом побережье Испании, ибо Гадес и Абдера дают более древние памятники, чем Балеарские острова. Наконец, невероятным представляется образование Карфагена лишь после всего этого цикла колонизации, ибо еще из Диодора (D i o d., V, 43) нам известно, что карфагенские поселения на Ибиссу и ее колонизация начались через 160 лет после основания Карфагена.

¹ Т h u c y d., I, 43. Сведения Ю с т и н а (XIII, 5) и П а в с а н и я (X, 86) о победах массалиотов относятся безусловно к более позднему времени.

здесь, недалеко от Посидонии, колония Геллу, или, как ее позднее обобщенно называли, Элею (Herod., I, 167). Теперь Массалии и возглавляемый ею союз фокейских колоний был изолирован и предоставлен своим собственным силам. Греки, как мы уже видели, не могли удержать Майнаку, и Карфаген завладел без сопротивления Тартессом. Однако в пределах своих владений Массалии победоносно отражали все нападения карфагенян, и борьба кончилась установлением демаркационной линии: к северу от мыса Нао сохранилось массалиотское влияние, а к югу от мыса Нао на восточном побережье Иберии — карфагенское. После битвы при Алалии греки вынуждены были покинуть Кирис (Корсику) и отдать его в распоряжение этрусков.

Создавшаяся после битвы при Алалии обстановка, несомненно, ухудшила положение Испании и паславших ее иберийских племен. Нечего говорить о том, что яблоком раздора борющихся сторон являлась древняя Иберия, ее минеральные богатства, золото, серебро, медь и железо. Пока в Испании существовало самостоятельное государство — Тартессиды, борьба не могла принять столь острого характера. Во время существования Тартессиды были невозможны те первые в истории запада Средиземноморья войны, которые привели сначала к Алалии (535 г.), а потом к Гимере (480 г.) и Кумам (475 г.). В борьбе соперников некоторой равнодействующей силой были иберы, от соглашения с которыми или от выступлений которых, очевидно, зависел исход победы. Но Тартессы были разрушены; чуждые иберам силы, поселившиеся на Пиренейском полуострове, господствовали почти на всем побережье Испании. Тем более сложными становились теперь внешнеполитические отношения, ибо наряду с Карфагеном и Массалией новый хищник — Рим стремился урвать и себе часть богатств полуострова. Об этом мы можем судить по сохранившемуся у Полибия (III, 22, 4—13) тексту договора между Римом и Карфагеном по испанским делам, относящемуся к 509 г. до н. э.

Русский перевод текста гласит следующее: «Быть дружбе между римлянами с союзниками и карфагенянами с союзниками на нижеследующих условиях — римлянам и союзникам римлян возбраняется плыть дальше Прекрасного мыса, разве к тому они будут вынуждены бурей или неприятелями. Если кто-нибудь занесен будет против желания, ему не дозволяется ни покупать что-либо, ни брать сверх того, что требуется для починки судна или для жертвы (жертвоприношения. — А. М.). В пятидневный срок он обязан удалиться. Явившиеся по торговым делам не могут совершить никакой сделки иначе, как при посредстве гласная или лица. За все то, что в присутствии этих свидетелей ни было бы продано в Ливии и Сардинии, ручается перед продавцом государство. Если бы

кто из римлян явился в подвластную карфагенянам Сицилию, то во всем римляне пользовались бы одинаковыми правами с карфагенянами. С другой стороны возбраняется обижать народ ардеатов, антиатов, ларентинов, киркентов, тарракинитов и всякий иной латинский народ, подчиненный римлянам. Если какой народ и не подчинен римлянам, карфагенянам возбраняется тревожить города их; а если бы какой город они взяли, то обязуются возвратить его в целости римлянам. Карфагенянам возбраняется сооружать укрепления в Лациуме, и если бы они вторглись в страну, как неприятели, им возбраняется проводить там ночь» (Полибий, III, 22,4—43).

Даже со стороны формы договор этот обращает на себя внимание, поскольку в тексте речь идет о двух равных договаривающихся сторонах. Детализация спорных пунктов, значение юрисдикции государства, гарантии авторитетом последнего, придают этому дипломатическому документу большое значение в международных связях как памятнику, имеющему государственное и межгосударственное значение. Не менее характерен этот документ и по существу трактовки спорных вопросов.

Договор отражает реальное соотношение сил Карфагена и Рима на западе Средиземноморья к концу VI в. до н. э. и как нельзя лучше подходит к условиям, сложившимся после карфагенского завоевания южной Испании. После 535 г. Карфаген чувствовал себя хозяином на море. Любые претензии на владения, лежащие на западе, воспринимались им весьма чувствительно. Намерение любого государства вторгнуться в сферу карфагенских владений или влияния получало отпор или направлялось в определенное, не угрожающее Карфагену, русло. Испанские богатства и земли имели слишком большое значение для карфагенян, и они не хотели иметь здесь каких-либо соперников. Весь смысл договора с Римом от 509 г. заключается именно в том, чтобы заранее предупредить самые незначительные попытки римлян направить свои интересы в сторону Иберийского полуострова¹. «Прекрасный мыс» (мыс Ра-лос), находившийся несколько севернее Нового Карфагена², располагал удобными гаванями, торговал металлами. Вблизи от мест торговли находились разработки руд, осо-

¹ Об этом договоре мы не имеем, к сожалению, свидетельств других древних авторов. Это весьма серьезно подрывает значение свидетельства о нем Полибия, единственного автора, сообщающего об этом документе. Молчание других авторов, как, например, Ливия и Диодора Сицилийского, а также трудность отнесения договора к столь ранним временам римской истории не раз возбуждали сомнения в его достоверности. Относительно этого договора и хронологических неточностей в нем см. примечания Мищенко к русскому переводу Полибия (стр. 383).

² P o l y b., III, 23, 1—2.

бенно серебра. Карфагеняне смотрели на этот мыс как на ворота для проникновения в глубь Испании. Для римлян тут начиналась запретная зона, переступить которую они не имели права по условиям вышеприведенного договора. Им разрешалось на определенных условиях торговать в Сицилии, Африке и Сардинии, но только не в Испании. Отсюда следует, что и Гибралтарский пролив для римлян был также закрыт. Перед лицом молодого римского государства Карфаген в заключенном договоре открыто заявлял о своих правах на Ливию, Сардинию и Испанию. Рим, правда, соглашался с этими правами карфагенян, но в то же время и карфагеняне не могли уже не считаться с интересами Рима. Значение договора заключалось в том, что он явился первым дипломатическим документом в международных отношениях, зафиксировавшим выступление Рима как нового государства. Договор не только косвенно признавал это государство, но и считал возможным юридически оформить его интересы на западе Средиземноморья. Претензии Рима, таким образом, были зафиксированы в договоре государством, по отношению к которому Рим уже выступал как равный. Несмотря на силу карфагенской державы, это новое положение не могло не предвещать больших осложнений.

Карфаген перенял от Тартесса владычество над иберийскими племенами Андалузии. Цильбицены, жившие между Гвадалквивиром и Гвадианой, мастиены — от Гвадианы до Мاستии, полностью подчинялись теперь своим властителям. Иберийские племена восточного берега — индигеты, гиметы и кельты горных областей — на первых порах не были особенно потревожены переменой хозяев-властителей. Эти племена отличались воинственностью и чрезвычайно охотно предоставляли в распоряжение карфагенян свое оружие в обмен на различные побрякушки. После ливийцев эти племена поставляли лучших солдат карфагенской армии, в которой они появились впервые в битве под Гимерой в 480 г., а затем участвовали почти во всех войнах между Карфагеном и сицилийскими греками, начиная с 409 г. до н. э.

Но Испания снабжала Карфаген не только солдатами. Сьерра Морена была чрезвычайно богата металлами, в особенности серебром. Известно, что Ганнибал позднее получал ежедневно из одного только рудника при Вебло 300 фунтов серебра. Горы были богаты также золотом, медью и железом. Рыбозасолочный промысел прибрежных андалузских городов, особенно Гадеса, доставлял громадное количество соленой рыбы, которую карфагеняне вывозили в Грецию и даже дальше. Испанский камыш, называемый *esparto*, шел на выделку канатов для кораблей, цыновок, корзин, плетеных ящиков и т. д. Богатая долина Бэтиса доставляла растительное масло,

вино и хлеб; лесные и горные районы — смолу и шерсть. Как правильно заметил Шультен, «не только сама Испания была богата, она являлась ключом к богатству атлантических стран, поскольку она стояла на страже Гибралтарского пролива, который давал к ним доступ. Теперь жители Гадеса, подобно прежним таргессийцам, плавали к островам Британии и возвращались с западного берега Африки с грузами золота, слоновой кости»¹.

Гегемонии Карфагена противостояли греческие колонии как Массалиотского союза, так и Великой Греции. Грекам приходилось бороться против карфагенян и этрусков одновременно. Гегемония Карфагена, начало которой было заложено в битве при Алалии, была серьезно поколеблена поражением карфагенян у Гимеры в 480 г., нанесенным им сиракузским тираном Геллоном. Победа дала сицилийскому тирану огромную контрибуцию в две тысячи талантов, массу рабов и другой добычи. Положение союзников Карфагена — этрусков — также становилось непрочным. В 475 г. до н. э., через пять лет после битвы у Гимеры, сиракузским тиранам удалось нанести решительный удар этрусскому флоту при Кумах.

О том, как развивалась Карфагенская держава в V и IV вв., у нас нет прямых свидетельств. После Перипла сведения о ней имеются у Пиндара² и Скилака Карнианского³. Геродот⁴, Еврипид⁵, Евктемон⁶, Платон⁷ дают весьма сбивчивые и неконкретные сведения о Западе. Можно предположить, что с согласия карфагенян было осуществлено путешествие Пифея в Гадес. Это путешествие, предпринятое из Массалии, характерно тем, что показало греку возможность свободно проехать через все владения тогдашних властителей морей, миновать Гибралтар, проплыть вдоль западного побережья Иберийского полуострова до самой Британии. Шультен полагает, что это могло иметь место во второй половине IV в., т. е. после того, как мощь Карфагена была несколько подорвана не только теми битвами, которые произошли на западе Средиземноморья, но и тем, что наряду с Карфагеном все большее значение приобретал Рим.

Не случайно, что после долгого молчания античной традиции (V и начало IV в.) первым новым и крупным сообщением является известие о договоре 348 г. между Карфагеном и Ри-

¹ САП, VII, стр. 776.

² ФПА, II, стр. 16.

³ Там же, стр. 18.

⁴ Там же, стр. 22.

⁵ Там же, стр. 30.

⁶ Там же, стр. 31.

⁷ Там же, стр. 48.

мом, упомянутое Полибием (II, 24, 1—12). Некоторое затишье на западе Средиземноморья было нарушено, казалось бы, малозначительным договором, регулировавшим отношения между двумя названными государствами. Для того чтобы можно было судить о характере взаимоотношений между Карфагеном и Римом в то критическое время, приведем текст этого договора из Полибии:

«Быть дружбе между римлянами с союзниками и карфагенянами, тирянами, народом Утики с союзниками на следующих условиях: римлянам возвращается ходить по ту сторону Прекрасного мыса, Мاستии и Тарсея как за добычей, так и для торговли и для основания города. Если бы карфагеняне овладели в Лациуме каким-либо городом, независимым от римлян, то они могут взять деньги и пленных, а самый город обязаны возвратить. Если бы карфагеняне взяли в плен сколь-нибудь человек из народа, соединенного с римлянами писанным договором, но не находящегося под властью римлян, карфагенянам возбраняется привозить пленных в римские гавани; если же таковой будет доставлен туда и римлянин наложит на него руку, то пленный отпускается на свободу. То же самое возбраняется и римлянам. Если римлянин в какой-либо стране, подвластной карфагенянам, возьмет воды или съестных припасов, ему возбраняется с этими съестными припасами обижать какой-либо народ, связанный с карфагенянами договором и дружбой. То же самое возвращается и карфагенянам. Если же случится что-нибудь подобное, обиженному возвращается метить за себя; если кто-нибудь учинит это, то деяния его будут почитаться государственным преступлением. В Сардинии и Ливии никому из римлян не дозволяется ни торговать, ни основывать город, ни приставать где-либо, разве для того только, чтобы запастись продовольствием или починить судно. Если римлянин будет занесен бурей, то обязан удалиться в пятидневный срок. В той части Сицилии, которая подвластна карфагенянам, а также в Карфагене, римлянину наравне с гражданином предоставляется совершать продажу и всякие сделки. То же самое предоставляется и карфагенянину в Риме».

Как видно из приведенного текста договора, общий характер его аналогичен характеру договора от 509 г. Но он более подробен. Новым в этом договоре является то, что здесь приводятся больше случаев столкновения интересов Рима и Карфагена. Каждый такой случай рекомендуется разрешать по соответствующей формуле. Подобные рекомендации для разрешения спорных вопросов имеются и в тексте первого договора. Во втором договоре особенно важны два момента. Если в первом договоре Ливия и Сардиния только декларируются как собственные владения Карфагена, то во втором договоре пункт,

касающийся Ливии и Сардинии, звучит гораздо строже. Ливия и Сардиния совершенно закрываются для Рима. Не только торговать или основывать города, но даже приставать теперь к Ливии и Сардинии запрещалось категорически, за исключением случаев бедствия. Эта категоричность указывает, очевидно, на то, что с римской стороны имели место случаи нарушения условий договора. Для пресечения этих нарушений в новом договоре потребовалась категорическая формула.

Другой, аналогичный по категоричности, пункт договора касается Испании. Римляне не должны были ни торговать, ни основывать городов в Испании. В качестве пограничных пунктов указывались теперь «Мастия и Тарсей», которые находились за «Прекрасным мысом» в сторону карфагенских владений. Что следует из этого содержания «испанского пункта» в договоре? Мы можем заключить, что карфагеняне, проявив твердость в пункте о Ливии и Сардинии, сделали некоторую уступку в испанском вопросе. «Прекрасным мысом» не ограничивались римские права в плаваньи вдоль испанского побережья. Римляне не могли показываться только южнее Мاستии. Пола «Прекрасном мысе» римляне могли отныне торговать, иметь стоянки судов. Таким образом, рост Римской республики, ее торговля сталкивали в этот период два государства, со всеми их союзниками и интересами в западном бассейне Средиземноморья. В этом, втором договоре, так же как и в первом, старая Карфагенская держава выступает как равная с новым государством — Римской республикой. Могущество Карфагена, таким образом, к середине IV в. было еще прочно и сохранялось до первой Пунической войны, ибо из Полибия¹ видно, что в момент конфликта с мамартинцами Карфаген владел большей частью Иберии и являлся для римлян серьезной угрозой.

Если учесть еще третий договор Карфагена с Римом от 226 г.², а еще раньше мирный договор от 241 г., по окончании первой Пунической войны, то мы должны будем прийти к выводу о существовании целой системы договоров, которыми две крупнейшие державы на западе Средиземноморья регулировали взаимные отношения и делили сферы влияния³.

¹ P o l y b., I, 10, 5—6. «Карфагеняне покорили своей власти не только Ливию, но и большую часть Иберии... господство их простирается и на все острова Сардинского и Тирренского морей, и сильно [римляне] боялись, как бы не приобрести в карфагенянах, в случае покорения ими Сицилии, опасных и страшных соседей, которые окружают их кольцом и будут угрожать всем частям Италии».

² Достоверность этого договора, однако, оспаривается в источниках, и еще больше в существующей литературе вопроса. См. P o l y b., III, 27, 1—10; САН, VII, стр. 778.

³ О договоре римлян с Гасдрубалом см. P o l y b., II, 13, 7—8; последний договор до начала второй Пунической войны — P o l y b., III, 25, 1—10.

Однако было бы неправильным не учитывать ряда других факторов, игравших определенную роль в развитии отношений между Карфагеном и внешним миром. Несомненно, греческие колонии Массалиотского союза не могли так быстро исчезнуть со сцены. На международной арене III в. греки должны были проявить особую активность, ибо с 264 по 241 г. и Рим и Карфаген были заняты в первой Пунической войне; их внимание было отвлечено от Испании. Последняя вообще не могла так быстро попасть в сферу непосредственных интересов Рима, которому предстояло еще предварительно овладеть Сицилией и Сардинией. К сожалению, литературные свидетельства этого периода не сохранили каких-либо сведений о том, что делали греки Массалиотского союза в этот период. Об их деятельности мы можем судить только на основании археологических памятников, в большинстве своем относящихся именно к V и IV вв. Все эти памятники говорят не только о культурной эволюции греков в Испании и о влиянии их на местное население, но позволяют также сделать некоторые политико-экономические выводы.

Главная деятельность фоксийских греков направлялась, очевидно, преимущественно по линии торговли и широкого обмена с местными племенами. Об этом свидетельствуют находки в самых различных местах побережья, а частично и континента Испании. Большое количество остатков керамической тары, иногда представляющих целые завалы, сохранившиеся прямо на поверхности, создает немало затруднений для изучения, а в особенности для датировки. Вся эта масса остатков кратеров, больших и малых пифосов свидетельствует о широко развитой торговле греков с VII по IV в. В науке было отмечено влияние греческой вазописи на создание собственно иберийского стиля с его геометрическим и растительным орнаментом, примитивным по форме, но с явными моментами греческого влияния. Краснофигурные кратеры найдены даже в Алькасар де Саль в Португалии; остатки краснофигурной керамики VI в. встречаются на всем юго-востоке полуострова, в Каталонии и Арагонии. Почти в каждом иберийском поселении, где были найдены характерные памятники иберийского ремесла и искусства, встречаются греческие вазы. Иберам эти вазы служили не для украшения жилищ и не в качестве моделей в местном производстве керамики, а по преимуществу в качестве тары, в которой они или закупали или продавали различные предметы сельскохозяйственного производства.

О развитии торговых сношений между греками и иберами свидетельствует также большое количество греческих монет, найденных в иберийских поселениях. Находки в Тивиссе (провинция Таррагона), Тиусне (провинция Уэска), целый клад из

Понт-де-Моллис (провинция Херона), значительный клад из Уэсты (провинция Валенсия) дают нам примерное представление о радиусе действия греческих купцов. Речь идет о тех местах испанского побережья, которые находились не только в поле внимания, но и в области непосредственного экономического и политического воздействия Массалиотского союза. Нам трудно установить конкретные формы, регулировавшие взаимоотношения греков и иберов. Во всяком случае, литературные известия не говорят нам о каких-либо военных столкновениях или военных союзах этих двух народов. Скорее можно предположить, что оба народа находились в договорных отношениях, не допускавших активных и агрессивных выступлений друг против друга. Хотя греки были слабее в военном и политическом отношении, но они значительно превосходили иберов своей культурой. Иберы же, несомненно, были более сильны в военном отношении; взаимная связь была, таким образом, в интересах обеих сторон. О том, что между греками и иберами в этой части Испании существовали мирные, а быть может, и дружественные отношения, свидетельствует интенсивная инфильтрация греческой культуры в иберийские поселения, что удается проследить по памятникам скульптуры и отчасти архитектуры. «Дама из Эльче», «Благородная дама» (№ 3500), менее значительные скульптуры из бронзы, как фигурки из Санта Елена, определенно обнаруживают следы греческого влияния, а может быть, и следы рук греческих мастеров при производстве этих памятников¹.

¹ В главах о бронзе Santa Elena и о греко-иберийском искусстве Карпентер, анализируя греческие и иберийские памятники, приходит к ряду интересных положений. С точки зрения автора, литературные и археологические источники позволяют говорить о господствовавшей на побережье Испании VI—IV вв. от Португалии до Лангедока во Франции «тартеесо-иберийской цивилизации». Цивилизация эта возникла в значительной степени в результате греческого влияния. Среди жителей области Мурсии (Мурсия) и ее северных областей греческое влияние, по мнению Карпентера, продолжалось и в последующем. Бронза в районе Мурсии выразительна и сильна, керамика с лучшей декорировкой, скульптура из камня, храмовая архитектура представлена главным образом именно здесь, т. е. по юго-восточному побережью Испании, находящемуся в зоне непосредственного влияния греков. Три фигурки из бронзы выделяются Карпентером для анализа стиля иберийской скульптуры этого рода. Три «дамы» из Santa Elena представляют безусловно иберийские произведения с греческими инфильтрациями. На двух фигурках мы видим безусловно греческую одежду — хитон. Лиццо лица, щеки сделаны весьма тонко, волосы лежат равными рядами (полосами). По мнению Карпентера, лиццо корнуса под одеждой характеризуют архаичку ионийского искусства. Автор делает вывод, что произведения эти выполнены под влиянием греческого искусства VII в. и изготовлены или непосредственно греческим мастером или его иберийским учеником. Третья фигурка более иберизована. Фигурка воина со шлемом из Santa Elena также несет следы греческого влияния и в самой форме шлема.

При всем этом внимательное изучение скульптур из камня и бронзы показывает, что памятники, носящие на себе следы греческого влияния, не являются дериватом греческого искусства. Подобное утверждение было бы неправильным и в отношении скульптуры, и в отношении керамики, ибо иберийские памятники при всех греческих культурных инфильтрациях сохраняют своеобразный иберийский стиль. То же следует сказать и об архитектуре древних иберов, которую характеризуют остатки капителей древнеиберийского храма в Серро де лос Сантос и Льяно де Консолясион. Изучение стиля капителей приводит к выводу о том, что капители имеют иберийско-ионийскую форму и указывают на культурный симбиоз греков и иберов в VII—IV вв. до н. э. Остатки большого здания в Оеуне сохранили капитель, стиль которой также носит на себе следы греческого (дорийского) влияния. При всей осторожности в выводах об иберийской архитектуре, поскольку последняя оставила нам весьма небольшие и ограниченные памятники, тезис о культурно-историческом симбиозе двух народов может быть здесь также в некоторой степени подтвержден. Ставился вопрос и о культурных связях иберов и греков еще в крито-микенскую эпоху, о родстве в стиле их памятников.

Некоторая общность иберийского и греческого стилей, их симбиоз в культуре Испании VII—IV вв. позволяет сделать вывод, что в период греческой колонизации восточного побережья отношения иберов и греков были мирными. Возможно, что эти народы объединялись против карфагенян. Подобное предположение не лишено основания на фоне тех внешнеполитических осложнений, какие имели место на западе Средиземноморья в VI—III вв. до н. э.

Выше мы говорили о договорах между Римом и Карфагеном. Их достоверность не установлена, по сведения о них у Полибия и Ливия характеризуют положение на Западе, когда, с одной стороны, поднималась карфагенская держава на Иберийском полуострове, а, с другой стороны, усиливалась молодая Римская республика, с ее интересами, направленными за пределы Италии. Из содержания договоров видно, что камнем преткновения во взаимоотношениях между этими государствами являлись Сардиния, Ливия и Испания. Торговые интересы Рима в Сардинии, Ливии и Испании тотчас же наталкивались на сильное противодействие Карфагена, который упорно декларировал в договорах с Римом свое право собственности на эти страны.

Из настойчивости, с которой Карфаген подчеркивал свои права на эти владения, можно вывести заключение, что Карфаген создавал растущую угрозу со стороны Римской республики. Испания еще не фигурировала в качестве яблока

раздора, но карфагенская Сицилия и Сардиния волновали Рим, и первая Пуническая война должна была разрешить эти вопросы силой оружия. Потеря карфагенянами Сицилии и Сардинии по договору 241 г.¹ дала возможность Римской республике снова поставить вопрос о своих континентальных и морских границах.

Для Карфагена потеря Сицилии и Сардинии явилась не только материальным ущербом, вытекавшим из сокращения территории, утраты портов, удобных гаваней и флота, но и подрывом военно-политического престижа карфагенской державы. Дело в том, что удар, полученный карфагенянами в результате первой Пунической войны, был столь значительным, что он означал потерю не только Сицилии и Сардинии, но и Испании. В период между 264 и 237 гг. Испанию следует считать потерянной для Карфагена, ибо из текста Полибия (II, 1, 5) видно, что Гамилькар должен был снова завоевывать карфагенскую Испанию. «Как только карфагеняне усмирили Ливию,— говорит Полибий,— они тотчас же собрали войско и снарядили Гамилькара в Иберию». Текст показывает, что Иберию нужно было завоевывать, собирать для этого войско и направлять туда видного полководца. К сожалению, в точности, не известно, при каких обстоятельствах Карфагеном была потеряна Испания, а следовательно, и какие мотивы заставили снарядить большую армию для организации нового завоевания и подчинения Испании.

Организации нового похода в Испанию в значительной степени объясняет события, происшедшие непосредственно после первой Пунической войны. Мы имеем в виду большое восстание пастухов и крестьянского населения в Ливии, что характеризуется Полибием², как большая ливийская война, более страшная, чем война с Римом. Внешним поводом для восстания являлась невыплата жалования пастухам; на самом же деле восстание явилось, несомненно, выражением борьбы местного населения против владычества Карфагена.

¹ Текст договора приводится у Полибия: «Карфагеняне обязуются очистить Сицилию и все острова, лежащие между Италией и Сицилией. Союзники и той и другой стороны должны быть обоюдно неприкосновенны. Ни одна сторона не в праве во владениях другой приказывать что-либо, возводить какое-либо общественное здание, набирать пастухов, вступать в дружбу с союзниками другой стороны. В десятилетний срок карфагеняне обязуются уплатить две тысячи двести талантов и теперь же внести двести. Всех пленников карфагеняне обязуются возвратить римлянам без выкупа». Впоследствии,— продолжает Полибий,— по окончании войны римляне внесли в договор дополнительные условия такого рода: «Карфагеняне обязуются очистить Сардинию и уплатить, сверх условленных прежде, тысячу двести талантов» (P o l y b., III, 27, 1—9. Перевод Мищенко).

² См. об этом восстании у P o l y b., I, 68—88.

Иначе трудно объяснить, почему в восстании приняли активное участие 70 тысяч местных жителей Ливии и Нумидии. Далее от Карфагена отпали города Утика и Гипакрит¹, которые тяготились гегемонией Карфагена. Затем затруднительное положение карфагенян было использовано сардинцами, которые также организовали восстание². В это время произошел еще один эпизод, крайне ухудшивший положение Карфагена. Карфагенская стража захватила 500 итальянских купцов-контрабандистов, снабжавших продовольствием и оружием повстанцев в Сардинии. Римский сенат потребовал немедленного освобождения пленных купцов. Карфагену, поставленному в столь тяжелое положение только что заключенным договором 241 г. и восстаниями в Ливии, пришлось под давлением создавшихся обстоятельств принять все условия римлян. Рим, намеревавшийся было по окончании «ливийской войны» начать новую войну против Карфагена, ограничился внесением в договор 241 г. нескольких новых дополнительных условий:

«Карфагеняне обязуются очистить Сардинию и уплатить сверх установленных прежде, тысячу двести талантов»³. «Так, почти три года и четыре месяца карфагеняне вели войну в пределах своих владений с восставшими племенами и отпадавшими городами, войну, «из всех известных нам в истории самую жестокую и исполненную злодеяний»⁴.

Все эти события, наступившие непосредственно после печального для Карфагена исхода первой Пунической войны, не могли не отразиться на положении Испании и в системе карфагенских владений. Первая Пуническая война закончилась в 241 г.; после этого «ливийская война» продолжалась три с лишним года, а Гамилькар, подавивший восстание, сразу же в 237 г. высадился в Гадесе и начал завоевание Иберии. На основании всего этого можно высказать предположение, что во время первой Пунической войны, ливийских и сардинских событий, иберийские племена также поднялись на борьбу за независимость и вытеснили карфагенян из их колоний на юго-востоке полуострова. Древние иберийские воинственные племена могли это сделать с тем большим успехом, что карфагеняне занимали лишь узкую полосу побережья полуострова. Силы их в это время были отвлечены на войну с римлянами, а потом на «ливийскую войну». Карфагеняне не могли послать в Испанию сколько-либо значительные отряды тем более что, как об этом свидетельствует Полибий⁵, главные силы восставших

¹ Р о л у в., I, 82, 8.

² Там же, 79—82; 88, 8—12.

³ Там же, III, 27, 8—10.

⁴ Там же, I, 88, 7—8.

⁵ Там же, 67, 7—8.

карфагенских наемников состояли «из иберов, кельтов, частью из лигийцев и балсаров». Посылать их восвать с соотечественниками за Карфаген, против которого они только что боролись, было бы весьма опрометчивым шагом в столь тяжкий для Карфагена момент.

Что же касается иберов, то они могли как раз успешно справиться со своей задачей, так как им в этом, несомненно, помогали массалиотские греки. Выше специально разбирался вопрос о своеобразном культурном симбиозе греков и иберов, прекрасно прослеживающемся по памятникам материальной культуры Испании VI—IV вв. до н. э. Контакт между двумя этими народами мог завершиться военным союзом в борьбе за изгнание карфагенян с Иберийского полуострова.

Только в этом плане становятся понятными наступившие в 237 г. новые события во внешнеполитических отношениях стран на западе Средиземноморья. Карфаген получил удары в Сицилии, Ливии и Сардинии почти одновременно. В таких условиях потеря Испании была равносильна окончательному падению мощи Карфагена. Поэтому Карфагену необходимо было собрать все силы на этом весьма уязвимом пункте своих владений, из-за которого впоследствии началась вторая Пуническая война.

Политики и полководцы Карфагена трезво оценили тревожную ситуацию и очень быстро снарядили экспедицию во главе с Гамильгаром, отправившуюся на завоевание и подчинение Испании. Выступление Гамильгара должно было предупредить всякую попытку внешнего вмешательства со стороны Рима.

Таковы внешнеполитические события, во время которых в качестве основных факторов эволюции стран Западного Средиземноморья выступили Карфаген и Рим. Было бы неправильным в оценке этих событий не учитывать такого факта внутреннего социального развития, как ливийская война или восстание наемников. Немаловажную роль в международных отношениях играла подготовка иберов к всеобщему выступлению, сначала против карфагенян, а затем и против римлян.

Г л а с а II

ВЫСТУПЛЕНИЕ ГАМИЛЬКАРА
И НАЧАЛО БОРЬБЫ ИБЕРИЙСКИХ ПЛЕМЕН
ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

В 237 г. до п. э. Гамилькар высадился в Гадессе. Вряд ли этому предшествовала какая-либо борьба внутри правящих кругов Карфагена. Уже слишком тяжело было положение Карфагена в столь неблагоприятно сложившейся для него обстановке. Стремительное наступление Гамилькара в Испании сразу же после того, как Карфаген успел оправиться от удара со стороны Рима и восстания в Ливии, говорит о том, что Карфагену собственно некогда было размышлять. Полемизируя с Фабием Пиктором, Полибий подробнейшим образом исследует причины, заставившие карфагенян направить острие своей экспансии главным образом в Испанию, что должно было неизбежно привести ко второй Пунической войне. Правда, существует и другая античная версия о происхождении второй Пунической войны как о результате личных действий Гамилькара в Испании. Анналисту Фабию Пиктору принадлежит мнение, что вторая Пуническая война была затеяна Гамилькаром и Гасдрубалом из-за личной выгоды. Фабий Пиктор обвиняет Гасдрубала¹ в стремлении к военной авантуре. Под влиянием этой версии писали и другие историки античности². Полибий, однако, считает эту версию несостоятельной, и он, несомненно, прав.

В Карфагене действительно были две партии, выступавшие за войну и против нее, партия Гамилькара и партия Ганнона. По, согласно Полибию (III, 9, 6—8), большинство стояло на стороне Гамилькара до конца войны. О борьбе Ганнона против войны с Римом сообщает нам Ливий (XXI, 10), который в уста Ганнона вкладывает речь против войны; однако речь эту большинство ученых считает произведением самого Ливия. Таким образом,

¹ Polyb., III, 8.

² Appian., Iberica, 4, Hannib., 2, см. также у Dio Cass., XII; Zonar., 8, 17.

самый ход событий говорит скорее за то, что поход в Испанию был не личной авантюрой Гамилькара и его сторонников, а проявлением политики Карфагена. Необходимо было немедленно прибрать к рукам Испанию, которая, повидимому, отпала от Карфагена во время войны с Римом или восстания в Ливии и в Сардинии. Это было тем более необходимым, что выплата Карфагеном большой контрибуции, наложенной Римом по договору 241 г., не могла производиться без испанского серебра.

Невыплата контрибуции угрожала бы новой войной с Римом. При таком положении Карфагену ничего не оставалось делать, как сларядить войско и во второй раз послать Гамилькара на завоевание Испании. Дискуссионным может оставаться только один вопрос: каковы были планы Гамилькара после завоевания Испании?

Анекдот, рассказывающий о том, что перед экспедицией в Испанию Гамилькар заставил своего девятилетнего сына Гампибала поклясться в вечной ненависти к Риму, характерен для настроения карфагенян. Они должны были радоваться успеху в испанской войне, доблестям своего полководца, и такая война не могла быть организована без помощи всего государства. Поэтому версия Фабиуса Пиктора о личном предпринятии Гамилькара в Испании и Т. Ливия о борьбе партий не соответствует реальному положению вещей.

После высадки Гамилькара в Гадесе необходимо было преодолеть сопротивление турдетанов (ранее называвшихся тартесийцами) и других местных иберийских и кельтиберийских племен. Турдетанские племена юга Иберии создали, повидимому, крупное племенное объединение; во главе 50 тысяч иберийских воинов встали туземные полководцы: Истолатий и Индорт¹, о которых передает Диодор Сицилийский. Сообщения древних говорят, что Гамилькар пришлось столкнуться с ожесточенным сопротивлением иберов, чем и объясняются ответные жестокие мероприятия его по отношению к пленным и захваченным вождям местных племен. Индорт был, по сообщению Диодора, ослеплен Гамилькаром, а потом повешен. Все это подтверждает, что Испания вплоть до самого Гадеса отпала во время войны от Карфагена и Гамилькару приходилось снова завоевывать ее в ожесточенных схватках с иберами.

Подчинив турдетанов, Гамилькар устремился к восточному побережью и начал шаг за шагом подчинять иберов вплоть до мыса Палос, старой границы карфагенской и римской (а также массалиотской) сфер влияния. Эта граница не остановила Гамилькара; он двинулся на север от Палоса и дошел до

¹ D i o d , XXV, 40; см. также L i v , XXXIV, 47--49.

мыса Нао. Между этими двумя мысами карфагенский вождь в военно-стратегических целях осповал «белую крепость» — Акра Левке, а может быть, просто восстановил город одноименного названия массалиотского происхождения. Во время осады города Илице (Нисе)¹ Гамилькар сложил свою голову. Это было зимой 229/8 г. до н. э. Осада Илице, несомненно, была предпринята лишь после оспования «белой крепости», в связи с чем Рим в 231 г. отправил посольство к Гамилькару.

Поводом для этого посольства послужил тот факт, что карфагеняне перешагнули свою пограничную линию с Массалией, а также и с Римом, который был союзником массалиотов. Римским послом Гамилькар дал остроумный ответ, что он только для того и вступил в борьбу с иберами, чтобы достать деньги, необходимые для уплаты Риму военной контрибуции по договору 241 г. Риму ничего не оставалось, как удовлетвориться этим ответом, хотя было совершенно ясно, что всякое дальнейшее продвижение карфагенян в Испании вызовет недовольство в Риме. Гамилькар продолжал свое продвижение вдоль побережья полуострова в восточном направлении, грабил иберов, захватывал их богатства и тем самым оказывал большую услугу Карфагену при выполнении условий договора с Римом. Завоевания Гамилькара в Испании должны были возместить потери Сицилии и Сардинии и восстановить политический престиж Карфагена. Походы Гамилькара символизировали новое восхождение звезды Карфагена.

Преемник Гамилькара Гасдрубал решил прежде всего отомстить за смерть своего предшественника. Он снарядил большую карательную экспедицию на территорию иберийского племени ориссов. Экспедиция завершилась покорением 12 городов и расширением карфагенских владений в Испании до верхней Гвадианы. Что же касается иберийских племен на восточном побережье, то они были привлечены на сторону Карфагена дипломатическим путем. «Гасдрубал много содействовал усилению могущества карфагенян и не столько военными подвигами, сколько дружественными отношениями с туземными владыками»². Эту тактику он завершил заключением брака с дочерью одного иберийского царька³. Затем Гасдрубал основал на месте расположения древней Мастии Новый Карфаген, предварительно разрушив находившийся здесь древнеиберийский город.

¹ Шульцен предполагает, что этот город следует, быть может, локализовать в Эльче, к юго-западу от Аликанте. См. САИ, VII, стр. 787.

² P o l y b., II, 36, 2—3; также A p p i a n., Iberica, 6: «Большую часть иберийских племен он (Гасдрубал) привлек на свою сторону убеждением — он обладал даром говорить убедительно».

³ См. D i o d., XXV, 11—12; L i v., XXI, 2, 3—7.

Местоположение Нового Карфагена (соврем. Картахена) было весьма выгодно для поддержания контакта с юго-востоком Испании и с Африкой. Новый Карфаген помещался внутри карфагенских границ, но их сторону «Прекрасного мыса». Вновь основанный город обладал великолепной гаванью и, наряду с Гадесом, служил опорным пунктом карфагенских коммуникаций в Испании. Основание нового города необходимо было не только для обеспечения северо-восточных границ карфагенян в Испании, но определялось также и поведением самих иберийских племен, расположенных на самой границе карфагенских владений и сферы влияния Рима. Подобное расширение власти Карфагена и ее укрепление в Испании, очевидно, привлекло внимание Рима, где должны были особенно волноваться по поводу того, что Гасдрубал будто бы намеревался короноваться испанской короной, поскольку он был призван «царем иберийских племен». Армии Гасдрубала увеличилась до 50 тысяч пехотинцев и 6 тысяч всадников и оккупировала богатую территорию.

«Римский сенат, не желая допустить значительного усиления карфагенян, отправил послов в Карфаген. Обе стороны договорились, что границей карфагенских владений в Иберии будет являться река Ибер (Эбро), что ни римляне не должны переходить эту реку с целью войны, так как эти земли подчинены карфагенянам, ни карфагеняне не должны переходить Эбро, чтобы там вести войну...»¹. Этот договор (226 г.) любопытен с многих точек зрения. Во-первых, он подтверждает признание Римом всех территорий к югу от Ибера (Эбро) карфагенскими владениями и говорит о согласии Рима передвинуть границу влияния Рима и Карфагена с мыса Палос к северу, к реке Ибер, т. е. не в римскую пользу. Этот договор, во-вторых, свидетельствует о значительной уступке Рима по отношению к Карфагену, что может быть объяснено только теми внутренними событиями (аграрное движение Фламиния) и внешними затруднениями (борьба с кельтами), которые создавали большое напряжение для Римской республики. Наконец, договор 226 г. прямо говорит, согласно Полибию, о том, что на данном этапе Рим избегал сознательно военного столкновения или какого-либо нового конфликта при столь неблагоприятных для себя обстоятельствах. Шульцен высказывает предположение, что такие значительные уступки Рима Карфагену могли быть объяснены также и той помощью, которую, возможно, карфагеняне обещали Риму в борьбе с кельтами (галлами); ведь Рим и в особенности союзные с ним массалиоты теряли по

¹ A r r i a n., *Iberica*, 7. Аппиан сообщает также о сагутивахцах и греках, в чем он расходится, например, с Полибием (II, 13, 7, 111, 27, 9; III, 30, 1).

этому договору три греческие колонии — Гемероскопейон, Алонис и Акра Левке, что, безусловно, нуждается в объяснении. Совершенно правильно подмечено Шультепом¹, что массалиотский союз вряд ли мог приветствовать эти римские уступки.

Остается неясным, были ли включены в договор в той или иной форме вопрос о Сагунте. Впоследствии в Риме утверждали, что Сагунт был специально исключен из этого договора. Однако в античной традиции мы не имеем единства в этом отношении. У античных писателей в сообщениях о пунктах договора 226 г. по-разному трактуется вопрос о Сагунте. Ливий², Аппиан³ и Дион Кассий⁴ заявляют, что Сагунт будто был исключен из договора как официально находившийся под римским влиянием. Другая традиция представлена Полибием⁵, который утверждает, что никаких исключений к югу от Эбро не было.

Для исследователи этот вопрос далеко не праздный. Однако разрешение его наталкивается на огромные трудности ввиду существования ряда противоречивых версий. Ближе стоявший к событиям Полибий (III, 28—31) не мог его разрешить и ограничился общими рассуждениями на эту тему. Разрешению вопроса значительно помогло бы конкретное исследование значения Сагунта. Полибий считает, что это был город закифян, т. е. колонии греков. Но в этом случае следовало бы ожидать, что карфагеняне должны были по заключении договора разрушить этот город так же, как они раньше поступили с другими греческими городами — Майнакой, Гемероскопейоном, Алонис, Акра Левке. Но карфагеняне этого не сделали. Вполне вероятно, что Сагунт был не колонией закифян, а иберийской крепостью *Atse*, т. е. поселением одного из иберийских племен, которое перед самым вмешательством Гангубала столкнулось с племенем турболетов. В этом случае скорее был бы прав Полибий, считавший, что не могло быть никакой речи об исключении для Сагунта в договоре 226 г.

Все рассуждения Т. Ливия, Аппиана и Диона Кассия в этом случае следует отнести за счет последующих интерполяций в текст договора. Однако возможно, что частые столкновения племен в этом пункте, т. е. в Сагунте, одинаково привлекали внимание и римлян и карфагенян, в особенности первых, поскольку они усиленно искали повод для вмешательства в

¹ САП, VII, стр. 778. Шультеп полагает, что именно в этой связи могло произойти разрушение этих трех греческих колоний.

² Liv., XXI, 2, 3—7, 18, 9.

³ Appian., Iberica, 6.

⁴ Dio Cass., XIII.

⁵ Polyb., III, 8, 1; II, 13, 7; III, 27, 9; 30, 1.

испанские дела, сожалел теперь о раньше сделанных уступках Карфагену, которые оказались весьма опасными для их собственного благополучия. Поэтому необходимо было изыскать благоприятную юридическую формулу для оправдания вмешательства Рима. «Сагунтинский договор» мог быть позже введен римскими историками в античную традицию в качестве официальной версии.

Гасдрубал был убит в 221 г.; после его смерти к власти над испанскими армиями Карфагена пришел Ганнибал. От политики своего непосредственного предшественника, действовавшего на иберийские племена убеждением, Ганнибал вернулся к политике своего отца Гамилькара, стремившегося силой подчинить иберийские племена Карфагену. Эту политику завоеваний Ганнибал начал с нападения на племя олькадов, проживавших на внутреннем плато¹, овладел их столицей *Althia* или *Althaiia* (у Полибии) и *Cartala* (у Ливия) и покорил это племя². Таково было одно из первых выступлений 26-летнего Ганнибала.

Зиму 221/220 г. новый карфагенский полководец провел на стоянке в Новом Карфагене. С наступлением весны он принялся завоевывать земли вакцеев на среднем течении Дуриса (Дуэро) и Саламантику (Саламанку). Беглецы из вакцеев и олькадов сумели привлечь на свою сторону большое племя карнетанов³. Первое столкновение Ганнибала с карнетанами произошло на обратном пути. Поэтому Ганнибал вынужден был избрать другой путь и следовать до Саламантики по маршруту Эмерита — Саламантика. Карфагенянам удалось взять Саламантику врасплох, но другой город — Арбокалу (к востоку от Саморры на Дурисе) Ганнибалу пришлось осаждать; судьба города была решена только после длительной осады. Хотя карфагеняне беспощадно опустошили Карнетанию, однако ее население — местные племена — долго сопротивлялось. Когда Ганнибал возвращался по дороге *Segovia* — *Titulcia* через южную Гвадарраму⁴, он подвергся на *Tage*, к востоку от Толедо, новому нападению карнетанов, которые, повидимому, объединились с беглецами из олькадов и вакцеев из Саламантики.

¹ Об олькадах сообщает нам П о л и б и й (II, 13, 5) и Т. Л и в и й (XXI, 5, 2). Это племя занимало территорию между реками Таг (Тахо) и Агас (Гвадианой). Оно не могло устоять под стремительной атакой войск Ганнибала и, несмотря на имевшиеся у него укрепленные поселения, вынуждено было покинуть Карфагенянам.

² Шульцен допускает, что это были два различных иберийских города. См. текст P o l y b., III, 135 в F1A, III, стр. 23—24; там же и комментарий Шульцена. О *Cartala* см. текст L i v., XXI, 5, 2 в F1A, III, стр. 26. Комментарий Шульцена на стр. 27. См. также CAH, VII, стр. 789.

³ См. об этом P o l y b., III, 14—18; L i v., XXI, 5.

⁴ Путь устанавливает Ш у л ь ц е н в CAH, VII, стр. 789.

Но Ганнибалу удалось сокрушить карпетанов. Он стал опустошать их земли и истреблять население, что способствовало пробуждению у иберийских племен стимула к объединению и к борьбе с чужеземными захватчиками. Следует считать прувеличением сообщения Ливия и Юстипа¹ о включении всей Испании до Эбро в состав карфагенских владений. Некоторые ученые, в том числе Пидаль, Сазерленд и Шультеп, полагают, что в данном случае речь идет только о побережье Испании и племенах в бассейне пивного Эбро. «Кельтиберийские же племена, — говорит Шультеп², — на верхнем Таге и верхнем Дурице остались незатронутыми завоеваниями Ганнибала». Вероятно, если бы Ганнибал не променял Испанию на Италию, как театр войны, он убедился бы в иллюзорности своих быстрых побед и еще почувствовал бы силу испанских племен, которые впоследствии тактикой партизанской войны (гверилья) уничтожали одну римскую армию за другой. Мелкие завоевания Ганнибала не обеспечивали еще серьезной победы и прочного положения для карфагенян в Испании, о чем будет сказано более подробно ниже.

Зиму 220/219 г. до н. э. Ганнибал снова провел в Новом Карфагене. Весной же 219 г. Ганнибал выступил на завоевание восточного побережья полуострова. С этого времени все внимание как римской, так и карфагенской стороны приковывается к Сагунту. Еще раньше, как это видно из Полибия (III 15, 1—13), римляне вели переговоры, с местными общинами, находившимися в пределах карфагенской сферы влияния. В этом, видимо, и заключается суть «Сагунтского договора». Ганнибал, очевидно, сумел разузнать об этих соглашениях с иберийскими племенами вопреки соглашению о границе по реке Ибер (Эбро) и поэтому решил принять ответные меры. С другой стороны, сами сагунтицы также готовы были немедленно начать военные действия, притом они могли рассчитывать на свои городские укрепления. Наконец, к этому прибавился, возможно, инспирированный какой-то стороной спор между сагунтицами и турдулами³. Последние ссылались на грубое обращение с ними со стороны Сагунта. Сагунтицы жаловались на карфагенское вмешательство, поскольку Рим в каком-то частном соглашении и вопреки договору от 226 г. обещал помощь Сагунту, как своему союзнику, а по договорам как последнему, так и ранее заключенным с Карфагеном, союзники той или другой стороны должны были оставаться неприкосновенными. С другой стороны, Карфагену хорошо было известно,

¹ См. L i v., XXI, 5, 17; I u s t i n., XL, 5, 6.

² САН, VII, стр. 789.

³ L i v., XXVIII, 39, 3; у Л и н и а н а (Iberica, 10) они называются турболетам; в другом месте у Л и в и я они называются турдетанами (XXI, 6, 1). Возможно, что это были мастины.

что всякая поддержка Римом сагунтинцев, расположенных южнее Ибера (Эбро), нарушает самым явным образом договор о границах на Эбро. Поэтому Ганнибал чувствовал себя хозяином в этом вопросе и имел полное право не обратить внимания на протест Рима. Ведь он решительно мог бы ответить, что всякий союз Рима с Сагунтом нарушает договор об Эбро, что и он далек от того, чтобы этот договор нарушать, ибо нет никаких доказательств, что он думает продвигаться к северу от Эбро.

После окончания галльской войны римляне осенью 220 г. послали посольство предостеречь Ганнибала от враждебных действий против Сагунта. Карфагенинцы не приняли, однако, посольства и начал весной 219 г. на Сагунт. Он не допускал даже мысли о римском вмешательстве к югу от Эбро. Ганнибал обложил город и после восьми месяцев осады взял Сагунт штурмом с единственно доступной стороны, с запада. Римлянам был нанесен дипломатический и политический удар.

Обращает на себя внимание тот факт, что в течение восьми месяцев осады Сагунта римляне ограничивались лишь наблюдением и не посылали помощи «союзникам», хотя Рим имел достаточно времени, чтобы прислать Сагунту какую-либо помощь. Ганнибал, считая дело осады обеспеченным, а вопрос о падении Сагунта решенным, спокойно отправился в новый поход на оретанов и каристанов, которые в этот удачно выбранный момент восстали и истребили карфагенских воссначальников, вербовавших себе наемников среди иберийских племен. После падения Сагунта и подчинения олькадов и каристанов карфагенский воевода отправился в Новый Карфаген и стал готовиться к походу в Италию. Однако Ганнибал не был уверен в спокойствии Испании, особенно в отношении племен оретанов, каристанов и олькадов, с которыми он боролся в течение последних двух лет. Поэтому он решил предпринять все меры предосторожности, прежде чем перейти Эбро и направиться в Италию. Испанские войска из олькадов и восточных иберов отправлены были Ганнибалом в Африку, а ливийские войска перемещены в Испанию; своему брату Гасдрубалу он оставил в Испании значительную армию, судов и флот¹. Карфагенине ставились опасными как для Рима, так и для местного населения Иберийского полуострова. Владения Карфагенской державы в Испании в 219 г. охватывали большую территорию. Они занимали всю долину Батиса, т. е. современную Андалузию и Гренаду до самой Сиерры Морены. Сюда включалась также юго-западная часть побережья примерно до Тага (Тахо). На восточном побережье Карфагенская держава включала всю прибрежную полосу вплоть до Эбро (т. е. области Валенсии и Мурсии). Из влут-

¹ P o l y b., III, 33, 5.

ренних областей только территории орстапов, олькадов, вакцеов и карпетанов входили в карфагеские владения, однако племена эти не были окончательно завоеваны даже Ганибалом.

Пока карфагеские владения в Испании расширялись, пока военные дела у карфагян шли успешно, воинственные горные племена поставляли завоевателям наемников. Однако развитие карфагеской гегемонии усиливало протест иберийских племен, проявлявшийся сначала в партизанских набегах на войска карфагеских полководцев, а позже и в открытых выступлениях иберийских племен.

Одновременно карфагеской империи в Испании противостояла Римская республика, готовая в любой удобный момент напасть на своего врага. Именно в тот момент, когда Испания была завоевана Карфагеном, но крайней мере, поскольку речь идет о наиболее богатых районах, когда она стала столицей, по словам Посидония (Strabo, III, 2, 9), «песчёрным складом сокровищ», она одновременно превращалась в арену все более параставшей грандиозной борьбы иберийских племен сначала против Карфагена, а затем и против римлян, оспаривавших права Карфагена на господство в этой «стране сокровищ природы» (Посидоний).

Необходимо проследить развитие и рост самосознания и борьбы иберийских племен в Испании. Эта борьба, как мы увидим в дальнейшем, была немаловажным фактором в тех событиях, с которыми связано новое завоевание Испании и последующее столкновение Рима и Карфагена на Иберийском полуострове.

Выше говорилось, что восстание наемников в Ливии после первой Пунической войны определило собою положение не только в Сардинии, но и в самой Испании. Еще до пунических войн Карфаген, по словам Полибия¹, владел большей частью Иберии. Теперь, после первой Пунической войны и «Ливийской войны», Испанию пришлось снова завоевывать. Иберийские солдаты² в армии Карфагена могли во время

¹ Выше мы уже останавливались на том месте Полибия (I, 10, 5), где он, характеризуя положение в Западном Средиземноморье накануне первой Пунической войны, писал: «(Римляне) видели также, что карфагяне покорили своей власти не только Ливию, но и большую часть Иберии, что господство их простирается и на все острова Сардинского и Тирренского морей, и сильно боялись, как бы не приобрести в карфагянах, в случае покорения ими Сицилии, опасных и страшных соседей, которые окружают их кольцом и будут угрожать всем частям Италии». Из этого места совершенно очевидно, что в канун первой Пунической войны карфагяне владели не только Сардинией и Ливией, но и значительной частью Испании. Об этом хорошо свидетельствуют и проанализированные нами выше памятники материальной культуры.

² В восстании наемников в Ливии участвовали также иберы, находившиеся в карфагеских войсках. Это следует из упоминания Полибия

восстания наемников выставить требование не только об уплате жалования, но и о возвращении на родину. Возвращаясь в Испанию, они приносили с собою дух ненависти к карфагенским командирам и властителям, возбуждали своих соплеменников и поднимали их на борьбу за независимость. Невозможно определить более точно, как и при каких обстоятельствах произошло отпадение Испании от Карфагена перед походом Гамилькара, так как в источниках нет прямых указаний.

Свои предположения мы изложили выше, полагаясь при этом на косвенные свидетельства и в особенности на археологические памятники греческой культуры, глубоко внедрившейся до этого в искусство иберов восточного побережья. Возможно, что именно греки выступили в союзе с иберами, о чем высказал остроумную, хотя и не подтверждаемую фактами, догадку Шультеп. Возможно, что греки начали активную борьбу против карфагенян, воспользовавшись их затруднительным положением во время первой Пунической войны. В частности, именно такое выступление и могло впоследствии сделать массалиотских греков верными союзниками римлян на всем протяжении борьбы против карфагенян.

Возвратимся к анализу непосредственного отношения испанских племен к военным походам карфагенских вождей в Испании на всем протяжении войны Гамилькара-Ганнибала, т. е. до момента римского вмешательства в эту борьбу. Высадившись в 237 г. в Гадесе, Гамилькар сразу же натолкнулся на отпор и мужественное сопротивление турдетанов, или тартесийцев, не желавших снова под ярмо карфагенских властителей. Фрагмент из Диодора¹ сообщает нам об одном эпизоде борьбы иберов во главе с Истолатием против карфагенян. Истолатий объединил, по Диодору, «иберов и тартесийцев». К тому же он был назван полководцем кельтов (*Ἰστολάτιος στρατηγὸς τῶν Κελτῶν*).

Исходя из того, что Гамилькар сразу же вступил в сопротивление с восставшими иберами, а по Диодору — с тартесийцами, которые обитали главным образом в районе Бэтиса, мы можем предположить, что местом первой схватки иберов с Гамилькаром являлся район между реками Бэтисом и Анасом. Иберы не выдержали натиска карфагенян. Истолатий со своим братом и двумя «зпатнейшими князьями», которые, очевидно, были приближенными или помощниками иберийского полководца, пали в этом сражении. Гамилькару удалось захватить в плен три тысячи иберов, которые вынуждены были вступить в качестве наемников в армию Гамилькара. Аппиан

б и я (I, 67, 7) о том, что восставшие наемники «состояли частью из иберов и кельтов, частью из лигвтийцев и балеарян»...

¹ См. D i o d., XXV, 10 (FHA, III, стр. 10—11; там же комментарии).

говорит¹, что часть захваченных иберов Гамилькар отправил в Ливию; возможно, что здесь имеются в виду плешные и зачисленные пашниками иберы из войск Истолатия.

Столкновением с Истолатием не закончилась борьба Гамилькара с иберами. Последние поднялись теперь в количестве 50 тысяч человек во главе с вождем Индортом². По сведениям о дальнейшем продвижении Гамилькара к восточному побережью мы можем судить, что это новое столкновение карфагенским войскам пришлось выдержать в области бастетанов. Карфагеняне окружили Индорта, после чего началось решительное сражение. Иберы и здесь оказались неподготовленными и были разбиты карфагенскими войсками. Сам Индорт и его приближенные стали жертвами зверской расправы; после долгих и мучительных пыток они были ослеплены и убиты. Часть войск иберийского полководца разбежалась ночью, часть же была перебита Гамилькаром. Это был второй, еще более значительный, чем первый, случай сопротивления иберов чужеземным захватчикам.

По тому же сообщению Диодора, Гамилькар, «отослав большую часть своего войска в Акру Левке, сам остался осаждать Елику (Ελικη) ... В это время на помощь осажденным прибыл царь ориссов, прикинувшись другом Гамилькара... затем внезапно напав на Гамилькара, царь ориссов загнал его в реку, где Гамилькар и утонул вместе с лошадью». Из этого сообщения видно, что карфагенскому полководцу до самой смерти приходилось все время вести борьбу против иберов. Далее, из Диодора видно, что, паряду с другими иберийскими племенами, теперь поднялись и оретаны. Таким образом, от тартессийцев, бастетанов и оретанов до констетанов — все поднялись против карфагенян. Констетаны, имевшие, очевидно, свой укрепленный пункт в Елике (Илице), долго сопротивлялись, заставляя Гамилькара тратить много времени на осаду Елики. Эта операция имела весьма печальные для Гамилькара и его войска последствия. Войска оретанов и, очевидно, констетанов и бастетанов совместно напали на армию карфагенян, осаждавшую Елику (Илице), и прорвали строй противника³. При этом погиб и карфагенский вождь. Следует особо отметить применявшиеся иберами военные хитрости, о которых сообщает нам Аппиан⁴, Диодор⁵ и Фронтин⁶. С этими сообщениями, как известно, связаны и различные версии о гибели Гамилькара.

¹ Appian., Iberica, 5.

² Diod., XXV, 40 (FHA, III, стр. 10).

³ Front., Strateg., II, 4, 17 (FHA, III, стр. 14).

⁴ Appian., Iberica, 5.

⁵ Diod., XXV, 40 (FHA, III, 10).

⁶ Front., Strateg., II, 4, 17 (FHA, III, стр. 14).

К сожалению, сведения Диодора как о гибели Гамилькара, так и относительно двух эпизодов борьбы иберов во главе с Истолатием и Индортом не подтверждаются другими авторами, и это несколько снижает их ценность. В отношении восстания иберийских царьков некоторым подтверждением сведений Диодора является свидетельство Аппиана о том, что во время завоевательных походов Гамилькара в Испании против последнего поднялась «часть иберийских царей и те, кто был наиболее могущественным среди иберийского народа»¹. Если Аппиан не сообщает нам ничего конкретного об этих иберийских царях, то Диодору мы обязаны сведениями об их именах и конкретными данными об их военных операциях в борьбе с карфагенянами. Что же касается версии Диодора о гибели Гамилькара, то в этой части сведениям сицилийского историка противостоят два других источника — Аппиан и Фронтин. Эти источники говорят нам о военной хитрости иберов, с которой связана гибель карфагенского вождя. «Глядя перед собою телеги, наполненные дровами, в которые были запряжены быки, они сами с оружием в руках следовали за этими телегами. Увидев это и не поняв хитрости, ливийцы (карфагеняне. — *Д. М.*) подыали смех. Когда дело дошло до сражения то иберы подожгли телеги, оставляя запряженными быков, и быстро погнали их на врагов, — быки бросились в разные стороны, раскидывая огонь, и это привело в замешательство ливийцев. Так как строй карфагенян был нарушен, то иберы, нагнав на них, убили самого Барку и большое число зачинавших его»². Почти такими же словами характеризует примененную иберами военную хитрость и Фронтин.

Успехи, одержанные при первом туре карфагенских завоеваний в Испании, развиваются позднее другими полководцами Карфагена. «Гамилькар, после того, как перешел море и прибыл в Испанию, благодаря фортуе, совершил великие дела и подчинил сильные и весьма воинственные племена. Он обогатил всю Африку лошадами, оружием, людьми и дельгами»³. Политика грабежа, последовательно проводившаяся карфагенским вождем в Испании, подтверждается также и Аппианом, который говорит, что сразу же после высадки Гамилькара в Гадесе, последний «стал грабить иберов, ничем не провижившихся перед ним ... все, что он захватывал, он распределял между своими: часть тратил на войско, чтобы тем охотнее оно совершало с ним незаконные поступки; часть посылал в самый Карфаген, часть раздавал правителям карфаген-

¹ *A p p i a n.*, *Iberica*, 5, 8—10.

² Там же, 5, 10—20. Русский перевод дается по публикации в ВДИ, 1939, № 2.

³ *C o r n e l. N e p.*, *Hamilcar*, 4 (FHA, III, стр. 113).

ским, которые покровительствовали ему»¹. Подобная политика не могла не импонировать карфагенским правителям, которые полностью поддержали Гасдрубала, преемника Гамилькара, в его дальнейшей кампании, направленной на продолжение завоеваний в Испании. «Карфагеняне, уже привыкшие к доходам из Иберии и крайне довольные ими, послали в Иберию другое войско, и начальником всех войск они назначили Гасдрубала, зятя Барки, находившегося уже в Иберии»².

С выступлением Гасдрубала в качестве командующего карфагенскими войсками в Испании начинается новый тур войн с иберами. Смерть Гамилькара, надо полагать, вдохновила иберийские племена на дальнейшую борьбу с чужеземцами. К сожалению, у нас недостаточно данных в источниках для суждения относительно характера нового этапа иберийских войн с Карфагеном. Однако из Диодора мы получаем одно важное косвенное свидетельство о размахе движения иберийских племен. Диодор сообщает, что, несмотря на получение общего командования над войсками и наличие нового контингента войск из Ливии, Гасдрубал на первых порах после смерти своего предшественника не только не мог организовать наступление на иберийские племена, но вынужден был укрываться за стенами Акра Левке, имевшей, по видимому, весьма сильные фортификационные сооружения. В таких условиях новый карфагенский полководец не мог сразу же перейти к наступательным операциям против иберов. Свой план дальнейших завоеваний на полуострове он должен был несколько перестроить, применяя при этом, наряду с прямым завоеванием племен, метод убеждения и уговаривая их перейти на карфагенскую сторону³. Только получив значительные подкрепления из Ливии, Гасдрубал смог подготовиться к наступательным операциям. По Диодору (XXV, 12), карфагенские войска в Испании состояли из 60 тысяч пехотинцев, 8 тысяч всадников и 200 боевых слопов.

Гасдрубалу прежде всего пришлось столкнуться с традиционными врагами карфагенян, с оретапами, которые нанесли поражение Гамилькару и убили его. В течение военной кампании Гасдрубалу удалось захватить у оретанов 12 укрепленных поселений, которые были уничтожены карфагенянами. С другой стороны, как было сказано выше, Гасдрубал старался и мирными средствами войти в доверие местных царьков, склонить иберийские племена на сторону Карфагена и таким путем увеличить владения последнего в Испании. В борьбе местных племен между собою Гасдрубал нередко вставал на

¹ А р р і а н., Iberica, 5 (FHA, III, стр. 14).

² Там же, 6 (FHA, III, стр. 20). См. также D i o d., XV, 11—12.

³ Там же, ср. D i o d., XXI, 2.

сторону более слабых и таким образом склонял их на свою сторону. Известно, что, проводя подобного рода политику, он даже женился на дочери одного из иберийских царьков¹. Дипломатические приемы, установление родственных отношений, а также стремительное наступление в случае сопротивления врага — все это способствовало успешному продвижению Гасдрубала к северу вдоль восточного побережья², на что Рим, очевидно, не мог смотреть спокойно. Для того, чтобы закрепить захваченные территории, карфагенский вождь на весьма выгодном и удобном месте основал город Новый Карфаген. В борьбе с иберами Гасдрубал, таким образом, последовательно проводил политику закрепления иберийской территории в отличие от Гамилькара, который был поглощен лишь одними наступательными операциями. Гасдрубалу удалось, повидимому, подавить иберийские племена до самого Ибера (Эбро), ибо Рим заключает с ним соглашение о границе карфагенских владений по этой реке³. Как раз в тот момент, когда владычество Карфагена в Испании находилось в зените славы, Гасдрубал был убит.

При третьем завоевателе Испании — Ганнибале иберийские племена создали немало затруднений и беспокойств для чужеземных властителей полуострова. Ганнибал видел особую опасность в восстании олькадов, место жительства которых трудно установить, хотя из Полибия (II, 13) нам известно о названии главного города этого племени — Алфее. «Получив власть, Ганнибал немедленно двинулся в поход для покорения народа олькадов. По прибытии к Алфее — сильнейшему городу их, он расположил там свой лагерь; вслед за этим он быстро овладел городом с помощью жестоких и ужас паводящих приступов. После этого, — заканчивает рассказ Полибий, — остальные города, объятые страхом, сами сдались карфагенянам». Слова Полибия об «остальных городах», подчинившихся Ганнибалу, относятся, очевидно, только к территории племени олькадов (возможно, это были также ореталы или ориессы, долго сопротивлявшиеся и Гамильгару и Гасдрубалу). Что касается других племен, то, как видно из последующих завоеваний карфагенян в этот период, ряд иберийских племен поднимается впервые. В отношении восставших Ганнибал проводил тактику своего отца, т. е. открыто и жесточайшим образом применял силу, в отличие от Гасдрубала, сочетавшего силу и дипломатический маневр.

¹ Dio d., XXV, 12; ср. Liv., XXI, 2, 3—7.

² См. всю документацию к истории военных походов Гасдрубала в Испании в FNA, III, стр. 15—22.

³ Polyb., II, 13; Liv., XXI, 2; Appian., Iberica, 7.

На следующий год после подавления движения олькадов, весной 220 г., Ганнибал направился во внутреннюю Иберию, где вольные иберийские племена не знали еще чужеземного ига. Тут неутомимому карфагенскому полководцу, может быть, впервые пришлось столкнуться со столь же неутомимой энергией местных племен, воинственных и упорных в борьбе за свободу.

Пряжде всего против попыток установления власти карфагения выступили племена веттопов и вакцеев. Относительно участия веттопов в борьбе с карфагенянами не имеется прямых указаний в основных текстах, о вакцеях же упоминают Полибий (III, 14—15) и Ливий (XXI, 5, 2). То, что веттопы должны были выступить вместе с вакцеями, становится очевидным из упоминания их главного города Саламантики, осаждавшегося Ганнибалом. Кроме того веттопы, по данным Ливия, выступают нередко совместно со своими непосредственными соседями вакцеями также во время последующих восстаний за независимость¹. Из рассказов Ноллена² и Плутарха³ мы узнаем подробности упорной борьбы веттопов и вакцеев в 220 г. с Ганнибалом во время осады Саламантики. Жители этого города, будучи со всех сторон обложены карфагенянами, пошли на хитрость. Они предложили Ганнибалу в виде выкупа 300 талантов серебра и, кроме того, обещали в знак покорности еще триста человек заложников, только бы снята была осада с города. Повидимому, тактика веттопов и вакцеев заключалась в том, чтобы добиться удаления карфагения, выиграть время для организации сопротивления, и может быть, получения соответствующей помощи от своих соседей вакцеев. Однако здесь произошло какое-то замешательство. Ганнибал согласился на предложение веттопов, как вдруг последние неожиданно для карфагения начали борьбу против войск Ганнибала. Борьба происходила вне стен города Саламантики. Но потом, не выдержав панора карфагенских войск, веттопы (и вакцеи) отступили в город. Однако осаждаемые со всех сторон жители Саламантики не смогли долго держаться. Ганнибал продвинул к городским стенам осадные орудия (тараны и стенобитные механизмы) и поставил осаждаемых в такое положение, при котором они вынуждены были пойти на мирные переговоры. На этот раз уже Ганнибал, а не осаждаемые, предложил условия капитуляции. Карфагенский вождь потребовал, чтобы упорные защитники города и независимости своего племени полностью сдали

¹ См. L i v., XXXV, 7, 6 (сражение Фульвия при Толетум с вакцеями, веттопами и кельтиберами); также L i v., XXV, 22, 5 (оретаны и веттопы).

² P o l y b i u s, Strat., 7, 48 (FHA, III, стр. 25).

³ P l u t., De virt. mil., 248 (FHA, III, стр. 25).

карфагенянам оружие и все имущество и покинули город. Иберийцы сочли это неслыханным позором или просто не поверили карфагенянам; поэтому они применили и в этом случае хитрость, которая могла бы на крайний случай спасти иберов — жителей Саламантики. Женщины этого города спрятали под своими гиматиями кинжалы своих мужей, рассчитывая, что карфагеняне будут искать оружие только у мужчин. Когда условия были припяты, карфагеняне ворвались в город и начали грабежи. Во время грабежа и шпыетва женщины передали спрятанные у них кинжалы мужчинам. Вооруженные саламантинцы падали на карфагенских наемников. Почти вся карфагенская стража города была уничтожена, жители убегали из города и скрывались в близлежащих горах. В схватке с карфагенскими наемниками в городе немалую роль сыграло героическое поведение не только мужчин, но и женщин, которые у иберов, как нередко и у скифов, сражались вместе с мужьями против чужеземцев. Положение Ганнибала в результате сложившейся обстановки оказалось весьма затруднительным, ибо теперь его войско имело противника у себя в тылу.

«В начале следующего лета (220 г. до н. э.) он снова пошел на вакцесв»¹. Вакцессы организовали оборону вокруг двух укрепленных городов: Гельмантики (очевидно — Саламантики, что должно совпадать и с Германдикой у Ливия) и Арбокалы. Борьба за обладание этими двумя городами, очевидно, была значительной по своему масштабу, потому что именно в это время у иберов складывается уже мощный племенной союз. Наряду с веттопами и вакцесами Полибий (III, 14, 2—4) называет тут и карпетанов и олькадеких (оретанских) беглецов. Олькадов (оретанов) и карпетанов, наряду с вакцесами, называет и Тит Ливий (XXI, 5, 2). В живой и увлекательной форме об этой борьбе иберийской коалиции рассказывает Полибий. Ганнибал вновь напал на Саламантику, которую сумел взять высадным нападением. С большими трудностями ему удалось овладеть Арбокалой. На обратном пути Ганнибал подвергся, по словам Полибия, «величайшим опасностям».

Едва карфагенский вождь справился со взятием двух вышеуказанных городов и отправился в обратный путь, как встретился с карпетанами, «чуть не самым сильным пародом в этих местах». Они падали на карфагенян неожиданно. При этом карпетанов поддерживали «толпы соседних племен» и больше всего олькадекие беглецы и уцелевшие жители Саламантики. У иберов, таким образом, создалась огромная армия; по данным, повидимому преувеличенным, она состояла из 100 тысяч человек, главным образом из карпетанов. Ганнибал оказался

¹ P o l y b., III, 14, 1; ср. L i v., XXI, 5.

в тяжелом положении. «Если бы карфагеняне,— пишет Полибий,— принуждены были вступить в правильную битву, то паверное потерпели бы поражение...». Поэтому Ганцибал решил предпринять тактический маневр. Однако иберы использовали некоторое смущение или замешательство карфагенских наемников и внезапным нападением расстроили их боевые порядки (L i v., XXI, 5, 2). Ганцибалу пришлось теперь отступить не по доброй воле и не ради военной хитрости.

Карфагенский полководец отошел, по словам Полибия, на ту сторону реки Тага (Тахо), защитившись этой водной преградой. Здесь он вновь привел в боевой порядок свои войска и ждал нового сражения с иберами. Последние всегда были сильны «малой войной», наступлением мелкими партизанскими отрядами, стремительным натиском из-за засады на отдельные части противника. Но в открытом сражении с большой, регулярной армией они успеха не имели. Иберам до тех пор не приходилось организовывать большой регулярной армии ни из гражданского ополчения, ни из наемников. Тогда не возникли еще условия для объединения иберийских племен в большую политическую организацию. Не могло при таком положении создаться и большой армии. Сила иберийских племен — их партизанская организация в борьбе с чужеземцами — являлась одновременно и их слабостью, когда партизанским отрядам приходилось сталкиваться с хорошо организованной и большой армией, сначала карфагенской, а потом и римской. В таких столкновениях иберы терпели, как правило, поражения.

Перед Тагом (Тахо) находилась большая масса людей, горевших ненавистью к чужеземным властителям. Но эта масса была неорганизованной, несоединенной. Собственно говоря, это была не армия, как военный организм, а механическое сцепление отдельных отрядов, отдельных иберийских племен, привыкших действовать и разить врага отдельно. «Действительно,— пишет Полибий (III, 14, 6—8),— варвары во многих местах пытались силою переправиться через реку, причем большая часть их была истреблена при выходе на сушу, ибо вдоль берега шли слоны и, лишь только выходил кто из реки, давили его. Многие были перебиты в самой реке конными воинами, потому что лошадям легче было совладать с течением, и потому еще, что конные воины сражались против пехоты с высоты». Вслед за кавалерией Ганцибал направил на иберов пехоту, которая снова перешла Таг (Тахо) и здесь столкнулась с основной массой иберийских войск. Несмотря на свою численность — по Полибию, больше ста тысяч,— иберы, не привыкшие к правильному строю и сражаться такой массой, не выдержали удара карфагенян и бежали. Масса убитых и богатство

остальных завершили бой, из которого победителем вышел Ганнибал. Карфагеняне могли теперь без опаски смерчем пройти по Карпеталии, разрушая и уничтожая все, что попадалось на их пути. С большой добычей Ганнибал возвратился на зимнюю стоянку в Новый Карфаген, по словам Полибия (III, 15, 3—4), «служивший для карфагенян в Иберии как бы столицей и царской резиденцией».

Гегемония Ганнибала, установленная над многими племенами побережья и внутренней части полуострова, внушала страх другим племенам Иберии. Не только иберы, но и римляне и их союзники в лице массалиотских греков испытывали страх перед карфагенянами. Возникает сагунтский инцидент, изложенный у Полибия¹. Этот инцидент в настоящее время интересует нас не в качестве проблемы о виновниках второй Пунической войны, что волновало еще древних, в частности Полибия, посвятившего этому вопросу несколько глав в III книге своей «Истории». В борьбе интересов Рима и Карфагена в Испании сказался еще местный фактор — борьба турбулетов² и сагунтинов, которые, как это теперь установлено, были иберийским племенем³. С этой точки зрения борьба сагунтинцев с турбулетами, которых толкал на столкновение Ганнибал, интересна как борьба сагунтинских иберов за свою независимость против Карфагена и его гегемонии. Для нас лишь вторичное значение имеет тот факт, что эта борьба использовалась одинаково с карфагенской и римской стороны для подыскания дипломатического повода к объявлению войны.

Сагунт, повидимому, представлял собою развитую и богатую иберийскую общину, находившуюся в тесных торговых связях с фокейскими или массалиотскими греками. Различные надписи, найденные в Сагунте, а также пумизматический материал, свидетельствуют о том, что сагунтинцы могли иметь договорные отношения и с греками и с римлянами. И Карфаген и Рим одинаково стремились сохранить свое влияние на богатую и весьма выгодно расположенную прибрежную общину и держать ее в сфере своего влияния.

Самостоятельность Сагунта была вдвойне неприятна для Карфагена. Во-первых, Ганнибал уже успел подчинить своей гегемонии все основные иберийские общины или города до

¹ P o l y b., III, 15, 1—13. Несколько иную версию дает A n n i a n (Iberica, 40).

² См. A r r i a n., Iberica, 40; ср. L i v., XXI, 6. Анниан называет турбулетов, а Livий турдетанов.

³ См., например, П и з е «Очерк римской истории и источниковедения», СПб., 1910, стр. 149, прим. 1. На этой же точке зрения стоит и Ш у л ь т е н в САН, VII, стр. 790.

Эбро, и существование самостоятельной иберийской общины в пределах Карфагенской империи в Испании подрывало авторитет Карфагена. Во-вторых, самостоятельность иберийской общины служила плохим примером для других, подчинением которых совсем недавно занимались и Гамилькар, и Гасдрубал, и сам Ганнибал. Вот почему независимость Сагунта раздражала Ганнибала.

Что касается Рима, то последний был весьма рад всякому осложнению Карфагена в Испании, если оно в какой-либо степени приостанавливало успехи карфагенян. Эти успехи настолько волновали Рим, что он, несмотря на договор с Гасдрубалом от 226 г., всячески искал повода для вмешательства в испанские дела. Выступление сагунтинцев против турбулотов создавало весьма удобный повод для такого вмешательства. Рим жаждал войны с Карфагеном не менее, чем Карфаген с Римом. В столь накаленной атмосфере взаимоотношения между Римом и Карфагеном еще более обострились из-за того, что Ганнибал отказался принять римское посольство¹. Перед карфагенским полководцем была вполне ясная картина, и у него не оставалось выбора. На вызов сагунтинцев Ганнибал готов был ответить вызовом Риму, хотя с точки зрения договора с Римом об Эбро как границе влияния Ганнибал не нарушал ни договора, ни своего внешне лояльного отношения к Риму.

По плану Ганнибала Сагунт должен был подвергнуться уничтожению. При разграблении Сагунта Ганнибал рассчитывал захватить богатства, чтобы затем ими удовлетворить своих наемников². После фактического объявления Римом войны Карфагену, Ганнибалу необходимо было торопиться с уничтожением Сагунта, дабы последний не мог быть использован в качестве римской базы в войне в Испании. Однако предпринятая осада не давала сразу же сколько-либо положительных результатов. Ганнибал предвидел ожесточенную борьбу сагунтинцев и поэтому личным примером воодушевлял наемников. Он «ревностно вел осаду, причем то подавал пример войску и сам принимал участие в тяжелых осадных работах, то ободрял солдат и смело шел в опасность»³. Сагунтинцы, однако, не сдавались и даже усилили сопротивление, несмотря на все трудности борьбы в условиях осады и оторванности от внешнего мира. Аппиан (*Iberica*, 12) и Ливий (*XXI*, 11—12) дают нам красочное описание осады Сагунта, из которого видно, что жители

¹ Appian., *Iberica*, 10. «Когда эти (римские) послы прибыли в Иберию и хотели подняться от моря к лагерю, Ганнибал отказал им в позволении явиться к нему».

² Там же, 12.

³ Polyb., III, 17, 8—9.

его сражались столь же упорно и до конца, как это всегда делали иберы в тех случаях, когда речь шла об их независимости. Возведенные противником осадные сооружения и подведенные осадные механизмы (баллисты и катапульты) разрушались осаждаемыми путем частых вылазок. Сагунтинцы нанесли значительный урон силам карфагенских пашмиков. Во время осады пострадал и сам Ганнибал. Когда он в разгар боя приблизился к стенам осаждаемого города, то внезапно был поражен в бедро брошенным с городской стены копьём. Удар не был смертельным, но рана была серьезная. Осада города в отсутствие полководца крайне затянулась и продолжалась свыше восьми месяцев. Аппиан (Iberica, 12) следующим образом рисует последний этап борьбы сагунтинских иберов за свой город. «Они (сагунтинские иберы) собрали, согласно приказу, все золото и серебро, которое было у них, государственное и частное, на площадь и сплавляли его со свинцом и медью, чтобы сделать его бесполезным для Ганнибала, сами же, предпочитая погибнуть скорее с оружием в руках, чем от голода, глубокой ночью сделали стремительное нападение на сторожевые посты карфагенян, которые спокойно спали и не ожидали ничего подобного. Когда те вскочили от сна и начали среди шума и беспорядка вооружаться, а некоторые стали уже и сражаться, нападающие нанесли им большой урон. Когда завязалось более крупное сражение, то из ливийцев погибло очень много, а сагунтинцы — все. Их жены, видя со стен конец своих мужей, одни бросались с крыш домов, другие накидывали на себя петли, а некоторые, убив предварительно своих детей, сами пронзали себя мечами. Таков был конец Сагунта, большого и могущественного города. Когда Ганнибал узнал, что они сделали с золотом, то в гневе он предал смерти еще оставшихся в живых взрослых, подвергнув их поруганию и мучениям. Что же касается города, то, видя, что он расположен у моря, недалеко от Карфагена и что ему принадлежит очень плодородная область, Ганнибал вновь отстроил его и сделал карфагенской колонией».

Сагунт своей героической обороной дал пример типично иберийской борьбы, со всеми ее методами упорного и фанатического сопротивления врагу, что позволило исследователям поставить эту оборону в один ряд с нумантинской. Наконец, сагунтинские события имели для некоторых близлежащих иберийских племен такое же значение, как нумантинская война для кельтиберов. Сагунт своей обороной и упорным сопротивлением вдохновил на восстание племена оретапов и карпетанов, среди которых карфагенские вербовщики сумели подлить масла в огонь вымогательством и вербовкой наемников. Из свидетельства Ливия (XXI, 11) мы узнаем, что старые за-

клятые враги карфагенян — оретаны и карпетаны, неоднократно уже восстававшие и подавлявшиеся карфагенянами, выбрали подходящий момент и восстали в то самое время, когда войско Ганнибала было целиком поглощено осадой Сагунта. Ливий довольно подробно описывает влияние хода сагунтинских событий на поведение иберийских племен. Оретаны и карпетаны по сигналу из Сагунта восстали и начали действовать мелкими группами, что было свойственно иберийской тактике «малой войны». Тогда Ганнибал, прекрасно знавший, во что ему обошлась прошлогодняя кампания по борьбе с этими племенами, немедленно отправился сам, чтобы потушить искру раньше, чем она разгорится в пожар огромного восстания. Из-за этого карфагенскому вождю пришлось даже отказаться от личного руководства осадой Сагунта. Восставшие племена действовали разрозненными силами; к тому же они были уже достаточно ослаблены длительным и упорным сопротивлением в прошлом году, поэтому Ганнибал быстро справился с обессиленными племенами оретанов и карпетанов.

В античной традиции сагунтинская оборона занимает особое место не только по своеобразию методов борьбы, свойственных сагунтинцам, как и всем иберам; она является одновременно частью общей борьбы народов Иберии против порабощателей. Это в сущности первый из красочных и претворенных драматизма моментов борьбы иберов за независимость и свободу. У Аппиана и Ливия дано прекрасное описание сагунтинской борьбы. Выше мы уже передали версию Аппиана. Она может быть дополнена более подробными сведениями из Ливия, сообщающего, что с возвращением Ганнибала карфагеняне стали готовиться к штурму Сагунта. Несмотря на героическую оборону своего города и на возведение новых стонных укреплений вместо разрушенных осадными машинами, силы сагунтинцев стали истощаться. К исходу восьмого месяца обороны иссякли и продовольственные ресурсы осажденных. Положение города стало трагическим. Именно в этот момент один из известных жителей Сагунта, покий Алькоп, по собственной ли инициативе или по какому-нибудь хитроумному плану сагунтинцев, отправился к Ганнибалу и повел с ним переговоры об условиях перемирия. Карфагенский вождь сформулировал жестокие требования по отношению к осажденным. Он потребовал сложить оружие, и, кроме того, сагунтинцы в одной одежде должны были покинуть родной город и направиться на место, какое укажет карфагенский полководец. Подобные требования не могли не обескуражить Алькопа, который прямо заявил, что осажденные никогда не пойдут на эти требования и что сам он будет убит, если только вернется в город с подобными предложениями. Так как

Ганнибал не изменил своего решения, Альфон остался в лагере Ганнибала. Требования Ганнибала передал другой ибер, который вызвался идти в город. Выслушав ультиматум, сагунтинцы отвергли предложения Ганнибала. Описание финала борьбы у Ливия во многом совпадает с тем, что рисует нам Апшиан.

Сагунтинские события говорят историку об очень многом. Они заставляют его сделать определенные выводы. Новое завоевание Испании Баркидами впервые пробудило сознание иберийских племен и вызвало их на борьбу с карфагенянами в таком масштабе, в каком эта борьба не могла быть прослежена ранее ни с филикийцами, ни с карфагенянами до Баркидов. Приход Баркидов к власти в Испании сопровождался значительным подъемом борьбы иберов за независимость. Против карфагенян сразу же после высадки Гамивьякара в Гадесе поднимаются таргессийцы (турдетаны). Вслед за ними встают бастетаны и коптетаны. Имена Истолатия и Индорта — первых вождей иберов — связываются с началом широкой полосы сопротивления и упорной борьбы против пришельцев, поработанных иберов. Вслед за этими племенами поднимаются и ориессы (оретаны), борьба с которыми стоила жизни первому Баркиду в Испании. Не помогли и дипломатические хитрости Гасдрубала, направленные также на поражение Испании. Вновь поднимаются неутомимые ориессы (оретаны), во время расправы с которыми гибнет от руки мстителя и второй Баркид — Гасдрубал.

Приход к власти Ганнибала означал наступление нового периода завоеваний, в результате которых целые районы с большим населением предавались огню и мечу. Но чем выше поднималась звезда Ганнибала, чем большие территории захватывал последний и чем значительнее расширялась и крепла карфагенская империя в Испании с ее новой столицей — Новым Карфагеном, тем скорее пробуждались племена Испании и поднимались на борьбу с чужеземцами. Высшая точка владычества Ганнибала в Испании была одновременно высшей точкой героического сопротивления иберов в Сагунтинской обороне. Значение этого широкого подъема народной борьбы иберов, в жизни которых, как мы выше отмечали, наступал очень важный момент перехода к классовому обществу, не было учтено великим карфагенским полководцем. Ганнибал просчитался, повидимому, потому, что его внимание все больше и больше поглощало напряжение карфагено-римских отношений. Потребовался итальянский поход Ганнибала, чтобы обнаружился его испанские промахи.

Г л а в а III

ИБЕРЫ, КАРФАГЕН И РИМ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

По мере того как возрастал антагонизм между Римом и Карфагеном из-за столкновения их интересов в Испании, активность иберийских племен все более повышалась и становилась весьма значительным фактором в политической жизни Иберийского полуострова. После финикийцев карфагеняне явились теми чужеземцами, которые вмешивались в испанские дела и подчинили своей гегемонии многие племена древних иберов. Поэтому борьба местного населения против карфагенян приобретала глубокий исторический смысл. Именно с этой точки зрения мы рассматривали в предшествующей главе начало широкой освободительной борьбы иберов, на которую последние поднялись в ранее невиданных масштабах. Проследившая борьбу иберов против завоевателей Баркидов, мы установили, что в то время ни иберы, ни Баркиды не были еще окончательно победителями.

Несмотря на внешний блеск походов Ганнибала в Испании, все же его победы над иберийскими племенами являлись кратковременными. Иберы упорно готовились к борьбе против карфагенских властителей. Это, надо думать, сознавал Ганнибал, и только осложнившиеся римско-карфагенские отношения позволили ему пренебречь положением в Испании. Хотя карфагенский полководец в конечном итоге и просчитался в оценке этого положения и поэтому не обеспечил себя надежным тылом при походе в Италию, все же его действия в Испании имели немаловажное значение. Вот почему необходимо учесть некоторые его мероприятия, осуществленные перед уходом в Италию. Уже заранее, как напоминает Полибий (III, 33, 6—7), «на тот случай, если бы ему самому пришлось отлучиться куда-либо, брату своему Гасдрубалу он дал указания относительно того, как он должен управлять и командовать иберами...». Зная пастрония иберийских племен, испытав в упорных столкновениях характер применявшейся иберами тактики и,

как говорит Полибий (III, 33, 7—10), «руководствуясь мудрым расчетом, Ганнибал в целях безопасности положения в Испании и в Ливии переместил ливийские войска в Иберию, а иберийские в Ливию». Карфагеняне, как известно, вербовали в свои войска немало иберов в качестве наемников и ипогда были весьма обеспокоены как поведением туземцев, так и дезертирством их из карфагенской армии¹.

Меньше всего Ганнибал мог полагаться на лояльность тех иберийских племен, которые ему удалось подчинить после объявления Римом войны Карфагену, когда он решил перейти Эбро и через Пиренеи направиться в Италию. По пути Ганнибал подчинил немало разных племен: илергетов, баргусиев, эрпосиев и алдосинов, проживавших на побережье вплоть до самых Пиренеев². Однако подчинение всех этих племен было формальным. Ни сами племена, ни их территория не могут рассматриваться как покоренные.

Решительно как полководец, но не без смутного опасения как политик, которого тревожила мысль о положении в Испании, Ганнибал направился в поход на Рим. Своего брата Ганнона он оставил правителем Испании и дал ему пограничную власть, в особенности над племенем баргусиев, которому, по словам Полибия (III, 35, 4—5), меньше всего доверял. Десять тысяч пехотинцев и тысячу всадников получил Ганнон со всем снаряжением и продовольствием на случай, если иберы поднимутся против власти Карфагена. И все-таки Ганнибал не был уверен, что во время его отсутствия в Испании не начнется война. Поэтому, кроме резервной армии, оставленной Ганнону, необходимо было предпринять какие-то дополнительные дипломатические и политические шаги, обеспечивающие спокойствие в стране. Поэтому Ганнибал распустил части иберийских войск по домам «с целью иметь друзей в покинутых дома пародах, вместе с тем внушить остальным надежду на возвращение к своим очагам, наконец, с целью расположить к походу всех иберов, не только тех, которые шли с ним, но и остающихся дома, на тот случай, если когда-либо потребуются их помощь» (III, 35, 6—8).

Однако принятые меры не могли изменить отношения иберов к карфагенским властителям. От армии Ганнибала стали отпадать отдельные иберийские отряды, появились дезертиры, которые уходили в горы, а затем нападали на армию Ганнибала с тыла. Все эти явления, по словам Моммзена, «вполне убедительно доказывают, что если бы римская армия стала оспаривать у него (Ганнибала) обладание Испанией, то он не стал бы

¹ См. об этом у Liv., XXI, 23, 4—6; ср. Polyb., III, 35, 4—5.

² Эти племена перечисляет Полибий. Названия их, если не считать илергетов, недостаточно известны. См. Polyb., III, 35, 2—3.

избегать встречи с лею; всего же важнее то, что, если бы римляне оказались в состоянии оттянуть его выступление из Испании всего на несколько недель, зима заперла бы альпийские проходы прежде, чем он бы их достиг, и африканская экспедиция могла бы беспрепятственно направиться к своей цели»¹. Карфагенский вождь понимал и учитывал эти обстоятельства в своих военных планах. Может быть, именно существовавшая в Испании ситуация, с одной стороны, и разрыв с Римом — с другой, и толкнули Ганнибала на поход в Италию, который должен был, по расчетам Ганнибала, отвлечь внимание римлян от Испании, этого наиболее уязвимого места карфагенской империи.

Последующая античная традиция под впечатлением походов Ганнибала в Италию чересчур сгущала краски в характеристике его полководческих способностей и упускала из виду роль карфагенского вождя как политического деятеля. Таким образом, не учитывалась зависимость военных планов Ганнибала от политического положения в Испании и Ливии. В частности, план похода через Пиренеи в Италию приписывается исключительно военному таланту Ганнибала. Между тем известно, что реальное положение Карфагена в 218 г. и весьма незавидное положение Ганнибала в Испании исключали какой-либо другой план активных действий против Рима, кроме направления через Пиренеи в Италию. Рискованный план Ганнибала был одинаково опасен и для Карфагена и для Рима. Если операции Сципионов в Испании ни в коей мере не могли служить утешением для Рима, ибо Ганнибал стоял у ворот Рима, то для Карфагена операции в Испании и в Италии могли в некоторой степени являться облегчением хотя бы потому, что эти операции отвлекали силы и внимание римлян от карфагенской метрополии. В этом отношении план Ганнибала оказался не только единственно возможным и правильным, но и абсолютно необходимым.

Римляне прекрасно знали все слабые стороны этого плана. Поэтому, несмотря на опасность, которой грозил исход событий под Каннами, римляне понимали, что Испания была наиболее уязвимым местом в империи Карфагена, что от положения дел в Испании зависит исход операций в Италии и что на этом основании она не должна быть оставлена в покое ни на одну минуту. Таким образом, операции в Испании становились для Рима совершенно необходимыми. Рим мог спокойно послать для военных операций в Испанию Сципионов, ибо там можно было рассчитывать на поддержку местных племен и даже на восстание иберов против карфагенян. Расчеты Рима на поддержку

¹ Т. Моммзен, История Рима, М., 1936, т. I, стр. 546.

иберов в Испании, несомненно, с самого начала были более реальны, чем надежды карфагенян на помощь местных племен в Италии. Отсюда понятен ответ римлян на поход Ганнибала в Италию походом Сципионов в Испанию. Консул Публий Корнелий Сципион должен был руководить испанскими операциями и добиться того, чтобы «сделать Испанию не столько римской, сколько некарфагенской».

Задержанный в Италии галльским восстанием, Сципион только по дороге в Испанию узнал о стремительном походе Ганнибала в Италию, начатом неожиданно для римлян. Поэтому он не мог воспрепятствовать этому походу. Теперь, при создавшейся тревожной обстановке, Сципион направил своего брата Гнея с войском и флотом в Испанию. Операции начались высадкой в Эмпории. Отсюда Гней Сципион прежде всего подчинил своей власти побережье, прилегающее к Эбро, чтобы создать здесь базу для дальнейших операций. Одни из прибрежных городов он завоевал силой, другие — преимущественно греческие колонии, как об этом сообщает Полибий (III, 76, 1—4), — «добровольно переходили на римскую сторону». Отрывок из греческого историка Сосила, друга Ганнибала, сообщает нам весьма интересные сведения о совместных военных действиях массалиотов и римлян против карфагенян у устья Эбро¹. Отсюда Сципион, согласно Полибию (III, 76, 4), двинулся в глубь страны. Это замечание греческого историка следует, по видимому, понимать так, что римляне направились по равнине вдоль берега Эбро. Утверждение Полибия (III, 76, 6), что Гнею Сципиону сразу удалось превратить все племена по сю сторону Эбро в своих союзников, не совсем правильно. Сам Полибий вынужден сообщить, что царек наиболее могущественного иберийского племени илергетов — Алдобал (Индибил или Индибил) в битве между римлянами и карфагенянами (Ганноном) выступил на стороне последних. Илергеты же занимали район от Илерды — своей столицы — до Оски, т. е. между Эбро и Пиренеями, между Сикорисом и Галликом.

О первой битве между римлянами и карфагенянами передает Полибий (III, 76, 4—13). Местом битвы была столица племени цессетанов — Цессе. «Гней дал им (карфагенянам. — *А. М.*) битву и одержал победу, причем овладел большой добычей, потому что здесь оставался весь обоз двинувшегося в Италию войска; кроме того, он приобрел дружественный союз всего населения по сю сторону реки Ибера и захватил в плен воначальников карфагенян и иберов, Ганнона и Алдобала». Это было столь значительным ударом по престижу Карфагена, что

¹ ФНА, III, стр. 6—63. Из фрагмента Сосила видно, что массалиоты и римляне договорились о союзе. См. также Роуль, III, 95, 6—7.

Гасдрубалу пришлось срочно направиться на север и методами экзекуций восстанавливать пошатнувшийся авторитет карфагян в глазах туземного населения. «Гасдрубал взял тысяч восемь пехоты и тысячу конницы и попал на рассеявшихся флотских воинов, причем многих перебил, а остальные вынуждены были бежать на корабли. Гасдрубал повернул назад, перешел опять реку Ибер и занялся приготовлениями к войне и укреплением местностей, лежащих за рекою, расположившись на зимнюю стоянку в Новом городе (Новый Карфаген.— А. М.). Гней возвратился к флоту, где подверг виновников недавнего поражения установленному у римлян наказанию, затем соединил вместе сухопутные и морские войска и устроился на зиму в Тарракопе. Равным разделом добычи он приобрел большое расположение к себе воинов и вдохнул в них охоту к предстоящим битвам».

Таковы были дела в Иберии в 218 г. На сухопутную битву, дающую Гнесм и закончившуюся поражением карфагян, Гасдрубал ответил разгромом римских моряков в устьях Эбро. Сципион укрепился в Тарракопе и держал там линию Эбро, Гасдрубал зимовал в Новом Карфагене, как будто восстановив *status quo* в полном соответствии с договором 226 г. Всякие другие сообщения о ходе событий 218/217 г. следует рассматривать, как вставку апталлистов. По отношению к 218 г. следует принимать за действительность или за действительно случившееся только то, что передал нам Полибий.

Весной следующего, 217 г. происходила морская битва у берегов Эбро, в которой карфагеняне потерпели, по словам Полибия (III, 96), поражение. Возможно, что под влиянием именно этих столь выгодных для Рима событий в Иберии апталлисты включили сюда еще два совершенно не подтвержденных похода, записанных у Ливия¹. Все расположение римских и карфагенских войск делало в то время невозможным поход римлян до Нового Карфагена и Монгунтики, равно как и второй их поход до *Saltus Castulonensis* с добровольным подчинением римлянам сразу 120 различных племен, а также другие сообщаемые детали. Все эти сведения Ливия можно отбросить. При изучении событий 217 г. необходимо исходить из двух весьма важных сообщений Полибия, близко стоявшего ко всем описываемым событиям. Первое сообщение Полибия (III, 97, 4—6) касается утверждения, что «раньше римляне (т. е. до прибытия Публия, брата Гнея Сципиона) не отваживались переходить реку Ибер и довольствовались союзом пародов, живущих по сю сторону реки». Второе сообщение (III, 97, 6) касается обстоятельств первого перехода через Эбро при Сци-

¹ См. L i v , XXII, 20 (FPA, III, стр. 65—66, ср. комментарии, стр. 66.

ниопах. «Успеху предприятия много помог случай, именно: паведя ужас на тех иберов, которые жили у переправы через Ибер», римляне направились к Сагунту. Все это служит подтверждением того, что до соединения Сципионов римлянам не приходилось ни одного раза переходить Эбро. Кроме того, сообщение о присоединении 120 племен к римлянам становится совершенно невероятным в свете информации Полибия о том, что некоторых иберов, живших у переправы через Эбро, охватил страх при появлении римских войск. Следовательно, вся исходящая от Ливия традиция о Гнее Сципионе и направленная к превознесению его путем приписывания ему походов, которые он в 217 г. не совершал, не заслуживает доверия. О проведенных Гнеем операциях лучше всего сказал, пожалуй, Аппиан (*Iberica*, 15): «Гней не совершил в Испании ничего такого, что заслуживало бы упоминания, пока не явился его брат Публий».

Прибытие Публия Сципиона с новыми силами в Испанию позволило римлянам впервые переправиться через Эбро и проникнуть до самого Сагунта. Относительно позиции, занимаемой иберийскими племенами во время этой операции Сципионов, имеются надежные сведения у Полибия и частично у Ливия. Первый (III, 98—99) рассказывает нам о выступлении иберийского царька Абилига, об освобождении последним задержанных еще Ганнибалом иберийских заложников и о его лояльности по отношению к римлянам: «Абилиг решил изменить карфагенинам и выдать заложников римлянам (III, 98, 5)». Характерно и сообщение Ливия¹, согласно которому кельтиберы поднялись и ударили в тыл карфагенинам. Антикарфагенинская позиция иберийских племен способствовала их объединению в борьбе с прежними завоевателями, хотя объективно содействовала успехам римлян. Необходимо отметить, что для карфагенин выступления иберов в тылу становились более грозным явлением, нежели открытые битвы с римлянами.

¹ Liv., XXII, 21. Де Санктис отрицает какую-либо ценность этого сообщения, как и всей XXII книги Ливия. Изучавший историю войн кельтиберов с римлянами советский историк Л. М. Роголин полагает, что в вышеотмеченном положении Ливия имеется все же некоторое зерно истины. Л. М. Роголин пишет: «Необходимо пойти в этом рассказе антикистов реальное зерно. Несомненно, что сообщение о громадных потерях карфагенин в сражении с кельтиберами — фантастическое преувеличение; также выдумкою антикистов следует признать рассказ о добровольном переходе кельтиберов на сторону римлян. Но самый факт выступления кельтиберов кажется нам вполне реальным, тем более что мы даже знаем место битвы с кельтиберами в 217 г. Их нападение на армию Гасдрубала в 217 г. следует рассматривать как пробу сил кельтиберийских племен, которые в дальнейшем выступают во главе всех испанских племен в их борьбе против карфагенинских и римских завоевателей» (см. «Первая Кельтиберийская война в Испании 197—179 гг. до н. э.», ВДИ, 1948, № 4, стр. 77). — *Ред.*

Следующий, 216-й год был тяжелым для карфагян. Римляне под командой обоих Сципионов создали прочные базы к северу от Эбро. Ливий сообщает (XXIII, 26), что против карфагян выступили турдетаны под руководством своего вождя Хальба. В битве при Аскуа¹ карфагяне были разбиты, и турдетаны захватили их лагерь с различного рода снаряжением. Для всякого, изучающего борьбу иберов в этот период, представляют большой интерес также некоторые обстоятельства битвы римлян с карфагянами при Гибере² (Hiberum), закончившейся победой римлян. В этой битве Гасдрубал применил ту же тактику, как и при Каннах Ганнибал, — отступающий центр должен был поглубже втянуть противника внутрь, дабы успешнее можно было охватить его с флангов. Но испанцы, бывшие в центре карфагянской армии, не выдержали слишком стремительного давления римлян, которые одержали верх³. Если Ганнибал победил при Каннах, то при Гибере карфагяне потерпели поражение. Таким образом, в боях на Иберийском полуострове стало ясным, что тактикой Ганнибала можно не только нанести поражения, но и терпеть их. Применение одних и тех же тактических приемов при различных условиях даст различные результаты. Битва при Гибере показала, что дело в конце концов решается не поверхностным применением одних и тех же тактических приемов, а постоянно действующими факторами: прочностью тыла, моральным духом армии, количеством и качеством войск, их вооружением, а также организаторскими способностями военачальников⁴. Для Ливия было совершенно ясно, что причина этого поражения карфагян заключалась в том, что центр их войск, состоявший целиком из иберов, в решающий момент битвы отступил. Ливий (XXIII, 9) говорит, что иберы сражались неохотно и отступили потому, что «они согласны были скорее остаться побежденными, чем, победив, тащиться куда-то в Италию».

¹ Ascuа — Ливий (XXIII, 26) называется Осуа у Плиния (II, 10; ср. также Птолемея, II, 4, 9). Шульцен помещает его недалеко от Кастуллона. См. ФИА, III, стр. 77.

² Liv., XXIII, 28, 7. По мнению Шульцена, Гибера соответствует городу Тортоза на Эбро (в древности также Dertosa). Об идентичности этих городов свидетельствуют надписи на монетах. Надпись эпохи Августа: *Peberia Julia Percavonia Dertosa*. Надпись времени Тиберия гласит: *H[ibera] I[ulia] Percavonia Dertosa*.

³ В комментариях к этому месту Ливия (в ФИА, III, стр. 79) Шульцен обращает внимание на эту битву с военной точки зрения. Сравнивая примененную карфагянами тактику при Гибере с тактикой Ганнибала при Каннах, Шульцен полагает, что битва эта относится не к 216, а к 215 г., т. е. произошла после того, как результаты Канн стали известны. Мы считаем, что при данном состоянии источников этот вопрос остается открытым.

⁴ См. И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е, М., 1950, стр. 78. — *Ред.*

К тому же положение карфагенян после Гиберы не предвещало им ничего отрадного.

Под начальством брата Ганнибала Магона Гасдрубалу были посланы новые подкрепления. Рим в это время был обессилен под Каннами, над ним нависла угроза войны с Македонией, и поэтому помощь Сципионам едва ли могла быть оказана. Расходы римской казны в Сицилии и Сардинии поставили армию Сципионов в затруднительное положение. Из Ливия (XXIII, 40—49) мы узнаем, что на испанцев до тех пор не налагались контрибуции и сборы. Притом римляне еще не организовали своей базы к югу от Эбро. В момент первых же столкновений Карфагена с Римом на испанской почве сложившаяся обстановка заставила иберов определить свою позицию к этой войне. Удары кельтиберов в тыл карфагенской армии, восстание турдетанов во главе с Хальбом и битва при Гибере показали, какова была позиция местных племен в сражениях на Иберийском полуострове.

Таково было положение дел в 215 г. Гасдрубалу не удалось достигнуть Италии, — этому помешали римляне, которые сознательно уклонялись от столкновения с войсками карфагенян до тех пор, пока Гасдрубал не попал на иберийские племена. Какие это были племена, сказать невозможно, так как они в источниках не указываются. Так как события эти происходили около устья Эбро, то можно заключить, что это были племена, жившие по ту сторону реки, т. е., возможно, илеркаваны, или же по сю сторону, вдоль моря — цессетаны. Трудность этого вопроса осложняется недостаточной достоверностью других событий 215 г.

Дальнейший ход событий во многом определяется активными действиями иберийских племен. Ливий (XXIII, 49) сообщает о том, что осенью 215 г. карфагеняне вынуждены были приступить к осаде иберийских городов Илитурги (Iliturgi) и Индибили (Indibili), ибо жившие в них иберы отпали от карфагенян. Но уже давно доказано, что эти города находились в Бэтике, где римляне в это время быть не могли¹. Ливий, по-видимому, спутал Илитурги с Ильдуро (Ilduro) или Ильдум (Ildum), находившимся около Сагунта. Тут же неподалеку расположен был и другой город иберов — Индибили (Indibili)².

¹ Iliturgi, как нам хорошо известно, находился в Бэтике, по соседству с Бэрисом, на левом его берегу, к западу от Кастулола. Таким образом, по общей связи событий и по театру военных действий никак нельзя допустить, что здесь могли появиться римляне. С этой точки зрения сообщение Ливия должно быть отвергнуто.

² На иберийских монетах обозначено Ildurh. (MII, 49) или Ildurith (там же). Что же касается Indibili (или Indibili), то относительно расположения этого города в Илеркавании, к югу от Дертозы (или Гиберы), нет никаких сомнений.

Именно к этим обоим иберийским городам относится все то, что рассказывает нам Ливий. Это подтверждается и позицией римлян, которые, перейдя Эбро, должны войти в соприкосновение с карфагенянами, осаждавшими указанные города. Из Ливия (XXIII, 49) видно, что римляне стремились освободить эти города от осады, тем самым добиваясь расположения иберов.

В 215 г. римские войска испытывали большую нужду в деньгах и провианте, так что им пришлось обратиться в Рим с настоятельной просьбой о помощи.

Из этого можно заключить, что иберы не имели никаких повинностей по отношению к римским войскам. При этом частично иберы участвовали в военных расходах, так как об этом говорят монеты иберийских городов. Монеты эти чеканились обычно по римскому образцу (денарий, ас и др.), но с иберийскими легендами. Политика римлян заключалась в том, чтобы, вырвав у карфагенян инициативу в военных действиях, максимально использовать иберов. Последним внушалось, что война ведется в их интересах, за изгнание карфагенян из Испании. Подобная пропаганда римлян имела, очевидно, определенный успех. Однако она в конце концов обернулась против самих же римлян.

События 214 и 213 гг. до н. э. мы восстапавливаем по данным Ливия с исправлениями по Аппиану. Из Ливия видно, что активные боевые действия начались в области *Castrum Album* ("Αχρα Λευκή— «Белая крепость»). Правильное представление о ходе событий этого и следующего годов можно получить лишь в том случае, если предположить, что инициативу борьбы в 214 г. захватили карфагеняне. Тогда станет ясным многое из того, что совершилось позднее, и удастся установить причинную связь между событиями. В особенности же необходимо объяснить, каким образом римляне, находившиеся около Сагунта и «Белой крепости», могли вдруг оказаться в Батисе, около города Илитурги.

Из Аппиана (*Iberica*, 15—16) известно, что Гасдрубал был вызван в Ливию, чтобы отразить нападение нумидийского царька Сифакса.

«Заключив с Сифаксом мир, карфагеняне вновь посылают в Иберию Гасдрубала с более многочисленным войском и 30 слонами, а вместе с ним двух других полководцев, Магопа и другого Гасдрубала, сына Гископа. С этого времени Сципионам война стала труднее... И если римляне все же «и в этих условиях побеждали», то объяснение этому можно найти только в отпадении Илитурги и Кастулона, о чем сообщает нам Ливий (XXIV, 41, 8—9). Кастулон был значительным иберийским городом на Батисе. О значении этого города мы

можно отчасти судить хотя бы по тому, что горному хребту в этой области дано было название *Saltus Castulonensis*. Илитурги также являлся значительным городом Бэтики, неподалеку от Кастулона.

Выступлением иберов в этих городах не могли не воспользоваться римляне, которые двинулись в Турдетанию в область Бэтики, где столкнулись в битве с турдетапами (XXIV, 42, 41) и разрушили турдетанский город неизвестного названия. Таким образом, переход римлян через Эбро и их стремительное проникновение в Турдетанию необходимо связать с выступлениями иберов, с позицией местного населения в римско-карфагенской борьбе. Илитурги и Кастулон предопределили успешное продвижение римлян в Турдетанию.

К событиям этого же года следует отнести и тот интересный факт, что кельтиберийские племена перестали служить карфагенянам и впервые вступили в римские войска в качестве наемников. «Из событий этого года, — говорит Ливий (XXIV, 49, 7), — в Испании только это обстоятельство и обращает на себя внимание, ибо кельтиберы были первым наемным войском, которое когда-либо существовало в римском войске». 213 год, по видимому, и завершается этим этапом римско-карфагенской войны. Сципионы стояли, по видимому, в Урсо (*Urso*) и Кастулоне, а карфагеняне разбили свои лагери на зиму в Турдетании.

Отдыхая в лагерях в условиях испанской зимы, ни одна из сторон, может быть, не предвидела столь неожиданных событий, какие наступили весной следующего года. Гибель Сципионов в 212 г. и стремительное продвижение карфагенян вплоть до Эбро и явились историческим сюрпризом этого года. Описание этого события мы находим у Аппиана (*Iberica*, 16). «...Из Сципионов Гней стал зимним лагерем в Орсо (в *Urso*. — *A. M.*), а Публий в Кастулоне. Там ему было дано знать, что приближается Гасдрубал. Выйдя из города с небольшим отрядом для разведки карфагенского войска, он не заметил, как напал на самого Гасдрубала, который с конницей, окружив его и бывших с ним, всех перебил. Гней, ничего не зная о судьбе брата, послал своих воинов за хлебом. С ним встретился другой отряд ливийцев, и завязалась битва. Услыхав об этом, Гней быстро выступил против них, как был, с отрядом легко вооруженных. Карфагеняне, разбив передовых, стали преследовать самого Гнея, пока он не скрылся в какой-то башне. Карфагеняне сожгли эту башню, а в ней сгорел и Сципион вместе с бывшими с ним».

По другой версии¹, войско Гасдрубала стояло в *Amorgis*, там же погиб Гней Сципион. Что касается Публия, то, соглас-

¹ *L. i v*, XXV, 32, 5; ср. также XXV, 36, 14.

по Плинию, он погиб у города *Погсит*, вероятно, тоже на Бэ-тисе¹. После гибели Сципионов в 212 г. почти все то, что они приобрели, снова отпало к карфагенянам. Римляне должны были поспешно вернуться на Эбро и оставались в узком пространстве, ограниченном Эбро и Пиренеями². Всаднику Л. Марцию удалось объединить сохранившиеся остатки разбитых войск обоих братьев Сципионов и не пропустить карфагенян за старую римско-карфагенскую границу.

Вопрос о причинах постигшей римлян катастрофы также упирается в проблему роли иберийских племен, которые, как позволяет установить ход событий, стали теперь более самостоятельными и перестали быть пешками в игре двух столкнувшихся крупных хищников.

Ливий (XXV, 32) рассказывает нам, как Сципион, готовясь к сражению с Гасдрубалом, нанял большой отряд кельтиберов.

Однако перед самой битвой кельтиберы внезапно покинули римлян и ушли в горы на свою территорию. Сципион, лишившись столь большого отряда, был вскоре разбит. Эта версия находит свое подтверждение в переданной Полибием речи Публия Сципиона Африканского старшего: «Публий, собравший войско, убеждал его не падать духом по случаю испытанной раньше неудачи; ибо, говорил он, карфагеняне одолели римлян не собственной храбростью, но и з м е н о ю к е л ь т и б е р о в . . . »³. Несомненно, что Сципион Африканский в своей речи имел в виду те трагические события, которые имели место в 212 г. и которые стоили жизни его отцу. Полибий вторично указывает на то, что кельтиберы сыграли столь коварную роль в судьбе Сципионов (X, 7, 1—2). «Находясь еще в Риме, он (Публий Сципион.— А. М.) расспросил и точно разузнал об измене кельтиберов и о разделении римских войск и убедился, что в этом лежала причина несчастья его отца».

Не только кельтиберы, на которых еще не распространялось господство ни карфагенян, ни римлян, боролись за свободу и независимость. Даже один из вернейших, казалось бы, карфагенских друзей, вождь иберийского племени илсретгов Индибил заколебался. Полибий говорит, что Индибил одно время потерял свое руководящее положение из-за карфагенян, т. е., очевидно, римляне во время своего наступления отняли у Индибила его власть. Теперь после разгрома обоих Сципионов ему вернули прежнее положение, однако карфагеняне потребовали у него дочерей в качестве заложниц. Дальнейшие

¹ P l i n ., NH, III, 9. Точное местоположение *Погсит* нам неизвестно.

² A p p i a n., Iberica, 17.

³ P o l y b., X, 6, 2.

события¹ вполне подтверждают, что этот вождь илергетов принужден был лавировать во время римско-карфагенской войны. Во всех своих мероприятиях Индибил умел тоньше, чем кто-либо из других иберийских старейшин, защищать свои собственные интересы. Это показывает, что иберы, в частности илергеты Индибила, достигли уже такой степени политической и социальной зрелости, что осознали свои собственные политические интересы.

С выступлением Публия Корнелия Сципиона, сына павшего в Испании Публия Корнелия Сципиона, стало очевидным, что Рим начал уделять исключительное внимание испанскому театру военных действий. Первоначальное вмешательство в испанские дела в 218 г., имевшее своей целью «сделать Испанию не столько римской, сколько некарфагенской», заменилось теперь с выступлением Публия Сципиона политикой оккупации Иберийского полуострова, порабощения его населения и превращения захваченной территории в римскую провинцию. В связи с этим меняется характер римского командования и высшей власти в Испании.

Сразу же после гибели обоих Сципионов в 212 г., как сообщает Ливий (XXV, 37), Рим направляет в Испанию Луция Марция и Тита Фонтя. В 211 г., после падения Калуги, часть освободившихся войск в количестве 12 тысяч пехотинцев и 1100 всадников во главе с Клавдием Нероном была отправлена в Испанию. Сципион же выехал в Испанию в 210 г.²

Таким образом, получается следующая картина эволюции римской власти в Испании. Прибывший в 211 г. в Испанию пропретор Нерон получил войско от Т. Фонтя и Л. Марция. Карфагеняне стояли уже по его сторону Эбро. Нерону пришлось действовать в стране авсетапов, живших вдоль морского побережья к северу от названной реки. Римляне были прижаты к побережью и не выходили за пределы этой тесной территории. При этом Нерон не имел почти никаких успехов, тогда как карфагеняне теснили римлян. Только в 210 г. в Испанию прибыл Сципион вместе с Силапом.

Высадившись в Эмпории, Сципион имел в своем распоряжении 10 тысяч пехотинцев и тысячу всадников. К этому присоединялось теперь: 13 тысяч воинов под командой Перона, вспомогательные отряды численностью в 10 тысяч человек, и, кроме того, иберийские наемные отряды; все эти войска в совокупности составляли, по крайней мере, 35 тысяч воинов. Карфагеняне располагали тремя армиями: одна под начальством

¹ См. А р р і а н., Iberica, 37, 38. О неоднократно изменявшейся позиции Индибила см. также у L i v., XXIX, 4, 19 и у D i o d., XXVI, 22.

² Относительно инцидентов при выборе Сципиона, а также о чрезвычайном imperium Публия Сципиона см. САН, VII, стр. 84, прим. 3.

Гасдрубала Барки стояла в Каристании; другая во главе с Гасдрубалом, сыном Гископа, находилась в устьях Тага (Тахо), далеко на западе; третья, во главе с Магопом, младшим братом Гасдрубала Барки, располагалась на юге, у Столбов Геракла. В Новом Карфагене находился гарнизон не более чем в тысячу человек карфагенских солдат¹.

Весной 209 г. Сципион сделал смотр римским войскам и своим испанским союзникам в устье Эбро. Оставив Силапа охранять берег Эбро, сам он направился к Новому Карфагену. Его друг Левкий получил приказ плыть вдоль берега, чтобы притти к цели в одно время со Сципионом, двигавшимся по суше. Сципион окружил город и штурмовал эту сильную карфагенскую крепость в течение всего дня². Один день ожесточенных боев дал Сципиону ключ к юго-восточной Испании, со всеми ее богатствами. Источники сообщают нам о захваченных 600 талантах, не считая добычи из рудников вблизи города, складов амуниции и тысячи плешных. Затем Сципион стал обучать и реорганизовать свою армию для новых походов. На зиму Сципион вернулся в Тарракон и там отпраздновал триумф. Местные общины, особенно эдетапы к югу от Эбро и даже вождь илерготов Индигил, заявили о верности римлянам. Тогда Сципион после ряда подготовительных мероприятий принял решение о новом большом наступательном походе против карфагенян. Его задачей было теперь изгнать карфагенян с Иберийского полуострова.

В то время как Сципион после захвата Нового Карфагена стоял перед новыми решениями, Гасдрубал, не подозревая всей сложности положения, вербовал в Каристании и Кельтиберии отряды на помощь Ганнибалу в Италию³. Инициатива в это время определенно находилась в руках римлян, и пока Гасдрубал занимался формированием частей, Левкий мог уже докладывать в сенате о том, что в Испании «были возвращены несколько городов, которые отпали, и были приняты новые на положении союзников»⁴. Сципион обеспечил также свой тыл путем дипломатических маневров по отношению к иберийским племенам. В Новом Карфагене он освободил содержащихся там заложников, в результате чего «многие племена и многие князьки перешли на сторону Сципиона и, не говоря об остальных, еще племя кельтиберов». Что касается кельтиберов, то тут многое остается неизменным, ибо как раз в Кельтиберии в

¹ О расположении карфагенских сил см. *L i v.*, XXVI, 20, 6; *A r r i a n.*, *Iberica*, 24; *P o l y b.*, X, 7, 5. Версию Полибия следует, по моему мнению, считать наиболее правильной.

² Топографию района Нового Карфагена см. у *P o l y b.*, X, 10.

³ *A r r i a n.*, *Iberica*, 24.

⁴ *L i v.*, XXVII, 7, 4; *Z o n a r.*, IX, 8.

это время находился Ганнон и производил там набор в свои отряды¹. Твердо можно говорить о переходе на сторону римлян только племен копететанов и илеркавонов. О переходе отряда кельтиберов в 1400 человек рассказывает нам Ливий (XXVI, 50) и Фроптин (III, 11, 5) в связи со следующим якобы имевшим место случаем. После взятия Нового Карфагена и освобождения заложников Сципион взял на себя охрану добродетели девушек-заложниц, в том числе и невесты кельтиберийского вождя Алуция. В ответ на это кельтиберийский вождь в знак личной благодарности явился вскоре к римлянам с отрядом в 1400 человек. Приведенный анекдот не дает еще права решать проблему отношений между кельтиберийскими племенами и римлянами.

В 209 г. произошла битва, сыгравшая большую роль в соотношении сил борющихся сторон, а также в проверке лояльности иберийских племен. Это была битва при Бескуле (Bassula)². После гибели Сципионов это, в сущности, было первое сражение, в котором основные силы противников, переформированные и долго стоявшие в ожидании большого боя, встретились в открытом поле. У Полибия и Ливия подробно излагается начало, ход и финал этого сражения. «Случилось так, — рассказывает Полибий (X, 38, 7—10), — что военачальник карфагеняи находился в это время в окрестностях Кастуллона подле города Бескул, повдалеке от серебряных рудников. По получении известий о прибытии римлян Гасдрубал переместил свою стоянку, причем сзади она ограждена была рекой, а впереди ее расстилалась равнина, защищенная цепью холмов. Цепь была настолько высока, что прикрывала лагерь, и достаточно длинна, чтобы на ней выстроить войска к бою. В этом месте Гасдрубал держался, постоянно высылая передовые отряды на самые высоты. Приблизившись к карфагенянам, Нублий желал было сразиться с врагом, но увидел, что местность прекрасно защищает противника, и колебался. Так он прождал два дня; наконец, опасаясь, как бы не соединились с Гасдрубалом войска Магона и Гископа и как бы неприятель не запер его со всех сторон, решил дать сражение и вызвать неприятеля на бой». Дальше Полибий продолжает: «Теперь Гасдрубал вывел из лагеря все войско. До этого времени он оставался на месте в убеждении, что достаточно хорошо защищен условиями местности и что неприятель не отважится напасть на него. Таким образом, нападение последовало неожиданно, и он не успел построиться к бою... В результате стремительного натиска римлян, ряды карфагеняи дрогнули...

¹ L i v., XXVIII, 1, 4 и 2, 12.

² P o l y b., X, 38, 40; L i v., XXVII, 18; A p p i a n., Iberica, 24—25.

Как только Гасдрубал увидел, что войска его подаются и приходят в расстройство, он, согласно первоначальному плану, отказался от решительной битвы, собрал казну, слопов, взял с собою, сколько мог, бегущих воинов и отступил вдоль реки Тага к Пиренейским перевалам». Гасдрубал с остатками своих войск направился к Пиренеям и далее в Италию, на помощь Ганнибалу, тогда как Публий Сципион по заявлению Полибия (X, 39, 9—10) «не находил выгодным для себя гнаться тотчас за Гасдрубалом, ибо опасался нападения прочих карфагенских вождей».

Таким образом, исход битвы при Бекуле, с точки зрения испанского театра войны, привел к разгрому одной из трех карфагенских армий, при этом наиболее значительной и под командованием самого Гасдрубала, а с точки зрения общей стратегии войны Карфагена с Римом — к новому походу на помощь Ганнибалу, ибо «Гасдрубал шел в Италию, причем италийцы, — говорит Аппиан (Iberica, 28), — ничего не знали о его походе». Таким образом, в то время как Сципион решал одну из задач общего плана разгрома карфагенян в Испании, Гасдрубал стремился прорваться в Италию и принести помощь брату в самые критические моменты для Ганнибала и Карфагена. Битва при Бекуле раскрыла как планы Сципиона в Испании, так и планы Гасдрубала, у которого, если верить Полибию, план вторжения в Италию был «заранее разработан»¹.

Битва при Бекуле сыграла в дальнейшем ходе римско-карфагенской войны немаловажную роль в определении позиции иберийских племен. Жестокое обращение Гасдрубала с иберами перед сражением, о чем сообщает нам Полибий (X, 36, 3—4), настроило иберийцев окончательно антикарфагенски. Вскоре это стало ясно и самому Гасдрубалу. Поэтому исход битвы не мог оставлять каких-либо сомнений относительно дальнейшего поведения иберов. Сопротивление последних карфагенянам возрастает с большей силой.

Как битва при Бекуле отразилась на позиции иберов, показывают следующие события. Согласно Полибию (X, 40, 1—2), после битвы «Публий собрал в одно место всех военнопленных, в числе коих было около десяти тысяч пехоты и больше двух тысяч конницы, и сделал распоряжения к ним распоряжения». Об этих распоряжениях Ливий (XXVII, 19, 1) рассказывает более подробно, чем Полибий. «Из них (пленных. — А. М.) всех испанцев Сципион отпустил по домам без выкупа, а африканцев приказал квестору продать. Тогда толпа испанцев, как сдавшихся прежде, так и взятых в плен накануне, окружила его и с замечательным единодушием провозгласила

¹ Polyb., X, 37, 3—5; X, 39, 7.

царем». Едва ли это сообщение Ливия и в таких же почти выражениях у Полибия (X, 40, 1—2) можно считать только риторической прикрасой к рассказу о доблестях Сципиона. Дело в том, что в связи с успехами римлян мы имеем перед собою действительно факт резкого антикарфагенского поведения иберов. Три иберийских царька, стоявших во главе крупных племен, открыто перешли на сторону римлян: Едекон, Мандоний и ИндIBIL. Согласно Полибию (X, 40, 3—4), «начало этому положил Едекон; он же первый пал ниц перед Публием». Едекон был царьком племени эдтанов¹, которые, согласно Страбону (III, 4, 1), жили на побережье от Нового Карфагена до устья Эбро. ИндIBIL был царьком могущественного племени илергетов, жившего по эту сторону Эбро. Мандоний², брат ИндИБИЛА, стоял, повидимому, также во главе какой-то племенной организации. Переход этих царьков иберийских племен состоялся в Тарраконе в зиму 209/208 г. до н. э. Не только племена, жившие у Эбро, но и многие другие иберийские племена отложились от Гасдрубала, как об этом говорит Полибий (X, 35, 8). Иберийские вожди еще раньше входили в переговоры с Публием Сципионом и заключали с ним договоры. Так, например, согласно Полибию (X, 38, 4) Едекон заключил со Сципионом союз, который наложил на иберов обязательство «следовать за римскими военачальниками и подчиняться во всем их распоряжениям». То, что на данном этапе освободительной борьбы иберы выражали антикарфагенскую линию поведения в форме открытого отпадения от Гасдрубала и даже в виде союзов с римлянами, может, конечно, до некоторой степени объясняться, с одной стороны, жестокими притеснениями иберов со стороны Гасдрубала, и с другой — системой подкупа, которую римляне практиковали для привлечения иберов на свою сторону. Но крайней мере, Ливий сообщает (XXVI, 17, 1), что Публий Сципион «всю зиму (209/208 г.—А. М.) употребил на то, чтобы слискать расположение варваров Испании, отчасти при помощи подарков, отчасти возвращая заложников и пленных».

Кельтиберы вели себя еще нейтрально. Правда, мы знаем, что некоторые отряды кельтиберов выступали на стороне римлян; однако мы знаем также и то, что Гасдрубал совершенно свободно прошел всю Кельтиберию к Пиренеям во время своего похода в Италию³. Но теперь наступала очередь и кельтиберов. События 208 г. в Испании готовили новый этап борьбы испанцев против чужеземных властителей, хотя эта борьба все еще была направлена против карфагенян.

¹ Polyb., X, 34, 2; Liv., XXVII, 17, 1.

² Liv., XXVI, 49, 11; Polyb., X, 48, 7.

³ См. об этом Appian., Iberica, 28.

На 208 г. Сципиону и Сиплапу вторично было продлено управление (*imperium*) Испанией. Ливий (XXVII, 22, 7) говорит, что «Сципиону и Сиплапу сенат решил оставить на год управление обеими Испаниями»; этим самым Ливий косвенно указывал на приобретенные римлянами территории по ту сторону Эбро. Очевидно, уже в это время стало складываться такое разделение Испании; по крайней мере, в представлении римлянина это разделение было наиболее удобным способом определения географических районов или главных областей, явившихся в течение всей войны театром военных действий.

В 208 г. имело место только одно большое сражение. Карфагенские командиры Гасдрубал, сын Гискона, и Магон получили подкрепление из Африки. Под начальством Ганнона (из рода Баркидов), прибыл отряд, соединившийся с Магоном и проведший, по сообщению Ливия (XXVIII, 1—4), вербовку наемников среди кельтиберов, которые составляли в его армии тяжеловооруженную пехоту, численностью в 4000 человек, и 200 всадников. Против соединенных сил Магона и Ганнона, стоявших в Кельтиберии, двинулся Сиплап. Последний организовал стремительное наступление на пересеченной местности. Этот бой образно описан Ливием (XXVIII, 2): «Неровность местности сделала бесполезными быстрые движения кельтиберов, в обычае которых было во время сражения перебежать с места на место; те же самые неровности очень помогали римлянам, привыкшим сражаться на одном месте». В результате «почти все тяжеловооруженные кельтиберы были истреблены... и карфагеняне, пришедшие на помощь из другого лагеря, были напуганы, и римляне начали избивать их. Не более 2000 пехотинцев и вся конница, едва вступив в сражение, бежали с Магоном. Другого главнокомандующего, Ганнона, берут в плен живым вместе с теми воинами, которые пришли последними, когда сражение уже было проиграно. Вся почти конница и старые пехотинцы, сколько их было там, последовали за бежавшим Магоном и на 10-й день прибыли в Гадитанскую провинцию к Гасдрубалу. Кельтиберийское же войско, состоявшее из повобращцев, рассеялось по ближайшим лесам, а оттуда разбежалось по домам». Основной отряд, или главная сила, Ганнона — кельтиберийская пехота и конница — не сумели спасти карфагенского полководца. Карфаген в такой же мере мог бы взвалить на кельтиберов вину за разгром и пленение Ганнона, в какой Рим делал их ответственными за гибель Сципионов. Однако в данном случае кельтиберы, очевидно, были твердо на стороне карфагенян и действительно не за страх, а за совесть дрались с римлянами, к выступлению против которых они, по видимому, уже давно готовились, о чем, как это показывает здесь же Ливий, имелись данные у самих римлян.

Римляне придавали немалое значение результатам сражения с Магоном и Гапном. Интересно, что результат его оценивался не по тому, сколько карфагян было истреблено в этом сражении, и даже не по тому трофеем, каким был захват карфагенского полководца Гапна. Ливий (XXVIII, 3) прямо говорит, что «одержанная победа (над Магоном и Гапном.— *А. М.*) положила конец не столько уже разгоравшейся войне, сколько той войне, которая возникла бы, если бы карфагенинам дана была возможность, подняв племя кельтиберов, призвать к оружию и другие народы». Из этого видно, откуда на данном этапе войны в Испании ожидалась главная опасность для римлян. Боязнь восстания кельтиберов имела, очевидно, большие и серьезные основания, если только победа Силана рассматривалась не по отношению к карфагено-римской войне, а по отношению к той, которая могла бы возникнуть, если бы кельтиберийские племена поднялись против римлян. «Поэтому Сципион,— говорит там же Ливий,— милостиво похвалил Силана и, надеясь положить конец войне, если он сам не промедлит и тем не затянет ее, быстро направился против Гасдрубала в крайние пределы Испании, чтобы нанести последний удар остаткам войны».

В это время Гасдрубал стоял в Бэтике, а потом устремился к Гадесу, разделив свои части по разным иберийским общинам, возможно тоже для того, чтобы «держать в повиновении своих союзников»; такая задача, согласно Ливию, была у Гасдрубала, когда он стоял в Бэтике.

Сципион видел, что в незнакомом районе ему трудно будет вести военные операции с противником, засевшим во многих городах; потерпев, как сообщает Аппиан (*Perica*, 25—26), несколько неудач, он направил своего брата Луция против богатейшего из городов — Оронгиса. «Город этот служил Гасдрубалу укрепленным пунктом, откуда он предпринимал набегги против народов, живущих внутри страны»¹. Луций Сципион расположился лагерем у этого города, окружил последний рвом и двойным валом и разделил войско на три части так, чтобы одна непрерывно вела осаду, в то время как две другие будут отдыхать. После упорной борьбы римляне ворвались в город, овладели им и захватили большое количество пленных.

Затем «...Сципион (Шублий.— *А. М.*) отвел все свои войска в Ближнюю Испанию, ввиду наступления зимы, не позволявшей сделать попытку взять Гадес или преследовать войско Гасдрубала, рассеянное по всей провинции (*L i v.*, XXVIII, 3). Для нанесения окончательного удара Гасдрубалу необходимо

¹ *L i v.*, XXVIII, 3. О местонахождении этого города нам ничего не известно (см. *РПА*, III, стр. 131—комментарий).

было время и соответствующая подготовка. Следующие столкновения римлян и карфагенян надают уже на 207 г.

О продолжении полномочий Сципиону и Силану в источниках нет сведений. Нам известно, что на 207 год, повидимому, падает битва при Илиле (Шра)¹. Эта битва, как и прочие события 207 г., дает в руки историка не лишенный интереса дополнительный материал о соотношении борющихся сил и о нарастающих освободительных стремлений у иберийских племен. Главные сведения об этом дают нам Полибий и Ливий. Когда Сципион выступает из зимнего лагеря в Тарракопе, он посылает впереди себя Силана, чтобы тот привел к нему обещанные царьком Кулхасом² вспомогательные войска. Кулхас царствовал в районе Бэтиса над 28 иберийскими городами. Силан привел союзнические войска в количестве 3000 пехих и 500 всадников, набрав их, очевидно, у Кулхаса. Соединенные силы Силана и Сципиона вместе с союзническими войсками иберов (всего в количестве 45 тысяч пехих и конных солдат) встали лагерем при Векуле³.

В начале на объединенные войска римлян напали карфагенские отряды Магона и Масиниссы, которые поставили Сципиона в крайне затруднительное положение. «Дело в том, — говорит Полибий (XI, 20, 6—8), — что одних римских войск без союзнических было недостаточно для того, чтобы отважиться на битву; между тем, полагаться на союзников в решительной битве казалось и небезопасным, и слишком смелым. Долго Публий колебался, однако обстоятельства вынудили его к решению употребить в дело иберов, но с тем, чтобы вести сражение собственными легионами, а иберов выставить против неприятеля только для виду». Противники каждый раз оказывались в затруднении, когда они паталкивались на самостоятельную политику иберийских племен, вынужденных в условиях борьбы чуждых сил на территории их родины лавировать, переходить из одного лагеря в другой, выступая против той стороны, которая считалась главным врагом и для борьбы с которой допускался временный союз с другим врагом, в данных условиях являвшимся менее опасным.

Сципион должен был, таким образом, перестроить свои войска. Полибий рассказывает (XI, 22, 1—7), что при переформировании своих легионов Сципион употребил военную хитрость. Он знал, что Гасдрубал обыкновенно выводил свои

¹ Об Илиле см. P o l y b., XI, 20, 4; L i v., XXVIII, 42, 14; S i l - r i a — A r r i a n., Iberica, 25; S t r a b o., III, 2, 2; 5,9; P l i n., XII, III, 14; Шра на реке Бэтисе, поблизости к нынешней Alcalá de Rio. Сазерленд помещает Илилу около Италики.

² Culfha по Ливию, Κολίχας по Полибию, XI, 20, 3.

³ У Полибия (XI, 20, 1) другие сведения о численности отряда.

войска из лагеря в поздний час и ставил ливийцев в центре, а слопов впереди обоих флангов. Сам же Иублий привык выходить из лагеря позднее Гасдрубала, римлян ставить в центре против ливийцев, а иберов, своих союзников, на флангах. Теперь же Сципион в решающий день перед битвой построил войска в обратном порядке: в середине поставил иберов, а на флангах римлян и тем много содействовал перевесу своих и ослаблению неприятеля. Первым обычно наступал Гасдрубал, а римляне выжидали. Но на этот раз Сципион изменил свою тактику. На рассвете он вывел войска и приказал напасть на лагерь Гасдрубала в Илине. Теперь уже карфагеняне должны были принять бой. Ускользнуть удалось только шести тысячам карфагенян, все остальные были перебиты. Правда, в Испании еще оставались карфагенские силы, но теперь они были отброшены далеко назад, к той самой базе, где 30 лет назад Гамилькар начал завоевание Испании и образование оттуда карфагенской империи. Только Гадес продолжал еще оставаться во власти карфагенян. Битва при Илине и разгром Гасдрубала были знаменательны со многих точек зрения. Стало прежде всего ясно, что инициатива перешла к римлянам; «до сих пор,— говорит Полибий (XI, 2/а, 3),— воевали карфагеняне против римлян, теперь судьба позволяет римлянам идти войною на карфагенян». Во-вторых, столь же ясным стало положение и для иберийских племен, которые уже теперь не задумывались, на какую сторону им переходить и стоит ли переходить.

Пока не были окончательно изгнаны карфагеняне, иберы должны были выступать на стороне римлян, поцуждаемые к этому всем ходом событий. Тотчас же после битвы при Илине перешел на сторону римлян царек турдетанов Атений. Таким образом, карфагеняне покидали почти все их союзники. «Начало отпадения было положено,— говорит Полибий (XI, 15),— князем турдетанов Атением, который перешел на сторону римлян с большим отрядом соплеменников. Затем два укрепленных города и их гарнизоны были переданы их начальниками римскому вождю. Боясь, чтобы зараза не получила более широкого распространения, раз уже обнаружилась склонность к отпадению, Гасдрубал в тиши ближайшей ночи связался с места». Это предопределило и последующее падение Гадеса.

Битва при Илине явилась поворотным пунктом всей римско-карфагенской войны. Гасдрубал, брат Ганнибала, спешивший к последнему на помощь после битвы при Бекуле, был разбит при Метавре, у Сены Гальской. Сам он был убит. Таким образом, еще в 208—207 г., т. е. за год до Илины, битва при Метавре уже предвещала развитие событий. Если разгром карфагенян при Метавре оказался спасительным для римлян в ходе войны в Италии, то битва при Илине возвестила полное пора-

жение карфагян в Испании. Рим правильно учитывал все эти события и на 206 год дал Сципиону распоряжения или полномочия устроить дела в Иберии так, чтобы там установлен был полный порядок¹. Подобное распоряжение имело большое значение. Его нельзя переоценивать и считать, что теперь, после Илины, когда судьба карфагян в Испании была предрешена, Сципион получал какое-то безраздельное верховное командование над войском и всей захваченной территорией. Конечно, Сципион со своими полномочиями был далек еще от экстраординарной магистратуры или полномочий первого консула. Но все это уже являлось предзнаменованием того, что Испания пуждается в едином правителе. Поручение сената прежде всего относилось, конечно, к урегулированию отношений с испанскими городами и племенами, так как последние требовали независимости и установления соответствующих договорных отношений. В случае отсутствия договора иберы были весьма опасными для Рима, ибо всегда угрожали восстанием. В Испании римляне имели дело со многими большими и малыми племенами, притом каждое племя с тем или иным городом во главе имело уже своего вождя, совет старейшин и элементы общественной и государственной жизни. Но так как ходом событий эти племена попадали и в зависимость от Рима, это их угнетало и подготавливало взрывы восстаний против римлян совершенно так же, как раньше против карфагян. Урегулирование отношений было возможно лишь на почве переговоров с отдельными общинами, как это было ранее при карфагенской гегемонии на юго-восточном побережье или при гегемонии массалиотского союза греков от Майнаки до Массалии. Сципион мог получить из Рима соответствующее распоряжение для урегулирования отношений в Испании именно в этом духе. Поэтому предположение Гецфрида² о том, что этим распоряжением римский сенат фиксировал свое первое постановление относительно провинции Испании, что оно фактически означает «начало превращения Испании в провинцию», следует считать недостаточно мотивированным и не соответствующим действительности. С другой стороны, в этом распоряжении все же безусловно есть нечто новое по сравнению с ранее имевшими место сенатскими постановлениями о продлении полномочий, о которых мы узнаем из Ливия. В предыдущих постановлениях пророгация касалась не только Сципиона, но и Силапа, как равноправных военных магистратов в Испании. Теперь же пророгация дается только Сципиону; это подтверждает Полибий (XI, 33, 7—8), свидетельствующий, что именно Сципион и

¹ Z o n a r., IX, 10.

² G ö t z f r i e d, Annalen der römischen Provinzen beiden Spanien, 218—254, Erlangen, 1907.

никто другой больше (ни Сизан, ни Марций, ни Юний.— А. М.) «устроили все дела в Иберии» и после этого только выехали в Рим.

Победы римлян в Испании, однако, не означали, что в Испании не стояло никаких задач по устройству дел на захваченной территории. Для этой цели Сципион и получил соответствующее распоряжение. Гадес еще был в руках карфагян, иберийские селения на берегах Бэтиса занимали по отношению к римлянам двусмысленную позицию, а иногда и открыто выступали против них.

Прежде всего римлянам пришлось столкнуться с могущественными и стойкими в борьбе городами на реке Бэтис: Кастулоном и Илитурги. Возвратившись из Африки, куда он совершил поездку для заключения союза с Сифаксом, чтобы после завоевания Испании перенести войну под стены Карфагена, Сципион быстро убедился, насколько вредно преждевременное успокоение в отношении испанских дел. Ливий (XXVIII, 19) свидетельствует, что оба вышеупомянутых города, «бывшие союзниками римлян при счастливых обстоятельствах, перешли на сторону пунийцев после гибели Сципионов с войсками». Жители Илитурги «присоединили к отпадению злодеяние, выдавая и умерщвляя бежавших к ним после этого побоища римлян». Сципион решил сурово расправиться с этими городами теперь же, когда римляне достигли больших успехов в Испании. Относительно действительных причин столкновения римлян с этими городами имеется несколько версий. По Ливию, оба они были союзниками Рима, по Аппиану, ими были только Илитурги. Версия Аппиана представляет дело в другом освещении, нежели сообщения Ливия. Согласно версии Аппиана (Iberica, 32), Сизан должен был сначала склонить городок Кастулон на сторону Рима мирным путем. Но население города не соглашалось на это, и тогда Кастулон был подвергнут осаде. Однако в источниках нет ясности по этому вопросу, и возможно, что причиной нападения римлян на Кастулон явились богатства и могущество этого города. Еще Полибий (X, 38, 7) подчеркивал, что значение Кастуллона покоилось на серебряных рудниках этой местности. Карфагяне в свое время старались приобрести расположение этого важного города. Ливий (XXIV, 41, 7) сообщает, что Ганнибал даже взял себе в жены кастулонку.

Все же богатства города вряд ли могли быть единственным обстоятельством для столкновения Рима с Кастулоном. Более вероятно, что этот город в 206 г., с падением карфагенской власти, снова занял независимую позицию. Учитывая уровень общественного развития иберов, переходивших к государственному строю во время римско-карфагенских войн, можно

предполагать, что именно образование иберийских племенных союзов явилось более серьезным основанием непримиримости иберийских городов, в том числе Кастулона и Илитурги, к захватчикам. Отсюда, между прочим, понятно, почему Кастулон и Илитурги занимали одно время прокарфагенскую и антиримскую, затем антиримскую и одновременно антикарфагенскую позицию, тогда как в самом начале войны Рима с Карфагеном в Испании эти города, по Ливию, стояли на прорымских позициях. При непримиримости иберийских племен к каким-либо формам зависимости, что с особенной силой должно было проявиться теперь, после изгнания карфагенян, столкновение с римлянами стало совершенно неизбежным.

После изгнания карфагенян свобода иберов угрожала только римляне. Антиримская позиция Кастулона и Илитурги, двух крупных городов на Бетисе, в стране свободолюбивых турдетанов, раздражала Сципиона и Силана и представляла даже серьезную опасность римской армии в Испании. Чтобы обеспечить себе возможность дальнейшей усердной борьбы за окончательное вытеснение карфагенян, сидевших еще в Гадесе, Сципиону надо было предварительно расправиться с опасными врагами в тылу. Он вызвал из Тарракона Л. Марция и отправил его осаждать Кастулон, а сам с главными силами подступил к Илитурги. Римскому полководцу пришлось, по словам Ливия (XXVIII, 19), «вести войну с большим ожесточением, чем с карфагенянами... Разделив войско так, чтобы одной частью его командовал легат Лелий, они одновременно нападают на город с двух сторон, наводя таким образом двойной страх на защитников». Однако жители Илитурги не поддались ни угрозам, ни увещаниям римлян. Драматическое описание осады города римлянами передает Ливий, образно описывающий героизм иберов в борьбе за свой родной город, славная оборона которого заставляет вспомнить Сагунтинскую или Нумантинскую оборону, столь прославившие воинственный дух и фанатизм иберов. «Не только способные носить оружие и вообще мужчины, но даже женщины и дети принимали участие в защите города свыше своих душевных и телесных сил, подавали сражающимся стрелы и посылы на степы камни тем, которые воздвигали укрепления. Дело шло не только о свободе, которая воодушевляет лишь сердца храбрых мужей, но они видели перед собою ужаснейшие истязания и позорную смерть. Их мужество воспламенялось и веледетвие соревнования в перенесении трудов и опасностей, и тем, что они видели друг друга. Поэтому осаждавшие вступили в сражение с таким жаром, что славное войско, покорившее всю Испанию, не раз было отбито от стен молодежью одного города и приходило в замешательство в этой битве, унижавшей его славу». В конце концов

самому Сципиону пришлось пойти в атаку, подвергая себя всем опасностям этой критической минуты штурма города. Римский военачальник дал пример воинам, устыдил трусов и увлек за собою на решительный штурм всех. После долгой борьбы римлянам удалось ворваться в город. Ливий ярко рисует озлобление и ненависть победителей. «...Никто не думал о том, чтобы брать в плен врагов живыми, никто не думал о добыче, хотя все было открыто для разграбления. Они избивали одинаково безоружных и вооруженных, одинаково мужчин и женщин. В безжалостном озлоблении дошли даже до избияния детей. Потом они предали пламени жилища и разрушили то, чего нельзя было уничтожить огнем: так им хотелось истребить даже следы города и стереть с лица земли память о месте жительства врагов»¹.

Расправившись с Илитурги, Сципион направился к Кастулопу, который осаждался Силаном. По рассказу Ливия (XXVIII, 20), «приходу Сципиона предшествовало известие о поражении жителей города Илитурги, и всех объял ужас и отчаяние; и так как, вследствие различия интересов, каждый желал думать только о себе, не заботясь о другом, то сначала скрытое подозрение, а затем и открытая вражда вызвали разрыв между карфагенянами и испанцами. Во главе испанцев стоял Цердубел, открытый сторонник сдачи, а во главе пунийских вспомогательных войск был Гимилькон. Тайно условившись с римлянами, Цердубел предал карфагенин вместе с городом. Эта победа более миропобива: горожане были менее виновны, да и добровольная сдача значительно смягчила гнев победителей». Из обстоятельств сдачи Кастуллона видно, что во время осады в городе обострились взаимоотношения между иберами и пунийцами. Мы можем определенно предполагать в Кастулоне наличие двух партий, иберийской во главе с Цердубелом и карфагенской во главе с Гимильконом. Иберам не было смысла блокироваться с карфагенянами, судьба которых в Испании, что прекрасно понимали иберы, была предрешена. Иберы понимали, что не имело никакого смысла превращать свой город в арену схватки римлян с карфагенянами. В этом отношении положение Илитурги было, очевидно, другим. Из Ливия не видно, что в нем находились пунийцы. В Илитурги освободившиеся от карфагенин и получившие независимость иберы выступали против новых притеснителей, тогда как в Кастулоне не было еще достигнуто освобождение от старого притеснителя — карфагенин.

После падения Кастуллона Сципион, согласно сообщению Аппиана (Iberica, 32), «удалился в Карфаген, послав Силана

¹ Аппиан тоже сообщает о разрушении Илитурги (Iberica, 32).

и Марция к самому проливу с тем, чтобы они грабили всю эту область, как только могут».

Последним событием, значение которого нельзя преуменьшить, было взятие в этом году города Астаны. Ливий сообщает об этом событии в 22-й и 23-й главах XXVIII книги. Оборона Астаны являлась столь же, до фанатизма, стойкой, как оборона Илитурги. В истории борьбы иберов за независимость оборона Астаны занимает безусловно одно из важных мест.

«Город Астана,— говорит Ливий,— был всегда на стороне карфагян». Однако вовсе не это обстоятельство послужило причиной столкновения римлян с иберийскими жителями этой общины. Ливий прямо заявляет, что гнев вызвала не столько связь с Карфагеном, сколько то, что местные иберы питали к римлянам особенную ненависть. Какова же была причина подобного отношения иберов к римлянам? Сам Ливий справедливо указывает, что иберы во всем руководствовались только «свободой, которая в этот день должна закончиться или почетной смертью или позорным рабством» (*ut memores libertatis quae illo die aut morte honesta aut servitute infami finienda esset...*).

Жители Астаны особенно ненавидели римских воинов и купцов, которые, очевидно, занимались вымогательствами среди иберийского населения. «Когда даже проходил через их пределы караван, так как для небольшого числа злодей путь был довольно рискован, то они (иберы из Астаны.— *A. M.*), устроив засаду, окружили его в опасном месте и перебили». Очевидно, что это и послужило непосредственным поводом для римско-иберийского столкновения.

Решив сражаться до конца, иберы стали готовиться к упорной обороне. «Когда подошло войско для осады города, то жители его вследствие сознания своих злодеяний, считая опасным сдаться столь враждебно настроенному неприятелю и не видя вместе с тем надежды на спасение в степях и в оружии, совершают над собою и над своими позорное и жестокое преступление. Они назначают на форуме место, чтобы внести туда драгоценности. Приказав сесть на эту кучу драгоценностей женам и детям, они пагромощают бревна и набрасывают связки хвороста. Затем отдают приказание 50 вооруженным юношам охранять в этом месте их богатства и их семьи, которые дороже богатств, до тех пор, пока будет неизвестен исход битвы. Если они заметят, что счастье склоняется на сторону врага, и дело близится к занятию города, то пусть знают, что все, которых они видят вылетающими на сражение, падут в этой битве. Их же они умоляют именем богов, неба и преисподней о том, чтобы они, помня о свободе, которая в этот день должна закончиться или почетной смертью или позорным рабством,

не оставляли ничего, на чем бы раздраженный враг мог сорвать свой лютой гнев. В их руках меч и огонь: пусть лучше дружественные и верные руки истребят то, что обречено на гибель, чем позволить врагу надменно издеваться над этим». После этих приготовлений астакийские иберы открыли ворота города и бросились всей массой в стремительную атаку на римлян, осаждавших город. «На короткое время произошло смятение вокруг знамен, так как неприятель, — говорит Ливий, — ослепленный яростью, шел с безрассудной отвагой, открывая свою грудь ударам оружия. Но затем воины, привыкшие стойко выдерживать безумные нападения, избив первые ряды, остановили следующих. Вскоре после того они сами попытались перейти в наступление, но, увидев, что никто не отступает и каждый обрек себя на смерть тут же на месте, они раздвинули ряды, что легко было сделать при многочисленности вооруженных воинов, и, окружив фланги неприятеля, избив всех до одного, сражавшихся в кругу». Еще более густыми красками Ливий рисует финал битвы и захват города римлянами. В этом рассказе сквозь художественную форму и непосредственность описания явно проступают черты самоотверженной борьбы иберов за независимость. Описание Ливия являет нам одну из характерных черт облика иберов.

«Более позорная резня происходила в городе, когда свои же сограждане избивали беззащитную и безоружную толпу женщин и детей, бросали в зажженный костер большую часть полуживые тела и когда потоки крови гасили занимавшееся пламя; наконец, сами они, утомленные жалости достойным избиением своих, бросились в полном вооружении в середину пламени. Победители римляне подошли тогда, когда избиение было уже окончено. При первом взгляде на это отвратительное зрелище они ослепбели на минуту от удивления. Но затем, когда, по врожденной человеку жадности, они хотели выхватить из пламени расплавленное в куче других вещей золото и серебро, то одни из них были объаты пламенем, другие задыхались от страшного дыма, так как папиравная толпа не давала передним возможности отступить. Таким образом, Астапа была уничтожена огнем и мечом, не доставив добычи воинам. Приняв покорность остальных народов этой страны, подчинившихся под влиянием страха, Марций возвратился с победоносным войском в Карфаген к Сципиону».

Борьба за Астапу¹ стоила Риму немалого напряжения и

¹ Относительно Астапы, кроме L i v., XXVIII, 22, 23, см. также рассказы других авторов: A p r i a n., Iberica, 33; P o l y b., XI, 24, 10; надписи в CIL, II, стр. 496, 702, 868; ср. также P l i n., NH, III, 3, 12 (под названием Ostippo). CIL содержит надписи со словом Ostipponensis, что также должно быть отнесено к Astapa.

немалых потерь; однако осложнения римлян с иберами на этом еще не кончились. Марций, повидимому, покорил затем местность и по его сторону Бэтиса. Только Гадес еще держался, и попытки Марция и Лелия взять этот город изменой успеха не имели. По этой причине в первый раз упоминается Картеия (Carteia)¹, которая была, повидимому, основана еще филикийцами и теперь находилась во власти карфагенин.

В это время Сципион впал в тяжкий недуг, который, впрочем, по словам Ливия (XXVIII, 24), преувеличивался молвой. В столь напряженной обстановке «каждый по врожденной людям страсти нарочно раздувать слухи прибавлял что-нибудь к тому, что слышал, и стало ясно, какую бурю вызвала бы настоящая беда, если уже ложный слух породил такие смуты». Как бы ни относиться к этому свидетельству Ливия и к сообщаемым им в этой связи фактам, из всего того, что говорит римский историк, видно, что недовольство проникло не только в среду местного населения, но и в армию. Длительная война разоряла местное население; она изматывала и силы римских легионов. Римлянам приходилось с большим трудом преодолевать сопротивление карфагенин и недовольство иберийского населения. Слух о тяжелой болезни Сципиона, имевший под собою определенную почву², подлил масла в огонь антиримского движения, поднимавшегося теперь уже не под руководством карфагенин, а под влиянием настроений местного населения. В результате «римские союзники отказались от повиновения, а войско забыло свои обязанности»³.

Сопоставление сообщений Полибия и Ливия и порядок изложения ими событий, т. е. мятежа в римских легионах⁴ и восстания иберов под руководством Мандония и Индибила, предполагают такую последовательность событий: сначала, повидимому, имел место мятеж в римских войсках, о чем сообщают подробно и Полибий и Ливий, а затем восстание иберов, которое излагается вслед за мятежом. То, что и тому и другому факту оба историка посвящают не одну главу, а дают весьма подробное их описание в нескольких главах, свидетельствует о значительности этих событий, которые могли бы иметь для Рима трагический оборот в тот момент, когда Гадес еще находился в руках карфагенин.

Остановимся сначала на мятеже в римском войске. «Когда в римском лагере возмутилась часть войска, Публий, — по словам Полибия (XI, 25), — при всей своей опытности в деле командования очутился в столь трудном и беспомощном

¹ L i v., XXVIII, 30, 3; 31; падаши в СЛ, II, 242, 875; МЛ, стр. 119.

² Кроме L i v., XXVIII, 24, см. об этом P o l y b., XI, 25.

³ L i v., XXVIII, 24 (см. FNA, III, стр. 153; там же комментарий).

⁴ L i v., XXVIII, 24—29 (ср. P o l y b., XI, 25—31).

положении, как никогда». Ливий (XXVIII, 24) еще больше подчеркивает трудности римлян. «И всюду слышался только тайный ропот: если война продолжается в провинции, то что им делать среди мирных жителей? Если война уже окончена и провинция покорена, то почему их не возут назад в Италию? Также требовали жалования с назойливостью, несвойственной обычной военной скромности; стража наносила оскорбления словами трибунам, обходившим ночью караулы, и по почам некоторые отправлялись за добычей в окрестные мирные владения; наконец, днем и открыто они стали уходить без отпуска от знамен. Все делалось по прихоти и произволу воинов и ничего не делалось в установленном порядке, или согласно с военной дисциплиной, или по приказанию начальства».

Вскоре недовольство перешло в открытое восстание под руководством легионеров Г. Альбия Камена и Г. Атрия Умора. Очевидно, внешним поводом к восстанию послужила невыплата жалования; кроме того, солдаты были недовольны войной и долгим пребыванием в Испании. Учтя это общее недовольство римских солдат, Публий Сципион выступил перед войском с большой речью, чтобы поднять моральный дух своих воинов. Эту речь Сципиона передают Ливий и Полибий¹. Конечно, речь Сципиона у Полибия и Ливия — не подлинная запись действительно произнесенной речи. Но она хорошо характеризует представление древних историков о положении вещей.

Композиция речей Сципиона в передаче обоих историков различна, но в данном случае мы обращаем внимание не на моменты различия, а на моменты схождения. Прежде всего из той и другой передачи речи Сципиона ясно, что внешним поводом к мятежу римских войск было неполучение жалования. Однако и Сципиону было ясно, что это только внешний повод, и он стремился узнать, каковы были настоящие причины возмущения римских солдат. Так как это возмущение совпадало с недовольством близких иберийских племен и с подготовкой восстания, то, естественно, Сципион мог связать эти два факта в своем выступлении. Отсюда понятно, почему Сципион (и по Полибию и по Ливию) в своей речи о причинах возмущения римских солдат говорит о возможной связи солдат с Индибилом и Македонием.

Обратимся к этому моменту речи Сципиона в передаче Ливия (XXVIII, 27). «В самом деле, чего другого вы желали, или на что иное вы надеялись, как не на то, чего желали илергеты и лацетаны. Но они все-таки последовали в своем безумном

¹ L i v., XXVIII, 27—29; P o l y b., IX, 28—31 (две речи: первая непосредственно в связи с восстанием солдат, вторая в связи с восстанием Македония и Индибила, которые по контексту весьма связаны между собой).

предприятия за Мацдонием и Индибиллом, мужами царской крови, вы же вручили auspicii и власть главнокомандующего Умору Атрию и Калепу Альбию. Скажите, воины, что вы не все это сделали и не все этого желали, что это безумное предприятие немногих, и я охотно поверю, если вы это скажете. Ведь это преступление не такого рода, чтобы можно было искупить его, не прибегая к страшным наказаниям, раз это совершено всем войском». Таким образом, Сципион подозревал, что в факте возмущения сказались, возможно, рука Мандолия и Индибила, которые своей агитацией и пропагандой разлагали римских солдат или непосредственно подкупали их.

В речи, переданной Полибием (XI, 29), обращает внимание с этой точки зрения следующее: «Итак, чем же вы недовольны и почему подняли возмущение против меня? Задавая этот вопрос, я уверен, что никто из вас ничего не скажет, ничего не придумает. Точно так же не могло побудить вас к возмущению и недовольство настоящим положением. Ибо когда же дела наши были лучше? Когда победы Рима были многочисленнее? Когда солдат ожидало более светлое будущее, чем теперь? Однако, быть может, какой-либо негодяй скажет, что успехи врагов больше наших, что их ждет лучшее будущее и что оно обеспечено вернее, чем у нас. Но у кого же это? Не у Индибила ли, или у Мандолия? Кому из вас известно, что раньше эти люди изменили карфагенянам и перешли к нам, а теперь снова попртали клятву и долг верности и объявили себя нашими врагами? Истинно почтенно опираться на таких людей и восстанавливать на государство! Не могли вы тоже надеяться, что одними вашими силами добудете власть над Иберией».

Из передачи речи Сципиона у Полибия и Ливия ясно вытекает, что, по мнению этих историков, у Сципиона имелись какие-то подозрения насчет деятельности иберийской агентуры в среде римских солдат. Такое предположение едва ли может считаться сомнительным. Ведь в римском войске были и иберийские отряды. После операций на юге Испании и римские и иберийские отряды чувствовали усталость. Римских солдат тянуло в Италию, иберийских — в свои общины, к своим хозяйствам. Неопределенность положения, тяжелая болезнь Сципиона, а главное, невидимому, широкая подготовка иберов к восстанию против римлян, — все это в совокупности не могло не поколебать римского солдата, чаша терпения которого переполнилась еще тем, что ему перестали выплачивать жалованье.

Для лучшего понимания этих событий и сложившегося теперь в Испании положения необходимо изложить обстоятельства иберийского восстания во главе с вождями илгертов: Индибиллом и Мандолием. Прежде всего, какова была

позиция этих иберийских царьков в прошлом? Частично на этом мы уже останавливались. В данном месте необходимо лишь раз подчеркнуть позицию иберийских вождей, как лишь поведению иберийского народа в борьбе сначала против карфагенин, а затем и против римлян. Из Полибия (X, 38, 5; 35, 6) мы знаем, что Индибил и Мацдоний после битвы при Бекуле перешли на сторону римлян, тогда как раньше они действовали совместно с карфагенинами; еще раньше, повидимому, эти наиболее могущественные царьки из иберов боролись с карфагенинами. Затем Индибил и Мацдоний заключили с римлянами договор, по которому они обязаны были «следовать за римскими воenspачальниками и исполнить их распоряжения». Выполнение этой обязанности становилось все более тягостным. Если сначала римляне сохраняли равноправие отношений между союзниками, то такое положение должно было меняться по мере того, как римлянам больше нечего было бояться. Илергеты скоро почувствовали, что вместо свободы, которая, как они думали, благодаря карфагенинам подверглась опасности, они получили весьма неприятного властелина.

Полибий пегорует на карфагенин за то, что те при своей заносчивости по отношению к союзникам (илергетам и др.) предъявляли к ним обременительные денежные требования и без всякой пощады взыскивали с них деньги или настаивали на гарантиях путем выдачи заложников¹. Однако все то, что делали раньше карфагенские угнетатели, стали потом продолжать новые властители над иберами. Это показал Полибий в рассказе о военном совете, созванном Сципионом специально в связи с мятежом римских солдат и ввиду необходимости изыскать средства для уплаты им жалованья. На военном совете Сципион говорил, что «необходимо пообещать воинам уплату жалованья, а дабы они поверили обещанию, необходимо положить на города для содержания всего войска дань собирать на виду у всех и возможно ревностнее, как бы для уплаты обещанного жалованья... Приняв это решение, начальники завелись собиpанием денег»².

Следовательно, римлянам была известна система налагания взносов на иберов; возможно, что именно эта система явилась непосредственным поводом восстания Индибила и Мацдония. Если бы в наших руках не было этого замечательного свидетельства Полибия, все равно мы должны были бы прийти к такому выводу на следующем основании. И без того уже достаточно истощенные финансы Рима выдерживали такой натиск в Италии под ударами Ганнибала, что едва ли можно

¹ P o l y b., IX, 11, 3—4; X, 35, 6 (ФНА, III, стр. 9, 116).

² P o l y b., XI, 5, 9—10; 6, 1—2.

было рассчитывать на достаточную помощь испанской экспедиционной армии Сципиона со стороны метрополии.

О привлечении денежных средств местного населения Испании и подчиненных городов говорит введение римской монетной системы и чрезвычайно быстрое ее распространение. Римские монеты с иберийскими надписями, чеканившиеся в иберийских городах, становились орудием финансового нажима на иберов; на первых порах это было относительно мягким способом выкачивания благородных металлов, в пользу новых властителей, которые еще недостаточно прочно чувствовали себя на иберийской почве. С другой стороны, это не исключало и введения определенной военной дани, которую иберы должны были выплачивать римлянам.

До прихода римлян только финикийские и греческие торговые города по морскому побережью имели собственную монету. С появлением римлян повсеместно вводится римская монетная система; ее распространение совпадает, по видимому, с увеличением территории провинций. Как справедливо заметил Геллфрид, самым надежным доказательством связи римско-иберийской чеканки монеты с расширением римского могущества служит прекращение этой чеканки с иберийскими надписями после 133 г., т. е. после того как Нумантия была сломлена, договоры с иберийскими городами были расторгнуты, чеканку монеты прекратили и римляне стали полными господами в Испании.

Что касается хода восстания Индибила и Мандония, то об этом нам известно следующее. Ливий (XXVIII, 24) говорит, что восстание иберийских вождей исходило из плана, по которому «Мандоний и Индибил... наметили себе владычество над Испанией по изгнанию оттуда карфагенян. С этой целью они подняли соотечественников — то были лацетаны — и, возмущив кельтиберийскую молодежь, как враги, опустошили области свессетанов и седетанов, союзников римского народа». Сципион быстро организовал поход против поднявшихся иберов, которые уже беспокоили римские войска. «Вскоре иберы, — говорит Полибий (XI, 32, 3—4), — напали на скот, и потому Публий отрядил против них часть легко вооруженных». Сципион придавал серьезное значение восстанию иберов, хотя Ливий и передает нам, что не менее, а может быть, более значительна была опасность со стороны Магона, «который с немногими кораблями бежал на край света, на омываемый волнами океана остров».

Сципион, однако, признал необходимым прежде всего подавить илергетов, т. е. восставших во главе с Мандонием и Индибиллом, хотя и не считал это предприятие сложным и сколько-либо значительным. Ведь здесь, как говорит Ливий

(XXVIII, 32), «только разбойники и вожди разбойников; в какой мере у них хватит сил опустошать поля соседей, жечь жилища и похищать скот, настолько же они неспособны сражаться в правильном боевом порядке: они вступят в бой, скорее полагаясь на быстроту в случае бегства, чем на оружие». «Итак,— продолжает Ливий,— он (Сципион.— *А. М.*) признал необходимым подавить илгеретов до удаления своего из провинции не потому, что усматривает оттуда какую-нибудь опасность или видит там зародыш более значительной войны, но для того, чтобы, во-первых, столь преступная измена не оставалась безнаказанной и, во-вторых, чтобы нельзя было сказать, что в провинции, усмиренной с такой доблестью и счастьем, остался хоть один враг».

К сожалению, Ливий не дает нам картины сражений иберов с войсками Сципиона. Сведения этого рода мы черпаем уже из другого восполняющего источника — Полибия (XI, 32—33). Первым сражением с иберами руководил помощник Сципиона Гай Леллий. «Произошла схватка, и так как обе стороны послали подкрепления своим, то в долине завязался жаркий конный бой передовых отрядов». Несмотря на некоторые неудачи в этом бою, «иберы спускаются в долину и строят в боевой порядок не только свою конницу, но и пехоту». Хотя иберы и потерпели неудачу, но Леллий еще не одержал победы. Поэтому предстояло другое большое сражение, в котором на помощь Леллию выступил и сам Сципион с большими подкреплениями. «Публий отрядил отряд легковооруженных против той части неприятеля, что выстроилась у предгорья, а против войска, спустившегося в долину, он разом повел из лагеря все прочие силы по четыре когорты в линию и ударил на неприятельскую пехоту. В это время и Гай Леллий со своей конницей двинулся вперед по холмам... и ударил в конницу иберов с тыла, чтобы занять ее сражением. Вследствие этого неприятельская пехота лишилась поддержки конницы... то же было и с конницей. Отрезанная и сдавленная в теснине, она терпела потери больше от своих, чем от врагов. При таком обороте дела почти все войско, спустившееся в долину, было истреблено, а находившееся у предгорья — бежало. Это последнее составляли легковооруженные, третья часть всего карфагенского войска; с ними-то и спасся Индигил бегством в укрепленную местность».

Таков был исход генерального сражения Сципиона с Индигилом. Хотя римляне и вышли победителями в бою, однако они не хотели углубить дальше борьбы с иберами. Поэтому, когда Индигил послал своего брата Мандония для мирных переговоров с римлянами, Сципион счел возможным вести такие переговоры и обоим вождям даровал жизнь, выставив только одно условие: выплатить такую сумму денег, которой бы хва-

тило на выдачу жалованья воинам. Повидимому, в связи с мятежом среди римских солдат задача получения средств для выплаты жалованья являлась столь насущной и необходимой, что Сципион должен был отложить даже свой поход на юг Испании, пока не получит лично условленной суммы от иберийских вождей¹. После победы над иберами помощники Сципиона отправились на юг Испании, чтобы завершить изгнание карфагенин.

Около того времени, когда ибергеты подняли восстание, Магон пытался захватить одним ударом Новый Карфаген. «Потеряв возможность осуществить в Испании те предприятия, надежду на которые оживило в нем сначала восстание воинов, а затем отпадение Индибила, Магон готовился переправиться в Африку, но в это время ему сообщено было из Карфагена повеление сената переправить в Италию флот, который стоял у него в Гадесе» (L i v., XXVIII, 36). Плыв мимо берегов Испании, он высадил недалеко от Нового Карфагена часть своих войск и опустошил ближайшие поля, а затем стал на яворе с флотом вблизи города. Однако местный гарнизон сумел отразить и даже разгромить десант карфагенин. Магон решил возвратиться обратно в Гадес, но не был там принят. Он причалил к Цимбиям, недалеко от Гадеса, а отсюда отправился к Питнусе. Затем Магон взял курс на Балеары, где надеялся перезимовать. В это время, как сообщает Ливий (XXVIII, 37), «после удаления Магона от берега океана, жители Гадеса сдались римлянам».

После этого Сципион из Тарракона направился в Рим, куда он, вероятно, был отозван еще летом 206 г., после устройства всех дел в Иберии.

С точки зрения Сципиона, Испания была теперь умиротворена и казалась полностью подчиненной Риму. Но дальнейшие события показали, что подобное умиротворение Испании явилось иллюзией, за которую Рим должен был расплачиваться многими спаряженными в Испанию военными экспедициями, печальными по своим результатам битвами, многочисленными поражениями своих полководцев, вписавших наиболее позорные страницы в историю римской армии.

¹ Дополнительные данные о восстании Индибила см. А р р i а н., Iberica, 37 (ср. монеты ибергетов — МЛ, стр. 36—38).

Г л а в а IV

ЗАВОЕВАНИЕ ИСПАНИИ И УСТАНОВЛЕНИЕ РИМСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В период после отъезда Сципиона из Испании и до установления преторской власти в 197 г. до н. э., т. е. до превращения Испании в обычную римскую провинцию, произошло экономическое и политическое завоевание полуострова. Именно к 197 г. постепенно оформляется провинциальное управление Испании.

В 218—206 гг. до н. э. острие римской военной политики и дипломатии было направлено на разрушение карфагенской державы в Испании, на уничтожение власти карфагения над иберийскими племенами.

Для нас до сих пор не ясно, какова была природа власти карфагения в Испании. Традиция, ведущая начало от ранних римских анналистов, приписывает деятельность Гамилькара и его преемников в Испании личному честолюбию Баркидов, которое правительство Карфагена не в силах было обуздать. Фабий Пиктор видел в подвигах Гасдрубала стремление поднять свой авторитет в Карфагене и считает, что испанская политика Ганнибала якобы вызвала даже недовольство карфагенского правительства¹. Полибий, однако, опровергает эту версию и указывает (III, 1, 10), что события под Сагунтом и на Эбро являлись не больше чем случайностями войны, которая в действительности была вызвана желанием карфагения собрать средства в Испании для возобновления войны против Рима. Это обстоятельство бросает свет и на характер политического владычества Карфагена в Испании. Сломить господство карфагения в Испании становилось насущной задачей Рима.

По мере того, как при содействии иберийских племен римляне успешно разрешали задачу изгнания карфагения из Испании, менялись и политические задачи новых завоевателей

¹ См. Фабий у P o l y b., III, 8, 1. Та же традиция, у D i o C a s s., XII; Z o n a r., 8, 17, и частично у A p p i a n., Iberica, 4—5.

ла Пиренейском полуострове. На повестку дня встала задача превратить Испанию в римскую провинцию. Это становилось ясным и для иберов, которые, хотя и помогали Сципиону изгнать карфагенян, но вместе с тем понимали, что с изгнанием одних поработителей они попадают во власть других. Что римские «освободители» были не лучше карфагенских завоевателей, хорошо выражено у Ливия в речах на собрании войск Индибила, поднявшегося против Сципиона Африканского. Ливий (XXIX, 1) передает нам настроение иберийских племен, которые, выступая против Сципиона, полагали, что «никогда не будет такого случая освободить Испанию; до настоящего времени испанцы были в рабстве или у карфагенян или у римлян, и не поочередно у тех или других, а иногда у обоих вместе; карфагенян прогнали римляне; если состоится соглашение, то испанцы могут прогнать римлян, так что, освободившись от всякого иноземного владычества, Испания вернется к нравам и обычаям отцов». Осознание того, что «испанцы были в рабстве или у карфагенян или у римлян», а также то, что испанцы отчетливо теперь представляли это рабство, вызвало мощное освободительное движение по всей стране. Иберийские вожди вели народ на борьбу одновременно и с карфагенянами, которые окончательно еще не были изгнаны с Иберийского полуострова, и с римлянами, которые еще не успели сколь-либо прочно закрепить свое политическое господство¹.

В такой обстановке Сципион Африканский и его преемники могли более отчетливо осуществлять свои военные и политические планы, направленные на захват завоеванных областей и на освоение их в качестве провинции. Учитывая, однако, всю сложность положения в Испании, римляне должны были, до учреждений претурры для управления Испанией, оставить там лиц с экстраординарными или промагистратскими полномочиями; сами римляне еще не знали, как управлять вновь завоеванными областями, какой статут политической власти следовало там учредить. Так, из Ливия (XXVI, 38, 1) известно, что Сципион перед своим отъездом в Рим передал полномочия Л. Лентулу и Л. Манлию Ацидину. Другую версию передает Полибий (XI, 33, 8): «Не желая запаздывать в Рим к консульским выборам, Публий сделал касательно Иберии все распоряжения, войско передал Юнию и Марцию, а сам с Гаем и прочими друзьями отплыл в Рим». Наконец, третью версию о положении в Испании после отъезда Сципиона передает Зонара (IX, 14). Согласно последнему, Сципион был отозван из Испании, и «двое из числа стратегов были посланы ему в преемники».

¹ Эта позиция иберов была хорошо понята Катонем, прибывшим позже в Испанию. См. L i v., XXXIV, 18.

Понятно, что под «стратегами» надо разуметь проконсулов, преторов или каких-нибудь военных трибунов с *imperium proconsulare*.

Все эти соображения об управлении Испанией после отъезда Сципиона показывают, насколько еще неопределенно было положение на Пиренейском полуострове. Внешне страна после сципионовских побед выглядела уже будто замирившей, но, очевидно, сам Сципион считал еще отнюдь не законченным дело покорения неукротимых иберов. Поэтому он действовал в связи с отъездом в Рим вполне самостоятельно, без каких-либо указаний из Рима.

Мы не можем считать достоверным сообщение Ливия, что Сципион передал власть Лентулу и Ацидину, ибо полководец мог передать свое войско и командование только тем лицам, которые участвовали вместе с ним в операциях. По известию, что ни Лентул, ни Ацидин не находились в это время в окружении Сципиона. Соответственно с этим вероятно, что Сципион, оставив Испанию, передал войско своему товарищу по военному командованию Силану, которого и называет Полибий преемником Сципиона. Только в конце 206 г. на комициях были избраны новые военачальники, которые вступили в Испанию весной 205 г. Что они приехали командовать только в 205 г., подтверждается самим Ливием (XXIX, 13, 7), который замечает, что Лентул и Ацидин получили на 204 г. от трибунальных комиций продление проконсульской власти; они, следовательно, получили свои полномочия в 205 г.

Летом 205 г. вождь илергетов Ипдибил снова поднял восстание. На этот раз восстание приняло широкие масштабы и было несравненно опаснее, нежели в предшествующем году, когда Сципион бросил все свои силы на его подавление, боясь как бы из искр этого восстания не забушевало пламя по всей Испании. И то, чего боялся Сципион, было весьма близким к действительности¹. Даже остававшиеся до тех пор верными по отношению к римлянам авзетаны приняли участие в восстании. К восставшим илергетам и авзетанам присоединились также ядстаны и другие оседлые мелкие племена, которые у Ливия (XXIX, 2, 2) фигурируют как «малоизвестные народы» (*ignobiles populi*). Поднялись также лацетаны, индигеты и эдетаны, т. е. «как раз те самые народы, которые первыми примкнули к римлянам, видят теперь, что эти римляне с самого начала имели виды на постоянное владение этой страной» (L i v., XXIX, 1, 25).

Один из пунктов мирного договора, который по окончании восстания был заключен с побежденными иберами, гласил:

¹ См. L i v., XXIX, 1, 19; A p p i a n., Iberica, 38.

stipendium eius anni duplex — «дань собрать за этот год в двойном размере». Это свидетельствует о том, что в соответствии с какой-то, уже имевшей, очевидно, место в Испании практикой, на союзников накладывалась годовичная дань. В вышеприведенном случае, в качестве наказания за выступление союзников, на последних налагалась двойная дань. Иберы были разбиты соединенными отрядами Лентула и Ацидина. Знаменитый Индибил, на протяжении десятка лет ловко лавировавший между молотом и наковальней, между натиском карфагенян, с одной стороны, и римлян — с другой, сумевший выдержать все превратности судьбы, погиб в одной из битв¹. Потерпев поражение, иберы вынуждены были рассеяться в горах и долинах предгорий. Согласно условиям мирного договора, римляне требовали выдачи Мапдония и остальных вождей, которые были затем казнены, — а также начисления контрибуции за этот год в двойном размере, снабжения римского войска продовольствием в течение 6 месяцев, обмундирования римских войск и содержания в городах более сильных римских гарнизонов. Кроме того, иберы должны были сдать оружие и прислать заложников от каждого племени и каждого города².

В последующем вплоть до 201 г. была продлена власть обоих проконсулов³. Именно в это время, в поместьи Лентула и Ацидина стала складываться система административного управления Испанией. В 203 г. Испания обязана была поставить провиант, обмундирование и вооружение для Сардинии и Сицилии. Из Ливия (XXIX, 26, 2) мы узнаем, что и на следующий год в Рим было отправлено из Испании большое количество хлеба. Отсюда можно сделать вывод о том, что контрибуция из провинции должна была состоять также и из хлебных поставок. Возможно даже, что впервые именно теперь и начинает практиковаться так называемая *vicesima* — $\frac{1}{20}$ часть урожая.

Так как Лентул вернулся в Рим только в 200 г., то естественно предположить, что он должен был еще в 201 г. быть наместником Испании. Обсуждение в римском сенате вопроса об испанских провинциях, в частности, о назначении туда должностных лиц на 201 г., указывает, что государственно-правовое положение наместников, командующих войсками в Испании, было еще не выяснено. В самом Риме еще не знали, как рассматривать Испанию, а равно и тех должностных лиц, которые посылались туда в качестве командующих, а теперь, с замирением Испании, и в качестве каких-то гражданских правителей.

¹ Liv., XXIX, 2, 15; Appian., Iberica, 38.

² О гарнизонах в городах и разоружении иберов передает только Аппиан (Iberica, 38).

³ См. Liv., XXI, 13, 7 — для 204 г.; XXX, 2, 7 — для 203 г., XXX, 41, 4 — для 202 и 201 гг.

Некоторый свет бросает на это сенатская инструкция консулам, переданная Ливием (XXX, 41, 4—5): «Пусть они договариваются с народными трибунами; последние должны были тогда со своей стороны внести народу запрос (*rogatio*), кто должен получать верховную власть (*imperium*) в Испании. Назначенное лицо было обязано тогда из обеих испанских легионов выбрать римских солдат из числа городских жителей и составить из них один легион, а из латинян образовать 15 когорт. Эта армия должна составлять гарнизон этой провинции. Отслуживших свой срок солдат необходимо возвратить».

Из этой инструкции видно, что для Испании склонны были назначать одно ответственное лицо, исходя, повидимому, из опыта Сципиона. После Сципиона таковым был Лентул, который затем отправился в Рим. Лентул, повидимому, хотел добиваться консульства на 199 г. и требовал триумфа за свои подвиги в Испании, но в этом ему было отказано, ибо он управлял провинцией не как консул или претор, а только как проконсул. Как таковой он имел право на овации, т. е. малый триумф, хотя он и привез в Рим большую добычу и сдал в казну 43 тысячи фунтов серебра и 450 фунтов золота. Каждый солдат получил из добычи по 120 ассов.

С отъездом Лентула из Испании верховную власть (*imperium consulare*) получил К. Корнелий Цетег¹, который вместе с М. Маннием Ацидином должен был управлять Испанией в 200 г. до н. э. Гецфрид² полагает, что распределение управления и командования между Цетегом и Ацидином было таково, что первый находился в области Эбро, тогда как второй действовал в южной части Испании. Мы, однако, не имеем конкретных свидетельств в пользу этого мнения; исходя из позднее установленной системы управления двумя Испаниями (по сю и потусторонней), можно допустить, что уже в это время существовало какое-то территориальное разделение сфер военной и гражданской деятельности двух находившихся в Испании наместников. Ацидину после его срока управления в Испании в 200 г. сенат разрешил малый триумф, однако народный трибун наложил на него свое *veto*. В государственную казну Ацидин доставил 1200 фунтов серебра и 30 фунтов золота.

На 199 г. в Испанию посылаются два проконсула: Гней Корнелий Блазион и Луций Стертиний. Кто из них был назван первым и имел приоритет в полномочиях по испанским делам, сказать трудно; в источниках об этом нет достаточно данных.

Вступление этих новых проконсулов в должность испанских наместников представляет для нас особый интерес. Для вся-

¹ Liv., XXXI, 49, 7; 50, 6.

² Götze, Annalen..., стр. 38.

Кого, кто изучает установление системы раннеримской администрации в Испании, промагистратуры Блазиона и Стертия весьма важны. Дело в том, что Ливий (XXXIII, 27, 1) впервые для этих ранних лет римского управления в Испании сообщает сведения о разделении этой новой римской провинции. «Ближняя Испания» (*Hispania Citerior*), — говорит Ливий, — в качестве провинции находилась под управлением Блазиона, «Испания Дальняя» (*Hispania Ulterior*) — под управлением Стертия.

Но, с другой стороны, известно, что в 199 г. еще не существовало никакого официального разделения Испании на «Ближнюю» и «Дальнюю». Можно лишь допустить, что в практике командования и управления испанскими областями фактически уже устанавливалось в интересах административной техники управления известное районное деление на две провинции. Притом надо иметь в виду, что понятие *provincia* здесь надо принимать не в античном смысле, а лишь в государственно-правовом значении. Принятый в 197 г. закон о разделении Испании на *Citerior* и *Ulterior* только утверждал фактически сложившиеся отношения.

Кроме того, в 199 г. имел место еще один эпизод в римской административной деятельности, который помогает уточнить линию административного управления, устанавливавшегося в Испании.

В 199 г. Гадес отправляет в Рим посольство с петицией по поводу назначения местного римского префекта. Об этом факте мы узнаем из сообщения Ливия¹. «По просьбе гадитан (жителей Гадеса. — *А. М.*) также была сделана уступка, чтобы в Гадес не посылался префект, хотя это было согласно с условием (договором. — *А. М.*), заключенным с *Л. Марцием Септимом* при переходе их во власть римского народа». До сих пор еще не удалось договориться по поводу точности перевода этого места, представляющего грамматическую трудность. Вейссенборн полагает, что по договору с Марцием было условлено (*Quod... convenisset*) о посылке префекта в Гадес и теперь гадитаны умоляли Рим через посольство не делать этого. Однако большинство филологов и ученых, пользуясь историческими комментариями при разборе этого места, отвергают перевод Вейссенборна. Если подойти к этому месту без предубеждения, то смысл его будет совершенно ясен. Жители Гадеса после отъезда Магона заключили с римлянами договор, как равные с равными. Не кто другой, как именно Ливий, прямо утверждает

¹ Liv., XXXIII, 2, 5. Дано в русском переводе Адрианова, т. V, стр. 67. Данное место трудно для перевода, и переводчик допускает другой по смыслу перевод этого места: «была уважена просьба гадитан — не посылать в Гады префекта, так как это было противно условию и т. д.»

в XXXII книге о заключении договора о дружбе между Римом и Гадесом (*amicitia facta... cum gaditanis*). Цицерон в речи в защиту Бальба также упоминает о договоре между Гадесом и Римом: «Римский проконсул хотел теперь назначением префекта посягнуть на право городского самоуправления Гадеса, хотя римляне, согласно договору, обеспечили это право. Напротив, жители Гадеса заявляли претензии в Рим, по которым, таким образом, было дано удовлетворение (*remissum*)». Эти косвенные данные дают нам больше оснований для правильного истолкования перевода спорного места из Ливии. Нет сомнения, что по раннему договору с Гадесом римляне вовсе не должны были назначать каких-либо префектов для этого города Испании. Поэтому петиция гадитаев в 199 г. свидетельствует о том, что римляне хотели теперь в Испании упрочить свое положение путем административного ее устройства и, в частности, назначением своих префектов в такие крупные испанские города, как Гадес.

О том, что представляет собою это назначение префекта или попытка назначения в 199 г., мы можем судить по ходу позднее наступившего процесса 171 г. о вымогательстве. В исторической литературе этот год справедливо иногда называется «годом петиций». Известно, что сенат должен был тогда постановить, чтобы испанские преторы не смели назначать в города префектов для сбора дани. Вмешательство сената достаточно красочно говорит о злоупотреблениях наместников провинций, в частности, в Испании. В 199 г., вопреки уже заключенному договору с Гадесом о недонущении назначений префектов, туда все-таки была сделана попытка назначить префекта. Если римские высшие администраторы столь вероломно поступили по отношению к могущественному городу южной Испании, то можно себе представить, как бесцеремонно обходились римляне с более мелкими общинами. С другой стороны, этот инцидент свидетельствует также и о том, что римляне теперь стремились стать более твердой ногой в районе Бэтиса.

О деятельности Блазиона и Стертиния мы знаем мало. Из некоторых сведений Ливии мы узнаем только о количестве вывезенного золота и серебра в Рим. Так, Блазион во время своего малого триумфа доставил из Испании 1515 фунтов золота, 20 тысяч фунтов серебра и 34 тысячи денариев. Стертиний внес в казну 50 тысяч фунтов серебра и из испанской же добычи приказал воздвигнуть ряд построек. Колоссальные суммы золота, серебра, монеты и добычи в патуре, которые собирались в провинции за год наместничества, свидетельствуют не только об алчности магистратов, но и о тяжести римского гнета в Испании.

Выборы новых наместников в Испанию в 198 г. на следующий, 197 г. имели большое значение в смысле развития государственно-правовых отношений. Дело в том, что, согласно этим выборам, впервые число преторов увеличивалось до шести, тогда как до этого выбиралось только четыре. Два новых претора выбирались теперь специально для Испании. Это событие, собственно говоря, кладет начало провинциальной эре и превращает эту страну совершенно уже официально в новую римскую провинцию. Два претора для Испании вначале были установлены потому, что один из римских полководцев командовал сухопутной армией, а другой флотом. Когда такое разделение уже не вызывалось необходимостью, в Испанию все-таки попрежнему назначались два должностных лица. Пока продолжалась война с карфагенянами, такое назначение вызывалось, очевидно, опасностью и трудностью этой войны. Известно, что и карфагеняне держали в Испании постоянно двух, иногда и трех полководцев. Что же касается того, что римляне и после окончания войны с карфагенянами не поручали всей провинции одному единственному наместнику, то это вызывалось не только успевшей установиться традицией или трудностями управления Испанией, но и рядом других весьма важных соображений. При этом следует учесть, что к моменту назначения в Испанию двух римских магистратов не была еще установлена граница обеих провинций. Римский сенат, надо полагать, во-первых, учитывал при этом обширные размеры завоеванной провинции, а во-вторых, трудность для одного человека справиться с административным управлением страны со столь разноплеменным и беспокойным населением. Наряду с политическим и географический фактор сыграл не последнюю роль в установлении той административной системы управления, которая закрепилась для Испании с 197 г. до н. э. Вот почему обоим первым преторам Испании К. Семпронию Тудитану и Гельвию впервые официально было отдано распоряжение произвести размежевание Испании, с соблюдением границ Ближней и Дальней провинций¹, что примерно уже устанавливалось практически римскими полководцами в ходе военных операций.

Первые проконсулы, действовавшие в качестве провинциальных уполномоченных, по прибытии в Испанию занялись определением междупроvincialной границы (L i v., XXXII, 28, 41). Они сконцентрировали свое внимание на безопасности не Ближней (Hispania Citerior), а Дальней Испании (Hispania Ulterior). Безопасность правителя Hispania

¹ L i v., XXXII, 28, 41: praetoribus in Hispanias... terminare iussi, qua Ulterior Citeriorve provincia servaretur.

Uterior главным образом зависела от надежности прибрежных позиций, и поэтому наиболее краткие пути сообщения вдоль побережья сберегали бы его силы и прикрыли бы всю внутреннюю часть страны, за безопасность и спокойствие которой наместник, собственно говоря, и нес ответственность. Сообразно этому требованию, Hispania Citerior была протянута к западу, так, чтобы включить в себя Новый Карфаген. Но мы не знаем, как в точности проходила граница далеко на запад от этого города. Можно полагать, что она, вероятно, тянулась к востоку от Барии. Первое упоминание о Hispania Citerior и Uterior применительно к 199 г. мы имеем у Ливия (XXXIII, 27). Сообщение о проведении размежевания применительно к 197 г. дается Ливием в XXXII книге¹. Принадлежность же Нового Карфагена к Ближней Испании засвидетельствована Ливием (XL, 41, 10) для 180 г. до н. э., а для 100 г. до н. э. Артемидором². Бария относилась к Дальней Испании; в этом отношении мы можем прочно полагаться на свидетельства Плиния (NH, III, 19) и Птолемея (II, 48).

Внутри страны граница шла к востоку от Saltus Tuqiensis и Кастулона; в основном граница осталась без серьезных изменений до эпохи Августа, когда провинциальное деление Испании подверглось коренной реконструкции. Более неопределенными оставались северные границы обеих провинций, что отмечалось всякий раз, как граница римских военных вторжений, хотя для Hispania Uterior сначала служило естественной границей течение Вэтиса.

Ни в одной из обеих провинций не было единства в смысле состава населения. Ближняя Испания занимала территорию вдоль прибрежной полосы и в глубь полуострова, первоначально зависевшую от двух сильных римских крепостей в Тарраконе и Новом Карфагене. Каждый из этих городов являлся прежде всего форпостом римского военного могущества; только впоследствии они приобрели торговое значение. Так как эти форпосты находились на значительном расстоянии друг от друга, то, естественно, должны были существовать другие — какие-то промежуточные звенья в виде других укрепленных городов и поселений. Главными центрами иберийской культуры в Ближней Испании были Сагунт и Дертоза. Римские связи с Сагунтом, вероятнее всего, носили в основном торговый характер. Сагунт уже в начале и середине III в. был крупным иберийским центром на восточном побережье Испании, рано завязавшим торговые связи с греками, а потом с римлянами. В частности, весьма вероятно, что Сагунт чеканил серебро до

¹ Liv., XXXII, 28.

² Steph. Byz., s.v. Ἰβηρία; ср. САН, VIII, стр. 306.

Римского вторжения в Испанию. Что касается другого иберийского центра, Дертозы, то это, собственно говоря, не был приморский город в строгом смысле этого слова. В основном Дертоза играла роль охранителя переправы через Эбро. Кроме того, к северу от Эбро находились еще два города, где римляне оказались перед задачей организации управления: Илерда и Оска. В противоположность иберийским центрам в Сагуште и Дертозе, Илерда и Оска представляли собою незначительные пункты внутренней туземной культуры. Главной особенностью этого района было его богатство минералами, в силу чего римляне так быстро распространили на него свою власть. Таким образом, освоение минеральных богатств районов Илерды и Оски, развитие торговых отношений на восточном побережье полуострова, охрана переправ через Эбро и создание опорных пунктов римского владычества, — вот к чему, в сущности, сводились задачи управления Ближней Испанией. Несколько иными были задачи управления Дальней Испанией. Прежде всего территория этой провинции длительное время находилась под весьма сильным влиянием Карфагена. Правда, господство Баркидов не дало все же иберийским общинам долины Бэтиса какой-либо политической системы. Господство карфагенян в этом районе выразилось в освоении и разработке минеральных богатств, что создавало определенное имущественное и социальное расслоение среди турдетанов и их соседей.

Как показывают археологические памятники, само побережье от Барии до устья Бэтиса было заполнено большим количеством торговых и рыболовецких стоянок финикийского и карфагенского происхождения, как Абдера, Секси (Альмуньекар), Малака, Суэль (Фуэнхирола), Меллария (Фуэнте Овехуна) и Гадес. Здесь всегда бойко шла (при финикийцах и карфагенянах) торговля, сюда заходили с востока торговые корабли, здесь часто пользовались финикийской монетой. Плиний (NH, III, 4) говорит, что пунический характер всех этих поселений сохранялся вплоть до времен Империи. Эти поселения, вероятнее всего, имели самоуправление по карфагенским образцам; во всяком случае, известно, что Гадес управлялся суффетами. Однако вряд ли карфагеняне оказывали достаточно сильное влияние на население окружающей территории, в особенности на земледельческие общины долины Бэтиса. Эти общины были сплочены в своих небольших, а иногда и крупных племенных объединениях под властью местных царьков или князьков, как, например, Кулхаса и Луксиния. Ливий говорит, что Кулхас, например, объединял 28 турдетанских общин (XXVIII, 12), и только впоследствии под его властью находилось около 17 общин (XXXIII, 1, 6).

К северу от долины Бэтиса, между Сиеррой Мореной и Сиеррой Певадой, лежали поселения знаменитого горнопромышленного округа, центром которого был Кастулон. К востоку от него тянулась огромная область, где жили кочевники, занимавшиеся также и грабежом. Эту область нужно было пересечь, чтобы сухопутным путем достичь Нового Карфагена. Во всей этой Дальней Испании не было ни одного поселения, в котором отмечалось бы римское влияние, или которое было бы подготовлено для романизации. В этом отношении картина здесь была прямо противоположной той, которую мы наблюдаем в Ближней Испании, где уже существовали форпосты римского господства и основные пункты романизации этой области (Тарракон, Сагунт, Новый Карфаген и т. д.).

Дальновидный Сципион прекрасно отдавал себе отчет в положении вещей в *Hispania Ulterior*. Он создал там колонию ветеранов, которой дал в известном смысле символическое название «Италика». Она находилась в чрезвычайно выгодном месте — в нижнем течении Бэтиса, где река была судоходна. Все же Италика на первых порах не играла роли форпоста римской культуры в Дальней Испании. Ее росту мешала удаленность от побережья и отсутствие торговых коммуникаций. Не было римских опорных пунктов и на побережье вплоть до основания Картеи в 171 г. до н. э. Вот почему рост римского влияния и процесс романизации проходил здесь менее эффективно, чем в Ближней Испании, так как здесь в обширной Турдетании, где формировались истоки туземной иберийской цивилизации (Тартессийское царство), сильны были местные исторические традиции в языке, письме, искусстве, в быту и строе жизни местных племен. Все эти моменты Рим должен был так или иначе учитывать в своей административной системе. Таким образом, Ближняя и Дальняя Испании явились и в географическом и политическом отношениях двумя различными организациями с различными потенциальными силами местных племен, с одной стороны, и различными возможностями романизации их — с другой.

Вначале Рим сумел придать своей агрессии в Испании характер тактической защиты против Карфагена. Рим в это время заключал формальные союзы с различными местными группами в Испании, несомненно, превращая их в своих союзников против Карфагена. Однако иберы относились к чужеземцам, как карфагеницам, так и римлянам, со все возрастающей неприязнью. Нельзя никак согласиться с Саверлендом¹, что

¹ S a l t e r l a n d, *The Romans in Spain*, стр. 52. Автор неисторически подходит к трактовке столь важных исторических проблем, как, например, о возможности политических объединений у иберов. В главе об иберийском роде мы касались вопроса о том, как в ходе исто-

иберы отличались «вечной неспособностью проникнуться сколько-нибудь постоянным и твердым стремлением к объединению», под которым автор, очевидно, понимает только политическое объединение. Политические тенденции к объединению, создание конфедераций племен в эпоху так называемой «военной демократии» мы уже имели случай рассмотреть и установили, что именно римская оккупация больше, чем какая-либо другая, обрывала этот намечавшийся тогда процесс исторического развития иберов. После завоевания Испании Рим в качестве своей главной задачи поставил воспрепятствование каким-либо политическим объединениям, поскольку они могли стать средством борьбы иберов с римской оккупацией.

После изгнания карфагенян, иберы остались на полуострове одни с римлянами. Иберам стало теперь ясно, что римляне, их «освободители» от карфагенского ига, сделались теперь завоевателями не только Карфагена, но и самой Испании. Это прекрасно понимал и Рим, который при установлении административной системы поставил в числе важнейших проблем задачу подчинения римскому господству всех областей Испании. Для разрешения задачи покорения Испании, естественно, нужно было обеспечить гибкую администрацию и военное командование в Испании. Образование двух провинций на Пиренейском полуострове являлось одним из важных средств проведения римской захватнической политики.

рической эволюции, к моменту карфагенского, а потом и римского завоевания, иберийские общины создавали у себя элементы государственности, вступали на путь племенных объединений и организации централизованной власти. Тенденции этого процесса, несомненно, были и могут быть прослежены с совершенной очевидностью по нашим литературным и археологическим источникам. Сазерленд, однако, не обращает внимания на то, что этот процесс самостоятельного, т. е. внутреннего, развития иберийских племен неоднократно обрывался сначала финикийским завоеванием и разрушением Тартесса, затем Баркидами и, наконец, римлянами, которые огнем и мечом разрушали всякие элементы политической самостоятельности иберов, так как она противостояла римской оккупации. Именно эти обстоятельства подрывали намечавшийся процесс объединения иберийских племен. С другой стороны, та же римская оккупация иногда объединяла иберов для освободительной войны за независимость и поднимала сознание местных племен в направлении политического объединения, как это было в эпоху Вириата, этого «первого Ромула испанского народа».

Глава V

РИМСКАЯ АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА В ИСПАНИИ

Одной из задач римской административной системы в Испании следует признать экономическую эксплуатацию провинций. Не менее важную роль играла и административная политика Рима по отношению к испанским общинам. Предварительное обобщение материала для периода с 205 по 197 г. позволяет поставить теперь вопрос о характере административного управления Испанией.

Завоеванные римлянами земли рассматривались как «ager publicus populi Romani». Общины, подчиненные или добровольно покорившиеся Риму, переставали быть владельцами земли, которую они занимали, и должны были теперь платить подати за свои земельные участки. Все административные мероприятия по отношению к иберийским общинам, таким образом, зиждились на том принципе, что земли, завоеванные в Испании, рассматривались как собственность римского государства. Главную массу иберийских общин составляли *civitates stipendiariae*. Они принуждены были платить *stipendium* (т. е. подать в деньгах), поставляли *auxilia* для обслуживания римской армии и в известной степени соблюдали римское право. Общины иберов платили установленную сумму подати согласно римской оценке их строений, земли и доходов. Эти общины, таким образом, не платили десятину, т. е. налог, пропорциональный урожаю, менявшийся в зависимости от урожая. *Tributum soli* было прямым налогом; собирали его провинциальные квесторы. Но, повидимому, сборщики — квесторы и их помощники — вымогали значительно больше, чем полагалось по закону, и они постоянно встречали упорное сопротивление местного населения.

В ранние годы римского управления размер платежей не был определен. Так, согласно Ливию (XXIX, 3, 5), в 205 г. новое подчинение иберов к северу от Эбро сопровождалось наложением двойного *stipendium* и шестимесячной поставкой

зерна, плащей и тог для армии. С другой стороны, подобное обложение можно скорее рассматривать как военную контрибуцию, ибо нормально выплачиваемое *stipendium* определялось соответствующей суммой в монете, что для более бедных общин заменялось определенным количеством зерна или других товаров. Трудно, однако, окончательно разрешить вопрос о характере *stipendium*, взимаемого с *civitates stipendiariae* в Испании; особенно неясны его размеры. Одно только можно утверждать для этого раннего периода становления римской административной системы в Испании, — что *stipendium* являлся одним из тех рычагов, который обеспечивал платежи в монете. Нам известно, что, по крайней мере, в *Hispania Citerior* *stipendium* превратился в регулярную денежную подать¹. Таким образом вопрос о денежной подати, об установлении ее и системе взимания² тесно переплетается с вопросом о появлении в Испании римского денария и о начале чеканки иберийских монет.

В 195 г. Гельвий, прежний правитель *Hispania Ulterior*, и Минуций, прежний правитель *Hispania Citerior*, привезли в Рим, помимо большого количества серебра в слитках, 120 438 и 278 000 монет, которые Ливий (XXXIV, 10, 4) называет «оскским серебром» (*argentum Oscense*). Термин *argentum Oscense* имеет для нас большой интерес. Это указывает на то, что Оска являлась центром монетного дела и чеканка монет началась там очень рано. Возможно, что термин *argentum Oscense* применялся к денариям, привезенным из Дальней Испании, и свидетельствует о распространении оскских монет на территории всей Испании. Таким образом, это название применялось бы вообще ко всем иберийским монетам³. Утверждают, что каждая девятая из ста иберийских монет относится к оскскому типу (МЛ, стр. 213). Все монеты этого типа имеют иберийские легенды, которые читаются как названия племен или городов. Данное обстоятельство можно истолковать как знак римской готовности признавать иберийские общины.

¹ До сих пор остается неясным вопрос о времени появления в Испании первого римского денария. Допускается, что многочисленные римские монеты (серебряные) могли проникнуть в Иберию в 205—200 гг. Однако только для 197—196 гг. до н. э. засвидетельствовано появление римских денариев в Иберии. Известно, что Блазион в 198 г. вернулся из Испании в Рим с 34 500 денариями. До этого сообщения у Ливия нет упоминания о приобретении монет правителями Испании, кроме тех, которые Сципион привез домой в 206 г., но, как заметил Шульцен, эти монеты Сципиона были, без сомнения, карфагенскими деньгами из Нового Карфагена и других пунктов карфагенской торговли.

² О фиксированной сумме *stipendium* см. у L i v., XXIX, 3, 5 (в отношении 205 г.); S i c., Verg., III, 6, 12; Pro Balbo, 18, 41. Отсюда название *civitates stipendiariae* у P l i n., NH, III, 6.

³ P l i n., NH, I, 4—7; особенно 1, 4.

Монеты выбивались весьма аккуратно штампами, что характерно и для римского денария. Отсюда можно сделать два вывода: во-первых, что происхождение выпуска иберийских денариев связано с римским стандартом, и во-вторых, сами римляне, очевидно, весьма тщательно следили за выпуском монет иберийскими общинами. Наряду с серебряными монетами выпускались и бронзовые. Выпуск бронзовых монет наряду с серебряными был более значителен в Секаизе (Secaïsa); монеты этого рода, так же как и осские, имели широкое распространение от Кордубы до Нуманции, долины Эбро и южной Галлии. Это, в частности, объясняет, каким образом Гельвий смог собрать в 195 г. свыше 120 тысяч иберийских денариев главным образом с иберийской территории.

Иберийские монеты чеканились по настоянию Рима с целью платежа подати монетой и для создания средства обмена в торговле с Испанией. Единственный рисунок монет был предписан Римом, серебряные монеты имели вес денария, а медные монеты соответствовали ассу. Доказательством римского происхождения испанских монет является и то обстоятельство, что на монетах из Hispania Citerior мы встречаем иногда рядом с иберийской также и римскую надпись или римское слово, написанное по-иберийски. Что же касается городов Бэтики (кроме финикийских поселений), они имеют на своих монетах надписи, сделанные латинскими буквами. По подсчетам Шультепа¹, около 100 городов Ближней Испании имели иберийские легенды монет, а около 40 городов Дальней Испании — латинские. Лузитания, очевидно, не чеканила монет, она не имела своего серебра, и пока эта область не была завоевана Римом, она не нуждалась в средстве обмена.

Следовательно, распространение римской власти сопровождалось усилением чеканки монеты. Иберийская чеканка начинается сразу же после первых завоеваний римлян. Самыми ранними монетами с иберийскими надписями были, повидимому, монеты Сагунта, Эмпория и Илерды. Рисунок одинаков для всех иберийских монет; он изображает голову на лицевой стороне и всадника с копьем — на оборотной. Шультеп предполагает, что этот рисунок заимствован с монет умершего в 215 г. Гиерона II Сиракузского². По наиболее распространены были податные монеты из Оски, которые чеканились почти одновременно с выпуском монет в Эмпории, Илерде и Сагунте. Argentum Oscense, как уже было замечено, чеканилось общиной в бассейне Эбро, которая, повидимому, имела значительный мо-

¹ Schulten, САН, VIII, стр. 309.

² Это положение Шультепа основывается на исследовании Вивеса. О сходстве иберийских монет с монетами Гиерона II см. третий том работы Вивеса.

нстный двор. К последнему относятся наиболее многочисленные из всех иберийских монет, которые имеют надпись *Klsthn*, хотя в этом названии трудно подобрать что-то общее с *Osea*. Гюбнер (МЛІ, стр. 213) собрал по этому вопросу исключительный по значению материал надписей. В частности, он зафиксировал в кладе около Сории не менее 1300 серебряных монет с легендой *Klsthn*. В *argentum Oscense* мы, таким образом, видим средство, которым иберийские общины, в частности общины Ближней Испании, платили свое *stipendium* в серебре, добытом в рудниках и чеканенном за их собственный счет.

Римская администрация в Испании во все возраставшем масштабе расхищала богатства Иберийского полуострова. Даже в 206 г., когда еще не окончилась война с карфагенянами в Испании, римские полководцы начали грабить иберийские поселения. В этом году вывезено было в Рим 1343 фунта серебра и большое количество чеканной монеты, вероятно всего, карфагенской (*L i v.*, XXVIII, 38); пять лет спустя грабеж Испании еще больше усилился; в 200 г. римская администрация сумела вывезти в Рим 43 000 фунтов серебра и 450 фунтов золота (*L i v.*, XXXI, 20). Если в 199 г. было вывезено всего только 1200 фунтов серебра и 30 фунтов золота, то это, должно быть, объяснялось тем, что этот год был переломным в организации администрации для завоевавшей Испании.

В это время уже намечается деление Испании на Ближнюю и Дальнюю, назначение наместников определенно фиксируется по провинциям; после размежевания территорий этих наместников выкачка серебра сразу резко поднялась вверх. В 198 г. в Рим было вывезено 20 тысяч фунтов серебра из Ближней Испании, 50 тысяч из Дальней и 1515 фунтов золота из Ближней Испании, о чем нам сообщает Ливий, который проливает свет и на те методы, которыми римские наместники грабили иберийские общины. Он говорит (XXXIII, 27), что Стертиний, претор Дальней Испании, не заявил притязаний на триумф, ибо он получил много золота и серебра с иберов не в качестве военной добычи, а путем обложения и поборов с мирного населения. Несомненно, что взимание такой колоссальной суммы в течение одного года не могло бы иметь места без организации римскими наместниками соответствующего аппарата из чиновников, администраторов или специальных агентов. Главным лицом этой бюрократии являлся, повидимому, префект, который назначался в определенные округа с богатыми иберийскими общинами, где он осуществлял через своих помощников сбор дани. Префекты действовали, очевидно, при помощи непосредственных помощников правителя провинции — квесторов.

Вероятно, петиция жителей Гадеса от 199 г. по поводу называния им префекта вызвана была, между прочим, и тем,

что Галесу была известна практика действий этих префектов по сбору *stipendium*. Выступление двумя годами позже других, без сомнения, привилегированных пунических городов на стороне подвигших восстание иберов может быть объяснено такими же причинами. Вопрос о злоупотреблениях римской администрации, в особенности в связи со сбором зафиксированного для общин количества пшеницы, был поднят иберийскими городами в 171 г., известном как «год петиций»¹.

Особенно свирепствовали римские чиновники при сборе податей в *Hispania Ulterior*. Если *Hispania Citerior* выплачивала *stipendium* главным образом серебром и дала нарицательное название выплачиваемому римлянам серебру — *argentum Oscense*, то *Ulterior* в ранний период установления римского управления в Испании платила частично местной монетой «импортированной» из *Citerior* (чеканка по типу *argentum Oscense*), частично необработанным металлом (в слитках) и, наконец, частично зерном (пшеницей), чем славилась Бэтика. Вероятно, именно в *Hispania Ulterior* особенно грабительски производилась реквизиция зерна в ранние годы установления римской административной системы. Это лучше всего показывают отпадения иберийских общин от союза с римлянами и всеобщее восстание в 197 г. под руководством Кулхаса и Луксиния.

Hispania Ulterior больше всех страдала под бременем так называемой *vicesima* (подати в виде $\frac{1}{20}$ своего урожая). Суть этой подати заключалась в следующем: для наместника, всей его администрации и войска иберы обязаны были поставлять хлеб по определенным сенатом ценам, т. е. приблизительно четыре сестерции за меру. Однако римляне принимали хлеб не натурой, а деньгами, причем чиновники назначали произвольную цену, а разницу против сенатской таксы присваивали. Наоборот, покупая хлеб для казны и за казенный счет, они назначали низшую таксу. Такого рода практика разоряла иберийские общины. Против нее-то и выступали иберийские города в «год петиций» — в 171 г. Произвол, чинимый римскими администраторами, вызвал необходимость в уточнении и развитии административной системы. Об этом свидетельствует и исход петиций 171 г.

Правда, эпизод с петицией иберийских общин относится к 171 г., т. е. к более позднему периоду, чем рассматриваемый нами, однако есть смысл коснуться этих событий, так как причины, приведшие к жалобам на произвол римских чиновников в Испании, несомненно, действовали значительно раньше. Восстание, вспыхнувшее в Бэтике под руководством Кулхаса и Луксиния, явилось первой быстрой и энергичной реакцией

¹ I. i v, XXXII, 2, 5; XXXIII, 21, 6, XLIII, 2.

на римскую систему грабежа, так как свободные племена, объединенные в федерацию, смогли сразу же подняться и непосредственным восстанием заявить протест Риму (в 197 г.). Другие города, где, быть может, стояли римские гарнизоны, подавившие восстание иберов, выступили несколько позже, спарядив в 171 г. комиссию послов «от нескольких племен обеих Испаний». Притом на этот раз, после длительной подготовки, общины не только Дальней, но и Ближней Испании организовались для заявления решительного протеста против чинимого римской администрацией произвола в Испании.

Возвращаясь к событиям 196 г., следует сказать, что Гельвий еще в 197 г. письменно извещал сенат о широком движении иберийских племен во главе с Кулхасом и Луксинием. Уже тогда сенат вынес постановление о том, чтобы претор следующего (196) года составил сенату доклад о встывнувшей испанской войне. Однако было уже поздно. Еще не прошли комиции, где надлежало избрать новых испанских преторов на 196 г., как вдруг сенат получил известие о разгоревшейся войне иберов против римлян. Неудачный для Рима ход борьбы с восставшими иберийскими племенами мало чему научил римских чиновников, которые и потом в прежнем, если не в большем, масштабе продолжали заниматься вымогательствами в Дальней и Ближней Испании. Каковы были эти вымогательства? На что жаловались иберийские общины? Позже, в 171 г., иберийские «послы от нескольких племен обеих Испаний» жаловались на «корыстолюбие и высокомерие римских чиновников» и «на колених просили сенат не допускать, чтобы их, союзников, обирали и мучили хуже, чем неприятелей» (Liv., XLII, 2). Жаловались «послы и на другие недостойные поступки, и ясно было, что у них вымогали взятки». Так как во всех этих вымогательствах были замешаны влиятельные римские деятели, то, хотя и были организованы суды и следствие, однако «прошедшее было замолчано и предано забвению». Все же сенат вынужден был принять какие-то меры на будущее. «На будущее время сенат сделал для испанцев то, чего они добивались, именно, чтобы римский чиновник не имел права оценивать хлеб и не припуждал испанцев продавать $\frac{1}{20}$ часть по какой ему угодно цене, а также, чтобы в их города не пазначались заведующие сбором денег». Это постановление имело непосредственное отношение к Hispania Ulterior, откуда выкачивалось зерно, а также и другие сельскохозяйственные продукты. Далее постановление показывает, что наиболее обременительным для Испании было то, что иберов припуждали продавать двадцатую часть своего урожая по заниженным, произвольно пазначаемым римским чиновником ценам. Корыстолюбие (*avaritia*), высокомерие (*superbia*), другие недостойные поступки

(*alia indigna*) и прямые вымогательства — взятки (*rescinias captas*) — такова была картина хозяйничанья римских чиновников в обеих Испаниях, и особенно в Дальней.

В несколько другом положении находились те общины, которые Рим награждал союзным договором (*foedus*). К числу таких общин относился греческий Эмпорий. Этот город находился в союзе с римлянами и сохранил поэтому в некоторой степени свою самостоятельность. Известно, что Эмпорий получил разрешение чеканить свою собственную монету, с греческими легендами, по своему стандарту. Подобная же привилегия была предоставлена некоторым иберийским городам, принятым в союз, как, например, Гадесу и др. Изучение монетного материала позволяет выделить эти общины в отдельную группу с точки зрения их правового положения в римской Испании. Как правильно заметил Шульцен, «у римляни были все основания хорошо обращаться с жителями Эмпория, потому что он всегда служил для завоевателей опорным пунктом. Здесь пристал в 218 г. Сципион; здесь же оказался и Катон в 195 г., когда вся Ближняя Испания была почти потеряна»¹. В этот ранний период римского управления в Испании единственным городом с правом римского гражданства была колония Италика, основанная Сципионом Африканским. Естественно, что и этот город, наряду с Эмпорием, а также и Гадес и т. д. могли относиться к группе привилегированных городов. Из Ливия (XLIII, 3) известно также, что в 171 г. была образована еще одна латинская колония в Картеие для сыновей римских воинов, находившихся в связях с туземными жещинами. В Картеие, находившейся на берегу моря, было поселено более четырех тысяч колонистов. При этом и местным жителям этого города предоставлялось право колонистов. «Это будет латинская колония и станет называться колонией отпущенников», — говорил Ливий.

Нам остается сказать о некоторых других изменениях в социальной жизни иберийских общин, которые наступили в связи с установлением провинциальной системы управления. Римляне вводили в Испании не только свою администрацию. Деление общин на группы и наложение на них определенных обязательств, в особенности сбор дани с покоренного населения под видом различного рода налогов, было главным мероприятием Рима. Кроме того, иберы имели еще одну обязанность: они должны были систематически поставлять римлянам на военную службу вспомогательные отряды из местного населения. До 205 г., вплоть до изгнания карфагенян и покорения карфагенской Испании, иберы привлекались римлянами и

¹ Schultze. САН, VII, стр. 311.

качестве наемников только на добровольных началах¹. Начиная с 205 г. наемники, как правило, исчезают из римской армии, хотя Катон еще пользовался кельтиберами, как наемниками, чтобы вызвать раскол среди кельтиберийских племен. Новое положение в завоеванной Испании заключалось в том, что после 205 г. иберы в обязательном порядке поставляли вспомогательные отряды в римские войска.

Были внесены определенные изменения и в пользование испанскими рудниками. Обе провинции были богаты металлами. Шультен полагает, что Hispania Ulterior была богаче. Однако вряд ли это можно признать для раннего периода римской оккупации. Богатые залежи руды на северо-запад от Тага и Дуэро еще не были тронуты, тогда как серебро добывалось в богатейших рудниках около Вэбело и Нового Карфагена. При этом рудники, особенно в Hispania Ulterior, не были еще в достаточной мере разработаны. Перед римской администрацией стояла задача организовать и усилить добычу металла в испанских рудниках. Такая организация была начата Катонем в 195 г. до н. э., по крайней мере, в Ближней Испании. Ливий² рассказывает нам, как Катон, «умиротворив провинцию», напачил большие вазосы с железных и серебряных рудников, по установлении чего провинция делалась с каждым днем «богаче». О деталях для этого периода у нас нет сведений. Однако можно предполагать, что некоторые золотые и серебряные рудники были переданы государству, а большинство серебряных (как, например, около Нового Карфагена), свинцовых, медных и железных рудников были предоставлены отдельным компаниям и даже лицам, которые платили определенные налоги или подати с добываемого металла.росло число лиц, занятых в рудниках. Конкретное представление о труде рудокопов в рудниках даст нам известный рельеф из Осуны. В государственных рудниках, несомненно, применялся в основном труд рабов. Возможно, что в этих рудниках, так же как в рудниках частных лиц, использовался труд и свободных иберов. Позже в Испанию прибыло много италиков, о чем сообщает нам Диодор (XXXVII, 5, 15). Тот же Диодор свидетельствует и о развивавшейся тенденции к снижению числа свободных и о росте массы рабов, привлекавшихся к работе в рудниках в нечеловечески тяжелых условиях.

Вся организация производства в рудниках ставила перед собою две задачи, для выполнения которых и применялся пресс римской административной системы в Испании. Во-первых, нужно было обеспечить приток монеты для уплаты податей и,

¹ См. Liv., XXI, 60; XXVII, 38, 44.

² Liv., XXXIV, 21, 7; также Aul. Gell., Noctes Atticae, II, 22, 29.

во-вторых, надо было добыть максимальное количество слитков, обрабатывавшихся под непосредственным наблюдением римской администрации. Для более потребительской, чем производительной, экономики рабовладельческого Рима, для роскошной жизни римского патрициата требовалось золото и серебро, медь, олово и свинец. Ради обеспечения регулярного притока этих металлов римская администрация в Испании должна была все время вести наблюдение за рудниками.

Накопец, последней важной задачей римской администрации в Испании было насаждение римского права. На первых порах это было трудно делать, так как отсутствовали опорные пункты римской административной деятельности. Почти не было колоний. Приходилось ждать, тем более что римские магистраты в провинции, находившиеся первое время вне воздействия и контроля со стороны римского правительства, насаждали подлинный произвол, не укладывавшийся ни в какие правовые формы. Но позднее положение меняется. Объем обязанностей по административному устройству и внедрению хоть и эксплуататорского, но все же какого-то правового порядка все более и более увеличивался. Распространение римского права шло параллельно с созданием в Испании достаточного количества центров римской жизни и обычаев, что произошло уже значительно позднее.

Таковой в общих чертах представляется нам административная политика Рима, которая открыла провинциальную эру в Испании.

На 197 г. впервые были избраны два новых претора, специально для Испании. Притом в данном году впервые также было проведено размежевание Испании на *Ulterior* и *Citerior*. Установлена была система повинностей, в частности *stipendium*. Чеканка монеты по римскому стандарту, наблюдение за разработкой рудников, установление системы *vicesima* и штата чиновников, собиравших налоги и сочетавших выполнение обязанностей перед государством с системой вымогательств и взятничества в личных целях, — таковы были черты римской администрации в Испании. Провинциальная администрация должна была обеспечивать внесение податей римскому государству, т. е. организованный грабеж провинции. Римская администрация для осуществления своей функции нуждалась в военной силе, ибо грабеж и насилия оккупантов нередко влекли за собою открытые восстания местного населения. Римским легионам вновь приходилось завоевывать территорию, занятую восставшими иберами, вновь умиротворять целые области, вводить римскую администрацию и восстанавливать свергнутую систему провинциального управления. Это хорошо показывают нам длительные кельтиберийские, лузитанская,

нумантиская, серторианские войны, а также мелкие и крупные восстания, имевшие место вплоть до конца астурийской и кантабрийской войн при Августе.

Разразившееся в 197 г. восстание и продолжавшаяся затем в течение почти 20 лет героическая борьба иберов против римской оккупации Испании явились как бы ответом иберов на объявление Испании римской провинцией¹.

Как было замечено выше, на 197 г. Рим избрал уже шесть преторов, вместо четырех². Два новых претора были специально избраны для Испании. Семпроний Тудитан получил Ближнюю Испанию, Гельвий — Дальнюю. Ливий (XXXII, 28, 14) считает нужным добавить, что «Преторам в обе части Испании было назначено по 8000 пехотинцев — союзников латиисского племени и по 400 всадников с тем, чтобы они отпустили из Испании прежних воинов». В этом же постановлении говорилось о поручении «установить пределы, в которых должно быть сосредоточено управление той и другой частью Испании». Трудно сказать, кто из этих новых управителей Испании обладал *imperium proconsulare*; из Ливия (XXXIII, 25, 9) можно полагать, что и Гельвий и Тудитан имели *imperium*.

Назначение новых управителей в Испании совпало с мощным восстанием иберов на сравнительно большой территории. Сначала поднялась Турдетания, где свободолюбивые традиции, общая культура и политическая организация иберийских племен находились на значительно большей высоте, чем в других областях Испании. Но через некоторое время поднялась и Дальняя и Ближняя Испания. Создавалось впечатление, что восстание готовилось долго и что оно получило поддержку карфагян и лично Ганнибала. И север и юг оказались в пламени восстания, хотя у нас больше сведений о ходе войны в Дальней, чем в Ближней Испании. Все свидетельства начинаются с указания на роль Кулхаса и Луксиния, как руководителей восстания в Турдетании. Еще во времена Сидиона Африканского они объявили себя союзниками последнего. Тогда актуальным был вопрос о совместных усилиях ради изгнания карфагян. Однако после разрешения этого вопроса интересы Кулхаса и Луксиния, с одной стороны, и римских наместников — с другой, стали все более расходиться. Не могло

¹ Этому восстанию посвящена статья Л. М. Р о г а з и н а, Первая кельтиберийская война в Испании, 197—179 гг. до н. э. (ВДИ, 1948, № 4).—*Ред.*

² «В этот год впервые было избрано шесть преторов, так как провинции увеличились и пределы государства расширились. Выбраны были следующие: Л. Манлий Вольтон, Г. Семпроний Тудитан, М. Сергий Силл, М. Гельвий, М. Минуций Руф, Л. Атилиий» (L i v., XXXII, 27). «Семпроний (Тудитан) получил Испанию Ближнюю, Гельвий — Дальнюю» (L i v., XXXII, 28, 2).

не сыграть своей роли и то обстоятельство, что из 28 общин, которые объединены были под властью Кулхаса, у него осталось только 17. Римская оккупация и административная политика по отношению к иберам сыграли не последнюю роль в этом отпадении или отторжении 11 общин от федерации Кулхаса. Наложение *stipendium* и прежде всего *vicesima*, что было особенно тяжелым в Бэтике, а также и другие вымогательства и притеснения со стороны римлян могли сыграть решающую роль в организации восстания этой федерации иберийских общин. Одновременно выступила другая федерация под руководством Лукеиния с центром в Кармоне (*Carmona*). Это второе объединение иберийских племен явилось не только крупным, но, очевидно, и богатым. О Кармоне мы встречаем свидетельства у многих писателей древности: Цезаря¹, Страбона (II, 2, 2), Птолемея (II, 4, 10) и даже в надписях². О значительности и богатстве Кармона даст нам некоторое представление Цезарь, который заявляет, что «это чрезвычайно мощная община во всей провинции».

Эти два иберийских племенных объединения были поддержаны карфагенянами; два карфагенских города Малака и Секси присоединились к Кулхасу и Лукеинию. Возможно, что активность карфагенян не ограничивалась присоединением двух городов. Их было больше. Отпадение филикийско-карфагенских городов юга Испании и присоединение их к восстанию иберов не могло не повлиять, очевидно, и на позицию Гадеса, население которого было, безусловно, настроено антиримски. Ведь всего за два года до этого восстания, в 199 г., посольство Гадеса в Риме требовало отменить назначенных для этого города префектов. Правда, сам Гадес сумел тогда отбросить от себя посягательство Рима назначать управителей, но вряд ли этого могли достигнуть другие, менее значительные карфагенские города. Еще больше возрастало недовольство в связи с тем, что все эти города должны были выполнять всякие повинности и подвергались постоянно различным наборам римских чиновников. Так складывалась ситуация в области Бэтики. За несколько лет положение успело измениться в корне. Если при Сципионе Африканском Кулхас и Лукеиний со всеми своими общинами выступили бок о бок с римскими войсками против карфагенян, в борьбе за окончательное изгнание их из Испании, то теперь расстановка сил изменилась в обратную сторону. За немногие годы римляне успели восстановить против себя общины Бэтики. Иберы под руководством Кулхаса и Лукеиния направили свое

¹ *Caes.*, *Bell. civ.*, II, 19, 5, *Bell. Alex.*, 57; 64, 1.

² *CIL*, II, 188; *MLI*, 166.

оружие не против карфагенян, а против своих бывших союзников — римлян, выступив притом вместе с карфагенскими городами как настоящими теперь союзниками иберов.

Положение было столь серьезным, что оно вызвало в Риме чувство тревоги и беспокойства. Для Рима наступило похмелье. Ни испанские наместники, ни римский сенат не смогли с достоинством реагировать на создавшееся положение в Испании. Наместник Дальней Испании Гельвий растерялся. «Он известил письменно сенат, что князьки Кулхас и Луксиний взяли за оружие, на стороне Кулхаса 17 городов, а у Луксиния — два сильных города Кармон и Бардон, что в приморской области жители Малаки и Секси, вся Бэтика и те области, которые еще не обнаружили своих намерений, поднимутся при восстании соседей» (L i v., XXXIII, 21, 6). Рим в это время находился в довольно тяжелом положении. Данный момент совпал с последними переговорами с Филиппом; впереди еще предстояла тяжелая война с Антиохом. В таком положении римский сенат не сумел ничего придумать более остроумного, как поручить подготовку «докладной записки об Испанской войне».

В самой Испании тем временем события развивались с поразительной быстротой. Объединение сил Гельвия и Семпрония Тудитана не разрядило обстановку. Восстание захватывало все больше областей Ближней Испании. Эпитоматор Ливия имел, очевидно, веские основания, чтобы записать: теперь (через год) «Испания почти вся отложилась». Второе донесение Гельвия в Рим было преисполнено печальных вестей. «Сделалось известным письменное сообщение о том, что Г. Семпроний Тудитан, проконсул Ближней Испании, побежден в сражении, войско его разбито и обращено в бегство, в битве пало много славных мужей, сам Тудитан, вынесенный из сражения тяжело раненым, вскоре умер» (L i v., XXXV, 25). Такова была судьба первого претора.

Не в лучшем положении оказался и сам Гельвий, который тяжело заболел, сдал претуру своему преемнику, но смог вернуться в Италию только в 195 г. При этом он едва сумел добраться в Рим целым, ибо в последний момент, при выезде из Испании подвергся новой опасности. Гельвия сопровождала большая охрана — конвой в 6000 человек. Однако только он пересек границу Дальней Испании и вступил в Ближнюю, у города Илитурги ему пришлось встретиться с кельтиберами (L i v., XXXIV, 10, 5). Завязалось сражение, в котором Гельвию удалось разбить плохо организованные кельтиберийские отряды. Однако «вместо того, чтобы принести жертвы богам за спасительный выход из трудного положения, в котором он пребывал на протяжении всего своего наместничества в Испании, Гельвий потребовал себе триумфа», ссылаясь, очевидно, на

разгром кельтиберов, с одной стороны, и на большие взносы серебра в казну — с другой. Сенат отверг претензию Гельвия на том основании, что он «сражался под верховным руководством другого лица и в другой (а не в своей) провинции». Таков был результат правления первых преторов во вновь объявленной провинции. Первый год провинциальной эры в Испании прошел при неблагоприятных ауспичиях для Рима. Поднявшееся восстание было плохим предзнаменованием для преторов, впервые избранных и присланных в Испанию для осуществления административной деятельности в провинции, которая казалась заморской и теперь «ужасалась» только в устроении.

Если восстание для Рима означало срыв программы административной деятельности и провинциального управления Испании, то для иберов оно явилось началом нового этапа широкого и сознательного движения за независимость. С этой точки зрения племена античной Испании как бы подводили черту под всем предшествующим периодом и вступали в новую полосу истории.

Позади оставался начальный период истории древних иберов, время формирования их самобытной культуры, первых встреч с культурами других народов и вступление на порог своей собственной цивилизации. С римской оккупацией в жизни древних иберов начинается новый период. Рост их самосознания на почве сформировавшейся иберийской культуры подготовил их к отстаиванию независимости. Уже столкновение Рима с карфагенянами пробудило иберов и заставило их подняться. Умело используя обстановку, они при содействии римлян изгнали карфагенян из Испании. Теперь иберы оказались лицом к лицу с Римом. Восстание 197 г. до н. э., охватившее всю территорию оккупированной Испании, явилось первым могучим ударом в ответ на попытку Рима подчинить иберов своей власти. 197 год открывает на Пиренейском полуострове почти двухвековую эпопею героической борьбы иберов за независимость.

Впереди была историческая драма, которая вписала интересные страницы в историю античного Средиземноморья.

УКАЗАТЕЛЬ¹

- Абдера 213, 228—230, 253, 258
 Абилиг 298
 Август, Октавиан, император 299, 347
 Авиен 46, 53, 65, 147, 149, 207, 208, 227, 233, 243, 247
 Авила 69, 116, 165
 Агамемнон 193, 198
 Агва-Триада 100
 Агоста 110
 Агривна 35, 36
 Агораkrit 96
 Агуиляр де Ангуита, некрополь 108, 128, 129
 Адра, г. 229, 230
 Адриатический залив 17
 Азагра, г. 171
 Азайль 103, 107, 109, 126, 167
 Азия Малая 23, 27, 152, 158, 213
 Айора, скала 73
 Айямонте, г. 216
 Акра Леонке 231, 245, 247, 273, 275, 281, 283, 301
 Алалия 206, 237, 238, 241, 243, 245, 256, 258, 259, 262
 Аликанте, провинция 69, 79, 102, 110, 124, 131, 165, 166, 231, 246, 247, 273
 Алиседа 86, 88, 89, 132, 230
 Алюисе, греч. колония 245, 246, 275
 Алуций, вождь кельтиберов 306
 Алфей, г. 284
 Альбасете, провинция 69, 73, 101 — 103, 108, 110, 124, 165, 166, 181
 Альберка 124
 Альбий Кален Г. 320
 Альбион 208
 Альгарва 45
 Алькала ла Реаль 166
 Алькапье, скалы 73
 Алькарасхос 130
 Алькасар 203, 228
 Алькасар де Саль 128, 163, 265
 Алькобрига 94
 Альхой 166
 Алькош 291, 292
 Альмансор, р. 82, 231
 Альмединалья 125, 129
 Альмеида 163
 Альмерия, провинция 69, 73, 81—84, 99, 128, 129, 152—154, 157—160, 167, 202, 204, 211, 216, 218
 Альмульскар 229
 Альлера, скалы 73, 103
 Альтамира 71, 72, 171
 Альхустрель 60
 Амарехо 124
 Амбон 193, 195
 Амерьяка 24, 25, 214
 Амтурвас 92, 96, 99, 103, 124, 135
 См. также Эмпорий.
 Анакреонт 20, 39, 65, 208, 209
 Анас (Гвадиана), р. 47, 49—51, 63, 64, 147, 173, 208, 216, 261, 273, 276, 280
 Англес, некрополь 164
 Англия 60, 150, 155
 Андалузия 53, 75, 78, 81, 86, 96, 99, 108, 111, 115, 117, 122, 126, 153, 154, 166, 175, 202—204, 208, 210, 211—216, 218, 230, 231, 251, 261, 276, 278, 286
 Андалузские горы 50, 52
 Андобал, см. Индибия
 Анжер 162
 Анта-Паредес 75
 Антекера 75
 Антиполис, греч. колония 238
 Аптраох III Великий, царь Сирии, 349
 Апеннинский п-ов 9, 10
 Ашина 41—43, 45—52, 54—57, 59, 176—180, 187—189, 191—196, 198, 273—275, 277, 280—282, 289—292, 298, 301, 302, 305, 310, 314, 316

¹ Указатель составлен В. Р. Писейковской.

- Арагония, Арагон, 107, 122, 125, 155, 161, 167, 265
 Арагония Нижняя 69, 162, 164, 165
 Арагуистен Ж. (Araguistain) 171, 172
 Аракс, р. 31
 Аргантоий, тартесский царь 17, 26, 27, 58, 174, 247, 253
 Аргона 124, 126, 152
 Аргос 48
 Аргуэлас, г. 174
 Арграда, г. 187
 Аристагор 237
 Ариетотель 33
 Аристофан 20
 Ариобрига 126
 Ариос 230
 Ариозелья 133
 Артемида 96, 97
 Артемида Эфесская 239, 245
 Артемидор 35, 36, 42, 43, 131, 228, 229, 233, 246
 Артемисий, г. 239
 Асклеиад из Мирлеи 43, 229
 Асклепий 96, 242
 Аскуа 299
 Ассирия 61, 222
 Астара (Astara, Ostippo) 318
 Астарт 83—85, 117, 234
 Астурия, провинция 59, 78, 132, 202
 Астурио-Каптабрийские горы 49
 Атекина 183, 184
 Атилиий, Ж. 347
 Атлант 14, 28
 Атлантида 14, 24—27, 29, 31, 38, 43, 214
 Атлантический о. 26, 27, 44, 204, 222, 257, 258
 Атлас, горы 28
 Аурий Умор, Г. 320, 321
 Аттеий 312
 Афила 114
 Афила Промахос 93, 238
 Афиней 180, 253—255
 Африка 23, 24, 27, 28, 44, 56, 74, 146, 147, 158, 159, 161, 183, 221—223, 232, 255, 256, 258, 261, 262, 278, 282, 309, 314, 325
 Афродита 91, 97, 231, 242
 Афродитиас, о-в 226

 Бадахос, провинция 124, 133
 Байона 162
 Баласота 102
 Балсарские о-ва 31, 55, 56, 63, 70, 74, 124, 178, 204, 222, 232, 233, 235, 237, 238, 257, 258, 325
 Балканский п-ов 9
 Баранас 133
 Барии (Baria), г. 231
 Бардон 349
 Барка Гамизыкар см. Гамизыкар
 Барка
 Барка Гасдрубал см. Гасдрубал
 Барка
 Баркиды 81, 167, 168, 176, 292, 293, 337
 Баррейро, археолог 78
 Барселона 38, 51, 63, 65—67, 70, 76, 92, 96, 108, 117, 144, 181, 238, 242
 Баскония 160
 Бастетания 112
 Батейя (Bateia), г. 231
 База 100
 Баэна 166
 Бебло 261
 Безиль (Гвадалете), р. 216
 Бекула (Baecula), г. 306, 307, 322
 Белгеда 194
 Белгона 82
 Белох 221
 Бенавенте 163
 Белидорм, о-в и г. 246
 Береника, г. см. Гесперие, г
 Бернил 65
 Бертело А. 65, 206
 Биант Приенский 236, 237
 Биллистаг 193
 Вильбизис, г. 59, 176, 187
 Бипкозо 134
 Бискайский залив 32, 33, 50
 Бискайя, р-н 126
 Блазиоп 339
 Бломмер 57
 Бокастрелте 102, 110, 166, 210
 Бошор, археолог 83
 Боште 124
 Бордо 49, 162
 Борна 110
 Борхардт 27, 28, 31
 Босфор, пролив 13, 21
 Бон-Гамисера 17, 20, 30, 42, 65, 70, 74, 75, 122, 132, 134, 139, 145, 146, 149, 150, 152, 153, 155—159, 162, 164, 168, 169, 203, 204, 222, 224, 226, 235, 238, 241, 243, 246
 Боуда 210, 211
 Бровиска 162
 Брегане, г. 134
 Брегашь 60, 90, 204

- Британские о-ва, Британия 79, 90, 91, 204, 207, 222, 262
 Бритейрос 78, 181, 187
 Будар 134
 Бургос, провинция 162
 Буроба 162, 163
 Буэро 163
 Бэго 57
 Бэтика, обл. 52—56, 59, 61, 137, 186, 209, 211, 212, 228, 300—302, 310, 340, 342, 348, 349
 Бэтика южная 214
 Бэтис (Гвадалквивир), р. 16, 22, 24—26, 36, 41, 44, 47, 50, 51, 56, 63, 154, 173, 174, 205, 207, 256, 261, 278, 280, 300, 301, 303, 311, 314, 315, 319
 Вавилон 61
 Вакернагель 145
 Валепсия, провинция 69, 102, 110, 124, 164—167, 239, 266, 278
 Валерий Максим 178, 179
 Валлес Эмпорда 164
 Вальденовильос 94
 Вальтиерра, г. 171
 Вальторта, скалы 73
 Ван-Ностранд 220
 Варрон Терсций, Марк, писатель 36, 56, 57
 Вебер М. 199
 Вега де Ривадео 132
 Велес, р. см. Масива, р.
 Велес-Бланко, скалы 73, 105, 203
 Велес-Малака 230
 Веллей Патеркул 224
 Венера 117, 183, 225
 Вешеры мыс 33
 Вергилий 12
 Ветиний 196
 Вилес, археолог 79, 117, 134, 136, 233
 Виктория 162
 Вилья де Басто 133
 Вильякаррильо 84, 117, 132, 166
 Вильярико 82—84, 99, 128, 129, 230, 231
 Вильяркайс 163
 Вильяфранка дель Ландас 76
 Вильяхонс, г. 246
 Вишента мыс (Synetos) 33, 35, 40
 Виоле 199
 Вириат 176, 193, 196, 199, 337
 Витрувий 61, 106
 Гадес (Кадикс), г. 18, 20, 24—26, 38, 50, 57, 82—86, 135, 166, 205, 206, 213, 216, 219, 221—229, 232, 247, 251, 253—258, 262, 269, 271, 272, 274, 280, 292, 310, 312, 314, 315, 319, 325, 341, 342, 344, 348
 Гадитанская провинция 309
 Гадор 211
 Гадсиры, г. 223, 224
 Галера 98, 106, 230
 Галикарнасс 66
 Галисия 52, 74, 75, 78, 124, 126, 133, 156, 163, 168, 174
 Галлик 296
 Галлия 5, 18, 31, 32, 35, 48, 49, 61, 148, 164, 190, 204, 207, 340
 Галлия Парбонская 159
 Гамилькар Барка 192, 209, 247, 268—273, 276, 280—284, 289, 292, 312
 Гамра 99
 Галдиш, археолог 92
 Галсибал, сын Гамилькара 42, 128, 129, 156, 180, 190, 261, 272, 275—280, 284—296, 298—300, 312, 314, 322, 347
 Галлион, брат Галсибала 249, 296, 306, 309, 310
 Галлон, вождь карфагенских олигархов 271
 Галлон, мореплаватель 256
 Гардтгаузен 214
 Гароша 147
 Гасдрубал, брат Галсибала 278, 293, 298—303, 305—312
 Гасдрубал, зять Гамилькара 192, 232, 247, 264, 271, 273, 274, 276, 283, 284, 289, 292
 Гасдрубал, сын Гискона 301, 305, 309
 Гаста, г. 219, 220
 де Гата, мыс 33
 Гафса 172
 Гвадалахара 108, 125, 126, 129
 Гвадалете, р. см. Везиль, р.
 Гвадалквивир, р. см. Бэтис, р.
 Гвадалъядина 228
 Гвадаррама 116
 Гвадиана, р. см. Анас, р.
 Геасей, археолог 84, 110
 Гейе 134
 Гекатей 20, 31, 32, 39, 62, 65, 147, 161, 228, 229, 244
 Гела (Юлея), греч. колония 259
 Гелиос 13
 Геллеспонт 13, 158
 Геллий Аш 46, 61, 191
 Гелон Спракузский 262
 Гельвий 339, 347—350
 Гельмантика 286

- Гемероскопейон 237 — 241, 254, 255, 275
 Генеста 72
 Георгиев В. 10
 Гера 238
 Геракл 13, 14, 18, 20, 24, 29, 56, 81—83, 112, 183, 223, 224, 253
 Геракл Тирский 82
 Гераклея в Липурри 231, 238
 Гераклея на Понте 38
 Гераклиды 224
 Геракловы столбы см. Столбы Геракла
 Герон, Герон (Ферон) 13, 18, 20, 21, 24, 29, 39, 56, 112, 184, 186, 253
 Герман 28
 Германия 155
 Германдика 286
 Германиева гора (Сиерра Эстрелья) 49, 163, 164
 Герна, г. 207
 Геродот 16, 18, 19, 25, 30, 32, 33, 40, 48, 62, 156, 207, 235, 254, 259, 262
 Геронт (Феронт) 21
 Гесиод 14, 32, 40, 65, 146, 149, 150
 Гесперид оз. 14
 Гесперид о-ва 14
 Гесперис (Варшика), г. 14
 Гесперия (Hesperia) 12—14, 16, 24, 31, 38, 43
 Гецфрид 313
 Гибера (Hibernum) 299, 300
 Гибралтарский пролив 16, 18, 44, 222, 252, 255—257, 261, 262
 Гибрелла, некрополь 164
 Гиерон II Сиракузский 340
 Гизандо 116
 Гимера 259, 262
 Гимилькон 257, 316
 Гишакрит 269
 Гискон 305, 306
 Гомер 21, 32, 65, 179, 181, 200
 Гошгора 158
 Гораций 12, 13, 178
 Грахх Тиберий 46, 60, 179, 185, 187, 194, 299
 Гранада 98, 99, 106, 123, 129, 216, 218, 278
 Граттий 60
 Греция 9, 10, 86, 99, 114, 133, 169, 198, 200, 208, 220, 236, 242, 264, 262
 Грозный Б. 10
 Грот 200
 Гумбольдт 64, 144, 158
 Губнер 138, 144, 145, 154, 213, 215, 228, 233, 239, 240, 242, 341
 Дарданеллы см. Геллеспонт
 Дельгадо 85, 134, 135
 дель Кастильо, пещера 72
 Декия, г. 239, 240
 Дергоза 300
 Деспеньяперрос 94, 102, 103, 116, 117, 121, 130, 134, 166
 Диаллий, г. 239
 Дикоархия 175
 Диодор 42, 43, 48, 56—58, 60, 112, 129, 130, 176, 178—181, 184, 190—194, 197, 222, 223, 229, 231, 233, 243, 247, 252, 258, 260, 272, 280—283, 345
 Диоклетиан 53
 Дионисий Перигет 36, 156
 Дион Кассий см. Кассий Дион
 Дицилон 126, 133
 Дуранго 115
 Дурис, р. см. Дуэро
 Дуэро (Дурис), р. 45, 49, 51, 64, 78, 104, 105, 115, 163, 168, 176, 187, 276, 277, 345
 Европа 27, 76, 79—81, 149, 150, 156, 158, 204, 222
 Евсей 243
 Египет 16, 27, 56, 61, 90, 96, 203, 222, 238
 Жюбенвиль 144, 148, 154
 Жюльен 144, 148, 154
 Зевс 183
 Зеленого мыса о-ва 14
 Зосима, раб из Италики 138, 152, 210, 211, 218
 Ибер, р. см. Эбро
 Иберийский п-ов 12, 17, 20, 26, 30, 32, 55, 72, 74, 76, 81, 86, 90, 99, 118, 126, 134, 136, 143—145, 147, 148, 150—154, 190, 204, 206, 219, 221, 258, 260, 262, 270, 278, 279, 293, 299, 300, 304, 305, 341
 Иберийское (Балсарское) море 50
 Иберия 17, 18, 22, 23, 31, 32, 35, 39—43, 47, 62, 90, 100, 108, 145, 147, 161, 198, 208, 209, 223, 230, 232, 235, 247, 252, 253, 259, 264, 268, 269, 272, 279, 283, 288, 289, 294, 313, 321, 325, 339
 Ибисса (Питтусса), о-в 31, 83, 86, 88, 90, 226, 233, 234, 235, 237, 325
 Идубода, гора 47, 164
 Иерия см. Ирландия
 Изана 126

- Илерда 296, 340
Илеркавония 300
Илипа (Ибра) 58, 241, 311—313
Илитурги (Ильдуро), г. 300—302, 314—317, 349
Илице (Иссе), г. 246, 273
Индиятский залив 246
Иллирия 158
Ильдум (Idum) 300
Ильдуро см. Илитурги
Ильи Плана 87
Индибил, вождь племени илергетов 192, 193, 199, 296, 303—305, 308, 311, 319—325
Индибил (Indibil), г. 300
Индика иберийская 135
Индорт 272, 281, 282
Иония 17, 99
Ирландия (Иерна, Ierna) 24, 90, 150, 204, 207,
Истолатий 192, 272, 280, 281, 283
Италика, г. 138, 210, 211, 344
Италия 12, 13, 18, 128, 204, 235, 236, 239, 254, 264, 267, 277—279, 293, 295, 296, 299, 300, 305, 308, 312, 320, 322, 325, 349
Ихиусса, о-в см. Сардиния, о-в
- Кабезо де Алькала 108
Кабрера де Матеро 109
Кабреро, археолог 233
Кабрэ Х., археолог 101, 103, 106
Кавказ 25, 32, 158
Кагаров Е. Г. 54, 149, 154
Кадикс см. Гадес
Каза де Абрагес 116
Казанский 40
Казурро М. 92, 124
Калапата, скалы 73
Каласейте 167, 187
Кален Альбий 321
Калипсо 13
Каллексия 60, 61
Каллароя 18
Кальво И. 101
Кальва 223, 244
Камир 66
Капаррозо, г. 171
Капарские о-ва 24
Капны 295, 299, 300
Каптабрия 58, 59, 145, 202
Карденыоза 116
Каривий Публий 128
Кармон (Carmon) 83, 230, 348, 349
Карнегер 14, 16, 99, 236—240, 242, 266
Карпетания 46, 176, 288, 305
Каррильо-Лазо 57
- Картама 112
Картахена 58, 61, 124, 208, 232, 274
Картойя 231, 344
Карус 193
Карфаген 99, 105, 208, 212, 221—223, 226, 227, 229, 230, 232, 234, 249, 254—256, 259—265, 267—274, 276—280, 282—284, 288, 289, 293, 300, 307, 309, 317, 318, 325, 337
Карфаген Новый 221, 231, 232, 274, 276, 278, 284, 290, 292, 297, 284, 305, 306, 308, 309, 316, 318
Каритедт 221, 233
Касий Дион 49, 156, 195, 275
Касерес, провинция 86, 129, 132
Касситеридские о-ва 60, 145
Кастельяр де Сантисебан 116—120, 134, 238
Кастель де Велля 162
Кастилия 51, 54, 122, 168
Кастилия Новая 45
Кастильо Л., археолог 78
Кастильские горы 38, 50
Кастро де Аргозелло 134
Кастрономь 80
Кастулон, г. 64, 101, 211, 299, 301, 306
Каталония 53, 58, 69, 74, 75, 78, 124, 155, 156, 161, 162, 164, 165, 168, 265
Катон, Порций М. Старший 59, 61, 194, 344, 345
Кельтиберия 35, 46, 47, 54, 55, 59, 62, 115, 128, 185, 202, 305, 308, 309
Кельтика 31—33, 41, 157
Керкира, о-в 236
Киптана Редонда 130
Кипперт 43, 144
Киприй 66
Кир 17
Кирена 255
Киренаика 14
Кирн см. Корсика
Клерк 221
Клуния, г. 126, 138, 187
Колей 16, 227, 235
Ковхида 13, 149
Кольдо де лос Харденис 166
Колтребия, г. 187
Кордова, Кордуба 39, 47, 56, 60, 129, 130, 153, 166, 174, 210, 211, 340
Корильсоа, округ 162
Корнелий Сципион Гней, брат консула 218 г., см. Сципионы

- Корнелий Сципион Лудий, брат
 Сципиона Африканского Стар-
 шего 310
 Корнелий Сципион Публий, кон-
 сул 218 г., см. Сципионы
 Корнелий Сципион Публий Аф-
 риканский Старший 303—306,
 308—316, 318—325, 339
 Корнелий Сципион Эмилиан 104,
 194, 196
 Коррибион 193
 Корсика (Кирс) 237, 238, 254,
 259
 Корунья 38
 Костига 90, 185
 Котина 60
 Кохуль, грот 71, 73
 Крабася 39
 Крешмер 154, 210, 212
 Крит 23, 58, 100, 152, 222, 238
 Критий 26
 Кромиусса, о-в см. Майорка, о-в
 Куйерам, нецера 234
 Кулхас 342, 343, 347—349
 Кумы 31, 237, 238, 259, 262
 Куэва де Менча 75
 Куэва де лос Толъос 203

 Лангедок 155, 266
 Ла Серетта, поселение 166
 Ласкугала, г. 219, 220
 Латрейль П. А. 25
 Лаццум 260, 263
 Лебусао 133
 Ловеле 199
 Левкий 305
 Левкон 193, 195
 Леллий, легат 305, 315, 324
 Леон, р. 162
 Леон, провинция 78, 162
 Лерида 63
 Ливий Тит 42, 48, 54, 58, 59, 61,
 66, 129, 148, 173, 179, 187—189,
 191—194, 198, 220, 233, 252,
 260, 267, 271, 272, 275—277,
 285, 286, 288—294, 297—299,
 301—304, 306—311, 313—320, 324,
 325, 338, 339, 341, 344, 345,
 347
 Ливия 27, 28, 158, 232, 257, 259,
 261, 263, 264, 267—272, 279,
 282, 283, 300, 301, 321, 349
 Лигурия 239, 255
 «Игустианское озеро» 40, 149
 Лидия 214
 Ливия 210, 214
 Липарс 115, 116
 Литеншон 193

 Лошгуптика 297
 Лорич 134
 Лорка 124
 Лос Мильярес 105
 Лувр 115, 132
 Лузага 108, 126
 Лузитания 42, 52—54, 59—61, 64,
 145, 183, 187, 210, 211, 214, 215,
 340
 Лукан 59, 175
 Луксиний 342, 343, 347—349
 Лулы о-в 257
 Луленция 246
 Луция, г. 187, 188
 Льяно де Консолясион 96, 124, 166,
 267
 Льяно де Ламас 133
 Льянос де Урхель 165
 Ли Серетта 102

 Маго, г. 233, 258
 Магон, брат Гапсизаба 300, 301,
 305, 306, 309—311, 323, 325
 Магон, полководец 233, 258
 Мадрид 81, 99, 101, 110, 114, 117,
 124, 126, 129, 131, 132, 134,
 144, 238
 Мазарони 124
 Майлака (Майпобора), г. 228, 236,
 241, 244, 245, 255—257, 259,
 275, 313
 Майпобора, г. см. Майлака, г.
 Майпоба 244, 245
 Майорка (Кромиусса), о-в 31, 96,
 185, 226, 237
 Македония 300
 Макробий 20, 21, 183, 227, 247,
 253
 Малага 47, 51, 52, 82, 83, 112, 229
 Малака 213, 227—229, 244, 253,
 257, 348, 349
 Малия, г. 187, 188
 Мальта, о-в 257
 Македоний 308, 319, 321, 324
 Маплий, претор 47
 Маплий Волсон Л. 347
 Марген 84
 Маркиан 38
 Маркс К. 9, 12, 184, 185, 188, 201
 Марокко 14
 Марсель, см. Массалия
 Мартин де Амнурнас, село 94, 242
 Мартинец 158
 Марциал 52, 175, 180, 183, 187
 Марций Л. 303, 304, 314, 315, 318,
 319
 Масива (Велес), р. 52, 244, 245

- Массалия (Марсель) 124, 135, 207, 236, 238, 240, 241, 243, 244, 246, 254, 255, 258, 259, 262, 273, 313
 Масшисса 311
 Мастия (Мурсия), г. 63, 208, 261, 263, 264, 266, 273
 Мединачели 126
 Медобрига, г. 49, 61
 Мейер Э. 154, 199
 Мека 103, 124
 Мела, см. Помпоний Мела
 Мелида, археолог 30, 70—74, 78, 79, 83, 85, 86, 88, 92, 96, 100—103, 105, 108, 110, 112—116, 118, 121, 122, 126, 128, 131, 132, 139, 174, 181, 182, 203, 226, 233
 Медусса, о-в см. Мишорка, о-в
 Мелькарт (Геркул) 18, 224, 225, 229—232
 Мельцер 221
 Медавия, г. 171
 Менуба 228, 229, 244, 245
 Мерданго 104
 Мерсида 96
 Миксны 58, 76, 90, 110, 169, 222
 Милагро, г. 171
 Милет 237
 Минастеда, скалы 73
 Минерва 117
 Минтус (Мишьо), р. 49, 51, 61, 78, 168
 Мишорка, о-в 31, 226, 233, 237, 238, 258
 Мишций Руф М. 339, 347
 Мишьо, р. см. Минтус, р.
 Миранда 133
 Мирлея 229
 Мищенко Ф. Ф. 260, 268
 Могон 166
 Моммсен 294
 Монкайя, р-н 126
 Моилор 124
 Монсадо, гора 47
 Монтан 124
 Монтеаудо 124
 Монтеалегро 78
 Моиталья 153
 Морселья ля Велья 74
 Мотоо Ф., археолог 106
 Муммий 189
 Музда 103, 115, 128
 Мурсия, провинция 69, 96, 124, 208, 226, 278
 Мюленгоф 144
 Мюлентейн Г. 22—24, 27
 Наварра 75
 Навкратис 96
 Павуходоносор 227
 Нао, мыс 237, 238, 240, 246, 256
 Нарбона 124, 162
 Нейбургер 57
 Немезида-Августа, богиня 210
 Нетои, бог 117, 183
 Нибур 64, 144
 Нивельда 110
 Низе Б. 154
 Ницея, греч. колония в Лягурии 238
 Николай Дамасский 180
 Нил 27
 Нобиллор см. Фульвий
 «Новый город» (Neapolis) 92, 95, 194, 242, 244, см. также Эмпорий
 Нора, г. 237
 Норакс 237
 Нумантискал равнина 52
 Нуманция, г. 51, 54, 55, 64, 69, 104—106, 117, 118, 120, 122, 123, 126, 129, 130, 134, 136, 149, 168, 178, 186—188, 195, 340
 Обулкон 211
 Овшедо, провинция 132
 О'Крasto 203
 Олаалья 203
 Олердол 76, 186
 Олива, искрополь 166
 Ольвия, греч. колония на Сардинии 237, 238
 Оноба 223
 Орельяно ла Висха 133
 Орозий 38, 48, 49, 52, 181
 Ороснеда, горы 47
 Ориос де ля Шенья, пещера 72
 Ортегаль 33
 Осирис 85
 Оска, г. 135, 296, 340
 Осма 91, 93
 Остия 175
 Осуна 101—103, 112, 115, 130, 210, 230, 267, 297
 Офиусса (Ферменстера) 31, 237
 Оцилис, г. 187
 Павсаний, писатель 59, 237, 258
 Палеусия (Паланция) 51, 64, 168
 Палос (Palos) мыс, Прекрасный мыс 208, 260, 263, 264, 272, 274
 Памплона 49, 162
 Памфилия 214
 Паниасис 66
 Парадес де Нова-Палеусия 120

- Пари П., археолог 10, 29, 30, 58, 68—70, 84—86, 88, 92, 97, 99—102, 110, 113, 114, 122, 124, 126, 130, 131, 168
- Париж 65, 113
- Пелайо Кинтеро, археолог 83
- Пелопоннес 236
- Пельман Р. 199
- Перальта, г. 171
- Перикот Л. (Pericot) 67
- Перятой 99
- Персия 25
- Петерс Д. 146, 222, 226, 238, 251, 254
- Петрушевский Д. 199
- Пидаль 67, 277
- Пикс 259
- Пиллар 14, 16, 262
- Пирена, дочь царя бобриков 48
- Пирена, г. 48
- Пиреней, горы 32, 33, 35, 38, 45, 47—50, 52, 59, 64, 147, 154, 156, 159, 160, 162, 177, 194, 294—296, 307, 308
- Пирснейский п-ов 5, 9—11, 31, 32, 35, 39, 41, 44—46, 50—52, 55, 57, 58, 61—63, 68, 70, 75, 144, 150, 157—159, 161, 162, 165, 168, 176, 198, 199, 204, 208, 209, 215, 222, 231, 234—236, 247, 251, 259, 262
- Писандр из Камира 66
- Питиусса, о-в см. Ибисса о-в
- Питекусса (Обезьяний остров) 236
- Пифей 32, 33, 35, 38, 262
- Плана, о-в 226
- Плана, сел. 234
- Платон 14, 24—27, 262
- Планиш Старший 35, 38, 41, 42, 45, 46, 48, 49, 51, 53—55, 57—61, 173, 178, 179, 181, 186, 187, 224, 229, 231, 245
- Плумбария, о-в 61
- Плутарх 45, 179, 231, 285
- Полибий 35, 36, 38, 45, 46, 48, 54—57, 126, 157, 179, 180, 185, 191, 192, 199, 207, 208, 232, 233, 244, 259, 260, 263, 264, 267, 269, 271, 273—277, 279, 284—288, 293, 294, 296—298, 305, 306, 308, 311—314, 318, 320—324, 368
- Полиэн 285
- Поликрат Самосский 243
- Помпей Великий, Гной 48, 103, 186
- Помпей Трог 36, 253
- Помпонию Мола 35, 36, 38, 45, 48, 51, 54, 60, 179, 224, 229, 244—246
- Понт-де-Модиис 266
- Понтсведра 78, 80
- Понте Феррада эль Барко 163
- Португалия, 60, 69, 74, 75, 78, 116, 117, 124, 128, 133, 145, 147, 151, 153, 156, 161, 163, 166, 265, 266
- Португалии Сев. 168
- Посейдон 26, 28
- Посидоний 35, 36, 42, 48, 59, 60, 152, 174, 185, 207, 208, 223—225, 228, 229, 231, 239, 244—246, 252, 259, 279
- Праксиотель 96, 242
- Прекрасный мыс, см. Палос, мыс
- Прозерпина 183
- Прсамметих I 221
- Промей, географ 38, 47, 48, 60, 228, 229, 230, 246, 299
- Пуатье 162
- Пуиг Молисе, пекроволь 234
- Пуиг Кастеллар (Puig Castellar) 181, 187
- Пушта де Ифач, скала 240
- Пуэбло де Санабрия 163
- Реаль де Бессерос 122
- Редован Ориуэла 124
- Резингер 57
- Рейн 155, 162
- Рейнак 132
- Ретоген 193
- Ривадео 163
- Риджсвей 199
- Рям 5, 10, 40, 42, 49, 53, 54, 57—59, 66, 72, 139, 148, 179, 198—200, 227, 249, 260—279, 284, 288, 289, 293—295, 297, 300—304, 307, 313—315, 318, 319, 322, 325, 337—341, 343, 344, 346—350
- Рио-Тинто, р. см. Эбро, р
- Ривоха 162
- Рогалии Л. М. 298, 347
- Родс, греч. колонии в Испании 245, 246
- Рока (Роса), мыс 183
- Рольос 96
- Ромул 337
- Рона, р. 41, 147, 155
- Ронсевальская долина 49, 160
- Ронсевальское ущелье 162
- Росас, эльив 92, 246
- Рцах 149
- Сааведра Э., археолог 104
- Саброзо (Sabroso) ситания 78, 134, 181
- Сагунт 45, 47, 61, 76, 124, 129, 167, 178, 179, 275, 277, 278, 289—291, 298, 300, 301, 340
- Садо, р. 163

- Сазерленд 277, 311, 337
 Сакс 102
 Саламанка 69, 75, 78, 116, 163, 165
 Саламантика 276, 285, 286
 Салами, о-в 241
 Салобрага 110
 Сальбраль 166
 Сальтабис, г. 54
 Саморра 276
 Сандере 58
 Саннукар, г. 216
 Санвдука, г. 216
 де Санктис 298
 Сан-Педро, о-в 82, 225
 Сан-Себастьян 224
 Санта Елена (Santa Elena) 166, 266
 Сангадер 61, 72
 Саянт-Антонио ди Каласойте 107
 Саянт-Антонио эль Нобре 166, 167
 Санта Текла, гора 78, 80
 Сантьяго, пещера 72
 Сарагосса 48, 108, 125, 126
 Сардиния (Ихнусса), о-в 5, 31, 91, 204, 221, 226, 232, 235—238, 254, 258, 259, 261, 263—267, 272, 273, 279, 300
 Сардинское море 237
 Сарменто М., археолог 78, 181
 Сатурна, о-в (Berlenga) 207
 Сахара 172
 Северное море 207
 Севилья 72, 76, 83, 84, 102, 111, 210
 Сегеда, г. 187, 194
 Сеговия (Segovia) 69, 165, 276
 Сегонтия, г. 187
 Секайза (Secaiza) 340
 Секси 135, 213, 228—230, 253, 349
 Селассия, в Лузитании 211
 Семпроний Тудитан Гай 347, 349
 Сена Гальская 312
 Сепеки 175
 Сервий Туллий 198
 Сергеев В. С. 40, 148
 Сергей Сил М. 347
 Серебряная гора 47
 Серральбо, археолог 108, 126, 127, 182
 Серро де лос Сантос 68, 100, 102, 113—115, 124, 131, 134, 166, 182, 267
 Серро де ля Орна 99
 Серро де Реаль 106
 Серро дель Альмарейо 93
 Серро дель Пеньоп, холм 245
 Серторий 48
 Сигуанца 108
 Сидон 81, 84
 Сидоний Аполлинарный 52, 178
 Сиерра де Альгарве 211
 Сиерра Морена 47, 50, 58, 101, 174, 176, 256, 261, 278
 Сиерра Эстрелья, см. Гермипиева гора
 Сигана, г. 39
 Сякорис 296
 Силаи 304, 305, 309—311, 313—316
 Сильий Италик 21, 43, 48, 57, 59, 156, 179, 183, 191
 Силь, р. 163
 Сипгилис (Хенило), р. 52
 Спра, археолог 81—83, 217
 Сисапон 58
 Сифакс 301, 314
 Сигудад Реаль, провинция 124
 Сицилийский пролив 13, 236
 Сицилия, о-в 5, 204, 221, 254, 256, 257, 260, 261, 263, 265, 268, 270, 273, 279
 Скандинавия 24
 Скилак 33, 41, 244, 262
 Скиапи 59, 60, 244
 Скопас 96
 Солобгал 128
 Солои 198
 Сомиортекский перевал 48
 Сория, провинция 91, 93, 126, 130, 163, 341
 Сосил, историк 296
 Средиземное море 9, 11, 13, 44, 47, 76, 159, 237
 Средиземноморье 68, 91, 108, 114, 166, 174, 175, 196, 204, 209, 215, 222, 223, 226, 227, 230—232, 234, 235, 237, 247, 251, 255, 256, 258, 260—264, 267, 270, 350
 Средиземноморье восточное 214, 222, 257
 Средиземноморье западное 221, 249, 254, 257, 258, 259, 279
 Стадни И. В. 4, 144, 299
 «Старый Город» (Paleopolis) 92, 95, 242
 Стергиний 341
 Стесихор 20, 39, 65, 208, 216
 Стефан Византийский 39, 40, 146, 228, 229, 239, 241, 246
 Столбы Геракла, Геркулесовы столбы (Гибралтар) 16, 18, 22, 26, 28, 33, 50, 63, 186, 202, 223, 225, 228, 251, 257, 305
 Страбон 14, 21, 24, 27, 35—37, 42—44, 46—48, 50, 52, 53, 55—61, 82, 106, 115, 120, 130, 137, 147, 173—175, 177, 178, 180, 182, 185, 186, 188—191, 197, 198, 202, 207—209, 215—218, 223, 224, 226, 228, 229, 231—233, 244, 252, 348

- Струве В. В. 256
 Спидион см. Корнелий
 Сципионы 103, 190, 296 — 300, 302—304, 309
 Тавр, г. 25
 Тавтал 193, 196
 Таг (Тахо), р. 35, 45, 49, 51, 116, 163, 164, 256, 276, 278, 287, 305, 307, 345
 Танит 231
 Тарасна, археолог 120
 Таррагона, провинция 103, 265
 Тарракош, г. 53, 54, 63, 76, 96, 103, 124, 129, 167, 186, 187, 297, 305, 315, 325
 Тарсей 263, 264
 Таргар 21
 Тартесс, г. 16—18, 20—29, 39, 40, 50, 56—60, 62, 112, 151, 152, 154, 174, 175, 201, 202, 205—210, 214—217, 219, 227, 228, 235, 236, 240, 241, 244, 247, 249, 252, 256, 259, 261, 337
 Тартессиды 207—210, 213—220, 222, 223, 225—228, 230, 247, 249, 251—254, 256, 259
 Таршиш см. Тартесс
 Тахо, р. см. Таг, р.
 Тахо Монтеро 84
 Ташиг 178, 179, 182
 Тезей 98
 Тамирано П., археолог 103
 Терманция, г. 54, 168, 186, 187
 Термеса 126
 Теруэль 69, 73, 74, 108, 181
 Тиввеса 167, 265
 Тимей 33, 41, 62, 148, 157, 222, 223, 229, 232, 234, 241, 252
 Тимосфен 41
 Тир 20, 81, 82, 208, 226, 227, 252—254
 Тиринф 76
 Тиррегия 17
 Тирренское море 264
 Тпуэна 265
 Топедо, г. 60, 64, 126, 197, 276
 Топегум 285
 Тортоза, г. 299
 Трас де Монте 133, 163
 Тритон, оз. 22
 Трог Помпей см. Помпей Трог
 Троя, г. 27, 151, 180, 198, 205, 224
 Трухильо 129
 Тугуя 106
 Тулуза 124
 Тулузская равнина 162
 Тунис 22, 23, 28
 Тураев Б. 256
 Турдеталия 23, 43, 62, 174, 180, 189, 198, 199, 217—220, 229, 302, 347
 Турнас, г. 176
 Тутуга 122
 Тухия 122
 Укзана, г. 54, 126, 168, 187
 Урсо, г. 102, 302
 Уссанг 158
 Утика 224, 263, 269
 Уэльва, г. 77, 79, 164, 216, 217, 205
 Уэска, провинция 265
 Уэста 266
 Фабий Пиктор 42, 271, 272
 Фасос, о-в 20
 Фейст 154
 Ферментера см. Оффусса
 Феронт см. Геронт
 Феттер 210, 212
 Фидий 97, 242
 Филарх 180
 Филиппон 145, 154, 158
 Филиппс 144
 Фивкиня 84, 99, 208, 251, 254
 Фламиний Гай 274
 Флор 45, 49, 190
 Фокея, г. в Ионии 16, 135, 243
 Фонтей Тит 304
 Фракия 158
 Франция 90, 124, 150, 155, 156, 161, 162, 168, 258, 266
 Фролтин 179, 191, 281, 282, 306
 Фукидид 241, 258
 Фульвий Поблиор Квент 195, 285
 Фуше 158
 Фузвта Тохар 129
 Хавса 131, 132, 166
 Халоп, р. 59, 64, 108, 177
 Хальб 299, 300
 Харидема, мыс 230
 Хази, провинция 99—101, 122, 129, 132, 166
 Хенило, р. см. Слыгилле, р.
 Херес, г. 216
 Херона, г. 64, 75, 76, 96, 99, 100, 164, 242, 266
 Хибрелья 155
 Хигес 94
 Хилока, р. 64, 177
 Хрисаор 18

- Цезарь Гай Юлий, диктатор 103, 190, 348
 Цезарь, лузитанец 189
 Цердубел 316
 Цесса, г. 296
 Цимбли 325
 Цобель 134
- Швейцария** 155
 Швеция 162
 Шишмарев 32
 Шламберже 132
 Шлиман 205
 Шотландия 150
 Шницбергсен 25, 214
 Шпрунер-Менкс 43
 Шрадер 149
 Шультеп А. 10, 17, 18, 20—27, 30, 32, 36, 40—42, 65, 99, 104, 137, 138, 145—149, 151, 152, 154, 157, 158, 174, 181, 186, 187, 193, 194, 205, 208, 210—215, 218, 224, 225, 229, 231—236, 240, 241, 243—245, 247, 253, 254, 256, 340, 339, 344, 345
 Шухардт 129, 145
- Эберт 69, 153, 159
 Эбро (Ибер, Iberus) 44, 46, 50, 51, 59, 61, 63, 64, 126, 147, 157, 160—162, 164, 167, 168, 174, 194, 199, 207, 216, 217, 340
 Эбус, г. 81, 135
 Эванс А. 138
 Эгеида 90, 203, 204
 Эгейское море 236
 Эдекон 192
 Элея см. Гела
- Эялада 213, 214
 Эльбурга (Иллитурги), г. 39
 Эль-Аргар 77, 80, 81, 152
 Эль Картихо дель Аоркадо 100
 Эльче 29, 79, 86, 90, 94, 102, 111, 112, 113, 114, 118, 124, 134, 166, 176
 Эмилиий Павел, Луций 179, 219, 220
 Эмпорий (Эмпорнон) 41, 54, 96, 97, 135, 167, 206, 241, 244—246, 254, 340, 344. См. также Ампуриас, «Новый город»
 Энгель 101, 102, 130
 Энгельс Ф. 9, 12, 184, 185, 188, 192, 193, 195, 200, 201
 Эндовеллах 183
 Эпир 236
 Эратосфен 32, 33, 37, 38, 40, 42, 146, 157
 Эрптея, о-в 25
 Эстена 84, 211
 Эстремадура 75, 133, 163, 164, 211
 Эстремандийский залив 207
 Эстремиды, о-ва 207, 255
 Эсхия 19, 32, 41, 62, 147
 Этрурия 27, 221, 239
 Эфор, историк 33, 41, 148, 180, 207, 244
- Юстин 16, 17, 20, 21, 45, 46, 51, 57, 59, 60, 178, 179, 219, 253, 255, 258, 277
- Язон** 13
 Яка 48
 Ялоц, р. 176
-
- Althia (Althaea) 276
 Amtorgia 302
 Arsc, крепость 275
 Carpetana iuga 50
 Cartala 276
 Falcoeira, мыс 60
 Horcum 303
 Marianus Mons 60
 Manlianus Saltus 47
 Medullium 49
- Olecastrum, г. 53
 Oleum flumen 53
 Paloma, о-в 257
 Peregie, о-в 257
 Pont Vendres 48
 Silheiro, мыс 60
 Spartania, р-н 55
 Tituleia 276
 Vasconum Saltus 49
 Vendius Mons 49

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
САН — Cambridge ancient history
CIL — Corpus inscriptionum Latinarum
FGH — Fragmente der griechischen Historiker
FHA — Fontes Hispaniae Antiquae
FHG — Fragmenta historicorum Graecorum
GGM — Geographi Graeci Minores
GLM — Geographi Latini Minores
MLI — Monumenta Linguae Ibericae
RE — Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
(Pauly — Wissowa — Kroll)
RL — Reallexikon der Vorgeschichte (Ebert)

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	3
Введение	5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АНТИЧНАЯ ИСПАНИЯ В ИСТОЧНИКАХ И ИСТОРИОГРАФИИ

<i>Глава I.</i> Сведения об Испании в античной мифологии	9
<i>Глава II.</i> Греко-римские авторы	30
<i>Глава III.</i> Археологические памятники	68
1. Памятники палеолита и неолита. Культура бронзы	68
2. Финикийско-карфагенские древности	81
3. Греческие древности	91
4. Иберийские древности	99

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ИБЕРИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Глава I.</i> Проблема происхождения иберов	143
<i>Глава II.</i> Иберийский род и его эволюция	171
<i>Глава III.</i> Тартесс — исходный пункт древнеиспанской культуры	202
<i>Глава IV.</i> Финикийская, карфагенская и греческая колонизация	221

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

БОРЬБА ИБЕРОВ ПРОТИВ КАРФАГЕНСКИХ И РИМСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

<i>Глава I.</i> Колонизация Испании и соотношение сил в Западном Средиземноморье	254
<i>Глава II.</i> Выступление Гамилькара и начало борьбы иберийских племен за независимость	271
<i>Глава III.</i> Иберы, Карфаген и Рим во время второй Пунической войны	293
<i>Глава IV.</i> Завоевание Испании и установление римского провинциального управления	326
<i>Глава V.</i> Римская административная политика в Испании	338

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства В. Р. Швейковская
Технический редактор А. А. Киселева
Переплет художника И. Ф. Рсрберга

*

РИСО АН СССР № 4875, Т-63624. Издат. № 3366
Тип. заказ № 3. Подп. к печ. 30/IV 1952 г.
Формат бум. 60×92^{1/16}. Печ. л. 22,75 Бум. л. 11,37
Уч.-издат. 22,9. Тираж 5000.

Цена по прейскуранту 1952 г. 15 р. 25 к.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
20	14 ст.	Фороне	Фероне
33	17 ст	логографа	логографа
60	17--18 ст.	Falcoliga	Falcosiga
63	15 ст	(Мурсва)	(Мурсва)
64	11 ст.	физиологии	филологии
75	Подпись под рисунок	Алта-Пареди	Алта-Паредес
194	20 ст	придвинувшегося	продвинувшегося
202--203	4 ст — 1 ст	Мелида	Мелиды
219	1 ст	Dessas	Dessau
236	18 ст	даже	даже

А. В. Мишулин. Античная Испания.